www.devec.ru

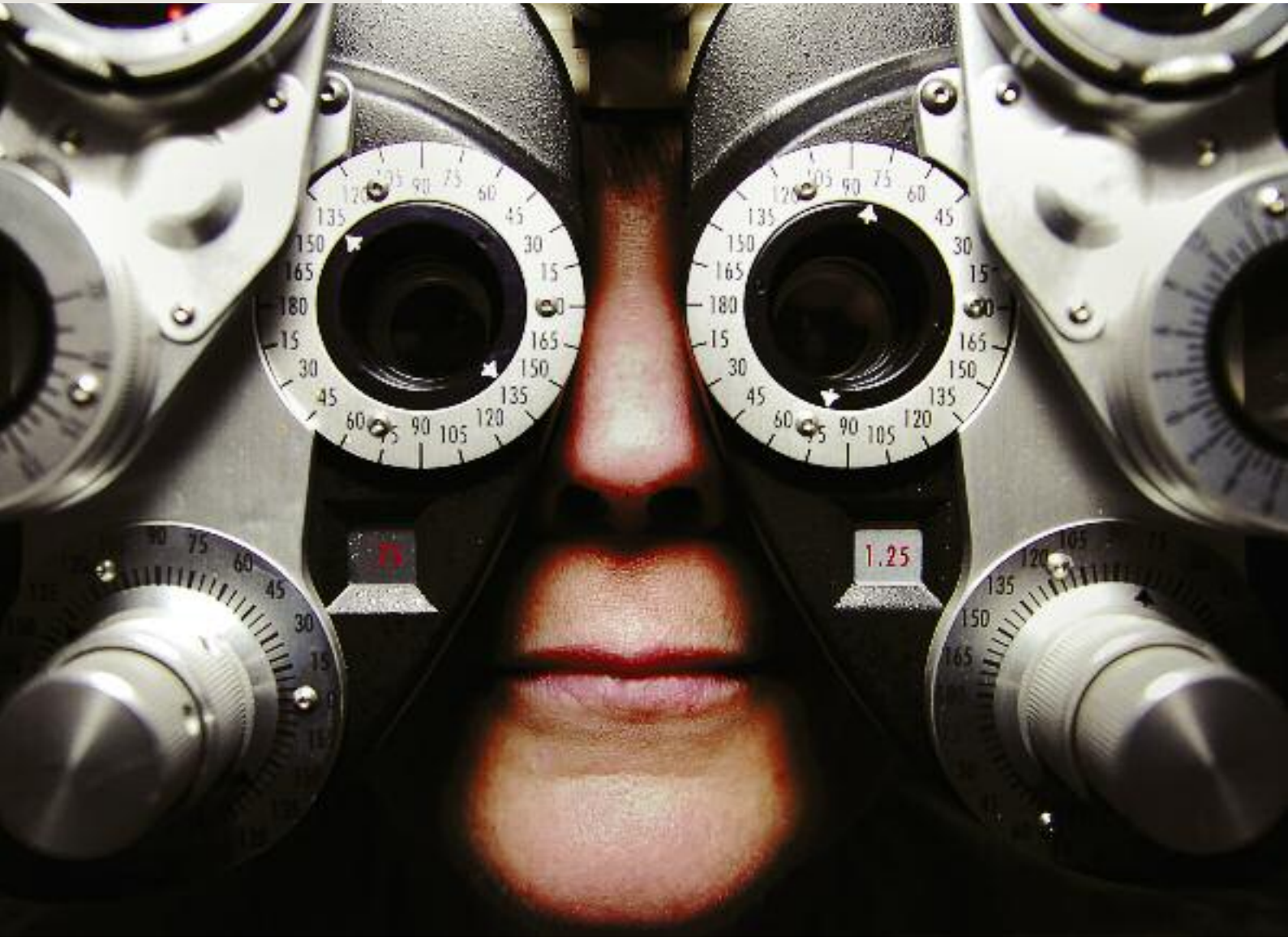
Развитие и экономика

июль 2015

13

Россия, сосредоточься!

РАЗВИТИЕ
электронный журнал



Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте **www.devec.ru** и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу **info@devec.ru** с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

июль 2015 | №13

редакционная колонка

3 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Россия, сосредоточься!

среда развития

6 В.И. Якунин
Глобализация и капитализм

6

20 Джульетто Кьеза:
«США готовы на всё – лишь бы любой ценой сохранить свое мировое господство»
Интервью итальянского журналиста и политического деятеля Джульетто Кьезы альманаху «Развитие и экономика»

48 С.Н. Белкин
Четыре мечты

64

64 Г.М. Дерлугьян
Суверенная бюрократия
Предварительные итоги осмысления явления через 30 лет после начала перестройки

76 В.В. Трухачёв
Глобальный подход и внимание к мелочам: залог успеха России в мире

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Ответственный секретарь: **Елена Колесникова**

Адрес:
129090, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс: +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: ООО «ПК «Союзпечать»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 20 июля 2015

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнеры:

МОФ «Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного»

Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»

философия развития

86 Ю.М. Осипов
Русская рулетка

100 В.В. Малявин
Совмест(итель)ное слово
О некоторых восточно-западных параллелях

108 О.Г. Бахтияров
Размышления о цивилизации воли

дата

116 А.Н. Белкин
Петру Павловичу Ершову – 200 лет

мобилизация развития

118 Е.В. Балацкий
Мобилизационная экономика в условиях санкций

136 А.Э. Айвазов
Может ли либеральное правительство вывести Россию из кризиса?

144 В.М. Немчинов
Мобилизация: антропологическое измерение

болевые точки развития

160 А.А. Храмчихин
Война на Украине: предварительные итоги и вероятные перспективы

172 М.П. Остроменский
Украинский эндшпиль

поздравление

200 С.Н. Белкин
Случайные встречи

206 Сергей Белкин:
«Лидер – это не тот, у кого больше всех власти. Лидер – это тот, кто владеет умами и сердцами, видит будущее, описывает его и зовет за собой»
Интервью главного редактора альманаха и портала «Развитие и экономика»

annotated table of contents

222 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

224 **Итоги и перспективы**

Михаил Юрьевич Байдаков – издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

Сергей Николаевич Белкин – главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Россия, сосредоточься!

Всё чаще вспоминается горчаковское «Россия сосредоточивается». Но, к сожалению, не как констатация, а как надежда, как пожелание. Пока Россия продолжает скорее рассредоточиваться...

Сосредоточиться – означает быть в состоянии глубокой концентрации при анализе проблем, обдумывании путей дальнейшего развития. Отдельные мыслители, даже целые институты погружены в эту форму постижения действительности, но когда мы говорим «Россия», мы имеем в виду высшие органы государственной власти, официальную линию или общественный дискурс, инициированный властью, результаты которого будут востребованы.

Та «карнавализация», о которой размышлял Бахтин, из сферы культуры давно перешла в сферу политики. Но политические карнавалы, притворяясь зрелищами, не утрачивают своих политических целей. В сфере публичного обсуждения политики царят не вдумчивая аналитика, не дискуссии с целью всестороннего анализа проблемы, а телевизионные ток-шоу и репортажи: о несчастьях, о происшествиях, о митингах и шествиях, о встречах политических лидеров, о «цветных» революциях, о вооруженных конфликтах, о трагедиях гибнущих и убивающих друг друга людей. И всё это прежде всего – «картинка», красочно снятое событие, бьющее по эмоциям, поддерживающее напряженное, тревожное состояние. Политические телевизионные ток-шоу – парад брани и крикливой наглости. Это обрывки реплик, перебрасываемых друг другу, это атмосфера либо крайней неприязни, либо открытой ненависти. Зрителю не пред-

лагается анализировать что-либо и понимать хоть что-то, он лишь должен за кого-то болеть, как на футболе. Ему даже не надо принимать или отвергать чью-то позицию, он должен сделать эмоциональный выбор: за «этого» или за «того».

Процесс выращивания «грамотного потребителя» – заявленный как цель деятельности системы образования у нас в стране – приносит свои чудовищные плоды. Мы «грамотно потребляем» не только «четыреста сортов колбасы и триста сортов пива», мы на том же уровне условных рефлексов потребляем и политические лозунги, и политиков. Мы лаем, мычим и урчим, толкаемся и огрызаемся...

Всё это ведет к самой страшной форме общественного раскола: расколу на эмоциональном уровне. Когда суть политических предпочтений уже не может обсуждаться, потому что их нет в головах, связь со смыслами даже не утрачена, а вообще не устанавливалась. Есть только страх и ненависть.

Так мы наполняем «умы и сердца». А ведь именно то, что содержится в «умах и сердцах», и составляет сложный феномен общественного сознания. Общественное сознание при этом есть не фон и не пассивная среда, на котором и в которой действуют те, кого мы называем движущими силами истории. Общественное сознание – важнейший фактор бытия, освоения человечеством мира. Народ становится субъектом своей судьбы, когда его общественное сознание способно к когерентной настройке, к выработке вектора и критериев собственного развития. Если он эту способность утрачивает, он становится сырьем, подложкой, потребителем чужих ценностей и исторической пылью, влекомой чужими ветрами к чужим целям.

Все народы переживали, переживают и будут впредь переживать процессы утраты и обретения целей и смыслов существования, будут пожирать друг друга, растворяться друг в друге, формировать новые и терять старые общности – языковые, этнические, религиозные, идеологические, военные, экономические...

Россия – как исторический субъект, как живое существо истории, как ее действующее лицо – существует не одну тысячу лет. Наша письменная история, ведущаяся на протяжении многих столетий, позволяет делать разумные предположения о смысле, о целях, о предназначении происходящих изменений и трансформаций. Главный вывод состоит в том, что все эти столетия Россия накапливает собственный опыт и навыки развития, опыт и навыки взаимодействий с внешней по отношению к ней средой, обретает и теряет смыслы, нащупывает и иногда формулирует цели собственного существования.

Россия-существо, Россия как исторический субъект-объект в последнюю четверть века вовлечена в интенсивный глобальный метаболизм. России навязаны мощные обменные процессы, итогом которых может стать исчезновение или, как минимум, продолжение распада, начавшегося четверть века тому назад. Во всяком случае, следует считать очевидным наличие попыток искусственной, принудительной мутации, превращения России в существо с новыми свойствами: новой этикой, новыми смыслами и целями бытия.

Одновременно со случившимся тогда, четверть века назад, разрушением государственной формы произошло разъединение русского народа, утрата целостности территории. Рассыпались прежние смыслы, цели, этические принципы, нормы взаимоотношений людей. Изменился хозяйственный уклад, принципы и цели экономики. За четверть века жизни по новым правилам и с новым целеполаганием Россия оказалась в состоянии максимальной зависимости от внешних факторов – экономических и политических, – с существенно разрушенным хозяйственным механизмом, пониженным образовательным и культурным уровнями населения. Политическая субъектность, то есть способность к самостоятельной выработке оптимальной стратегии развития и ее реализации, достигла критически низкого уровня.

Мир все эти десятилетия тоже менялся, и его ведущие силы определили новое место России: стать страной, неспособной и даже несклонной к поиску моделей собственного развития. XXI век «существо-Россия» встретила предельно ослабленной, с утраченными ориентирами.

То разрушительное воздействие, которое оказывается на общественное сознание на протяжении последних 25–30 лет, то есть в течение жизни целого поколения, должно уже было лишить наш народ способности к когерентной сборке. Для этого задействованы все силы и вся мощь современных технологий. Отброшены все сантименты: никакой жалости и сочувствия к проигравшему холодную войну народу. Его общественное сознание превращается в аморфную массу, состоящую из инстинктов, условных потребительских рефлексов, рекламных слоганов, и максимально отрывается от собственного прошлого. Будучи природными оптимистами, мы надеемся дожить до того времени, когда сможем не ворчать и критиковать, а выражать восхищение окружающей нас действительностью. Но как реалисты мы понимаем, что не только мы, но и люди гораздо более молодые до этих времен могут и не дожить – в том числе и

потому, что эти времена никогда не наступят: слишком тяжела, смертельно тяжела болезнь России. Однако буквально в последние год-полтора вовне и внутри России произошли изменения: в расстановке сил, в их качестве и количестве. Обрушившиеся на Россию средства воздействия – политические, экономические, моральные и все прочие, призванные перевести страну в состояние безвольной, раздавленной сырьевой колонии, – своей цели не достигли. В майские 2015 года дни страна почувствовала пока еще робкие, но устойчивые эмоциональные всплески, поведавшие, что надежда стучится в наши сердца! Что не всё потеряно! Что Россия жива и в ней зашевелилась воля к жизни! Что наш полк действительно – бессмертный, что связь времен не прервалась и что мы остаемся целостным народом. Нет, болезнь не отошла, жизненные функции полностью не восстановились, исход сражения еще неясен, но – воля к жизни проснулась! Слабая, робкая – однако, несомненно, существующая.

В состоянии России – как исторического субъекта, как живого организма – произошли качественные изменения. И произошли они в режиме предельной нагрузки, под воздействием суммы всех факторов – внутренних и внешних, политических и экономических, этических и духовных, – того, что России пришлось пережить за прошедшие десятилетия и, особенно, за последние полтора года. Россия и продолжает переживать подлинный кризис, тот кризис, после которого – хочется верить! – организм идет на поправку. В ментальной сфере России произошли изменения: наблюдается рост оптимистических ожиданий и поиск позитивной опоры в собственной истории. Если эти тенденции сохранятся, наберут силу, если за ними последуют соответствующие изменения в этической парадигме, определяющей смыслы, цели и поведенческие коды, то общество обретет новую, продуктивную идеологию, а хозяйственно-экономический уклад перестроится под оптимальное решение новых задач.

Все эти «если» и составляют – должны составлять! – основное содержание политической жизни России и быть предметом заботы ее элиты, которой и следует, наконец, «сосредоточиться». (Мы всё еще переживаем тот период, когда при всяком использовании слова «элита» надо делать оговорки и разъяснения: тот слой общества, который мы называем элитой, это не самые лучшие люди – по каким-либо критериям, – а самые влиятельные. По очень многим обычным критериям – талантливость, образованность, порядочность и пр. – эти люди могут быть не просто не лучшими, но порой даже и худшими.) Но пока – и в этом огромная опасность – элита, во всяком случае – существенная ее часть, занимается совсем иными вещами и демонстрирует неадекватный ситуации уровень понимания актуальной проблематики. Но другой-то элиты нет!

А в чем актуальная проблематика и каков адекватный уровень понимания? А в том, что «в Запад» элиту не возьмут, придется тут обустраиваться; что «Запад» ни нам, ни элите не поможет, а помешает абсолютно во всём; что «Запад» хотел, хочет и будет хотеть одного – уничтожения России как политического исторического субъекта; что всех вас – элиту – народ считал и будет считать ворами, взяточниками, вредителями и предателями; что рейтинг Путина ни в малейшей степени эту оценку элиты народом не смягчает и свидетельствует совсем о другом; что украденное у народа надо народу вернуть и за воровство ответить; что народ не любит не богатых, а несправедливо богатых, кичащихся неправедно нажитым и презирающих тех, у кого нет богатства; что ваше демонстративное мещанское наслаждение богатством отольется горькими слезами если не вам, то детям вашим; что отбить у народа память не удалось и он по-прежнему не только «всё хорошее помнит», но и хочет светлого будущего и социальной справедливости; что у народа есть мечта, которой вы не даете сформироваться, держите ее под спудом, а это приведет к взрыву и бунту; что народ хочет жить в своей стране – свободной, богатой, благоустроенной, справедливой, – а не стырить побольше и убежать за границу; что народ хочет хорошего образования, которое воспитывает и обучает; что без «живого творчества масс» не обойтись; что экономику и финансовую систему надо создавать заново, ставить перед ними иные цели; что политическую жизнь надо запускать с нуля; что стране, оказавшейся в новом состоянии, в новых исторических условиях, нужна иная политическая, идеологическая, экономическая, этическая и метафизическая система жизнеустройства и всё это надо создавать, все эти процессы запускать...

России надо сосредоточиваться. Надо обдумать и осознать, что ни один период, ни один год в жизни России не были напрасными, ничто и никогда не было ошибкой. Неудачи – были, ошибки – нет! Ошибка – это несовпадение полученного результата с ответом. Но в истории, особенно в истории России – вечно экспериментирующей, всегда ищущей пути в незнаемое, – нет и быть не может ответа, как в задачнике. Есть цели достигнутые, есть недостигнутые. Недостигнутые – это неудача. Неудачи же приносят опыт, который надо использовать, на который опираться. В этом и состоит искусство сосредоточения.

Владимир Иванович Якунин –
президент ОАО «Российские железные дороги», президент Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», председатель попечительского совета Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центра национальной славы

Глобализация и капитализм*

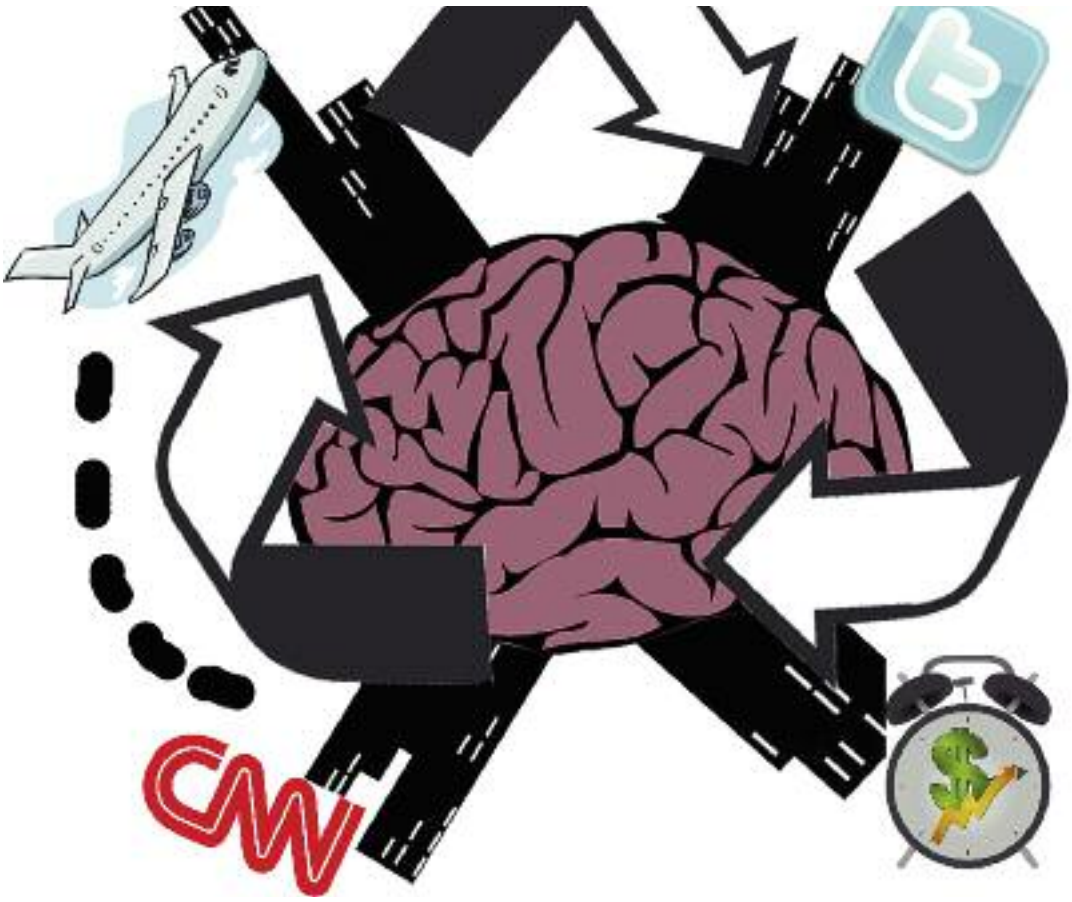
Две сущности глобализации

С начала вспомним обыденный смысл слова «глобализация». Оно произошло от латинского слова *globus* (шар, Земной шар). Глобализация – процесс, идущий с ранних стадий развития цивилизаций. Обмен продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество.

Считается, что первым ввел в литературу слово «глобализация» Карл Маркс. Исходя из универсализма Просвещения, Маркс развил утопию возникновения глобальной системы капитализма под эгидой Запада, а затем, посредством пролетарской революции – тоже под эгидой Запада, – превращения человечества в единое глобальное гражданское общество без государства (коммунизм). Эта утопия не состоялась, русская революция пошла по пути строительства социализма в отдельно взятой стране, несмотря на оппозицию ортодоксальных марксистов. Процесс глобализации как тип процесса, затрагивающего всё человечество и создающего единое коммуникационное пространство, зародился задолго до формирования современной цивилизации Запада. Не будет преувеличением утверждение о том, что первой в истории глобализационной волной явилась неолитическая революция. Возникнув однажды в некоем локальном этническом очаге, производящий тип хозяйствования (земледелие и скотоводство) с поразительной быстротой распространился по всему миру. По глобализационному типу осуществлялся также переход от каменного века к веку меди и железа.

Современные глобализационные волны определили планетарное распространение новых технологических укладов, новых образцов техни-

* Статья написана на основании лекции, прочитанной 17 марта 2015 года в Санкт-Петербургском государственном университете.



ки. Компьютер, Интернет, мобильный телефон – все эти недавние изобретения сегодня уже прочно вошли в жизнь человека в разных уголках планеты. Благодаря глобализации были установлены стандарты качества жизни (и не только материальные). На их основе выработаны нормы по защите человеческого достоинства. Человек, благодаря современным коммуникационным технологиям и современному транспорту, получил широкие возможности быть приобщенным к сокровищнице мировой культуры.

Чаще всего говорят о глобализации как новом типе мироустройства, который устраняет барьеры, мешающие движению потоков вещей, денег, идей и социальных форм. Она меняет образ жизни примерно трети человечества. Эта треть соединена Интернетом. Огромные суммы денег молниеносно перемещаются по миру, поддерживая производство, торговлю и потребление. Сотни миллионов молодых и одинаково образованных людей сидят у экранов и играют онлайн – это их страсть. Другие сотни миллионов живут с наушниками на голове, поглощены музыкой. Глобализация дала им наслаждения, почти сравнимые с наркотиками, но допустимые обществом. На Земле возникли виртуальные глобальные народы, созданные общими ценностями и благами, общими символами и грезами.

Чаще всего говорят о глобализации как новом типе мироустройства, который устраняет барьеры, мешающие движению потоков вещей, денег, идей и социальных форм. Она меняет образ жизни примерно трети человечества.

Этим нельзя пренебрегать. С этими «народами» можно объясниться только в диалоге, осторожно излагая опасения и устремления обеих сторон. Люди, которых жизнь научила подходить к реальности рационально, подумают о той цене, которую придется платить за эту сладкую жизнь, – и найдут слова объяснить это друзьям.

В широкий обиход понятие глобализации, как считается, вошло с легкой руки Маргарет Тэтчер. Показательно, какой смысл вкладывала «железная леди» в этот термин. Уже уйдя из большой политики, она дала развернутое пояснение на этот счет. Тэтчер указывала, что она не согласна с теми, кто считает, что государству пришел конец. Институт государства, по ее мнению, должен быть сохранен, но в виде государства определенного типа, соотносящегося с западным представлением о демократии. Что же до мирового глобализационного устройства, то оно раскрывается следующими заявленными Тэтчер положениями: «На самом деле западная модель свободы реальна и универсальна, а ее вариации обусловлены лишь культурными и прочими особенностями. <...> Из этих размышлений вытекают определенные выводы, касающиеся

Маргарет Тэтчер:
«Нравится вам это или нет, но в холодной войне победу одержал Запад. И всё же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет всё необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую».

международной политики. Только Америка имеет моральное право, а также материальную основу, позволяющие занимать место мирового лидера. Судьба Америки неразрывно связана с отстаиванием ценностей свободы в глобальном масштабе. Ближайшие союзники Америки, в особенности союзники из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собственной миссии. <...> Нравится вам это или нет, но в холодной войне победу одержал Запад. И всё же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет всё необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую». Всё более чем определенно: глобализация – это гегемония победивших в холодной войне Соединенных Штатов Америки.

Конечно, сама категория глобализации сравнительно недавнего происхождения. Но глобализационная практика имеет давнюю историю.

Издревле на почве различных цивилизационных общностей генерировались концепты создания мировой империи. Александр Македонский, Август, Чингисхан, Тамерлан – этот ряд можно продолжить. Мировая империя предполагала, во-первых, глобальное господство, во-вторых, глобальную десуверенизацию покоренных. Для того чтобы установить господство одного суверена, надо было десуверенизировать всех остальных.

Таким образом, в глобализационной практике издревле обнаруживалось две неоправданно отождествляемые составляющие. Первая составляющая – коммуникационная, связанная с научно-техническим прогрессом, объективно расширяющим скорость и пространство коммуникаций, преодолевающим замкнутость отдельных сообществ. Вторая составляющая глобализации – идеологический проект.

В чем же заключается сущность глобализации как идеологического проекта? Известный американский мыслитель Ноам Хомский дает следующее определение данного явления: «Глобализация – это результат действий влиятельных государств, особенно США, которые вбивают торговые и прочие соглашения в глотку народам мира, чтобы корпорациям и богачам было легче господствовать в экономике самых разных стран, не имея перед их населением никаких обязательств».

«Войной нового типа» назвал глобализацию известный российский мыслитель Александр Зиновьев. Субъектом этой войны, в понимании Зиновьева, выступает даже не Запад и не Америка, а некое наднациональное сверхсообщество. Именно оно разгромило в холодной войне СССР, а теперь подавляет оставшиеся в мире анклавы национальной суверенности.

Мы для обозначения этого сверхсообщества используем понятия «новый политический класс», «мировой финансовый олигархат», «мировой бенефициариат».

Мировые империи прошлого строились, как правило, за счет военной силы. Но военная сила есть лишь средство. Наряду с ней могут быть использованы и другие средства. Но и войны как классический инструмент глобализации не исчезают.

Начиная с периода наполеоновских кампаний в результа-

те каждой масштабной войны усиливались позиции мирового олигархата. При этом количество национальных государств, обладавших реальным суверенитетом, сокращалось. Заключаемый по итогам каждой из войн пакт о мире являлся пунктом временной остановки на пути к системе глобального доминирования.

Любому из таких пактов может быть предъявлено обвинение в несправедливости, в заложенных внутренних противоречиях. Но, как известно, худой мир лучше доброй ссоры. Постановка акцента на противоречия и несправедливость означает практически ревизию системы, выстроенной на признании легитимности заключенного пакта. А если пакт о мире нелегитимен, то это означает новую войну. То, как историческая ревизия итогов Первой мировой войны привела к новой мировой войне, хорошо известно. Сегодня предпринимаются попытки ревизии итогов Второй мировой войны, ялтинско-потсдамской системы. То, что это может привести к новой мировой войне, – очевидно. Акторы ревизии истории являются в этом смысле акторами развязывания новой войны.

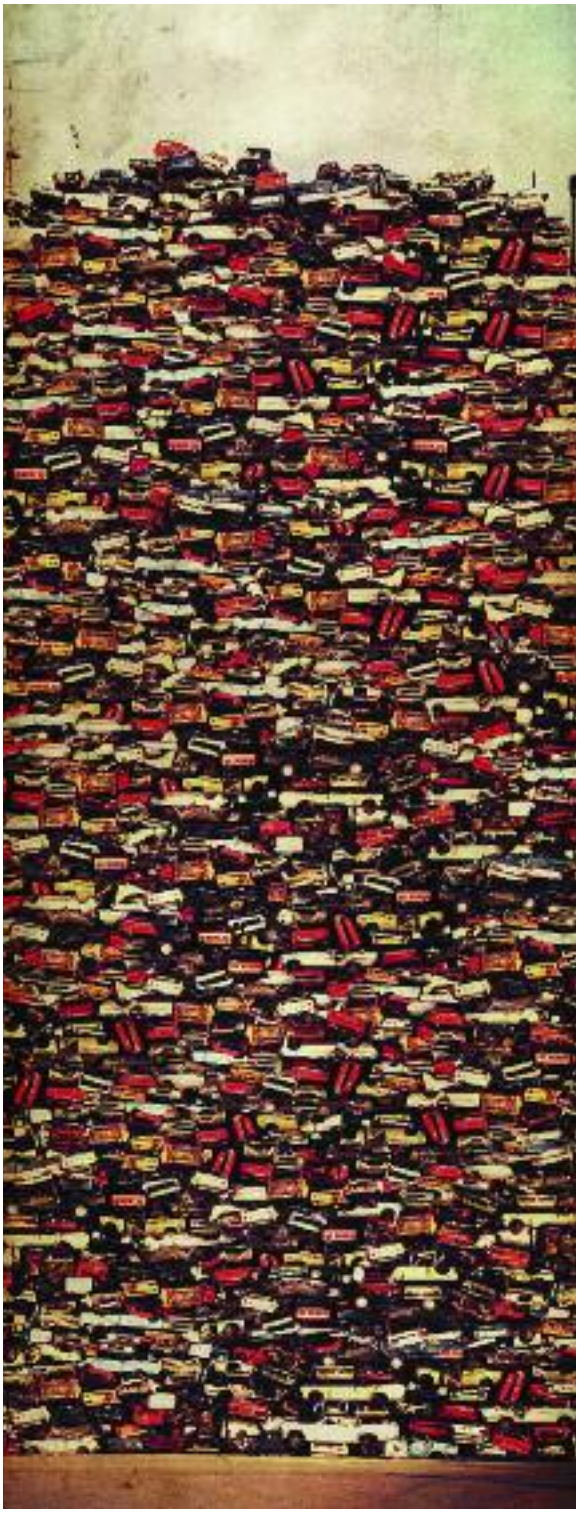
Но здесь речь идет не вообще о глобальных процессах в человечестве, а об особой программе – попытке создания Нового мирового порядка. Она сопровождается мифологией, которая служит идеологическим прикрытием. Без всякого Нового мирового порядка люди умели очень быстро обмениваться своими достижениями.

Например, под давлением мировых СМИ многие привыкли считать глобализацию «объективным» процессом, на который невозможно влиять. Поразительна сила внушения. Речь ведь идет не о стихийном явлении, а о социальном процессе, который имеет своих идеологов, организаторов, сообщников.

Иван IV Грозный:
«Хочешь легко победить страну – начни кормить ее своей пищей».

Следует отметить, что Великая Отечественная война на время подорвала утопию мирового господства на основе национал-социализма – создания социализма в странах Запада с превращением «отсталых наций» во внешний пролетариат. Создание советского блока, достижение СССР военного паритета с Западом заморозили глобальные проекты мирового господства. Баланс сил стабилизировал мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны – хотя и в формате холодной войны. Гласная разработка программы новой глобализации сдвинулась в академическую сферу (например, в рамках Римского клуба) и была завуалирована. Открыто эта программа была предъявлена в годы перестройки в СССР, а в 1992 году ее концепция была сформулирована в книгах.

В основу программы положена доктрина неолиберализма – фундаменталистского учения XX века, далеко отошедшего от идей классического либерализма. Это учение в принци-



«Оно ориентируется на абстрактного человеческого индивидуума как носителя определенных прав и свобод; государство – продукт договора абстрактных индивидуумов, и его конкретное тело (территория) имеет случайный характер. Поэтому либеральная экспансия не имеет границ, ибо потенциал универсализации безграничен. Логически она завершена, когда абстрагированию подверглось всё. Отсюда следует логическая связь либерально-демократической идеологии с доктриной глобализации».

Глобализация – часть волны постиндустриализма, вырастающей из кризиса индустриальной цивилизации. По каким структурам ударила эта волна? Какие новые риски таятся в ее глубинах? Эманации кризиса бывают опасны, как новые болезни, вызванные мутациями вирусов, против которых человек не имеет иммунитета.

Кризис индустриализма приобрел во второй половине XX века черты системного. Почти во всех терминах, обозначавших главную суть будущего общества, присутствовала приставка пост-. Мы говорим о себе и соседях: постсоветское пространство. Это – признак кризиса. Мы еще не знаем, что представляет собой наш общественный строй. А что за строй на Украине, в Молдавии, в Киргизии?

На Западе также свое общество называют постэкономическим, постмодернистским и даже постцивилизационным. И эта приставка пост- отдает чувством увядания.

Под лозунгом «Потребление – двигатель экономического развития» осуществляется глобальная манипуляция общественным сознанием, устраняются даже малейшие ростки духовности, исторических традиций, национальной культуры и самобытности, препятствующие глобализации финансовой меркантильности.

пе исключает понятия страны, территории и границ. Культуролог Леонид Ионин пишет:

Ведь футурологи не смогли дать сколько-нибудь убедительной картины будущего.

За последние 20 лет глобализация оставила много следов своих копыт. Здесь мы лишь приведем краткий перечень тех воздействий на хозяйство, которые оказывает глобализация. Заметим, что человечество – сложная система с огромным разнообразием цивилизаций, культур, типов жизнеустройства, социальных и политических режимов. Хозяйство – это сгусток большей части человеческих отношений, срез всей системы национальной культуры.

Посмотрим, как глобализация изменила систему капитализма и ее ядро – частное предпринимательство, бизнес. Мы в России пытаемся строить капитализм, и это знание для нас актуально.

Когда мы для краткости используем условный термин «бизнес», мы имеем в виду тот контекст, который в каждой точке пространства и времени дополняет экономическую модель множеством самобытных смыслов. Здесь формационный подход недостаточен: даже хорошо изученная модель капитализма оказывается совсем разной в США, России или Таиланде. Более того, она оказывается разной в США 1930-х, 1980-х или сегодня.

Итак, рассмотрим теневые эффекты программы глобализации. Приведем главные выводы ведущих западных аналитиков.

Глобализация ведет к дезорганизации хозяйства, дезинтеграции общества и десуверенизации национальных государств

В 2002 году президент Международной социологической ассоциации Ален Турен та-

ким образом сформулировал вызов, перед которым оказалось общество как основная форма человеческого общежития: «Мир становился всё более капиталистическим, всё большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота – отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности. Это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идет к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли».

Эти формулировки трагичны. Другие социологи и философы (Скотт Лэш и Джон Урри) вносят поправку: они считают, что глобализация принесла с собой «конец организованного капитализма». Они называют это состояние переходом от национально организованных обществ к «глобальной дезорганизации». Урри пишет (2003): «Глобализация видится как формирующаяся новая эпоха, как золотой век космополитической “безграничности”. Национальные государства и общества не в состоянии контролировать глобальные потоки информации».

У многих мыслителей, принадлежащих к совершенно различным сегментам общественной мысли, вызывает обеспокоенность прежде всего выхолащивание национальных традиций и национальных ценностей. Разрушение национальной самобытности приводит, в свою очередь, к девальвации национального государства, а то и к его десуверенизации.

Существует множество способов десуверенизации. Для «поражения» суверенитета теперь уже нет необходимости применять вооруженную силу. «Хочешь легко победить страну – начни кормить ее своей пищей». Это слова русского царя Ивана IV Грозного. Уже в XVI веке существовало понимание того, что подчинение одних государств другими может осуществляться не только военными, но и экономическими методами.

Клод Леви-Стросс (на фото в Африке в 1938 году): «Священная обязанность человечества – охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немыслимо».

Возможно ли сочетание глобализации с сохранением суверенности национальных государств? Глобализация как коммуникативный обмен не противоречит государственному суверенитету. Каждое национальное сообщество дает миру в рамках этой модели свой уникальный продукт, отражающий ее самобытность, культурное лицо. Но для глобализации как реализуемого идеологического проекта национально-государственный суверенитет есть препятствие, пережиток доглобализационной эпохи.

Английский социолог Зигмунт Бауман так поясняет явление утраты территории национальным государством: «Властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются на месте. Их власть полностью и окончательно становится “не от мира сего” – не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны».

Эта «глобальная дезорганизация» и «отступление» нацио-

нального государства – продукты глубокого кризиса.

Предложение Римского клуба превратить человечество в «глобальную систему, управляемую благотворительной диктатурой технократической элиты», – утопия, которая будет стоить огромных жертв. Устроить «глобальный человейник», как назвал это философ Александр Зиновьев, невозможно, сложные системы существуют, пока обладают достаточным разнообразием. Хочется добавить в связи с этим высказывание, приписываемое Николасу Рокфеллеру. Конечная цель финансовой олигархии была определена им как «чипизация человечества». В приоритете – достижение полной и безоговорочной победы мира потребительства как унифицированного материала для моделирования будущего глобального гражданского общества. Во многом этот мир уже создан. В нем под лозунгом «Потребление – двигатель экономического развития» осуществляется глобальная манипуляция общественным сознанием, устраняются даже малейшие ростки духовности, исторических традиций, национальной культуры и самобытности, препятствующие глобализации финансовой меркантильности.

Объектом агрессивного консьюмеризма стали все категории граждан – от подростков до стариков. Это то, что один из основателей Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» Джагдиш Капур справедливо называл *armament protected consumerism*, то есть защищаемое вооруженной силой общество потребления. Можно говорить даже о появлении особого типа человека – «человек потребляющий».

Французский социолог Клод Леви-Стросс писал в «Структурной антропологии»: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией в мировом масштабе культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность. <...> Священная обязанность человечества – охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немыслимо».

Еще раз подчеркиваю, что фундаментальная угроза, исходящая от глобализации, – ослабление национального государства. Как сказал американский социолог Сэмюэль Хантингтон, мы «стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства – “бильярдного шара”, – принятого за норму со времен Вестфальского мира». По его мнению, «возникает сложный разнообразный и многоуровневый международный порядок, который сильно напоминает средневековый». И это – не метафора. Боевики ИГИЛ вводят социальные и юридические нормы времен глубокого Средневековья. Масштаб гуманитарной катастрофы в провинциях Ливии и Ирака невозможно оценить. В руинах Сирия – оазис арабской культуры.

Но примеры отдельных стран не передают сути процесса. Вернуться из XXI века в «международный порядок, который сильно напоминает средневековый», – это катастрофа для человечества в целом. Это значит – опять частные наемные армии, феодальные войны и крестовые походы, только уже с ядерным оружием. Подобные катастрофы наносят такой удар по культуре, что в системах жизнеустройства возникают «странные аттракторы» – изуверские установки и мировоззренческие системы, о которых еще недавно никто не мог и помыслить.

Подорванное государство перестает выполнять функцию защиты ресурсов нации, а осуществляет их контрабанду через разорванные границы. Коррумпированные политики и чиновники создают всемирную «серую зону» – преступный интернационал, где и принимаются решения по выгрызанию пространства национальной жизни.

Этот конфликт интересов рано или поздно должен стать в повестку дня диалога цивилизаций – поверх идеологии и политики. На нынешнем распутье это вопрос экзистенциальный.

Право существует лишь на территории государства – территории, закрытой границами. Здесь рынок можно обуздать. Но глобализация «отвязала» рынок от права национального государства, возник «рынок без границ». Он теперь не ограничен ни государством, ни национальной культурой. В этих условиях теряют силу все институты – а значит, исчезает и правовое пространство. Нации превращаются в население, гражданственность разъедается аномией.

На этом фоне уже не видна «тихая война». Подрыв национальных государств и систем права привел к тому, что финансовые спекулянты могут безнаказанно разорять целые континенты и вывозить из разоренных стран сотни миллиардов долларов, обесцени-

вать труд миллионов людей. Коррупция, созданная глобализацией, имеет транснациональный характер, а локально она охватывает весь государственный организм и превращает его в средство разрушения, как переродившиеся в раковую опухоль клетки организма. Так, помимо явной, складывается параллельная теневая цивилизация.

Возник особый тип финансовых войн – организованные атаки на национальные валюты. Но главным новшеством стали системные операции против национальных экономик, в которых с помощью финансовых махинаций доводят страну до кризиса, обесценивают ее предприятия, а затем скупают их по дешевке.

Государство сокращает свои контрольные функции – и возникают уклады почти рабского типа, а новые богатеи вливаются в глобальную элиту. В мире возникают зоны, где проживают «общности, которые нет смысла эксплуатировать». Эти люди исключаются из «внешнего пролетариата» метрополии и возвращаются к натуральному хозяйству. Но этому населению не оставят его лесов, степей и недр. Глобализация – это посткапиталистический этап, капитал отказывается эксплуатировать большую часть населения Земли. А значит, исчезают и рынки.

В первые два десятилетия средний класс Запада аплодировал глобализации – она позволила вывезти трудоемкие и грязные производства в страны «развивающихся рынков». Западные левые наконец-то осознали, что всё население Запада в целом, включая рабочих, является эксплуататором и получает большие доходы от труда рабочего класса периферии (потому-то компартии практически исчезли).

Сначала корпорации США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Там возникли особые заводы, которым платили не деньгами, а бартером, частью готовой продукции. В 2000 году в Мексике насчитывалось уже около 2 тысяч сборочных заводов, на которых трудились 1,34 миллиона рабочих. Зарплата на этих заводах была в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Эта система расширялась, начался вывоз промышленных предприятий разных отраслей и из Европы – в основном в Азию. И настал момент, когда масса работников, включая и средний класс, оказалась «общностью, которую нет смысла эксплуатировать». Предприятия «уехали» искать более выгодные места – глобализация!

Это привело население слабых стран Запада в шок – социаль-

Дэвид Кэмерон:
«Мы говорим о рабочих местах для инженеров, менеджеров, адвокатов. Потому что защита собственности, свобода слова и верховенство закона – это основа стабильности экономики и успехов в бизнесе».

Бойцы ИГИЛ

Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны – не мировой, а всемирной «молекулярной», которую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Африке, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война – вообще огромное предприятие. Куда будут двинуты кочевые контингенты наемников-«мятежников»?

ное государство рухнуло, государственный долг огромен, давать субсидии безработным не из чего. Об этом неминуемом результате предупреждали, но никому не хотелось верить. Произошла деиндустриализация – как в 1990-е годы в России.

Теперь там лелеют новую утопию – возвратить рабочие места из Азии в страны Запада. Это пообещал премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон в Давосе: «Это свежий драйвер роста. Великобритания должна стать страной возвращения экономики». Излагал он эту доктрину антиглобализма невнятно: «Мы говорим о рабочих местах для инженеров, менеджеров, адвокатов. Потому что защита собственности, свобода слова и верховенство закона – это основа стабильности экономики и успехов в бизнесе. <...> Этот тренд затрагивает все отрасли экономики. Рабочие места возвращаются из Китая в английский Лидс, а из Индии в Уэльс. <...> Кроме того, мы вкладываем миллиарды в инфраструктуру, в том числе в дорожное строительство».

Можно сказать, что правящая верхушка США допустила большую ошибку, положив в основание доктрины глобализации мессианскую убежденность, что ее назначил Господь управлять миром. Как только исчез СССР, который периодически приводил ее в чувство, этот «гегемон» в мировой политике наломал столько дров, что по сути массы людей воспринимают США как государство-изгой. Да, в 1990-е годы мир был напуган их иррациональными действиями, но сейчас повсюду в мире началось осторожное сопротивление. В общем, человечество не желает отдавать на заклание глобализации свои национальные государства. Это суровые механизмы, но без них в нынешнем мире народам просто не выжить.

Вот признание *The Washington Post*: «Когда Россия запретила импорт сельскохозяйственной продукции из США, Евросоюза, Канады, Австралии и Японии, глобализация внезапно начала распадаться на части гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал. <...> Сегодня стало не только возможно отвергнуть мантру глобализации об игре, в которой нет проигравших, во имя иных ценностей и иного рода политики. Это происходит прямо сейчас. И если такое может произойти в России, то и другие страны от этого тоже не застрахованы».

Точнее, именно санкции США против России поставили крест на глобализации – ведь ее терпели, хоть и с трудом, как программу соединения стран, а не дискриминации то одной, то другой страны.

Глобализация – программа безжалостная, она неминуемо порождает войны

Вспомним первую хорошо описанную волну глобализации, порожденную быстрым развитием мореплавания, экспедициями и Великими географическими открытиями, которые совершил нарождающийся капитализм. Эта глобализация вызвала практически непрерывную мировую колониальную войну в течение четырех веков. В этой войне были уничтожены целые народы и цивилизации, переселены и обращены в рабство миллионы людей.

Потом как ответ на большей части Земли произошли национально-освободительные войны, в которых смерть тоже

скосила большой урожай. Да и Первая мировая война была продуктом этой первой волны глобализации Нового времени, она вызрела в лоне империализма. Перед той войной прямо говорили, что назревающая война – результат глобализации.

Уже накануне краха СССР в западной литературе, помимо апологетики предполагаемого Нового мирового порядка, стали появляться предупреждения. Что выделялось в процессах, которые тогда нарастали на глазах? В 1990 году влиятельный деятель мировой политики, советник президента Франции Франсуа Миттерана и президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали написал книгу «На пороге нового тысячелетия». В ней он дал такой прогноз: «В грядущем Новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

В 2006 году он утверждал, что если «триумфальный марш денег» продолжится до его логического конца, то рынок приведет к гиперимперии. Она будет глобальной, создающей огромные состояния и ужасающую нищету. Она «погрузит человечество в пучину регрессивного варварства и опустошительных битв при помощи оружия, которое сегодня немыслимо. <...> Противостоять друг другу будут государства, религиозные группировки, террористические организации и бандиты-одиночки. Это может привести к уничтожению человечества».

Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны – не мировой, а всемирной «молекулярной», которую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Африке, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война – вообще огромное предприятие. Куда будут двинуты кочевые контингенты наемников-«мятежников»? Вот недавний пессимистический вывод французского журнала *Atlantico*: «После окончания холодной войны многие аналитики утверждали, что порожденная глобализацией экономическая взаимозависимость позволит не допустить возникновения войн. Однако <...> скорее складывается впечатление, что глобализация с ее экономической взаимозависимостью сегодня наоборот становится синонимом напряженности».

Признаки гибридной глобальной войны уже видны. Вот пресса пишет о «весенней кампании на нефтяном фронте глобальной финансово-экономической войны». В феврале в США состоялась конференция «Рынок нефти в 2015 году». В главном докладе сказано, что падение цен на нефть в 2014 году происходило при равновесии спроса и предложения. Содокладчик отметил, что цена на нефть будет во многом определяться ситуацией на рынке «бумажной нефти», то есть действиями спекулянтов, а также политических и финансово-экономических государственных и надгосударственных структур. Факт, что цены на нефть стали элементом глобальной финансовой войны, признан американским истеблишментом.

А нам говорят, что глобализация – механизм взаимовыгодного сотрудничества.

Но такие миссии – относительно мягкий элемент гибридной войны. Важные функции в ней выполняют разного рода «черные интернационалы» и контингенты боевиков с неопределенными идеологиями. Во многих точках мира они подрывают структуры национальных государств, участвуя в организованных гибридных войнах – чаще всего с этническим или религиозным прикрытием, которое обычно служит только маской. Иногда поддержка, оказываемая им со стороны, глобальной теневой элитой, столь велика, что внутри государств образуются преступные анклавы, приобретающие признаки государственности. Речь идет о криминализации целых регионов и о возникновении «серых зон», из которых уходит государство.

Нашим либералам надо, наконец, признать, что капитализм не выживет без государства и права.

Глобализация породила «новых кочевников»

Следует отметить, что понятие капитализма сегодня уже не отражает сложившуюся реальность. Нужен новый категориальный язык для описания современной системы мироустройства. Эта новая система могла бы быть условно определена как посткапитализм. Если в основе экономики классического капитализма лежат конкуренция и свободный рынок (так называемый манчестерский капитализм), то новая модель характеризуется глобальной управляемостью. Социальная система классического капитализма описывалась Карлом Марксом как антагонизм двух классов – буржуазии и пролетариата. Новая социальная модель выстраивается как пирамида глобальной корпоратократии. Фи-

Социальная система классического капитализма описывалась Карлом Марксом как антагонизм двух классов – буржуазии и пролетариата. Новая социальная модель выстраивается как пирамида глобальной корпоратократии.

нансовая система капитализма рассматривалась через формулу деньги–товар–деньги′. Современные финансовые схемы глобальной эмиссии выстраиваются иначе – деньги–деньги′–деньги′′. Политически капитализм соотносился, говоря в категориях Маркса, с буржуазной демократией. Новая политическая модель ничего общего с демократией – в классическом ее понимании как народовластия – не имеет. Сам институт государства оказался фактически приватизирован новым политическим классом глобального олигархата. Произошла и аксиологическая инверсия. Классический капитализм связывался с духом буржуазного предпринимательства, культом денег, превратившихся в самоценность. Аксиология посткапитализма – это аксиология потребления, гедонизма. Произошел распад права, на котором держался капитализм, утрачены качественные различия в происхождении денег. Они опять «не пахнут» – исчезли различия между легальной и преступной экономиками.

Разрушение биполярной модели мирового развития привело к мутации всей правовой и политической базы международных отношений. Вроде бы, ушли основополагающие антагонистические противоречия двух мировых систем – капиталистической и социалистической. Более того, распалась сама политическая система, выстроенная вокруг СССР, а политические наследники СССР отказались от этой идеологии и объявили себя частью западной системы во главе с США. Был провозглашен конец холодной войны, а Фрэнсис Фукуяма даже возвестил о «конце истории». Но, как мы наблюдаем сегодня, мир не оказался ни более справедливым, ни более безопасным. Локальные конфликты стали более ожесточенными и кровопролитными. Глобализация – это всемирное перераспределение богатства и в пространстве, и в социальной структуре. Ограбление периферии идет путем затягивания в долговую ловушку, затем приватизации и скупки национальных ресурсов, включая природные. МВФ, ставший важным инструментом глобализации, навязывал податливым странам внешний долг как, по выражению одного эксперта, «ящик дарового виски алкоголику». Когда удавка затянута, займы прекращаются и у должников начинают выворачивать карманы. По данным ООН, залп кредитов начала 80-х годов позволил МВФ выгрести из бедных стран в 1985–1990 годах вдвое больше денег, чем было дано в долг.

Глобальная финансовая система – это инструмент глобальной финансовой олигархии по ограблению развивающихся стран и созданию системы с глобальным доминированием США.

Примером может послужить то, как Федеральная резервная

система США и Центробанк Таиланда вызвали экономический коллапс Таиланда. В период с 1990 по 1997 год банк этой страны создал для таиландских компаний структуру, стимулирующую их к заимствованиям в иностранной валюте за рубежом. Такие заимствования достигли значительных размеров. В то же время банк осуществлял монетарную политику, которая привела к краху таиландской валюты в 1997 году, в результате которого обанкротились многие таиландские компании, произошли резкий рост безработицы и крупный экономический кризис.

Следовательно, корпоративные заимствования в иностранной валюте создают настолько большие риски, что такие заимствования делать не рекомендуется. Международные банкиры и иностранные центральные банки обычно призывают компании и страны (особенно при наличии значительных национальных активов – таких, как сырье и материалы) к привлечению значительных иностранных заимствований. Подобные заимствования можно использовать как рычаг для значительного экономического давления и извлечения прибыли. Бестселлером стала «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинса (2004). В продолжении своей «исповеди» (2007) он пишет, как был «организован» внешний долг Индонезии, и завершает этот эпизод так: «Эти цифры свидетельствовали о том, что мы загнали Индонезию в такую долговую яму, из которой она не сможет вылезти самостоятельно, если, конечно, не будет во всем потакать желаниям наших корпораций. Что и говорить, мы, экономические убийцы, в данном случае сработали на совесть».

Глобальная экономика гонит людей в богатые страны в поисках заработка. Они оказываются дискриминируемыми по национальному или религиозному признаку или просто по статусу мигранта.

Обслуживание долга и краткосрочные долги Индонезии составляли 300 процентов ВВП. Это привело к тому, что в 2002 году 52 процента населения жило менее чем на два доллара в день. А в США сейчас внешний долг 17 триллионов долларов, у ЕС 18 триллионов – и ничего!

В связи с этим также следует обратить внимание на факт зависимости центральных банков стран от Федеральной резервной системы. Цепочка зависимости выглядит технологически следующим образом. Национальные экономики нуждаются в деньгах. Но деньги эмитирует не государство, а центробанк. Центральные банки в подавляющем большинстве современных стран – это не государственные институты, а частные, независимые от государства учреждения. Но эти учреждения зависимы от ФРС, которая, в свою очередь, независима от правительства Соеди-

Жак Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 года и особо отмечает роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно всё, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию. <…> Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей».

ненных Штатов. Стоит только перекрыть канал Федеральная резервная система – центробанк – национальная экономика, и страна, столкнувшись с финансовым дефицитом, оказывается в состоянии коллапса. Поэтому вопрос о статусе ЦБ оказывается ключевым для проблемы национального суверенитета. Это хорошо понимают во многих странах мира, но реально ничего не могут поделать с создавшимся положением.

Глобализация резко облегчила теневому и криминальному бизнесу задачу уклонения от налогов и отмывания «грязных денег». Так, в Италии за 2002–2012 годы в ходе аудита банковских счетов было выявлено свыше 1 триллиона долларов подозрительных вкладов. В Швейцарии при государственном аудите банков было обнаружено около полутора тысяч подозрительных финансовых сделок общим объемом в 3,3 триллиона долларов.

Спекулятивный капитал в его нынешней форме легко идет на союз с преступным миром. Этот союз соединил две мощные финансовые и организационные структуры – легальную и теневую, – придав им новые возможности для свободы маневра.

Надо вспомнить и «кочевников поневоле» – массовые передвижения трудовых мигрантов из бедных или терпящих бедствие стран. Глобальная экономика гонит людей в богатые страны в поисках заработка. Они оказываются дискриминируемыми по национальному или религиозному признаку или просто по статусу мигранта.

Мигранты в инонациональном окружении по большей части живут в состоянии перманентного стресса. Миграция разрушает родственные, семейные связи. Живя в состоянии неопределенности, не имея возможности взять на себя долгосрочные обязательства, молодые мигранты не решаются создавать семьи.

Вырванные из своей этнической культуры, из привычных социальных сетей и семей эти «кочевники» образуют в принимающей стране особые общности, часто полиэтнические, нередко с обостренным самосознанием (гиперэтничностью). Это создает и латентные, и открытые конфликты, что углубляет раскол общества.

Более того, и для большой части местной молодежи проблема формирования семьи в условиях глобализации становится похожей на ту, с которой сталкиваются мигранты, – возникает «синдром кочевника». Немецкие социологи семьи этим объясняют небывалое увеличение возраста вступления в брак и уменьшение числа детей в семьях. И в среднем классе богатых стран возникла неуверенность в надежности своего статуса в условиях глобализации.

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» будущее в среднесрочной перспективе (к середине XXI века) видится так: «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего. <...> Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря. <...> Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов».

Глобализация – крайне кризисогенная система

Те кризисы, которые возникают как цепной процесс по

всему миру, принципиально отличаются от кризисов капиталистической экономики Модерна. Они вырастают из хаоса или неопределенности финансовых потоков в необычных масштабах и с необычной динамикой.

На глобализацию возлагали слишком большие надежды, однако они оказались тщетными – она так и не стала инструментом для разрешения экономических кризисов. Напротив, именно глобализация, которая разрушила структуру мирового хозяйства, которая выстраивалась как система национальных государств с определенным международным правом и приемлемой прозрачностью финансовых каналов, стала порождать кризисы нового типа. Мировой кризис 2008 года вызвал жесткое неприятие глобализации и свободного рынка.

Жак Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 года и особо отмечает роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно всё, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию. <...> Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей. <...> 4 марта 2008 года на Уолл-стрит инвестиционный банк *Bear Stearns* оказался на грани банкротства, потеряв 13 400 миллиардов долларов от сделок на деривативах (13,4 триллиона долларов – больше ВВП страны!). <...> Сейчас мы имеем дело со сложной системой, своего рода “големом”, не имеющим цели и способным одновременно служить человечеству и всё разрушать на своем пути. Ибо ему неведомы этические нормы и чувства».

Когда в банке на Уолл-стрит обнаруживается недостача триллионов долларов, происходит крах множества средних и малых банков во многих странах – переплетение и скорость финансовых потоков делают невозможным контроль в режиме реального времени. А крах средних и малых банков – разорение местного бизнеса.

Исполнительный директор Европейского совета по международным отношениям Марк Леонард сказал: «Взаимозависимость, которая ранее считалась экономическим благом, теперь стала угрозой». И добавил: «Никто не готов терять преимущества глобальной экономики, но все крупные державы задумываются о том, как защитить себя от ее рисков военным или иным путем. После 25 лет пребывания во всё более тесной связи друг с другом, похоже, мир намеревается заново разделить себя».

Философы и политики предупреждают, что природа явлений, возникших в ходе глобализации, имеет неопределенный характер. Это значит, что кризис становится перманентным. Сложность глобальной финансовой системы вышла за рамки рационального контроля. Это – крайне опасная, эсхатологическая ситуация. В 30-е годы XX века подобный «реактор», вышедший из-под контроля, стоил Европе мировой войны.

Да, многие говорят, что сама структура глобализации нуждается в глубоком преобразовании. По словам Аттали, оно требует немедленной реализации – «пока кризис не углубился настолько, что никто не сможет доверять рынку, а демократия будет не в силах справиться с “големом”, которого сама и создала. Тогда личная свобода, на которой базируются и рынок, и демократия, станет виновным номер один».

Какая безответственность – создавать такие глобальные риски!

■

Каковы пути выхода из кризиса распада глобализации? Колесо истории нельзя повернуть вспять. Как любое сложное явление глобализация многоаспектна. Она принесла с собой много бед, но вместе с ними – новые возможности коммуникации людей, новые технологии в самые дальние уголки мира. Можно ли ограничить глобализацию, сохранив то позитивное, что она сделала?

Для этого требуется интеллектуальное и духовное усилие всех локальных цивилизаций и культур – общее дело человечества. Кризис капитализма и присущего ему индустриализма оказался фундаментальным. Остановить его маховик трудно, всем надо подняться на новый уровень знания и нравственности. Требуется поистине вселенский диалог.

Первым шагом могло бы быть изменение модели глобализации: отказ от утопии разрушения национальных государств, их объединение в большие интеграционные проекты посредством экономических и культурных связей. Это защитило бы мир от попыток установить господство одной подавляющей всё силы. Ведь кризис первой глобализации первой половины XX века разрешился именно так, установив равновесие сил двух проектов – западного и советского. Но сейчас потенциал разнообразия гораздо больше. Признаки этого очевидны. МЕРКОСУР и ЕврАзЭС – лишь первые ласточки будущего мира, состоящего из комплементарных множеств.

Джульетто Кьеза:

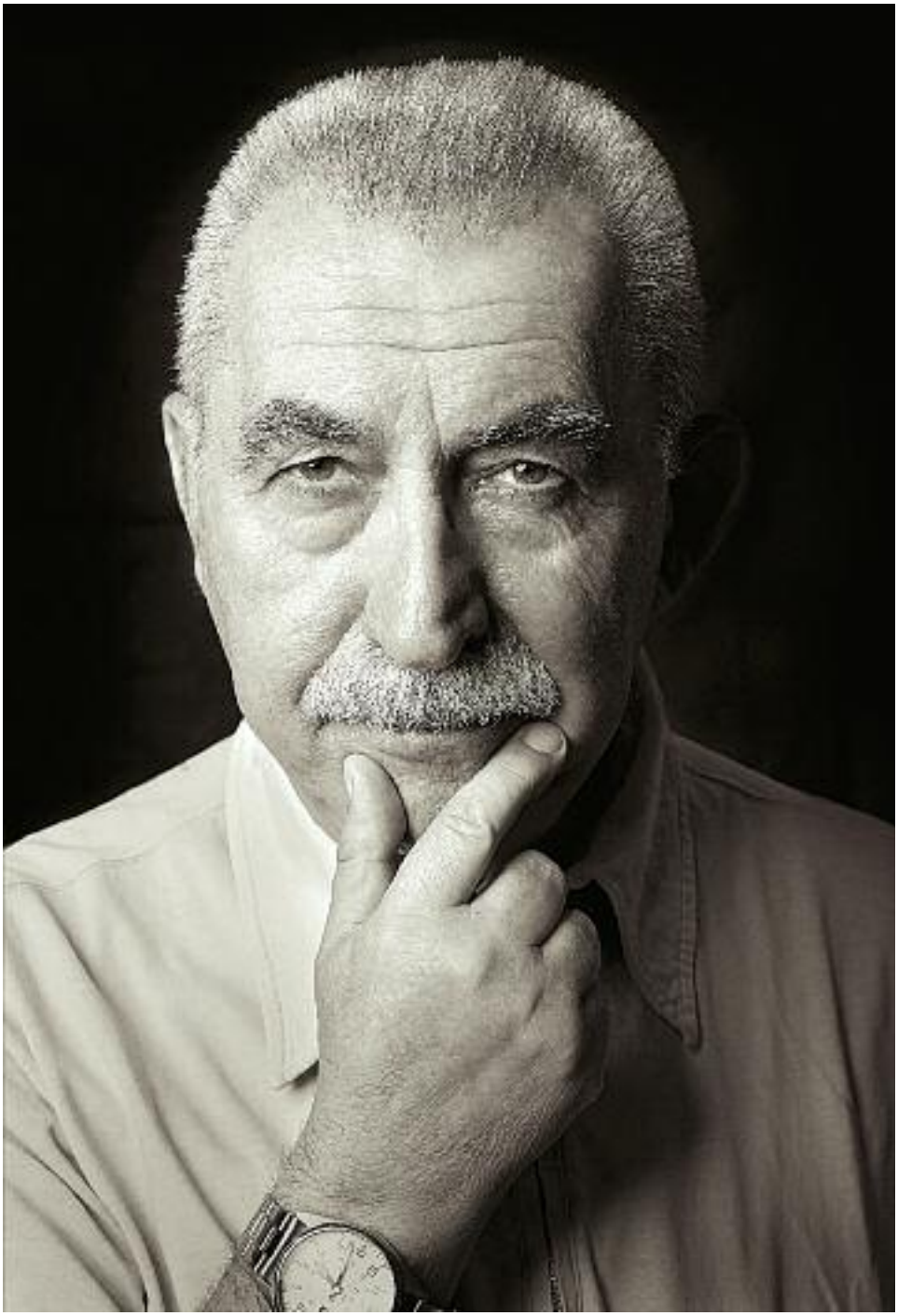
«США готовы на всё – лишь бы любой ценой сохранить свое мировое господство»

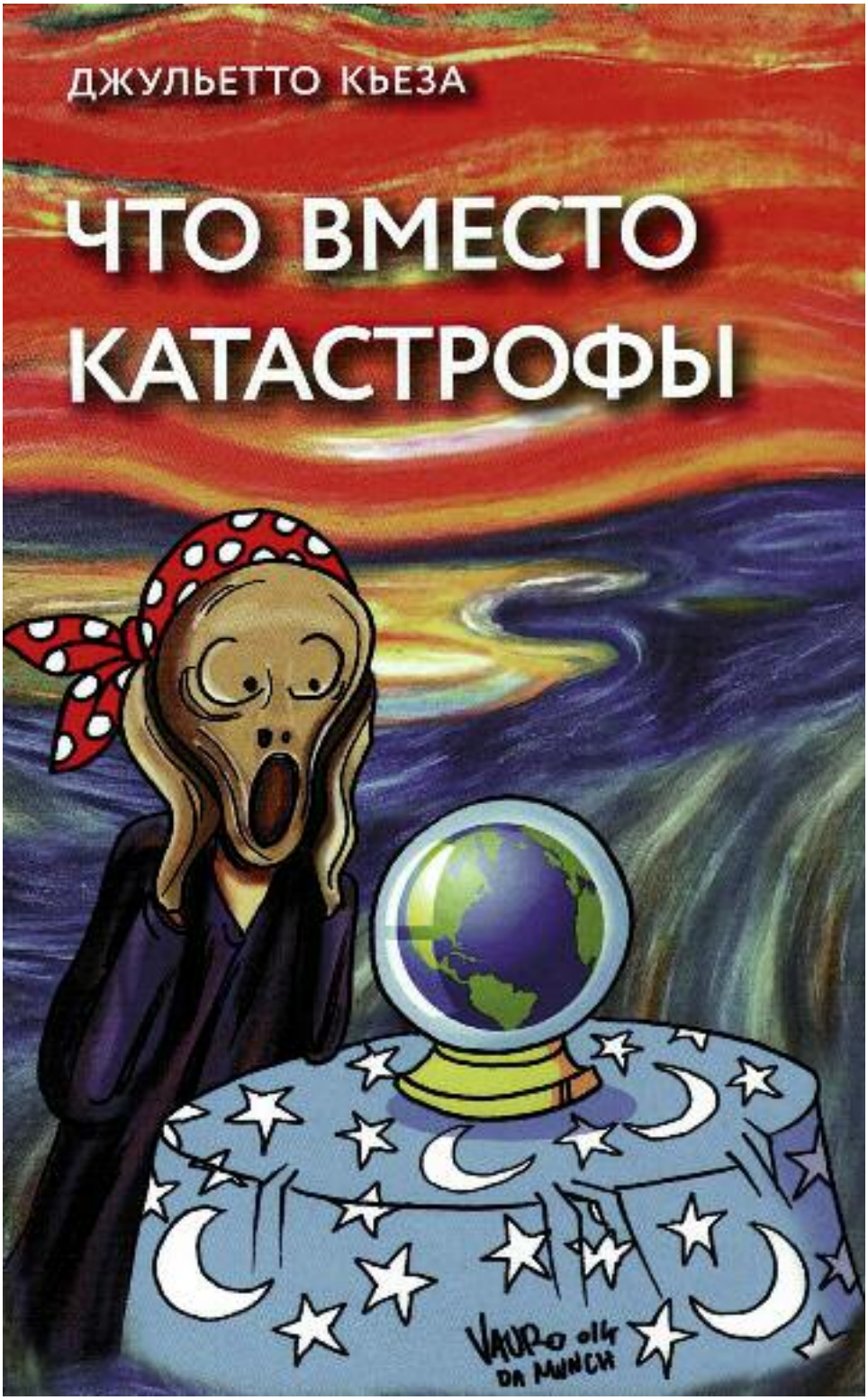
Интервью итальянского журналиста и политического деятеля **Джульетто Кьезы** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Господин Кьеза, ваше прошлогоднее интервью нашему альманаху вызвало резонанс. Его обсуждали и, насколько мне известно, количество заходов именно на этот материал на нашем сайте было велико. Поэтому мы решили снова побеседовать с вами – столь популярным среди наших читателей и вообще в российской аудитории автором. Тем более что имеется и еще один повод для встречи: недавно в России вышла ваша новая книга «Что вместо катастрофы», в которой убедительно доказывается, что мир приближается к большой войне, и вместе с тем приводятся конструктивные и аргументированные рекомендации, как избежать этого трагического сценария. Пользуясь случаем, мне хотелось бы порекомендовать эту книгу нашим читателям – она еще не прошла и продается в московских книжных супермаркетах. Но с тех пор как вы закончили работу над этой книгой, те процессы, о которых в ней говорится, продолжали развиваться и ушли еще дальше. Поэтому нам хотелось бы, чтобы сегодняшняя беседа с вами стала своеобразным – выходящим спустя несколько месяцев после издания книги – послесловием, в котором вы смогли бы что-то дополнить к написанному, возможно, расставить какие-то новые акценты. Словом – актуализировать книгу. Любой автор, пишущий на современные темы, знает, как быстро созданные им тексты нуждаются в уточнениях. Поэтому мы хотим предоставить вам такую возможность, учитывая исключительную значимость того, чему посвящена ваша книга, и принимая в расчет, что, как это ни странно, практически никто сейчас – ни в России, ни за ее пределами – не пытается говорить о какой-то содержательной альтернативе тем катастрофическим процессам, которые инспирируются Соединенными Штатами. Все предпочитают расписывать грядущие ужасы. Понятно – получается сенсационно. Но когда эти ужасы станут реальностью, будет уже не до сенсационности. Вы же – один из немногих, кто пытается предложить нечто, воспользуюсь названием вашей книги, «вместо катастрофы». Господин Кьеза, так что же следует добавить к написанному в вашей книге сегодня – по прошествии довольно долгого времени, после того как вы завершили работу над ней?

– Я уже давно предвидел то обострение напряженности, которое мы сейчас наблюдаем практически повсеместно в мире. И это еще не предел – обстановка будет лишь ухудшаться, проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, через некоторое время окажутся практически неразрешимыми. Поэтому я условно называю наше время началом Третьей мировой войны. Я говорю именно о начале Третьей мировой, потому что знаю, что она обязательно, непременно разразится, если нынешний курс развития мировой ситуации не изменится. Ну, что касается сроков, то их, конечно, невозможно предугадать с точностью до конкретного года, но вполне реально говорить о некоем периоде, на протяжении которого сле-

дует ожидать эскалации войны. Но и такие – весьма приблизительные – прогнозы приходится корректировать. Мир сползает к войне стремительными темпами, и если еще совсем недавно я полагал, что она случится примерно через 2–4 года, то теперь вижу, что это может произойти и гораздо быстрее. И чьи-то желания или наоборот нежелания неспособны что-то изменить в этом сценарии. Человеческая воля в данном случае не в силах остановить приближение мирового конфликта, даже если это воля первых лиц ведущих мировых держав. Запущены объективные процессы – и именно они делают Третью мировую почти неизбежной. А политические лидеры даже не понимают природы этих процессов и исходят из представлений, что события развиваются линейно – а значит, скорость их приближения или протекания можно с большей или меньшей точностью просчитать, причем погрешность прогноза окажется некритической. Но развитие мира нелинейно. Мы переживаем поистине поворотный момент истории, потому что речь сегодня идет о фундаментальных, сущностных трансформациях не только человечества, но и всей планетарной экосистемы. Взаимосвязь между этими обоими мирами не просто существует – она исключительно сильная. Сейчас всё чаще приходится слышать прогнозы о приближении Третьей мировой. Их делают политологи, финансовые и военные эксперты. Еще регулярнее и интенсивнее нам напоминают об экологической катастрофе, которую переживает планета Земля. Но эта проблематика – удел уже совсем других специалистов: экологов, биологов, климатологов. Но нет таких сверхкомпетентных мыслителей, которые рассматривают обе угрозы – военную и экологическую – как составные и тесно сопряженные друг с другом части текущей повестки. Повестки, которую следует анализировать лишь комплексно, с учетом всех ее составляющих. Но вместо этого каждый продолжает фокусироваться на сугубо своей проблемной области и не видит даже соседней, не говоря уже о какой-то совсем уж опосредованно относящейся к предмету его занятий. И вот такой несинтетический, разъятый подход оказывается безоружным перед лицом тех вызовов, которые становятся всё более и более явственными. И поскольку эти вызовы никто толком не различает и не распознает, они усиливаются, а содержащиеся в них угрозы приближаются намного стремительнее, чем всего лишь несколько лет назад. Повторяю, я и сам еще совсем недав-





Новая книга Джульетто Кьезы «Что вместо катастрофы»

Проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся, через некоторое время окажутся практически неразрешимыми. Поэтому я условно называю наше время началом Третьей мировой войны.

но многого не видел, не усматривал всех этих тонких мировых взаимосвязей и поэтому ошибался в своих прогнозах – точнее, не в самих прогнозах, то есть не в их содержательном наполнении, а именно в сроках их исполнения. Всё должно произойти значительно раньше. Еще раз подчеркну: судя по тому, с каким динамизмом и с какой необратимостью сейчас назревают кризисные явления в мире, мы вправе говорить о том, что у нас остается очень мало времени – возможно, несколько месяцев, я не исключаю и такого сценария, – до очередного витка напряженности, который уже точно можно будет назвать Третьей мировой войной.

– Господин Кьеза, а что именно, какие конкретно события последнего времени заставили вас скорректировать прогноз о сроках приближения Третьей мировой? Судя по вашим работам, написанным на протяжении первых нескольких лет после начала в 2008 году мирового кризиса, вы тогда еще не считали, что мы накануне Третьей мировой. Это утверждение появилось у вас совсем недавно. Что же так повлияло на вас?

– Да, действительно, я стал говорить об отпущенных нам всего лишь 2–4 относительно мирных годах после начала гражданской войны на Украине. Именно тогда я понял, что те, кто спровоцировал эту бойню, сильно спешат, точно стараются успеть к какому-то определенному времени добиться того, чтобы это вооруженное противостояние переросло в полномасштабную войну в Восточной Европе.

– Я помню, господин Кьеза, вы говорили об этой спешке американцев в вашем предыдущем интервью и при этом приводили соответствующие конкретные примеры.

– Со времени того прошлогоднего интервью вашему альманаху накопилось еще больше примеров такой спешки американцев. Ну, мы же разумные люди и очень хорошо понимаем, что там происходит на самом деле. А пытающиеся во всём обвинить Россию и сделать ее ответственной за события на Украине сознательно и откровенно врут. Или совершенно ничего не пони-

мают и ни в чем не разбираются. После победы Евромайдана и бегства из Киева президента Януковича я долго не мог понять, зачем американцам понадобился весь этот кровавый спектакль. Если бы они действительно преследовали те цели, которые называли публично – я имею в виду, так сказать, шаги навстречу европейскому выбору граждан Украины или необходимость покончить с коррумпированным режимом Януковича, – то обе названные проблемы могли быть легко разрешены всего лишь через год, на очередных президентских выборах. И при этом вполне легитимно и без всякого насилия. Тем более что Украина к тому времени уже была практически полностью в их руках. На значительной части страны господствовали русофобские и антироссийские настроения. Американцы их старательно и систематически насаждали на протяжении предшествующих 20 с лишним лет начиная с распада Советского Союза. Большинство населения Украины было готово к резкому обострению отношений с Россией. За эти два десятилетия в менталитете жителей Украины произошли необратимые перемены. То есть Украина была потеряна для России задолго до свержения Януковича. К февралю 2014 года она уже не была для вашей страны братским государством, как многие тогда считали и даже продолжают так думать до сих пор. Поэтому в той ситуации американцы могли просто сидеть сложа руки и ждать очередных президентских выборов, на которых им не составило бы особого труда заменить Януковича на гораздо более удобную для них персону, так как вся инфраструктура для такой замены была подготовлена. И несмотря на всё это Соединенный Штаты и последовавшая вслед за ними Европа решили не ждать еще год, а быстро – и при этом грубо, неаккуратно – сделать Украину совершенно иной, совершенно непохожей на себя, какой она была до февраля 2014-го. Вопрос: зачем, почему они так спешили, что согласились на столь очевидные, так сказать, «побочные эффекты»? Ответ на этот вопрос простой: потому что они знали, что надвигается новый мировой кризис, к которому надо подготовиться загодя, чтобы и после его наступления Запад мог сохранить за собой лидирующее положение в мире. Что для этого надо сделать? Сломать существующий миропорядок, при котором, как говорится по-русски, и волки, то есть Запад, сыты, и овцы – весь остальной мир – более или менее целы. Подчеркиваю – именно более или менее: ради сохранения своего господства Америка периодически создавала очаги напряженности, но возникавшие в них конфликты не были мировыми, с участием ведущих держав. Однако такой миропорядок окажется совершенно нежизнеспособным после наступления нового кризиса. Чтобы остаться на плаву и по-прежнему управлять миром, Западу придется радикально увеличить зону нестабильности, что, по сути, будет означать развязывание мировой войны.

– То есть если при старом миропорядке ресурсов в целом хватало – воспользуюсь вашими образами – и для «волков», и для «овец», то с наступлением кризиса, чтобы сохранить в неприкосновенности круг избранных, надо резко ограничить остальным доступ к благам, резко опустить их уровень жизни. А такого результата легче всего добиться как раз с помощью новой мировой войны. Я правильно вас понял?

– Совершенно верно. Смотрите, сейчас на планете проживают более 7 миллиардов человек. А всего каких-то 40 лет назад, в середине 70-х, население Земли было почти вдвое меньше – 4 миллиарда. Причем уровень жизни подавляющего большинства этих 4 миллиардов был крайне низким – по нынешним представлениям просто нищенским. И на фоне этого малообеспеченного большинства резко выделялся Запад – США и Европа, – где жили несопоставимо лучше, чем в остальном мире. И понятно, за счет чего. Запад попросту обирал всех остальных, грабил, воспринимал их если и не как колонии в прямом смысле этого слова, то, во всяком случае, похожим образом. Но это было почти полвека назад. Сейчас население планеты, как я уже сказал, почти вдвое больше. К тому же среди этих 7 с лишним миллиардов есть такие гиганты, как, например, полуторамиллиардный Китай и миллиардная Индия, составляющие вместе больше трети населения всего мира. Эти гиганты не желают жить по-старому и быть фактическими колониями Запада. К числу стран, стремящихся к самостоятельному существованию, без диктата извне, относятся также Россия, Бразилия, Индонезия, Иран. Список можно продолжить. Уровень развития таких стран вполне позволяет им претендовать на право быть субъектами мировой политики, а не объектами манипуляций со стороны Запада. Абсолютно нежизнеспособным сделала старый миропорядок и революция в сфере передачи информации и массовых коммуникаций. В середине 70-х малообеспеченное большинство жителей планеты попросту не знали, как живут на Западе, или имели об этом самое приблизительное, подчас мифологизированное представление. А сегодня всё по-другому: мир стал удивительно про-

зрачным, и в каждой точке планеты, имея под рукой сравнительно недорогие технические средства, можно в режиме реального времени видеть, как живут люди в любой другой точке. В том же 80-миллионном Египте довольно точно представляют себе уровень жизни в Риме, Париже или Нью-Йорке, так как могут непосредственно наблюдать эти мегаполисы на экранах телевизоров или даже на мониторах своих мобильников или ноутбуков. Мы даже, по-видимому, не в состоянии до конца представить себе, к каким переменам в сознании людей, не входящих в «золотой миллиард», привели все эти гаджеты. У предыдущих поколений ничего этого не было, и их горизонт не выходил за пределы того конкретного места – деревни или городка, – где они проживали. Горизонт же последних двух поколений расширился взрывообразно. И эта перемена, когда практически всё население Земли – почти все 7 миллиардов – располагают более или менее объективными представлениями о том, как живут люди в разных точках планеты, радикально, качественно изменила мир. Человечество стало даже мыслить иначе, по-другому ощущать себя. К тому же возник пояс государств, совокупная численность населения которых намного превышает «золотой миллиард» и которые по уровню своего развития вполне способны противостоять диктату Запада. Запад вдруг осознал, что мир вокруг стал совершенно непохожим на тот, которым он привык манипулировать, и управлять таким миром по-старому не получается – кризис 2008 года убедительно это доказал. Безусловно, какой-то запас остаточной прочности у старого миропорядка имеется. Запад сам создавал этот прежний миропорядок, поэтому сейчас, в кризисной ситуации, он в состоянии что-то где-то подрегулировать, подправить, скорректировать. В конце концов, именно «золотой миллиард» придумал современную глобальную финансовую архитектуру, и поэтому он в силах заставить ее поработать еще какое-то время. Но в любом случае дни этой архитектуры сочтены, и предпринимаемые для ее спасения пожарные меры могут лишь отсрочить ее коллапс, да и то ненадолго. Вот она – главная причина той спешки, с которой Запад пытается развязать Третью мировую войну. Ему надо как можно скорее, пока еще не поздно подвести под свою глобальную власть новые правила. А для этого необходимо нейтрализовать главных противников – тех, кто сопротивляется сохранению мирового господства Запада. Но не всех сразу, а по очереди. Сначала – самого главного, потом всех остальных – одного за другим. И первой в этом, так сказать, «проскрипционном списке» значится Россия. На сегодняшний день именно Россия является единственной страной, способной в одиночку сдерживать Запад. Я говорю только о текущем моменте. Пройдет 10 лет – и такая миссия окажется по плечу и другим новым глобальным игрокам. Но пока лишь Россия может себе позволить вести себя самостоятельно в полном смысле этого слова. Я имею в виду, конечно, прежде всего военный потенциал России, который хотя и уступает в качественном и количественном отношениях натовскому потенциалу, но тем не менее вполне с ним сопоставим. Здесь Россия почти на равных с Западом. Здесь никаких других конкурентов, кроме России, у Запада на данный момент нет. И поэтому в первую очередь нейтрализовать надо именно Россию – сломать ее политически, психологически, морально. А для этого убрать ее лидера. Вот тот план, который реализуют сейчас Соединенные Штаты. Точно таким же образом они ликвидировали Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи, а сейчас пытаются устранить Башара Асада. Естественно, против Владимира Путина работают более аккуратно, но тем не менее по тому же самому сценарию: его будут всячески вынуждать уйти, если же это не получится, то попытаются устранить физически. А уже вместо него без особых проблем приведут к власти абсолютно подконтрольное Соединенным Штатом лицо – как Ельцина. Следует сказать открыто, что Ельцин был фигурой, полностью управляемой Соединенными Штатами, согласовывавшей с Вашингтоном все важнейшие решения.

– Господин Кьеза, если Ельцин – американская марионетка, то своим преемником он должен был бы оставить совершенно прозрачного, прогнозируемого и управляемого Черномырдина. Это был оптимальный кандидат на роль проводника внешнего управления. Но вместо этого Ельцин его уничтожил политически. Не станем сейчас вдаваться в перипетии 1998 года, но это было действительно так: именно Ельцин лишил Черномырдина политического будущего. Это тоже было согласовано с Америкой? Лично я в этом сильно сомневаюсь. По-моему, всё было ровно наоборот. Помните комиссию «Гор–Черномырдин»? Тогда даже в открытую говорили, что, мол, сейчас оба – «вторые», а потом станут «первыми»… Я не спорю, зависимость Ельцина от Америки видна невооруженным глазом. Но не стоит сбрасывать со счетов его «медвежью» непредсказуемость. Судя по всему, ликвидировав Черномырдина

как своего преемника, он основательно спутал карты американцам.

– Дело в том, что манипулирование Ельциным не всегда и не во всём гарантировало американцам проведение в жизнь тех решений, которые их устраивали бы наилучшим образом. Власть Ельцина не была абсолютной. Помимо него, как вы, наверное, помните, были еще олигархи, которые далеко не безоговорочно подчинялись своему «сюзерену». Эти люди совершено случайно для них самих оказались буквально «назначенными» владеть колоссальными состояниями. Вместе с тем их интеллектуальный уровень оставлял желать лучшего. Олигархи считали, что они способны купить всё на свете. Да, было у них такое заблуждение. Они мыслили точно такими же штампами, какими незадолго до них руководствовались «архитекторы перестройки». В обоих случаях мы имеем дело со штампами, только сначала это были абсолютно оторванные от жизни представления о западной демократии, а потом – такие же не имевшие ничего общего с действительностью взгляды на рыночную экономику. Например, Александр Яковлев верил в какие-то уж очень свои идеалы западной демократии, не ведая о том, что такой эталонной демократии давным-давно не существует, что такая демократия уже мертва, а та политическая система, которая утвердилась на Западе к началу советской перестройки, может называться демократией с очень большой натяжкой. Но Яковлев всего этого не знал – или не хотел знать, но это уже другой вопрос. Да что там Яковлев – у самого Горбачева было весьма и весьма упрощенное представление о том внешнем мире, которому он так навязчиво предлагал свое «новое мышление». Люди, затеявшие перестройку, руководствовались какими-то химерами. Поэтому и неудивительно, что их начинания не удались, а страна, которую они вздумали реформировать, развалилась. То же самое можно сказать и про постсоветских олигархов. Они свято уверовали в собственное всесилие – особенно после того как помогли Ельцину переизбраться в 1996 году, – а со временем вообще решили заменить его на своего ставленника – человека, совершенно неизвестного, непубличного, такого вот господина Зеро, которым можно будет помыкать еще откровеннее, нежели позволяли себе американцы в отношении Ельцина. Вот так и появился Путин. То есть он изначально был не американским, а олигархическим проектом. Да, одно стоит другого, конечно, но что было – то было. А уже после этого годы ушли у Путина на то, чтобы положить конец этой своей зависимости от тех, кто помог ему стать преемником Ельцина.

Украина была потеряна для России задолго до свержения Януковича. К февралю 2014 года она уже не была для вашей страны братским государством, как многие тогда считали и даже продолжают так думать до сих пор.

– До Путина олигархи уже предпринимали аналогичную попытку – раскручивали еще одного, как вы сказали, господина Зеро – генерала Лебедя…

– Это была совершенно другая история, хотя на первый взгляд тут много общего. Да, олигархи использовали Лебедя. Но он их ненавидел – и они это знали и поэтому очень опасались его. Я знаю точно, что, например, Березовский очень сильно боялся Лебедя. И я думаю, что именно поэтому Лебедя так быстро после его взлета лишили должности и превратили в оппозиционного политика, тем самым лишив его возможности стать президентом, потому что в России на самый высокий пост не может прийти человек со стороны, не находившийся до того во властной обойме. Олигархи поняли, что если Лебедь станет президентом вместо Ельцина, то он, опираясь на свою популярность и

Гюстав Доре. Гравюра из иллюстраций к сказкам Шарля Перро

Западу надо как можно скорее, пока еще не поздно подвести под свою глобальную власть новые правила. А для этого необходимо нейтрализовать главных противников – тех, кто сопротивляется сохранению мирового господства Запада.

высокий рейтинг, ликвидирует олигархат как систему приближенных к власти назначенных собственников наиболее значимых активов государства. Я, кстати, брал интервью у Лебедя, и мне было отчетливо видно, что передо мной – честный русский человек с сильно развитым чувством справедливости. Лебедь довольно быстро стал популярным, и его, конечно, было бы довольно легко провести в президенты. Но олигархи все-таки предпочли другого кандидата – человека, которого никто не знал и которого они считали принадлежащим к их команде. Они посчитали, что Путин – в отличие от Лебедя – будет управляемым. Но, как мы теперь знаем, Путин не оправдал надежд олигархов. Он не только со временем – причем довольно быстро – избавился от своих вчерашних покровителей, играя на противоречиях между ними и постепенно выводя из игры то одного, то другого, но и стал делать жесткие заявления в адрес американцев, что выглядело совсем уж неожиданно после полутора десятилетий непрекращающихся отступлений при Горбачеве и Ельцине. Недавно на своем телеканале *PandoraTV* я разместил интервью Путина 2004 года, показанное Первым каналом в документальном фильме «Холодная политика». Это интервью стало для меня настоящим открытием. В нем Путин очень твердо заявил о недопустимости разговаривать с Россией с позиции силы. И завершается интервью очень ёмкой фразой. Я ее постараюсь воспроизвести наизусть. Путин сказал: «Мне кажется, что наши партнеры не хотят союзников, они хотят вассалов, они хотят управлять». При этом было видно, как он напряжен и как скрупулезно подбирает каждое слово. И помолчав несколько секунд, Путин завершил: «Но Россия так не работает». Когда видишь такие явные эмоции, хорошо понимаешь, что этот человек пережил за прошедшие 4 года своего президентства, как тяжело складывался

его диалог с «партнерами» – употреблю это любимое путинское выражение, которое он всегда использует, говоря об американцах и вообще о лидерах Запада. Вежливо, но в то же время безлико и подчеркнуто отстраненно – «партнеры». Он – президент России, он – во главе гигантской державы, а «партнерам» до этого нет никакого дела – они хотят управлять, не считаясь ни с чьим мнением, тем более с мнением какой-то там России, впечатление о которой американцы формируют на основании представлений русских либералов. А русские либералы воспринимают Россию не менее – если не более – предвзято, чем американцы. Вы знаете, я даже думаю написать об этом книгу: что такое русские либералы в прошлом и настоящем. Я смотрю на вашу страну со стороны, и мне кажется чрезвычайно странным и несуразным тот факт, что та часть русского общества, которая считает себя интеллектуальной и даже часто духовной элитой – я имею в виду либералов, – просто откровенно ненавидит свою страну и свой народ. Удивительно!

– Да, господин Кьеза, к сожалению, так оно и есть, вы совершенно правы.

– Хорошо, но если это так на самом деле, если эти люди не просто не понимают и не знают своей страны, но к тому же еще и ненавидят ее, то какое они тогда имеют право претендовать на какую-то исключительную роль? Это во-первых – так сказать, моральный аспект проблемы. А во-вторых, давайте трезво, непредвзято оценим хваленые интеллектуальные способности либералов. Да они в принципе не в состоянии управлять Россией, потому что они, ослепленные ненавистью, совершенно не знают и не хотят знать свою страну. Либералы воспринимают ее в соответствии с теми штампами, которыми забиты их головы вот уже почти два века. Но эти штампы ни раньше не соответствовали той действительной, подлинной России, которая окружала либералов, ни теперь не соответствуют. Получается парадоксальная ситуация. Я каждый день читаю сводки американских СМИ. На кого ссылаются американцы, когда что-то пишут о России? На русских либералов и на их фантастические, нереальные описания того, что происходит на их родине. То есть американцы транслируют изначально превратное, предельно субъективное и предвзятое мнение и выдают его за истину в последней инстанции. Как вам такая свобода информации? Я уже неоднократно говорил своим американским друзьям: «Вы пишете то, чего в реальности нет и не может быть. Вы пишете, что Путин хочет захватить всю Европу. Какая ерунда! А это значит, что вы будете принимать решения, не понимая, что происходит на самом деле». Вот сейчас заговорили о необходимости защитить от России Эстонию, Латвию и Литву – будто бы Москва уже вознамерилась их захватить. Но это же абсурдная идея. Начнем с того, что России этого не надо, в этом нет ни военного, ни политического, ни экономического резона. Причем сами американцы прекрасно знают, что Россия не намерена захватывать Прибалтику. Эта истерия нужна им для прикрытия их собственных военных приготовлений против России в этом регионе, я об этом еще скажу позже. Но многие на Западе действительно верят в этот миф – и даже не только далекие от политики обыватели, но и представители властных кругов. Я обычно при случае отвечаю на это, что за всё постсоветское время Россия не захватила ни одного квадратного сантиметра чужой земли, даже у стран, входящих в ареал бывшего Советского Союза. И не надо тут спекулировать на примере Крыма – там был референдум, а подавляющее большинство жителей полуострова всегда хотели вернуться в Россию. Неспроста Крым всё постсоветское время так упорно пытались украинизировать. На чем же тогда основывается эта небылица о том, будто Россия намеревается на кого-то напасть, кого-то поработить, лишить независимости? Элементарный здравый смысл подсказывает, что у России нет необходимости превращаться в агрессора, она и без того самая большая в мире страна. Да и вообще у нее сейчас совершенно другие проблемы. Много проблем, но среди них нет даже помысла увеличить свою территорию за чей-то счет. Между тем в самой России нарастает беспокойство по поводу того, что Запад сосредоточивает на ее границах свои войска. Именно это мы сейчас и наблюдаем в той же Прибалтике и на Украине... Вернусь к тому, с чего начал. Важным элементом пропагандистской войны – пока, к счастью, только такой – Запада против России является тот негативный образ вашей страны, который создан русскими либералами и подхвачен либералами российскими, современными. По существу, ваши либералы – это действительно «пятая колонна» Запада, так оно и есть на самом деле. Они – враги собственного народа, они всячески противятся тому, чтобы их идентифицировали с их соотечественниками и с их страной. И я еще раз повторю, что воспринимаю эту вашу «пятую колонну» как парадоксальный феномен. В Европе – и в частности у нас, в Италии, – такое в принципе

невозможно. Понятно, что интеллектуалы повсеместно как бы дистанцируются от остального общества, считают себя некой обособленной кастой. Но им нигде – кроме вашей страны – и в голову не придет гордиться и кичиться ненавистью и презрением к собственному народу. Они могут думать всё что угодно, но при этом никогда не посмеют хотя бы даже намекнуть на свои мысли, если эти мысли оскорбительны для нации, если они ставят под сомнение интересы государства. В таком случае из интеллектуалов они в одночасье превратятся в маргиналов, в неприкасаемых, умрут социально и политически. А у вас, похоже, действует так называемый негативный отбор: чем больше гадостей тот или иной либерал скажет о своем народе и о своей стране, тем больше внимания ему уделят в СМИ, особенно на телевидении, и тем большую известность он получит... Да, странно всё это, конечно. Вы знаете, я в связи с этим вспомнил учение Маркса о рабочем классе. Маркс ведь понимал, что рабочий класс неоднороден. Он делал ставку на рабочих сознательных, которые активно борются за свои права, за политические перемены. Но вместе с тем Маркс писал и о других рабочих – несознательных. Такие рабочие, как считал Маркс, становятся предателями своего класса не по злому умыслу, а по причине своей политической безграмотности. Ваши же либералы – именно осознанные предатели. Это отнюдь не либеральная оппозиция – чего, родительный падеж – России, а либеральная оппозиция – чего, родительный падеж – Запада – чему, дательный падеж – России. В той же Великобритании, в которой родилось само понятие оппозиции, партия, проигравшая выборы и перешедшая в оппозицию к победившей партии, не перестает идентифицировать себя со своей страной и с ее интересами. А в России интересы оппозиции – это интересы Запада, разве что озвученные по-русски.

– Господин Кьеза, вы как знаток русской истории наверняка помните мемуары маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Помните, там в самом начале, когда де Кюстин плыл на корабле в Петербург, он на борту беседовал с одним из пассажиров – князем Козловским, русским. Этот князь наговорил маркизу такого о своей стране, перед чем русофобия самого де Кюстина – считающаяся как бы эталонной, если в данном случае уместно такое уподобление, – просто меркла, была точно детский лепет. С того времени прошло больше 170 лет, а русофобские рассуждения Козловского – ну, один в один с тем, что говорят наши либералы. Видимо, карма у нас такая – гордиться неприятием родного…

– Да, конечно, помню хорошо этот разговор на корабле. Я читал мемуары де Кюстина, готовясь впервые приехать в Советский Союз, и моя первая книга, которую я написал в России, была посвящена как раз путешествию маркиза. Я помню, эта книга была для меня просто открытием. Но, как потом оказалось, многое из нее я понял, лишь прожив несколько лет в вашей стране... Да, ну так вот, я начал говорить о Ельцине, и мы ушли слишком далеко от основной линии нашей беседы. Россия – это сейчас главное препятствие для Запада, намеревающегося из-за надвигающегося кризиса установить новый миропорядок, в котором дальнейшее развитие конкурентов «золотого миллиарда» будет решительно пресекаться. Но это – сценарий в идеале. На самом деле та самая информационная проницаемость мира, о которой я говорил, слишком сильно изменила человечество, и с ним теперь невозможно обходиться как с бессловесным стадом. Всё больше людей даже на Западе – я уже не говорю о жителях стран третьего мира – начинают понимать, что политическое руководство Соединенных Штатов и Европы мечется в преддверии нового кризиса, что у него нет рецептов, как этот кризис преодолеть или хотя бы смягчить, – я, разумеется, имею в виду такие рецепты, которые устраивали бы большинство человечества. Наконец, они всё отчетливее начинают понимать, что в складывающейся ситуации коллапс демократии – даже той имитационной демократии, которая существует примерно с окончания Второй мировой войны, – просто неизбежен. Новый кризис, ко всему прочему, станет еще и кризисом демократии в той ее форме, к которой мы успели привыкнуть.

– То есть новый кризис принесет не только резкое и – что особенно важно подчеркнуть – повсеместное падение жизненного уровня в смысле материальной обеспеченности, но к тому же примет ярко выраженные черты и кризиса политического? Условно говоря, демократии перестанет хватать на всех?

– Простите, а разве ее сейчас хватает на всех?! Я даже не третий мир имею в виду. Вы посмотрите на те же Соединенные Штаты. Там назревает масштабная социальная революция.

– Социальная? Но ведь сенсационные прошлогодние беспорядки в Фергюсоне и совсем недавние – в Балтиморе – происходили на расовой почве…

– А я сейчас совсем не об этих беспорядках говорю. С волнениями на расовой почве всё ясно. Это проблема, которая лежит на поверхности и хорошо видна. Я в данном случае

имею в виду те противоречия американского общества, которые пока не проявлены и пребывают в латентном состоянии. У нас как-то не принято говорить о том, что, например, 50 миллионов американцев живут в трущобах.

– Первый раз слышу. Выходит, если население Америки сейчас составляет 325 миллионов, то каждый шестой живет в трущобах? Ну, ладно, не каждый шестой, а каждый седьмой, хотя разница невелика. Поразительно!

– Вот видите, вы этого не знаете. И очень многие не знают, потому что Соединенные Штаты не очень-то разглашают подобные факты. Если внимательно присмотреться к сегодняшней Америке, то становится видно, что ситуация там крайне взрывоопасная. И нашумевшие волнения – это только, как говорится, первые ласточки. Нас убеждают в том, что американская система – наиболее демократическая, гибкая, что она очень тонко чувствует любые изменения в обществе и настраивается на них. Но на самом деле всё обстоит противоположным образом. Двухпартийная система с попеременным участием во власти «слонов» и «ослов» сложилась в начале прошлого века и с тех пор не менялась. Это называется гибкостью? Это называется тонкой настройкой на динамично меняющиеся общественные реалии? На это нам пытаются возражать: мол, правящие партии остались прежними, но зато они внутренне качественно изменились за прошедший век. Ничего подобного! Американская властная модель – чрезвычайно жесткая, она, как сейчас любят говорить в России, заточена под решение только одной-единственной задачи: обеспечивать безраздельное господство американской элиты и искоренять любые возможности для возникновения тех или иных сил, способных составить ей конкуренцию. Я имею в виду конкуренцию и внутри Америки, и в мире в целом.

Я брал интервью у Лебедя (на фото), и мне было отчетливо видно, что передо мной – честный русский человек с сильно развитым чувством справедливости.

– Извините, господин Кьеза, я вас перебью. В книге «Что вместо катастрофы» об этой жесткости как незыблемом, неизменном способе, посредством которого американская элита управляет своей страной и устанавливает правила для остального мира, вы говорите в том числе с неожиданной стороны – ссылаясь на известные фильмы, в которых откровенно показана кухня американской политики. Вы называете «Космическую одиссею 2001 года» Стэнли Кубрика, «Три дня Кондора» Сидни Поллака – я перечисляю в той последовательности, в какой эти ленты выходили, – «Бегущего по лезвию» Ридли Скотта, «Хвост виляет собакой» Барри Левинсона – в нашем прокате этот фильм назывался «Плутовство», – «Послезавтра» и «2012» Роланда Эммериха. Я, со своей стороны, добавил бы к этому перечню «Марафонца» Джона Шлезингера и «Доброго пастыря», или «Ложное искушение» у нас, Роберта Де Ниро. И это не какие-то маргинальные, полуподпольные ленты, а очень дорогие продукты, которые по выходе пиарились на самом высоком уровне. Зачем американцам выставлять напоказ святая святых своей политической системы – со всеми ее язвами? Чтобы выпустить пар, продемонстрировать – дескать, вот мы какие самокритичные?

– Я сказал бы так. Эти фильмы, несмотря на то что они транслировались на самую широкую мировую аудиторию, все-таки в первую очередь были адресованы именно интеллектуалам – я имею в виду американских интеллектуалов. Создаются интеллектуалами и для интеллектуалов же. Да, безусловно, здесь надо отдать им должное. Ради взгляда на самих себя со стороны, ради того, чтобы получить массовую, многомиллионную реакцию на эти фильмы, а потом оценить, что и как о них говорят и пишут, эти интеллектуалы готовы

приоткрывать некоторые из закрытых сторон жизни американской элиты. Такое прощупывание эфира чрезвычайно полезно. Оно дает весьма правдоподобную картину существующих настроений, а эти сведения необходимы американцам, чтобы постоянно уточнять и корректировать тот глобальный курс, которому они следуют. И если мы возьмем последние наиболее кассовые ленты – например, боевики «Падение Олимпа», «Штурм Белого дома», «Форсаж 7» или приключенческий фильм «Невероятная жизнь Уолтера Митти», в котором блестяще показана современная американская корпократия, – то в каждом из них не намеками, а совершенно прямо демонстрируется глубокий кризис Америки. Конечно, с художественной точки зрения это великолепные картины. Но за блестящей игрой актеров и за дорогими спецэффектами всегда важно видеть месседж, который несет в себе тот или иной фильм. Возьмем знаменитую драму Питера Уира «Шоу Трумана». Фильм сделан изумительно, но нас он интересует прежде всего с точки зрения того, как в нем представлен современный американский всепроникающий тоталитаризм. Другое дело, что воспринять этот месседж, прочитать содержащуюся в картине информацию в состоянии далеко не каждый зритель... Ну, Дмитрий, говорить о современном кино я могу очень долго, поэтому возвращаюсь к тому, на чем мы остановились. Демократическая и Республиканская партии США – вовсе не партии в европейском смысле этого слова, а целые индустриальные комплексы, обеспечивающие воспроизводство и функционирование власти. Их взаимная конкуренция иллюзорна – она допускается лишь в том случае, если ситуация более или менее стабильная. В критические же моменты они действуют сообща, рука об руку. То есть тут давно никакой демократии и близко нет – если под демократией подразумевать возможность народа влиять на принятие и осуществление государственных решений. Можно даже сказать, что народ по-настоящему никогда и не правил Америкой. Почитайте «Империю» Гора Видала – там всё подробно описано, кто и как управляет Соединенными Штатами. В Европе же всё по-другому. Вообще Европа – самая уязвимая часть Запада. У нее совершенно иная история, да и психология европейцев имеет мало общего с психологией американцев. Представление о том, что Запад един, – это миф. Разница между Европой и Америкой – колоссальная. И сегодня эта разница прежде всего ощущается в том, как Европа реагирует на этот кризис демократии, который охватил весь Запад целиком.

– Вы хотите сказать, что Европа делает это иначе, чем Америка? А в чем это проявляется?

– Не просто иначе, а фактически противоположным образом. Что мы видим в Европе? Здесь на протяжении более полувека действовал своего рода социальный пакт между политическими партиями и населением. Партии говорили избирателям: «Голосуйте за нас – а мы вам за это обеспечим высокий уровень жизни, причем даже еще более высокий, чем в Америке. Но только отдавайте нам свои голоса и живите по тем правилам, которые мы для вас устанавливаем». Этот пакт в целом соблюдался обеими сторонами. Но вот в 2008 году на Западе начался системный кризис – и пакт начал пробуксовывать. Средний класс, который был массовым гарантом этого пакта, стал рассыпаться, уровень его материального благосостояния резко упал, от прежней уверенности в завтрашнем дне ничего не осталось – панические настроения нарастают буквально на глазах. Это если говорить о кризисе. А первые признаки рецессии проявились еще раньше – на рубеже веков. Это видимая сторона происходящего процесса. А его скрытое – основное – содержание заключается в масштабном перераспределении средств – от средних и малообеспеченных слоев к состоятельному меньшинству. Если раньше, когда пакт соблюдался, разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными не выглядел вызывающим, то сейчас он приближается к критическому показателю. Это власть нарушила пакт, это она организовала и осуществила переворот, в результате которого от среднего класса – некогда действительно наиболее многочисленного слоя европейского общества – осталось лишь одно название. *Welfare* – что власть обещала в обмен на голоса и на политическую лояльность – уже нет и в помине для миллионов и миллионов европейцев. А значит, пакт больше не работает. Согласен, мы пока не можем констатировать факт резкого обнищания большинства европейцев, но уровень жизни падает, и это ощущается. А вместе с падением уровня жизни утрачивается и ощущение стабильности и предсказуемости, чем так гордились европейцы в последние десятилетия. Вместо этого наступает неуверенность, будущее страшит своей неопределенностью. И такие настроения чувствуются по всей Европе – в Великобритании, во Франции, в Испании, в Италии, в Греции, в Голландии, в Финляндии. Словом – везде. И у европейцев возникает вполне обоснованная претензия к тем политическим партиям, которые прежде со своей

Американцы прекрасно знают, что Россия не намерена захватывать Прибалтику. Эта истерия нужна им для прикрытия их собственных военных приготовлений против России в этом регионе.

стороны также выступали гарантами соблюдения пакта. Они начинают отдавать предпочтение новым политическим силам. Посмотрите на итоги прошлогодних выборов в Европарламент в Великобритании. Из 73 мест, которые были отведены этой стране, 24 получила Партия независимости Соединенного Королевства, то есть политическая сила, которую прежде никто толком и не знал. Это же сенсационная победа. Куда подевались консерваторы и лейбористы, которые на протяжении многих десятилетий делали погоду в Великобритании? То же самое и во Франции. Национальному фронту Марин Ле Пен удалось получить 22 места в Европарламенте. Ни голлистам, ни социалистам такой результат и не снился. А Национальный фронт вышел на первое место. В Испании набирает силу новая левая партия «Подемос». Греческая СИРИЗА в январе победила на выборах и сформировала кабинет. У нас два с лишним года назад на парламентских выборах третье место заняло молодое движение «Пять звезд» Беппе Грилло – оно получило более 25 процентов голосов, то есть за него проголосовали 9 миллионов итальянцев. Если посмотреть на все эти факты в их совокупности, то можно утверждать, что в партийно-политическом ландшафте Европы происходят революционные изменения. Эти изменения обходят стороной разве что только Германию, где сохраняется прежняя структура политических сил. Но Германия – самая богатая европейская страна, а значит, наиболее стабильная. А вся остальная Европа охвачена революцией. И я думаю, что в течение двух или трех – максимум четырех – лет партийная география Европы полностью изменится. И что тогда ждет Европу – сказать трудно. На сегодняшний день ясно, по крайней мере, одно: все эти новые европейские партии к самой Европе – точнее, к ее нынешнему состоянию – относятся весьма и весьма критически. Теперешний Европарламент, несмотря на то что новые политические силы получили в нем заметное представительство, совершенно не соответствует реальной картине настроений и общественных предпочтений. И следующие выборы в него, бесспорно, окажутся поворотными. Однако все те новые тенденции, которые обозначатся на этих выборах, еще раньше проявятся в ходе национальных кампаний в Испании, во Франции, вероятно, в Италии и в других странах. Происходящая на наших глазах европейская политическая революция – еще одна причи-

Ваши либералы – это действительно «пятая колонна» Запада, так оно и есть на самом деле. Они – враги собственного народа, они всячески противятся тому, чтобы их идентифицировали с их соотечественниками и с их страной.

на, почему американцы торопятся усилить здесь свое присутствие. Потом, когда революция завершится, подчинить Европу будет гораздо труднее. А значит, ее следует захватить безотлагательно, прямо сейчас установить над ней полный контроль со стороны Соединенных Штатов. Кроме того, Америку явно раздражает сильная и независимая Германия. Когда Европа окажется под контролем Вашингтона, Германия, само собой разумеется, тоже ослабнет, станет уже не такой, как раньше. Вот почему американцы так спешат. Они понимают, что Европа всё сильнее претендует на самостоятельную роль в мировой политике, и потому придумывают самые разные способы, чтобы помешать осуществиться этому намерению. Развязанная Америкой война на Украине направлена одновременно против и России, и Европы. По замыслу Вашингтона, эта война должна вбить клин между Россией и Европой, поссорить их друг с другом, разрушить налаженные связи – прежде всего в энергетической сфере. Энергоносители – вот ключевой пункт. Обама неслучайно в прошлом году дважды приезжал в Италию и уговаривал нас отказаться от импорта российских энергоносителей, обещая помощь Америки в налаживании новых линий сырьевых поставок. Могу назвать и еще одну причину, вынуждающую американцев торопиться, – это обретение Китаем через два-три года принципиально нового геополитического качества. Китай уже сегодня можно назвать ведущей мировой державой по многим показателям, но примерно к 2017 году его лидерство станет абсолютным, и Америка по всем ключевым критериям оценки окажется отодвинутой на вторую позицию в мире. Но ей этого, естественно, не хочется. Более того, Китай прекрасно понимает, что является на сегодняшний день для Соединенных Штатов врагом номер один и что Америка будет в самое ближайшее время всячески пытаться остановить Китай – вплоть до развязывания против него войны. Американцы утратили чувство реальности. Они считают, что сумеют «проглотить» Китай. То есть США чуть ли не одновременно ведут две опасные игры – против России и против Китая. Они полагают, что смогут сломать Россию. Но это ошибка. А еще большей ошибкой является самоуверенное по-

ведение в отношении Китая. Американцы считают, что, обладая наиболее мощной и развитой на данный момент военно-технологической базой, они могут делать всё что угодно. Поэтому сегодня риск развязывания глобальной войны велик, как никогда прежде со времени Карибского кризиса. США готовы на всё – лишь бы любой ценой сохранить свое мировое господство. У этих людей нет ни цивилизационной ответственности, ни подобающей культуры, ни понимания исторических процессов. Они уповают лишь на собственную грубую силу. Представьте себе, что мы вверяем судьбу всего мира маленькому ребенку, который абсолютно ничего не знает и вообще только-только научился говорить. Американцы сегодня представляют собой такого маленького ребенка – капризного и крайне безответственного. Поэтому я очень опасаюсь того, какими выдадутся ближайшие годы. И я очень надеюсь на Россию – что она своей спокойной уверенностью отрезвит горячих американских парней. И также рассчитываю на европейскую революцию, которая преобразит наши страны, сделает их более устойчивыми к попыткам внешнего давления. Вот те два фактора, которые делают меня оптимистом, – Россия и европейская революция... Хотя, конечно, нам предстоят крайне напряженные несколько лет, в течение которых вероятность полномасштабной глобальной войны будет чрезвычайно высокой. Но я еще раз подчеркиваю, что Запад неоднороден, мы, Европа, и Америка – это совершенно разные цивилизации. И поэтому всё больше европейцев – и простых людей, и политиков, и первых лиц – начинают осознавать весь риск следования в фарватере Соединенных Штатов. Вот, например, госпожа Меркель после всего того, что произошло на Украине, похоже, начинает понимать, что Америка ведет Европу куда-то не туда.

– Вы знаете, меня вообще в прошлом году поражала, да и сейчас продолжает удивлять позиция Германии по поводу того, что происходит на Украине. Да, конечно, у Берлина там есть свои интересы, и эти интересы обусловливают его исключительное внимание к этой бывшей советской республике. Интересы, глубоко укорененные в истории: давайте вспомним даже не Вторую мировую, а Первую мировую, виды на территории современной Украины Гогенцоллернов и Габсбургов. Об этом можно долго говорить. Но вопрос в другом: почему Германия, несмотря на свою, так сказать, исключительную традиционную компетентность в украинском вопросе, на протяжении скоро вот уже полутора лет с начала вооруженного противостояния на Украине послушно действует в русле Америки?

– Это-то как раз совершенно понятно. На сегодняшний день нет ни одного европейского лидера, который мог бы принимать решения самостоятельно, без оглядки на Вашингтон. Все они, в том числе и госпожа Меркель, находятся под неусыпным контролем из-за океана, на каждого из них у Америки имеется компромат, гарантирующий послушность и управляемость того, к кому он относится. Те же из европейских политиков, которые позволяют себе действовать самостоятельно и не сверять часы с Соединенными Штатами, сурово наказываются. Вспомним историю Доминика Стросс-Кана. Он ведь вполне мог стать президентом Франции, но из-за скандала был вынужден вообще уйти из публичной политики. Нет, его, конечно, не убили – в Европе это нецивилизованно, – а просто нейтрализовали, политически стерилизовали. И естественно, госпожа Меркель очень хорошо знает, почему так поступили со Стросс-Каном, и господин Олланд знает. Не уверен, знает ли об этом господин Ренци, – может, и нет: слишком молодой еще и слишком наивный. Поэтому когда ты видишь чьи-то труднообъяснимые, неестественные или просто ошибочные действия, то всегда возникает вопрос: что это – ошибка или же результат шантажа, давления со стороны, в результате чего пришлось принять неразумное решение? К тому же не надо забывать и о том, что о многом просто нельзя говорить публично. Например, о том, какими бешеными темпами развивается масштабная экологическая катастрофа. Обратите внимание, в последние годы об этом в СМИ практически вообще не говорят. Очень редко промелькнет какая-то частная информация – и не более того. Эта проблема сейчас сознательно замалчивается, чтобы не провоцировать массовую панику, особенно в тех сообществах, которые по замыслу мировой элиты должны пока пребывать в спокойном состоянии и особо не беспокоиться о своем будущем. Паника – очень опасная вещь. Если она начнется, то при нынешней информационной проницаемости мира и при тесной взаимозависимости всех его регионов очень быстро будет нарушена глобальная управляемость, а это Америке не нужно. Между тем экологическая катастрофа уже происходит, разрушается планетарная экосистема. И виноват в этом современный капитализм, который сейчас не просто хищный и жадный, как раньше, но к тому же еще и сумасшедший, совершенно не задумывающийся о завтрашнем дне. Если раньше капитализм, который про-

изводил товары, волей-неволей был вынужден заглядывать в будущее, то сейчас капитализм делает не товары, а лишь деньги, будущее его не интересует – прибыль должна быть получена здесь и сейчас. И на этом фоне экология вообще никого не волнует. Таким образом, новый мировой кризис обязательно будет иметь и экологическую составляющую. В своей книге, с разговора о которой мы начали нашу сегодняшнюю беседу, я как раз обращаю на это внимание, говорю о том, что приближающийся кризис требует совершенно иного уровня понимания. В мире всё взаимосвязано, и совсем скоро войны будут вестись не ради аннексий или торговых преференций, как раньше, не ради ресурсов, как в наше время, а ради запасов питьевой воды или возможности дышать чистым воздухом. Американцы откровенно манкируют международными договоренностями, касающимися уменьшения парникового эффекта. Европейцы, в отличие от американцев, гораздо более ответственно подходят к этой проблеме, но они мало что могут в одиночку, без поддержки заокеанской «половинки» Запада, а кроме того, боязно в открытую говорить правду об экологической ситуации – за это можно запросто лишиться карьеры. Но бесконечно табуировать действительное положение дел в экологии не получится – она сама напомнит о себе, причем сделает это самым беспощадным образом. Я пишу в книге о том, что варварское, хищническое экономическое развитие Запада не может продолжаться еще долго из-за элементарной нехватки ресурсов. Через 30–40 лет, если не раньше, экологический кризис приведет к общепланетарному коллапсу. Будут сломаны целые экосистемы, и ситуация станет неуправляемой. И тогда уже никакие технологии не помогут. Технологии работают в нормальных условиях, а при катастрофе они стопорятся. Достаточно привести один простой пример. Представьте себе, что в результате того или иного экологического или природного бедствия выходит из строя энергоснабжение. Что тогда будет с технологиями? Компьютеры отключатся, транспорт остановится, мегаполис погрузится во мрак, его жителям станет нечего пить и есть. Вы упомянули фильм «Послезавтра». Вот блестящая иллюстрация того, как это может выглядеть. Правда, в этом фильме жертвой масштабной климатической катастрофы оказывается только Америка, хотя на самом деле, случись нечто подобное – и необратимым изменениям подвергнется весь мир целиком. В течение буквально нескольких дней планета станет просто совершенно другой. Мы сегодня чрезвычайно уязвимы и как никогда раньше зависим друг от друга. Но человечество не осознает этой своей уязвимости. Люди в массе своей верят средствам массовой информации, что всё идет более или менее нормально. Во всяком случае, ни о какой катастрофе никто и не думает, за исключением тех, кто обладает сведениями о реальном положении дел в экологии. И главным инструментом такого обмана подавляющего большинства населения Земли являются западные средства массовой информации.

– Вы подробно пишете об этом в книге, рассматриваете конкретные приемы, с помощью которых медийная индустрия манипулирует миллионами, даже миллиардами людей.

– СМИ сегодня являются несущей конструкцией всей системы американского господства. Если СМИ начнут говорить хотя бы чуть-чуть правды, эта система тут же неминуемо рухнет, так как повсеместно пойдут протесты и волнения, с которыми Америке уже не справиться. Вот вам еще одна ахиллесова пята современной цивилизации, еще одно свидетельство ее уязвимости – это социальная стабильность. Пока большие массы людей пребывают в благодушном неведении, ими легко манипулировать, но стоит им только узнать хотя бы малую долю правды о том, что на самом деле происходит в мире, как они тут же придут в волнение. Я даже не имею в виду какие-то сознательные и организованные общественные акции – они невозможны без основательной подготовки. Я имею в виду элементарную панику. Если такая паника охватит всего несколько стран, то никакие манипулятивные технологии не смогут с ней справиться. Потому-то правда так опасна, потому-то ее так боятся те, кто хочет властвовать над миром. И потому-то у американцев и не остается иного выбора: любой ценой не давать человечеству возможности знать правду о том, что на самом деле происходит в мире, а самим заботиться лишь об укреплении собственного господства. А в определенный момент, когда груз неразрешимых проблем оказывается неподъемным, просто освобождаться от него, развязывая очередную войну. И сейчас – в который уж раз в истории – мы движемся к такому драматичному исходу. Вот и вся американская стратегия. Да, еще остается совсем крохотная возможность избежать трагедии. Во всяком случае, какое-то непродолжительное время для этого пока имеется. Но проблема в другом. Для такого крутого поворота в сторону от катастрофы требуются не просто отдельные политические лидеры, мыслящие ина-

У американского общества имеются противоречия, которые пока не проявлены и пребывают в латентном состоянии. У нас как-то не принято говорить о том, что, например, 50 миллионов американцев живут в трущобах.

че, нежели американцы, а целое поколение, определенная критическая масса таких лидеров. Не отдельные единицы, пусть и весьма влиятельные, – они есть и сейчас, – а именно генерация новых людей. Мы ведь и так сильно опаздываем. О необходимости своего рода глобальной команды подобных руководителей говорилось более 40 лет назад, в начале 1970-х.

– А что вы имеете в виду, что это за точка отсчета в начале 1970-х?

– Первые доклады Римскому клубу. В них были заявлены новые подходы к комплексному изучению планеты. Да, это были начальные попытки, а изложенные в них соображения явились самым предварительным приближением к проблеме, но в целом общие принципы того мировоззрения, которое сформировал Римский клуб, работают до сих пор. То есть мы стали первым поколением, способным видеть будущее на несколько десятилетий вперед. Мы научились собирать данные, оценивать их и на этом основании строить прогнозы. Мы можем это – но не делаем, потому что претендующие на глобальную власть изо всех сил мешают нам. Хотя не надо всё сваливать на происки каких-то темных сил. Темные силы были и будут всегда. Наша очевидная вина в том, что мы позволяем себя обманывать, порой не хотим лишний раз критически взглянуть на то, что показывают по телевизору. И вот это противоречие между объективными возможностями и фактическим нежеланием их использовать, тягой к спокойствию и привычкой плыть по течению чрезвычайно удручает. Особенно если учитывать, что несмотря на закрытость многих сведений, огромное количество ценнейшей информации буквально валяется у нас под ногами. Макроэкономические процессы протекают на виду у всех, их не скроешь. Описывающие их кривые, основанные на статистических данных, говорят сами за себя. И если, по такой кривой, ситуация развивается в определенном направлении, абсурдно надеяться, что тенденция может сама собой перемениться, отклониться в сторону или вовсе пойти обратно. То есть нам дана возможность наблюдать и делать самостоятельные выводы из увиденного. Но, к сожалению, этим занимаются единицы. Подавляющее большинство предпочитает не утруждать себя и полагаться на то, что говорят СМИ. Нет субъекта, готового взять на себя ответственность и бросить вызов тем силам, которые создали эту систему глобаль-

Кадр из фильма «Плутовство»

Прощупывание эфира чрезвычайно полезно. Оно дает весьма правдоподобную картину существующих настроений, а эти сведения необходимы американцам, чтобы постоянно уточнять и корректировать тот глобальный курс, которому они следуют.

ного обмана. К тому, чтобы стать таким субъектом, сегодня очень близки две страны – Россия и Китай. Там еще сохранилась способность мыслить критически, разумно. Больше нигде такого нет – только в России и в Китае. Поэтому давно назрела потребность в некоем надгосударственном органе, который смог бы аккумулировать усилия всех тех людей в разных странах мира, которые хотят знать правду о том, что происходит на планете. ООН на такую роль не годится. Это устаревшая структура, и толкование ею понятия безопасности сводится больше к дипломатическому взгляду, нежели к фокусировке на каких-либо цивилизационных проблемах. Значит, пришла пора создать новую структуру, делегировать в нее достойных людей, наделить их соответствующими ресурсами и полномочиями, чтобы все остальные могли регулярно получать от них информацию о том, что происходит в мире и чего следует ожидать.

– Хорошо, господин Кьеза, представим себе, что такая структура создана. А сможет ли она противостоять информационному террору, который тут же будет развязан против нее теми, кого вы в своей книге называете гейткиперами, то есть лицами, выполняющими прямо противоположную задачу – не допускающими распространения среди, так сказать, «непосвященных» информации о том, что на самом деле происходит в мире?

– Гейткиперам придется противостоять, и это будет нелегко. А вообще та структура, о которой я говорю, должна разрушить монополизм гейткиперов и стать надежным источником альтернативной информации. Источником, который никто не сможет опровергнуть. Конечно, сразу это не получится. На становление такой структуры уйдут годы, я понимаю. Но другого способа справиться с информационным тоталитаризмом гейткиперов не существует. От тех, кто войдет в эту структуру, потребуется умелая и продуманная информационная политика. Хотя бы потому, что нельзя заваливать неподготовленную аудиторию такой информацией – пусть и самой что ни на есть правдивой и объективной, – какую эта аудитория неспособна усвоить. В противном случае можно спровоцировать неадекватные массовые реакции. Тут надо действовать

чрезвычайно грамотно и аккуратно. Поэтому оппоненты гейткиперов далеко не во всех случаях должны делиться с публикой той эксклюзивной информацией, какой они располагают, но знать ее, владеть ею они обязаны – чего, увы, не скажешь о многих теперешних интеллектуалах. Вчера я был на одном мероприятии, посвященном как раз изменению климата. В этом мероприятии участвовали уважаемые и компетентные лица, находящиеся в курсе всех новейших исследований по этой проблематике, но я был потрясен – они вообще не видят никакой связи между тенденциями в экосистеме Земли и процессами глобализации, в том числе глобализации политической. Было сказано много разных слов – но всё не о том, о чем надо. И я вдруг подумал: ведь эти мои собеседники непосредственно консультируют лиц, принимающих решения. И если сами консультанты не понимают, что происходит, то ясно, почему такую недальновидную политику проводят те, кого они консультируют.

– Господин Кьеза, у нас, в России, мы называем подобную ситуацию кризисом экспертократии. Ведь совершенно очевидно, что консультанты – или, иначе говоря, эксперты – не просто дают советы, а фактически реализуют собственные задумки руками тех, для кого делают аналитику или прогнозы. То есть экспертное сопровождение – это не что иное, как власть консультантов над консультируемыми, над теми, кто является формальным олицетворением и воплощением власти на разных уровнях и в разных сферах. Консалтинг – это власть над властвующими. Эта, так сказать, власть в квадрате – тема отдельного разговора, но в данном случае я просто хочу сказать, что качество экспертного обеспечения большой политики падает. В нашей стране это видно невооруженным глазом. В мире, судя по вашему рассказу о вчерашнем мероприятии, происходит то же самое. Видимо, это глобальный тренд.

– То, что вы говорите, как раз подтверждает мою мысль, которую я привожу и раскрываю в книге, – о необходимости качественного преобразования того информационного пространства, в котором мы сегодня живем. Я пишу о тех революционных переменах, которые происходят сейчас в сфере наших знаний. Пройдет еще немного времени, и те же разработки в области искусственного интеллекта приведут просто к некой новой реальности, какую сейчас невозможно представить. С помощью нанотехнологий и генной инженерии мы сможем оперировать колоссальными объемами информации. Эту новую реальность мы ощутим совсем скоро – в течение каких-нибудь 20 лет, не более. А это значит, что и общество станет совершенно другим, изменится до неузнаваемости. Вот вам еще одно наблюдение из моего вчерашнего дня. Я возвращался поздно вечером домой в метро. В вагоне находились примерно 20–25 человек, и каждый – подчеркиваю, каждый – держал в руках гаджет и что-то с ним делал. Кто-то разговаривал, кто-то чатился, кто-то слушал музыку в наушниках, кто-то смотрел фильм, большинство просто играли. Все без исключения. Никто друг с другом не разговаривал, никто друг на друга не смотрел, каждый был всецело погружен в свой гаджет. А ведь всего каких-нибудь 5 лет назад ничего подобного и близко не было. Такая картина в метро была бы просто немыслима. И в Москве то же самое, что и в Риме. Правда, небольшая разница между нашими столицами все-таки есть: у вас в метро многие еще читают. Пусть с экранов мобильников или с планшетов, но тем не менее читают – а не играют и не развлекаются.

– Играют тоже очень многие.

– Но тем не менее есть и те, кто читает, а у нас таких нет вообще. Так вот, поначалу, когда все эти мобильные устройства еще только входили в нашу жизнь, мы и предположить не могли, к какому фатальному падению интеллектуального уровня они приведут. Мы наивно полагали, что возможность в любую секунду зайти в Интернет сделает нас умнее, а на самом деле получилось наоборот. Сознание деградирует, синтаксис языка размывается – речь упрощается и унифицируется, многие слова и речевые обороты вообще исчезают из употребления. Разрыв между массовой и элитарной культурами становится непреодолимым. Представители обеих культур уже вообще не имеют ничего общего между собой. Такое впечатление, что эти люди живут на разных планетах. Что это, как не технотронная сегрегация, как не способ обращения миллионов людей в новое рабство? Подавляющее большинство ничего не знает, ни к чему не стремится, довольствуется масскультурным новоязом – и находится в подчинении у меньшинства, которое имеет доступ к информации, закрытой от всех остальных. А мы еще говорим о демократии. О какой демократии может быть речь, когда информационные технологии управляют чувствами миллиардов людей. Тут демократии и близко нет. Кто обладает технологиями – у того и власть. Например, *Google* работает на американское Агентство национальной безопасности – вот вам контур будущей глобальной корпорации, которая станет управлять ми-

ром в наступающую эпоху катастроф. Но ради чего предпринимаются все эти ухищрения? Ради абсолютного господства над массами. Но тогда зачем лицемерно апеллировать к демократии и ее ценностям? Словом, я снова возвращаюсь к своей идее о необходимости структуры, которая располагала бы объективной информацией о происходящем в мире и нашла бы возможность транслировать такую информацию в массы. Подобная структура становится особенно востребованной ввиду приближающихся катаклизмов. Мы должны отчетливо представлять себе то будущее, которое нас ждет. Лишь обладая такими знаниями, можно подготовиться к тем вызовам, которые сегодня едва заметны на горизонте, а завтра окажутся суровой действительностью. Фактически на повестку дня выходит задача создания системы, похожей на ту, которая существовала в эпоху холодной войны и называлась гражданской обороной. Помните, тогда всех учили, как защититься от поражающих факторов ядерного взрыва, что брать с собой в бомбоубежище и так далее? Неким подобным навыкам нужно обучать и сейчас. Только, конечно, речь идет не о защите от оружия массового поражения, а о готовности общества противостоять тем катастрофам – природным, техногенным, – которые ждут нас в недалеком будущем. А для того чтобы уметь организованно преодолевать такие трудности, люди – не отдельные индивиды, а массы – должны быть интеллектуально вооружены.

– Господин Кьеза, но для такой новой гражданской обороны необходим совершенно иной уровень общественной солидарности, нежели тот, который сейчас имеется и в Европе, и в России. Я скажу даже еще более определенно: требуется просто совсем другая структура общества, для создания которой нужно время. В одночасье людей не переделаешь – даже перед лицом надвигающейся угрозы.

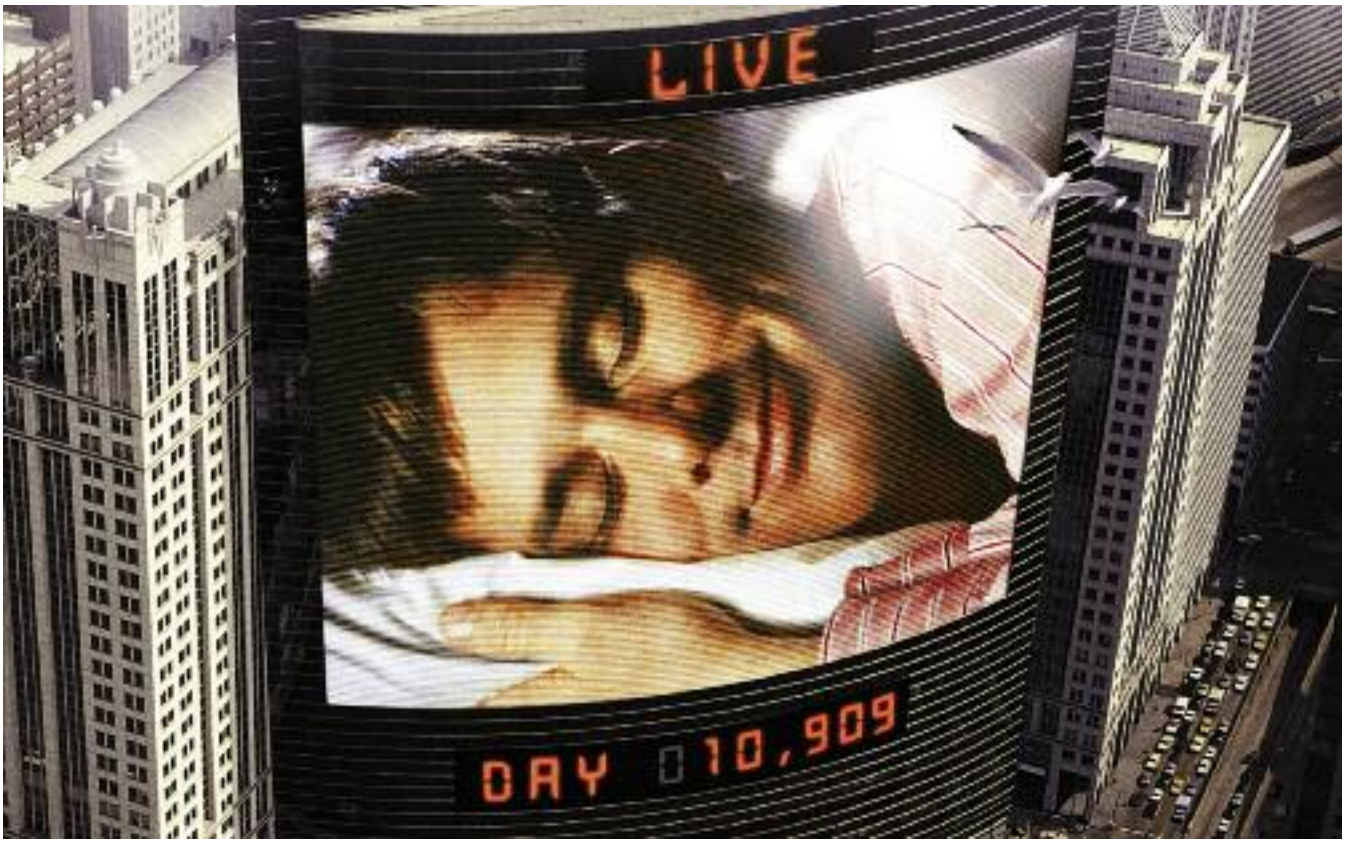
– Ваш скепсис обусловлен тем, что вы рассматриваете мою идею о необходимости массовой интеллектуальной мобилизации для подготовки к встрече с будущим из дня сегодняшнего – со всеми его возможностями и невозможностями. Но ведь через 20–30 лет мир вокруг нас будет совершенно другим. А значит, и само измерение возможного и невозможного станет тогда иным, отличным от той шкалы, к которой мы привыкли. Но в принципе я согласен с тем, что сегодня трудно предвидеть, насколько современный человек окажется способным на такое, без преувеличения, революционное переосмысление опыта коллективного общежития. Мы привыкли к линейным, постепенным переменам. Даже компьютеры и гаджеты входили в нашу жизнь не скачкообразно, хотя и внесли в нее поистине новое качество. Другое дело, что время спрессовывается, ускоряется, и то, на что раньше уходили десятилетия, сейчас протекает за годы. И эта скорость будет дальше лишь нарастать. Я понимаю, что нынешнему обществу не по силам организовать ту интеллектуальную гражданскую оборону, о которой я говорю. Но через одно-полтора поколения оно станет вынужденным совершить этот шаг – в противном случае оно просто не выживет. Я не знаю, не могу предвидеть, какое воздействие окажет на людей столь стремительное перерождение и как они его перенесут. Очень даже может быть, что многие испытают шок или просто сойдут с ума.

– В английском языке есть очень емкое слово – *environment*, то есть среда, жизненное пространство. И я бы сказал так: для достижения обществом того нового качественного состояния, о котором вы говорите, требуется радикальное изменение *environmental self-awareness* – самоощущения себя в среде своего обитания. Причем самоощущения и индивидуального, и коллективного. И изменение во многом синхронное – как подобного самоощущения, так и самой среды.

– Согласен с вами. *Environmental self-awareness* – хорошее определение. И кстати, очень точное. Проиллюстрирую его с ходу двумя примерами – разными по своим масштабам. Сначала пример на макроуровне. В пространстве наших привычек видное место принадлежит транспорту. Реклама формирует целые параллельные миры, относящиеся к транспорту и перемещениям в пространстве. Например, поезд *Eurostar* как особая субкультура со своими параметрами: дизайн вагонов, меню в ресторане, качество *Wi-Fi* и еще многое-многое другое. И вокруг этого – многочисленные торговые бренды, культивируемые вкусы, стили и привычки. То есть целый мир в полном смысле этого слова. Или возьмем современный аэропорт-хаб...

– О, вы мне напомнили еще один известный американский фильм для «посвященных» – спилберговский «Терминал».

– Да, разве что информация для, как вы говорите, «посвященных» там подается не прямо в лоб, а по-спилберговски – намеками. Так вот, пространство такого хаба сегодня для очень многих является повседневной средой обитания – есть люди, которые летают по нескольку раз в неделю. В Америке многие сотрудники корпораций работают в одном городе, а на уик-энд улетают к себе домой в другой город. А утром в понедельник –



Кадр из фильма «Шоу Трумана»

прямо с трапа или из аэропортовского рукава снова на работу. Но вряд ли такой стиль жизни сохранится в будущем. В небе становится всё теснее. И даже если ведущие авиакомпании перейдут на A380, то всё равно рано или поздно наступит предел насыщения воздушных коридоров. Цены на билеты подскочат, миллионам придется отказаться от привычного способа передвижения, летать продолжат лишь избранные. Прежние пассажиры бизнес-класса пересядут в экономкласс, а на их места в первом салоне перейдут многие из тех, кто раньше летал на персональных ВИП-бортах.

– Да, это будет ощутимая перемена *environmental self-awareness* и для тех, кто совсем прекратит летать, и для тех, кто станет летать более низким классом.

– Совершенно верно. А теперь второй пример – прямо из-под окон моего дома. Я живу на *Via Urbana*, по-русски – на Городской улице. Это, как вы могли заметить, узкая улочка, по которой может проехать лишь один автомобиль. Некоторые из моих соседей год назад начали кампанию за то, чтобы закрыть улицу для машин и сделать ее пешеходной. Развернулась целая дискуссия – закрывать или не закрывать?

Возьмем знаменитую драму Питера Уира «Шоу Трумана». Фильм сделан изумительно, но нас он интересует прежде всего с точки зрения того, как в нем представлен современный американский всепроникающий тоталитаризм.

– Многовековые коммунальные традиции, свойственные итальянской культуре, дают о себе знать. Меня всегда поражала и восхищала эта ваша, так сказать, прикладная, практическая демократия на самом низовом уровне.

– Правильно, без такой демократии никак нельзя. Было очень интересно наблюдать за этой дискуссией изнутри – мою семью тоже в нее втянули. В принципе, я был за то, чтобы сделать улицу пешеходной. А потом вдруг выяснился скрытый подтекст всей этой кампании. Оказалось, что она была инспирирована владельцами ресторанов, расположенных на *Via Urbana*. Они захотели ставить столы для посетителей прямо на улице. Больше столов – значит, больше посетителей, туристов, доход подскакивает. Решили превратить *Via Urbana* в улицу-ресторан. А то, что за этими столами под открытым небом будут шуметь до глубокой ночи и мешать нам спать, хозяев ресторанов абсолютно не волновало. В итоге победили те, кто сказал: «Нет, пусть лучше ездят машины, чем улица станет одним сплошным рестораном». И дорога осталась открытой для машин – это решили абсолютно демократически. Я привел вам оба примера ради того, чтобы показать, насколько для человека значима среда его повседневного обитания и какими

В партийно-политическом ландшафте Европы происходят революционные изменения. Эти изменения обходят стороной разве что только Германию, где сохраняется прежняя структура политических сил.

деструктивными для психического здоровья и душевного состояния могут быть последствия, если эта среда по какой-то причине изменится, станет непохожей на свой привычный образ, зафиксированный в сознании отдельного человека или целого сообщества. И ломка, которую придется пережить человечеству при возвращении к изрядно подзабытым формам общественной самоорганизации, предполагающим взаимную ответственность довольно высокого уровня, будет весьма болезненной. Но ее необходимо будет вытерпеть, пережить. Я собираюсь обо всём этом написать книгу. Ну или если не книгу, то развернутое эссе, где постараюсь подробно изложить, какой я вижу эту структуру интеллектуалов, знающих, что происходит в мире, дезавуирующих ложь гейткиперов и мобилизующих общество для коллективного выживания при новом кризисе и сопровождающих его катастрофах. Я обязательно должен это сделать. Причем просто предвидеть, предсказывать будущее сейчас уже недостаточно. Необходимо разработать конкретную политическую программу – как и с помощью чего добиться реализации поставленных задач. Я вижу, что сейчас всё больше и больше людей испытывают дискомфорт от наступившей нестабильности и готовы как-то этому противостоять.

– Вы хотите сказать, что подобные настроения нарастают не только внизу, но и в среднем классе и даже у отдельных представителей элиты?

– Понимающие есть везде – на всех уровнях социальной вертикали. И что характерно, при всех отличиях тех, кто наверху, от тех, кто внизу, их объединяет общее чувство дискомфорта, тревожности за будущее и отсутствие какой-либо системы координат, с помощью которой можно было бы понять, что происходит в мире. Люди смотрят вокруг себя и понимают, что условия их жизни ухудшаются. На почве такого социального дискомфорта возникает солидарность, образуются организации, члены которых пытаются сообща отстаивать свои интересы. В Италии я знаю порядка 50–60 организаций такого рода.

– Это локальные движения, то есть привязанные к каким-либо местным проблемам? Или же сфера их интересов шире и выходит на уровень нескольких регионов или даже всей страны?

– Скорее второе. Например, движение *No TAV*, или «Нет высокоскоростным поездам!» *TAV* – это аббревиатура, которая обозначает высокоскоростные поезда по-итальянски. Хотя это движение охватывает в основном жителей долины Валь-ди-Суза, но оно спровоцировано не региональным и даже не национальным, а международным проектом. Сейчас строится скоростная железная дорога Турин–Париж. Эта дорога должна пройти под Альпами по 57-километровому тоннелю. Проект разрабатывался примерно четверть века назад, и по тогдашним расчетам выходило, что дорога станет очень рентабельной, по ней ежегодно будет перевозиться 800 миллионов тонн грузов. Но сейчас другая эпоха, другие реалии, такой грузопоток внутри Европы уже вообще никто не планирует. Но тоннель всё равно строят. Зачем? Непонятно. Точнее, понятно – колоссальные инвестиции, банки получают огромные доходы. А тем временем чудом сохранившемуся альпийскому природному заповеднику наносится колоссальный ущерб. Получается, что мы тратим миллиарды евро, чтобы построить дорогу и тоннель в никуда и при этом к тому же еще создаем себе немалые экологические проблемы. Все 60 тысяч жителей долины Валь-ди-Суза и ее 30 коммунальных структур против строительства, а государство продолжает гнуть свою линию. Вот так и возникло политическое движение *No TAV*. Его участники регулярно устраивают столкновения с полицией, и обстановка там очень напряженная. На восточном побережье Италии существует аналогичное экологическое движение *No Triv* – «Нет бурению!» – против разведки и добычи газа и нефти в Адриатике. То есть тоже – движение, вызванное к жизни региональной экологической проблематикой, но шагнувшее далеко за пределы Италии. Наконец, такого же типа сицилийское движение *No MUOS* – «Нет *MUOS*!» *MUOS*, или *Mobile Users Objective System*, – это расположенная на острове американская станция спутниковой связи ВМС США. Люди не хотят, чтобы на их острове находилась эта по сути военная база Соединенных Штатов, они организуются, протестуют. Все перечисленные движения – это первые ростки нового вида демократии, когда люди самоорганизуются – первоначально на локальной основе – для противостояния внешним угрозам, а впоследствии возникшая связность начинает заниматься не только местной проблематикой, но выходит и на более высокий уровень. По вашему примеру я назвал бы эту новую демократию *environmental democracy*. Это своего рода территориальная самозащита, которая утверждает принцип: где ты живешь – там и являешься полновластным хозяином, и никто не вправе посягать на твою территорию. Вы можете возразить, что этот принцип подразумевается и так в любом демократическом обществе: мол, существуют органы местного самоуправления, которые и заявляют о себе как о выразителях интересов местного населения – а значит, и как о хозяевах той или иной территории. Согласен, так должно быть, но на самом деле всё происходит иначе. Крупные экономические субъекты просто подминают местные выборные органы, покупают их, связывают по рукам и ногам, делают зависимыми и послушными. Формально депутаты таких органов представляют интересы местного населения, но на практике это не так. После выборов эти депутаты довольно быстро начинают обслуживать чужие интересы, и мест-

На сегодняшний день нет ни одного европейского лидера, который мог бы принимать решения самостоятельно, без оглядки на Вашингтон. Все они, в том числе и госпожа Меркель (на фото с Бараком Обамой), находятся под неусыпным контролем из-за океана, на каждого из них у Америки имеется компромат, гарантирующий послушность и управляемость того, к кому он относится.

Кадр из фильма «Послезавтра»

Варварское, хищническое экономическое развитие Запада не может продолжаться бесконечно из-за элементарной нехватки ресурсов. Через 30–40 лет, если не раньше, экологический кризис приведет к общепланетарному коллапсу. Будут сломаны целые экосистемы, и ситуация станет неуправляемой.

ному населению бессмысленно обращаться к ним со своими проблемами. Вот поэтому и возникает необходимость новой территориальной самоорганизации местного населения. Эта тенденция довольно сильно распространена в современной Италии. Другое дело, что таким организациям довольно трудно оторваться от сугубо местных проблем, подняться над ними, чтобы выйти хотя бы на региональный – я уже не говорю на государственный – уровень.

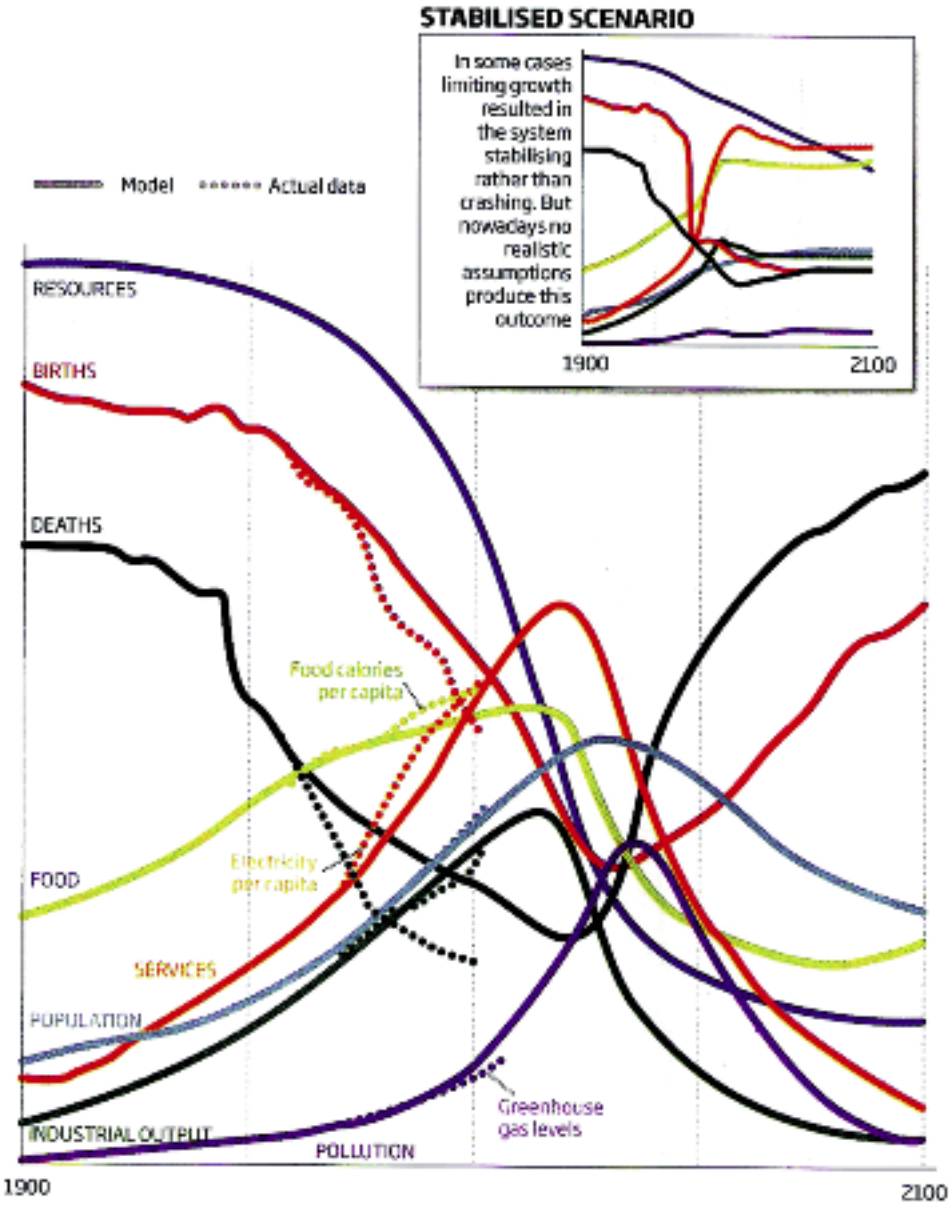
– Вы хотите сказать, что таким локальным движениям трудно трансформироваться в общенациональные партии? А вообще ставят ли они перед собой такую задачу? Мне кажется, что многие из локальных движений вполне довольствуются погружением в свои местные проблемы и не задумываются о большем. Или я ошибаюсь?

– Я преднамеренно не употребляю слово «партия». Партия – это уже прошлое, XX век. Сейчас, когда в сфере коммуникаций произошла настоящая революция, нет смысла возвращаться к опыту массовых организаций партийного типа. Например, я считаю, что в настоящее время нецелесообразно насаждать жесткую партийную дисциплину. Гораздо эффективнее движение, в основу которого положена программа, пункты которой разделяются всеми его участниками. И этого вполне достаточно. Скажем, можно интегрировать в некое общее движение все экологические инициативы и для этой новой структуры написать рамочную программу. Задача нелегкая, потому что отдельные группы часто не испытывают особого желания с кем-то объединяться, становиться элементами более обширных структур. Но ведь чем крупнее организация, тем она серьезнее и влиятельнее. И потом не надо забывать, что собирание групп в организации – это не блажь, а насущная необходимость. Борьба не прекращается ни на минуту, поэтому выступать надо единым фронтом. Два года назад мы организовали референдум, на который вынесли вопрос о недопустимости приватизации воды.

– Вы имеете в виду приватизацию водоемов – рек, озер?

– Нет, речь шла о любых источниках воды – вплоть до водопроводных кранов в квартирах и домах. Мы тогда развернули мощную кампанию,

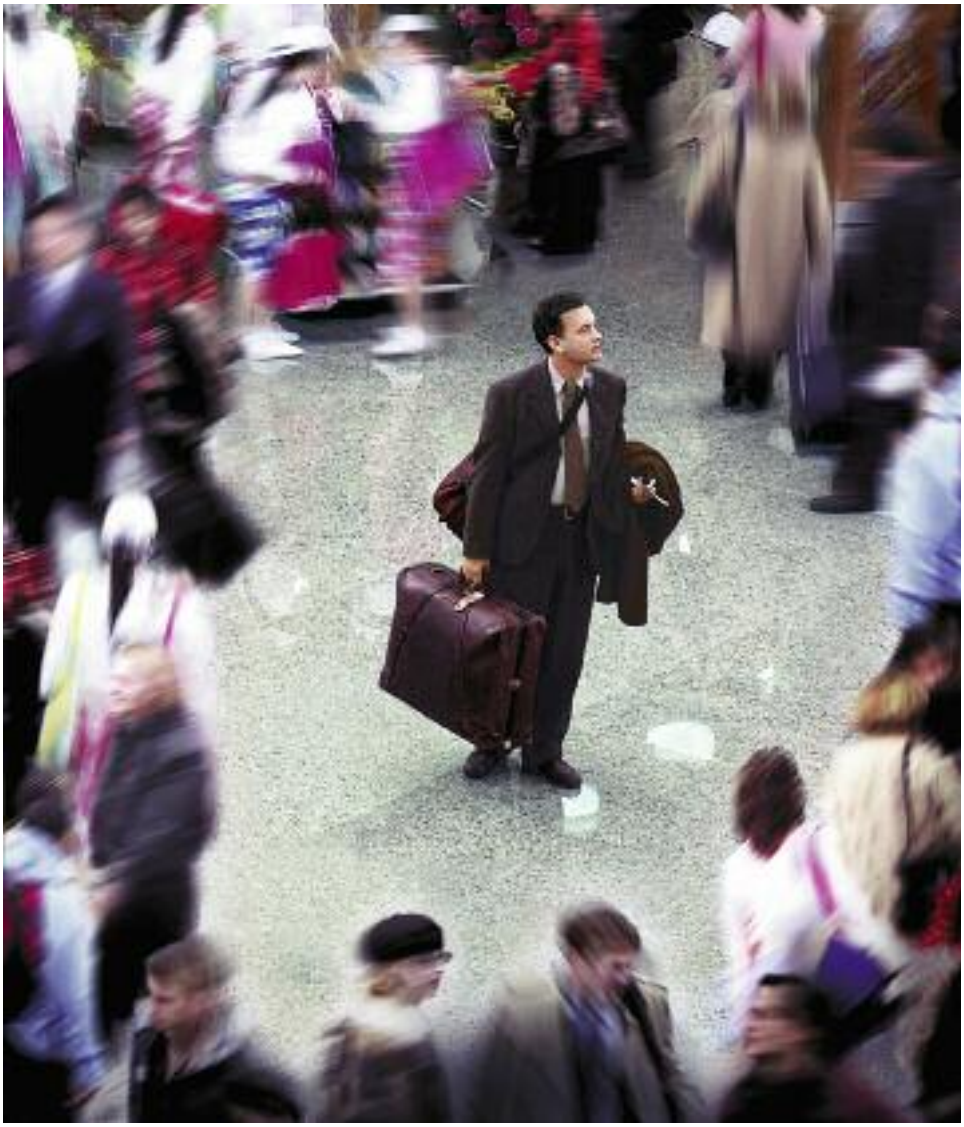
доказывали, что никакие источники воды не могут находиться в частных руках, потому что право на воду – это неотъемлемое право человека. Поэтому люди не должны платить за воду. Разумеется, надо оплачивать услуги по доставке воды в дома, но недопустимо делать прибыль на потреблении воды. В противном случае жизнь человека будет зависеть от собственника воды, и мы никогда с этим не согласимся. Вот тот культурный, идеологический, политический фундамент, который мы подвели под референдум. Я говорю «мы», потому что тоже участвовал в подготовке референдума. Вообще это было удивительное предприятие. Мы фактически создали общенациональное движение против приватизации воды на базе местных инициативных групп. И выиграли – 23 миллиона итальянцев нас поддержали. А сейчас заинтересованные лица пытаются найти юридические зацепки, чтобы обойти это волеизъявление большинства нации. В частности, ссылаются на то, что в законе о референдуме не зафиксировано, что победившее мнение требует обязательного и всеобщего исполнения. Началась подготовка к приватизации *ACEA* – римской водопроводной компании. Сначала, сразу после референдума, речь шла только о том, что компания просто повысит плату за свои услуги. А теперь уже заводят разговор о приватизации ее самой. И против этого снова развернулось широкое движение, создано бесчисленное множество комитетов, которые координируют все общественные акции по этому вопросу. В общем, мы так просто не сдадимся. Как не сдались и на моей *Via Urbana*, когда поняли, что хозяева ресторанов намереваются нас обмануть. Это очень интересный опыт непосредственной



Один из сценариев из докладов Римскому клубу

В первых докладах Римскому клубу были заявлены новые подходы к комплексному изучению планеты. Да, это были начальные попытки, а изложенные в них соображения явились самым предварительным приближением к проблеме, но в целом общие принципы того мировоззрения, которое сформировал Римский клуб, работают до сих пор.

демократии, демократии действия. Я считаю, что такой опыт мог бы быть интересен и для России. Невозможно ведь всем управлять из Москвы. Несколько лет назад я был в Петербурге на всероссийском журналистском форуме и узнал много интересного о том, как ваши местные СМИ отстаивают интересы своих земляков, что у них получается – а что нет. И главная проблема, о которой говорили все без исключения, – это правовая незащищенность всех тех, кто пытается организовывать общественные инициативы. Мне кажется, что у вас имело бы смысл создавать специальные наблюдательные инстанции, которые были бы со-



Кадр из фильма «Терминал»

В пространстве наших привычек видное место принадлежит транспорту. Реклама формирует целые параллельные миры, относящиеся к транспорту и перемещениям в пространстве.

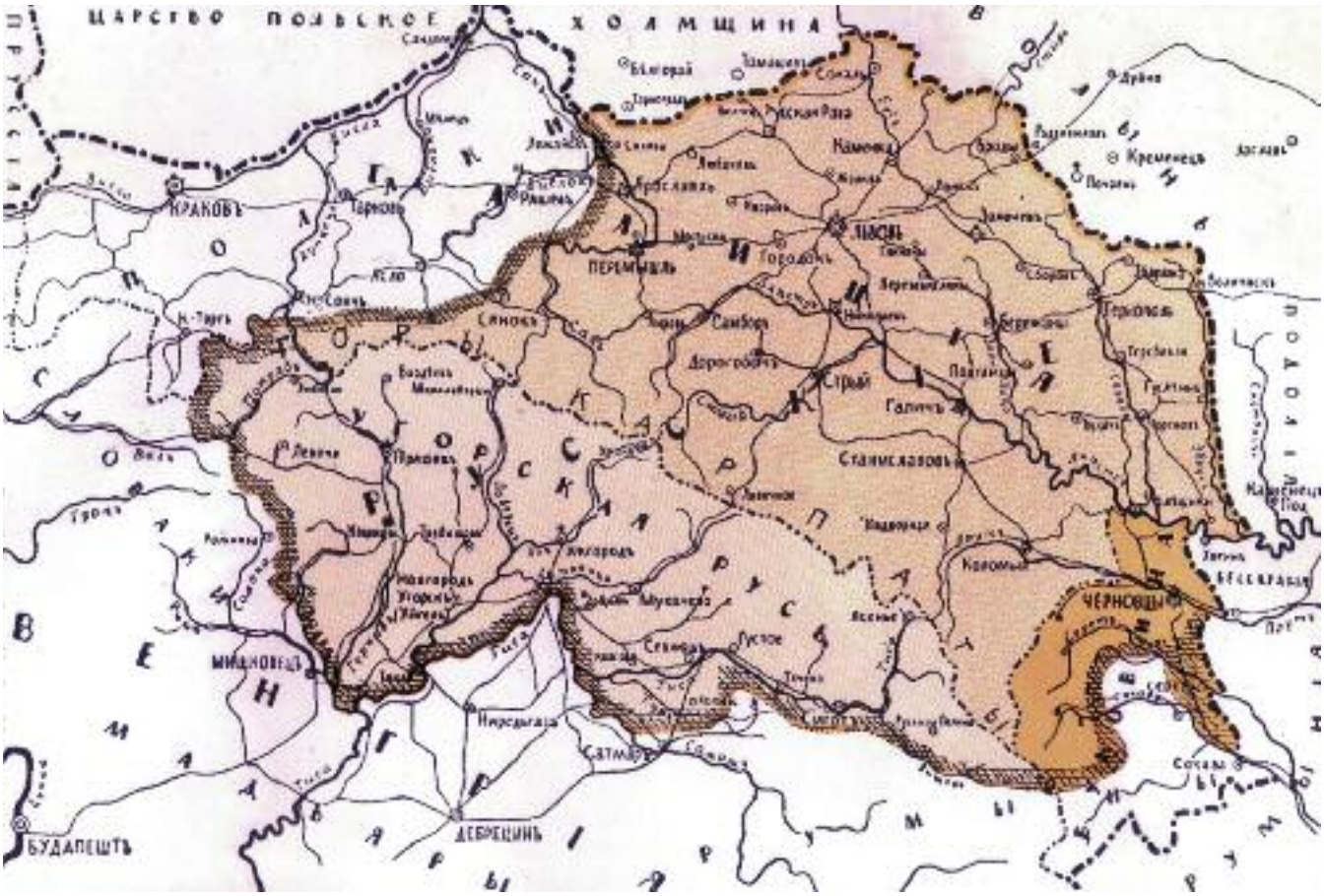
вершенно независимы от местных органов власти, которые могут быть коррумпированными или находиться под чьим-то внешним влиянием. И надо, чтобы люди в случае чего могли сразу напрямую обращаться в эти инстанции, если их права каким-то образом оказались нарушенными. Я полагаю, что подобная практика помогла бы местному населению приобрести ценный опыт той самой практической демократии, о которой я говорю. Другое дело, что для этого на местах потребуется критическая масса организаторов, способных противостоять местной бюрократии, что непросто. Поэтому я, конечно, понимаю, что эта задача не самого ближайшего будущего. Но ставить ее, говорить о ней всё равно нужно уже сейчас – хотя бы ради того, чтобы приучать людей к этой мысли.

– Господин Кьеза, мы ушли в очень сложные вопросы. С одной стороны, вы говорите правильные вещи. Но с другой стороны, лично я сомневаюсь в том, сможет ли наше патерналистское, построенное на патронатно-клиентарных отношениях общество, особенно на местах, начать самоорганизовываться ради отстаивания своих прав и защиты собственных интересов. Ну, это тема для отдельного разговора. А наша сегодняшняя встреча подходит к завершению, и я хочу задать вам очень конкретный вопрос. Когда мы беседовали ровно 10 месяцев назад, 7 июля 2014 года, то вы тогда сказали, что, по вашему ощущению, вот-вот произойдет какая-то провокация, которая существенным образом повлияет на войну в Донбассе. И ваше предсказание сбылось: ровно через 10 дней после этого произошла катастрофа малайзийского самолета. Я не могу не обратиться к вам как к политическому прорицателю и не спросить: чего нам ждать в ближайшем будущем?

– Я никакой не прорицатель, а просто ежедневно внимательно слежу за развитием событий в мире. И сейчас самый главный очаг напряженности находится временно не в вашей стране, а на Ближнем Востоке. Территория, подконтрольная Исламскому государству Ирака и Леванта, расширяется. На эту силу работают ее союзники – Саудовская Аравия и Катар, с одной стороны, а Израиль и американские республиканцы – с другой. Вот такое необычное сочетание союзников. Обама уже мало что решает. Его последний срок приближается к концу, и те вполне разумные решения, которые он инициировал, – в частности, примирение с Кубой и некоторое потепление отношений с Ираном – будут свернуты. Прагматичный империализм, который хочет управлять планетой, минимизируя количество жертв, уйдет в прошлое вместе с Обамой. На смену ему придут «ястребы», причем их партийная принадлежность не будет играть никакой роли. Налицо мощная коалиция во главе с Нетаньяху, которая работает на войну с Ираном. И на сего-

дняшний день эта коалиция гораздо влиятельнее, чем действующий президент США. Но уровень радикализма этой коалиции зависит все-таки от того, как будут складываться дела на Украине и в Европе. А там наблюдаются очень интересные сдвиги. Франция и Германия всё отчетливее понимают, что украинская авантюра может обернуться для них очень плохо. Они опасаются оттолкнуть от себя европейцев, и поэтому стараются лишний раз не демонстрировать свою подконтрольность Америке. А кто вообще будет спасать Украину? Ее почти 43-миллионное население на грани коллапса, который неизбежно наступит, я в этом не сомневаюсь. К тому же продолжатся проблемы с сохранением государственной целостности. Крым Украина потеряла, часть Донбасса тоже, очевидно, уже не вернется. Есть риск упустить и Галичину, потому что Польша, несмотря на все ее русофобские заявления и декларативную поддержку хунты, претендует на эти земли. То есть мы видим реваншизм не только украинский, но и польский – антиукраинский по своей сути. Мне недавно друзья рассказали, что в Польше существует ассоциация бывших собственников земли и недвижимости на территории Галичины, которых на сегодняшний день 100 тысяч человек, и они требуют, как минимум, реституции, да и вообще хотят возвращения Галичины в состав Польши. Вот вам ирония истории: Украина была сформирована во многом искусственно в советское время, а сейчас хунта борется с советским прошлым – значит, она отрицает саму себя, отрицает собственную государственность, сложившуюся в сегодняшних границах именно в СССР. Вообще в Европе нарастает тревога в связи с тем, что происходит на Украине. Прошлогодняя эйфория по поводу свержения Януковича прошла. И несмотря на то что европейские СМИ замалчивают то, что на самом деле творится на Украине, всё равно рано или поздно станет известно, что нацистский режим убивает журналистов и просто неугодных людей, что составляются соответствующие списки тех, кого надо убрать, и передаются для исполнения бандитам из «Правого сектора». Всё это Европа начинает понимать. Европейцы прозревают. Потому-то в Европе и, в частности, в Италии такое мощное движение за отмену санкций против России. И вместе с тем в Европе имеются влиятельные круги, тесно связанные с Соединенными Штатами, которые держатся за санкции. Иными словами, в Европе усиливается брожение. Так называемая старая Европа дистанцируется от интересов Америки. По крайней мере, Италия – точно, Франция – тоже, Германия – в целом да, хотя тут баланс сил неустойчивый, всё зависит от того, какие силы возьмут верх. Да и частично «новая Европа» тоже движется в этом направлении – например, Чехия, Словакия, Венгрия. Последовательной проамериканской линии придерживаются только прибалтийские республики, Польша да сама Украина. Вот он – нацистский полумесяц в нынешней Восточной Европе. Вы меня спросили, какие я могу сделать пророчества. Пожалуйста. Только еще раз подчеркну, что это никакие не пророчества, а всего-навсего результат обычного анализа ситуации. Первая провокация готовится на «северном фронте». «Северный фронт» в данном случае – это мой копи-

Прагматичный империализм, который хочет управлять планетой, минимизируя количество жертв, уйдет в прошлое вместе с Обамой. На смену ему придут «ястребы», причем их партийная принадлежность не будет играть никакой роли. Налицо мощная коалиция во главе с Нетаньяху (на фото), которая работает на войну с Ираном.



Карта «Зарубежная Русь» 1915 года

Крым Украина потеряла, часть Донбасса тоже, очевидно, уже не вернется. Есть риск упустить и Галичину, потому что Польша, несмотря на все ее русофобские заявления и декларативную поддержку хунты, претендует на эти земли.

райт. Я так называю границу России с прибалтийскими республиками. Провокация может произойти и в Латгалии, и в приграничных территориях Эстонии или Литвы. И эта провокация по своему резонансу будет сопоставимой с историей вокруг сбитого малайзийского самолета. Возможно, американцы пойдут на то, что уничтожат группу местных военных и обвинят в этом Россию. Неспроста ведь вот уже несколько месяцев в СМИ накачивается истерия по поводу якобы имеющихся у Москвы планов аннексировать Прибалтику по примеру Крыма. Я не могу сказать конкретно, что именно будет предпринято на «северном фронте», но я совершенно ясно вижу, что к провокации готовятся – и организационно, и психологически. В Латгалию поставляется новое вооружение. Там сейчас находится специальная группа из Америки, входящие в нее лица интенсивно изучают русский язык, появляются какие-то странные сайты, на который провозглашается независимость Латвии – интересно, от кого независимость? Понятно, что серверы этих сайтов находятся за океаном. То есть налицо все признаки интенсивной тайной подготовки какой-то акции на «северном фронте». Другая зона возможной провокации – это Приднестровье. Приднестровье сейчас находится во враждебном окружении – между Молдавией и Украиной. Всё готово для того, чтобы начать блокаду этой территории. А это уже серьезно – в Приднестровье совершенно официально дислоцированы российские войска. Из Америки на Украину тайно доставлены ракетные системы, чтобы – в случае объявления блокады и попыток России наладить воздушное сообщение с Тирасполем – сбивать самолеты. Я также располагаю достоверной информацией о том, что в Польше была подготовлена диверсионная группа и затем ее забросили в Приднестровье, где она в течение какого-то времени действовала. Но ее выследили. Некоторых диверсантов удалось ликвидировать, остальные сумели скрыться – скорее всего, они уже не в Приднестровье. Ну и Донбасс никуда не делся. Война заморожена, но она может вспыхнуть в любой момент с новой силой. Я назвал три постсоветских региона, в которых каждый миг может произойти провокация. Зачем нужна такая

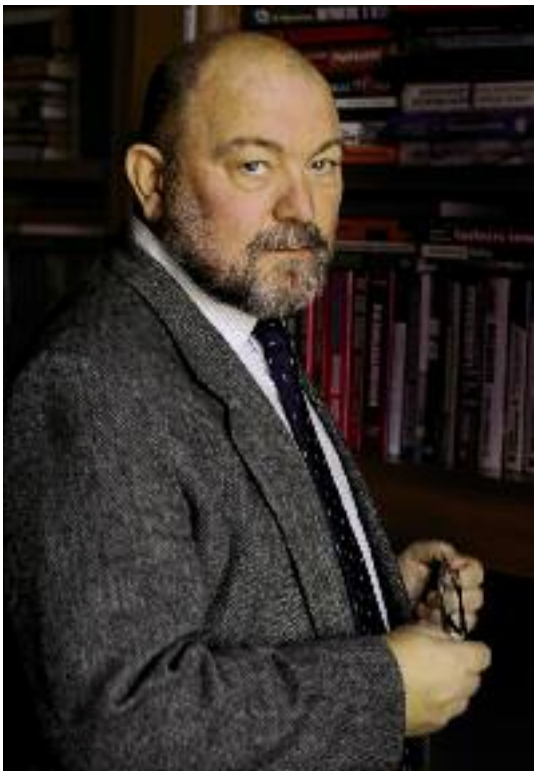
провокация – понятно. Америке очень не нравится, что Европа меняет свое отношение к войне на Украине и всерьез обсуждает возможность отмены санкций. Поэтому нужен новый повод, который оттолкнул бы Европу от России. Правда, Европа сегодня отнюдь не беззубая. У меня складывается впечатление, что германские спецслужбы сейчас в значительной степени контролируют действия своих американских коллег в Европе. Да и внутри Европы не утихает борьба между проамериканской и антиамериканской партиями, и трудно предугадать, которая из них победит. Многое будет зависеть от положения дел в самой Америке – а там остаются чрезвычайно влиятельными силы, заинтересованные в открытом столкновении с Россией. Хотя и эти силы еще до конца не решились на радикальные шаги: они опасаются ответной реакции России и не уверены в стойкости своих европейских коллег по НАТО. Ясно, по крайней мере, одно – ситуация не складывается однозначно в пользу Америки, как это выглядело год назад, когда Вашингтон, как ему казалось, полностью контролировал происходящее в Европе и на Украине. Да, американцам тогда удалось осуществить переворот в Киеве и привести к власти антироссийский режим. Они великолепно сработали, сыграли на уязвимости России, на ее самоустранении от всего того, что происходило на Украине на протяжении всех постсоветских 22 с лишним лет. Вот вы вспомнили покойного Черномырдина, который долгое время был послом на Украине. Именно при нем Москва окончательно перестала ориентироваться в том, что происходило в соседнем государстве.

– Так вот я и говорю, что поставь американцы Черномырдина преемником Ельцина – и в России всё пошло бы по украинскому сценарию…

– Да, это посольство Черномырдина было фатальным с точки зрения отстаивания интересов России на Украине. Но это уже в прошлом, а сейчас России надо смотреть в будущее: готовиться к новым провокациям и одновременно продолжать последовательно и терпеливо доказывать Европе, что ей в гораздо большей степени по пути с Москвой, чем с Вашингтоном. Я вижу колоссальные перспективы проекта БРИКС. Если странам БРИКС действительно удастся создать параллельную глобальную финансовую систему и выйти из-под доллара, это станет успехом, который трудно переоценить. Но и Америка не сидит сложа руки: санкции, обвал рубля в конце прошлого года – всё это не могло не ударить по России. Но Россия выстояла. К тому же крепнут ее связи с Китаем. Москва и Пекин объективно не заинтересованы в дестабилизации мировой обстановки. И в этом смысле, как это ни парадоксально, в интересах обеих держав недопущение резкого обвала американского влияния в мире. Глобальное господство доллара относительно легко подорвать, особенно сейчас, но это неминуемо вызовет мощную волну дестабилизации во всём мире. А это надо России и Китаю? Нет, не надо. Выходит, что естественные геополитические противники Америки работают на сохранение ее мирового господства, пытаясь уберечь от авантюр, которые ударят прежде всего по ней самой. Но Америка не внемлет предостережениям и продолжает дестабилизировать мир, наивно полагая, что в обстановке хаоса ей легче будет сохранить свое господство. Поразительно, насколько недальновидны американцы. Кажется, совсем недавно был кризис 2008 года, который основательно ударил и по Соединенным Штатам. Они сейчас утверждают, что уже полностью преодолели его последствия и скоро восстановят прежние темпы своего развития. Но, во-первых, это далеко не так. А во-вторых, тот кризис, который ожидается и который во многом провоцируется Вашингтоном, будет несопоставимо более тяжелым, чем кризис 2008 года. И кто тогда станет спасать Америку? Вряд ли найдутся альтруисты. Да, Россия и Китай сейчас предохраняют США от всяких неприятностей – но это пока не наступил кризис. Когда он разразится, Москва и Пекин будут вынуждены заботиться исключительно о себе и о своих союзниках. Да к тому же они тогда просто не смогут вытянуть Америку – это окажется невыполнимой задачей. Вот таков на сегодня расклад сил в мире.

– Господин Кьеза, я в очередной раз исключительно признателен вам за то, что вы нашли время и возможность рассказать читателям альманаха, что происходит в мире и что нас ожидает в ближайшем будущем. Я желаю вам успеха в написании той работы, о которой вы рассказали, – о некой новой структуре интеллектуалов, противостоящих американской гегемонии, в том числе гегемонии и в информационном пространстве. Надеюсь, что когда эта книга выйдет, она в самом скором времени будет переведена на русский язык и окажется доступной для российской читательской аудитории, в которой вас очень любят, уважают и ценят. Со своей стороны, обещаю вам, что по выходе этой вашей новой книги в России альманах «Развитие и экономика» найдет способ, как ее должным образом представить на своих страницах.

Рим, 7 мая 2015 года



Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Четыре мечты

Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Александр Блок

Американская мечта

Американская мечта – первая и самая известная политическая конструкция такого рода. Наименование «Американская мечта» впервые промелькнуло еще в «Истории Соединенных Штатов» Генри Адамса, опубликованной в 1884 году. Но это словосочетание надолго осталось проходной метафорой, не получившей ни отклика, ни развития. Америку всколыхнула Американская мечта, сформулированная Джеймсом Адамсом в трактате «Эпос Америки», вышедшем в 1931 году, в разгар Великой депрессии: «...американская мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего он заслуживает. Европейским высшим сословиям трудно адекватно интерпретировать эту мечту, да и многие из нас недоверчивы и слишком устали. Это мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причем их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе».

В трудные для всех времена у народа появилась надежда, а с ней и вера. Разумеется, не сразу после опубликования «Эпоса Америки» весь народ охватило воодушевление. Чтобы мечта заработала и стала действенной, она должна была пройти через горнило культуры, причем культуры массовой, войти в лексикон политиков, завоевать одну из самых великих вершин общественного сознания – стать мифом. Интуитивно найденное словосочетание, инстинкт художника, вбро-

шенный в контекст переживаний и чаяний полуфабрикат политического конструкта не просто прижился, но стал самодостаточным мемом, двигателем и источником энергии одновременно.

Американская мечта выросла из глубоких корней. И корни эти часто видят в идеологии свободы, в политических документах – Декларации независимости и Билле о правах. Действительно, многие смыслы, озвученные в этих основополагающих документах, восприняты Американской мечтой, но корни мечты – в иной сфере: в эмоциональной памяти поколений американцев. Мечта – это прежде всего эмоция, а не доктрина и не идея. (Об отличии понятий «идея» и «мечта» будет сказано подробнее в разделе, посвященном Русской мечте.) Поколения иммигрантов ехали в Америку за мечтой – мечтой о свободе от сословных и религиозных ограничений, мечтой о достатке как вознаграждении за собственный труд, мечтой о равенстве возможностей. Многим удавалось свою мечту реализовать, превратить мечту в цель и достичь ее. Тогда они становились примерами для всё новых и новых поколений. Так мечта превращалась в действенный образ, оправдывающий ожидания. За десятилетия после Великой депрессии многое изменилось и в Америке, и в мире. Трансформировалось и восприятие Американской мечты. Одним из базовых материальных компонентов воплощения мечты был и остается собственный дом. Важной является возможность вертикальной мобильности – каждый может получить любую профессию, стать миллионером, рожденный на территории США – президентом. Этническое равенство и особая форма американской жизни породили образ «плавильного котла», ставший частью Американской мечты. Правда, в последние годы отсутствие «переплавки» стало очевидным для всех: американцы не забывают о своем этническом происхождении, мексиканцы, поляки, ирландцы, англичане, евреи – и все прочие общим числом свыше сотни национальностей – остаются мексиканцами, поляками и так далее. То есть «сплав» как этнически новое, усреднившее всех образование не возник. Тем не менее Америка осознанно препятствовала формированию административно-территориальной структуры государства, в основе которой были бы этнические признаки. Для этого пришлось лишить Америку коренного населения (индейцев) путем

Джеймс Адамс:

«Это мечта не просто об автомобиле и высокой зарплате, но о таком социальном порядке, при котором каждый мужчина и каждая женщина могут в полной мере достичь того, чего они способны достичь изначально, причем их достижения должны быть признаны другими вне зависимости от случайных обстоятельств рождения или положения в обществе».

их почти тотального истребления, а иммигрантам не давать заселяться компактно и препятствовать формированию этнических партий и администраций. Сейчас вместо образа «плавильного котла» пытаются внедрить образ «салатницы» (*salad bowl*), подчеркивая этим, что в салате помидор остается помидором, огурец – огурцом, но все вместе они образуют «новую общность» – салат.

Американская мечта воплощалась в различные зримых образах. Интересно, в каких ипостасях Американская мечта представала в пространстве потребительских ценностей. Тед Аунби в своем исследовании «Американские мечты в Миссисипи» (1999) выделяет четыре мечты о потребительской сфере: «Мечта об изобилии» (*Dream of Abundance*) – материальные блага в таком изобилии для всех, чтобы каждый гордился принадлежностью к самому богатому обществу на земле; «Мечта о демократичности товаров» (*Dream of a Democracy of Goods*) – равный доступ каждого к любой продукции независимо от расы, пола или класса; «Мечта о свободе выбора» (*Dream of Freedom of Choice*) – право придерживаться любой моды и своего особого образа жизни; «Мечта об обновлении» (*Dream of Novelty*) – постоянно обновляющийся мир моделей, продуктов, навыков их использования.

Американская мечта выходит за рамки представлений об Америке и американском образе жизни *per se*, существенной стороной мечты была и роль Америки в мире. Ее важным компонентом стала доктрина Монро, возникшая на сто с лишним лет раньше самой мечты. Содержащийся в доктрине эмоциональный заряд жив до сих пор, хотя сами принципы – принцип разделения мира на европейскую и американскую системы государственного устройства, принцип невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, невмешательства европейских держав во внутренние дела стран Западного полушария – давно нарушены, и США не просто вмешиваются, а жестким образом диктуют свою волю всему миру. Несмотря на это Американская мечта продолжает нести в себе представления не только об исключительности Америки, ее «незаменимости» для всего мира, но и уверенность в том, что Америка не просто «вмешивается в чужие дела», а несет миру свет демократии и свободы, исправляет «плохие политические режимы», делая их «хорошими».

Завершая часть статьи, посвященную Американской мечте, сформулируем ее квинтэссенцию: Американская мечта сводится к тому, что каждый может достичь успеха, если будет много и хорошо работать, развивая при этом свои личные качества. Американская мечта была – и всё еще остается – мощным стимулом, двигателем Америки. Однако в последние десятилетия нарастает разочарование, реализовать мечту становится всё труднее. Количество американцев, стремящихся к успеху, но не достигающих его, растет: против них действуют экономические кризисы, циничная алчность, защищенная словами о конкуренции, фактически сформировавшаяся сословно-клановая структура общества, модель экстенсивной экономики, которой уже некуда расширяться. Шансы на успех еще сохраняются, но их не сравнить с теми, которые были полвека и более тому назад. Опросы последних лет показывают, что уже более трети американцев утратили веру в Американскую мечту.

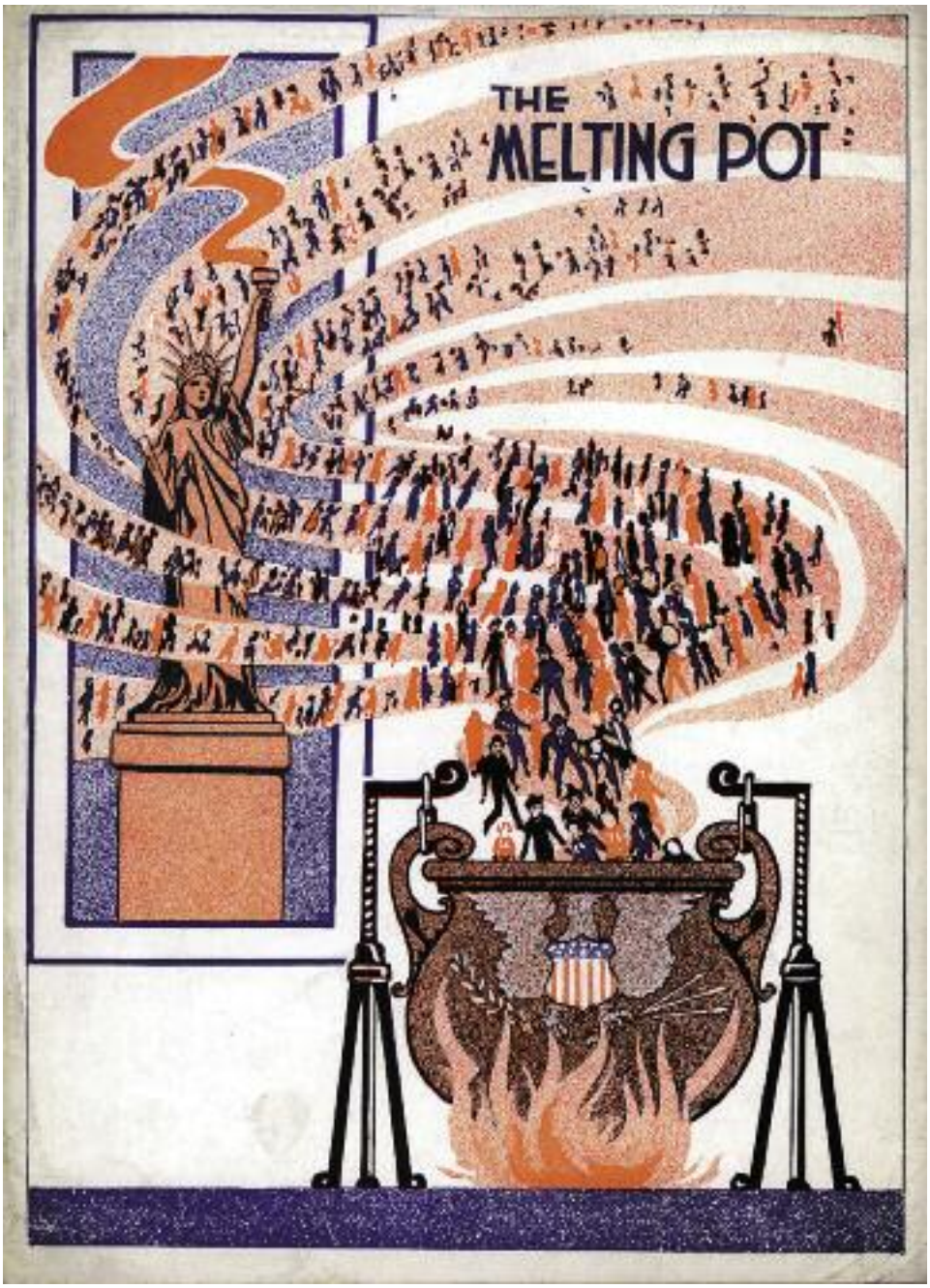
Вопрос о несоответствии Американской мечты реальному положению дел в стране, о грубом искажении самой сути заложенных в ней идеалов, об отходе от традиционных американских ценностей и всём остальном, что составляет критику американского образа жизни и его устоев, выходит за рамки статьи. Здесь мы больше говорим о мечте, чем о ее воплощениях. Вопрос, разумеется, более чем существенный, но мы рискнем лишь упомянуть о нем, полагаясь на огромный массив исследований и публицистических работ, посвященных этой теме.

Европейская мечта

У Европейской мечты нет такого письменного и эмоционального базиса, как у Американской мечты, она не приняла форму политического конструкта. Тем не менее о ней можно говорить, отделяя собственно политико-экономический проект создания Европейского союза от идущего рядом с ним и даже впереди него образа целостной Европы, который несет в себе качества именно мечты. Призывам к объединению европейских государств более сотни лет. Понадобились две чудовищные войны – вдобавок к сотням бывших в Европе до них, – чтобы эту идею удалось реализовать. Понадобилось создать мощный блок социалистических стран, чтобы европейские политики обрели опору, антитезу, воспринимаемую как угрозу, против которой надо объединяться. Но все эти факторы – лишь дополнительные мотивации, ставшие решающими для политических решений. Мечта же обретала свой долгий путь в древней европейской истории, в том числе – в истории великих империй: рождавшихся, распадавшихся, вновь возникавших и опять гибнувших...

Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы понять: мира и взаимного уважения народов тут не было веками. Скроить столь пестрое, разноцветное лоскутное одеяло можно было только в результате непрерывных войн друг с другом. По правде сказать, и исходные условия в этом смысле Европе достались весьма сложные: десятки этносов, языков, множество религий, каждая из которых дробится внутри себя самой на враждующие группы. Казни, резня, войны, инквизиция и – грабежи, грабежи, грабежи... Самые влиятельные мировые идеологии – в том числе и наиболее радикальные, человеконенавистнические – родились в Европе. Даже Американская мечта, в сущности, зародилась в Европе: иммигранты, ехавшие из Европы в Америку, мечтали о том, о чем они в Европе и мечтать не могли.

Вся мировая наука возникла и развилась здесь же, в Европе. Мировое искусство – европейское в своих наиболее распространенных формах. Нет ничего сложнее и трагичнее, чем европейская история. Именно поэтому Европейская мечта выстрадала стремление к единению и миру, а не к индивидуализму и конкуренции. Европейская мечта в этом смысле – антитеза Американской мечте. Если в Америке основу мечты составляют личные усилия, то в Европе приходится сперва позаботиться о создании благоприятной для этого среды обитания. Для американцев свобода – это личная независимость. Для европейца – благоприятное взаимодействие с окружающими. Размышляя о Европейской и Американской мечтах, Джереми Рифкин (США) пишет: «Американская мечта подчеркивает экономический рост, личное богатство и независимость. Новая Европейская мечта обращает внимание на устойчивое развитие, качество жизни и взаимозависимость. Американская мечта обращает внимание на трудовую этику. Европейская мечта более склонна к ценности отдыха и игре. Американская мечта неотделима от религиозного наследия страны и ее глубокой веры. Европейская мечта, по сути своей, светская. Американская мечта зависит от ассимиляции, благодаря которой все отбрасывают свои этнические корни и становятся свободными агентами американского “плавильного котла”. Европа наоборот стремится сохранить свою культуру в мультикультурном мире. Американцы часто выражают свою любовь к стране и пат-



Этническое равенство и особая форма американской жизни породили образ «плавильного котла», ставший частью Американской мечты. Правда, в последние годы отсутствие «переплавки» стало очевидным для всех.

Американская мечта сводится к тому, что каждый может достичь успеха, если будет много и хорошо работать, развивая при этом свои личные качества. Американская мечта была – и всё еще остается – мощным стимулом, двигателем Америки. Однако в последние десятилетия нарастает разочарование, реализовать мечту становится всё труднее.

риотизм. Европейцы, напротив, более космополитичны. Американцы чаще стремятся решать вопросы военной силой. Европейцы предпочитают дипломатию, экономическую помощь и миротворческие операции для поддержания порядка».

Трудно сказать – в какой мере нечто, называемое Европейской мечтой, пронизывает европейцев на эмоциональном уровне, придавая им силы и энтузиазм в процессе строительства общеевропейского дома. Кажется, о таком уровне влияния мечты говорить рано. Пока можно пытаться проанализировать потенциальные возможности формирования, выделения именно мечты из проекта «объединенной Европы». Если бы не порочное и саморазрушительное стремление оттяпать у бывшего Восточного блока как можно больше стран и народов ради его ослабления, а не ради собственной силы, если бы не растрата огромных ресурсов на воспитание ненависти к России и ее прошлому, Европейский союз мог бы быть намного более успешным проектом, в котором выкристаллизовалась бы и оптимистическая мечта, воодушевившая всех на движение к общей цели, а не на отторжение от «нежелательного» прошлого и «плохих» соседей.

Анализируя Европейскую Конституцию в попытке отыскать в ней суть Европейской мечты, Джереми Рифкин с американской прямолинейностью отмечает, что «многие предложения 265-страничной Европейской Конституции списаны с американской Декларации независимости и Билля о правах». Но при этом он указывает, что «в ней содержатся и другие идеи, которые настолько чужды современной американской душе, что могут вызвать подозрения и даже мысли о том, что европейцы слегка чокнутые». Недоумение американского философа и экономиста вызвали прежде всего два факта, касающиеся религии и частной собственности. В Европейской Конституции, к его удивлению, «нет ни единого упоминания о Боге, и есть лишь туманные упоминания “религиозного наследия” Европы. Для континента, где на каждом шагу стоят кафедральные соборы и церкви, это странно. Многие европейцы больше не верят в Бога. 82 процента американцев считают, что Бог для них очень важен, в то время как в Европе таких людей всего 20 процентов. “Пострадал” от невнимания не только Бог. В Конституции есть всего одно упоминание о частной собственности, да и оно скрыто далеко в глубине документа, как и краткое упоминание свободных рынков и торговли». Тем не менее Рифкин объявляет себя не просто поклонником, но и приверженцем идей, заложенных в Евроконституции, формулируя свою позицию весьма радикально: «Американская мечта заслуживает смерти, Европейская мечта – жизни». К этому

выводу он приходит потому, что «это первый конституционный документ, вышедший на уровень глобального мышления. Весь язык Конституции пронизан универсализмом, обращая внимание не на народ, или территорию, или нацию, а скорее на весь человеческий род и населенную им планету».

При всей размытости определений (которые в строгом смысле в общем-то отсутствуют) Американской и Европейской мечты, противоречия между ними очевидны. И они неизбежно приходят в столкновение. Если об экономических противоречиях, стремлении США подчинить себе, своим экономическим и политическим интересам полумиллиардную Европу сказано и написано много, то о борьбе между такими эфемерными – по сравнению с военными базами и финансовой системой – сущностями, как «две мечты», сказано меньше. Но именно мечты придают силы, а их отсутствие – лишает сил.

Китайская мечта

Китайская мечта – самая молодая, несмотря на то что Китай – одно из древнейших государств. Как политический лозунг Китайская мечта вошла в жизнь страны и стала распространяться по миру начиная с ноября 2012 года, после XVIII съезда Компартии Китая. Став новым партийным лидером, Си Цзиньпин заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации – это величайшая мечта китайского нации начиная с Нового времени». И при этом сформулировал три ее цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации, создание счастливой жизни для народа. Эти цели достижимы при соблюдении следующих условий. Во-первых, страна должна двигаться вперед по собственному «китайскому пути», найденному в результате длительных и трудных поисков. Во-вторых, для осуществления такой «величайшей мечты» нужно «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации. В-третьих, обязательно следует «сплотить силы Китая». В своем первом интервью в статусе национального лидера Си Цзиньпин разъяснил: «Наш народ любит жизнь. Он ждет, чтобы лучше стало образование, более стабильной была работа, более удовлетворительными стали доходы, более надежными – социальные гарантии, более высоким – уровень медицинского обслуживания, более комфортабельными – жилищные условия, более прекрасной – окружающая среда. Народ ждет, чтобы дети могли расти, работать и жить еще лучше. Устремленность людей к прекрасной жизни – это и есть цель нашей борьбы».

Распространение китайской мечты в обществе и внедрение ее в сознание каждого китайца осуществляется с помощью механизмов общественного управления, отработанных Коммунистической партией Китая. Через систему СМИ, сеть партийных организаций содержание и цели, идейно-воспитательное значение Китайской мечты были доведены до каждого. В мае 2015 года на общенациональном форуме под названием «В осуществлении Китайской мечты молодежь смело берется за дело» Си Цзиньпин отметил: «Теперь все обсуждают Китайскую мечту, все думают о том, как Китайская мечта связана с ними, о своей ответственности за исполнение Китайской мечты». В том же выступлении прозвучали три важные характеристики Китайской мечты: она принадлежит «прошлому, настоящему и будущему», «государству, нации и также каждому китайцу», «Китайская мечта наша, но еще более она принадлежит молодому поколению».

Сравнивая генезис Китайской мечты с Американской и Европейской, мы видим, что Китайская мечта рождена в высшем политическом органе страны и «спущена сверху» в качестве лозунга и цели, а не выкристаллизовалась в народном сознании как народные чаяния, не сформулирована в трудах философов или писателей, отражающих общественные процессы. Однако нельзя не заметить и того, что все простые и понятные каждому китайцу лозунги воспринимаются им как свои собственные, как то, о чем действительно все мечтают. Так что, несмотря на своеобразную форму, в которой Китайская мечта была явлена народу и миру, ее содержание не слишком отличается от Американской или Европейской: те же стремления к хорошей жизни, что и у всех народов.

Проблема соотношения индивидуализма и коллективизма – актуальная и в Америке, и в Европе – в Китае еще не столь остра. Однако сквозь традиционный многовековой коллективизм ростки индивидуализма пробиваются и уже являются проблемой, о которой следует вовремя позаботиться. Этот аспект текущего развития Китая учтен в концепции Китайской мечты. Си Цзиньпин подчеркивает: «История говорит нам, что перспектива и судьба каждого человека тесно соединены с перспективой и судьбой государства и нации. Государству хорошо, нации хорошо, и тогда всем хорошо». В этих словах явственно слышна проповедь коллективизма. Но забота о сочетании индивидуального и коллективного проявлена в других словах лидера: «Ки-

тайская мечта – это национальная мечта, но это также и мечта каждого китайца». Си Цзиньпин призывает людей сплотиться для осуществления общей мечты через стремление к личным целям, подчеркивая: «У нас есть широкое пространство для стараний каждого человека по реализации своей мечты».

Так что непримиримых противоречий между мечтами Китайской, Европейской и Американской – нет. Это не значит, что нет политических, экономических и многих иных противоречий. Но на уровне мечты Китайская содержит как коллективистские стремления, различимые в европейском ви́дении, так и индивидуальный успех, мечты о богатстве – сродни американским идеалам.

Будучи молодой политической концепцией, Китайская мечта еще не накопила того многолетнего корпуса всесторонних исследований и анализа, каким может похвастаться Американская мечта. Пока появляются лишь самые первые исследования, наблюдения за ходом реализации Китайской мечты. Александр Ломанов из Института Дальнего Востока РАН отмечает ряд важных сторон Китайской мечты. Рассматривая аспект «развития китайского духа», заявленный в концепции мечты, Ломанов пишет: «Старые мечты не исчезли из китайской мысли. Возникшая в Китае более двух тысячелетий назад идея общества "великого единения" (датун), когда "Поднебесная принадлежит всем", в новых условиях стала синонимом идей социализма. Древние конфуцианцы полагали, что ступенью к этому идеальному обществу является общество "малого благосостояния" (сяокан), когда люди обеспечены основными условиями для жизни. Обе идеи вошли в китайские политические проекты XX века – мечта о "великом единении" увлекла лидера демократической революции 1911 года Сунь Ятсена, а в 1979 году "архитектор реформ" Дэн Сяопин провозгласил цель создать в Китае общество "малого благосостояния"». Автор подчеркивает, что сейчас «завершение всестороннего строительства общества "малого благосостояния"» рассматривается как элемент Китайской мечты. «Эта цель должна быть достигнута к столетнему юбилею создания КПК, то есть к 2021 году».

Экономические проблемы и трудности, которые Китай уже начал ощущать и вполне трезво ожидает их усиления в будущем, требуют пересмотра, корректировки политико-экономической парадигмы. Важная роль в этот переходный период отводится как раз Китайской мечте. Именно ей предстоит консолидировать общество, разделенное прежде всего по имущественному уровню. Китайская мечта может, по-видимому, претендовать и на некий если не синтез, то эмоциональный консенсус марксизма, конфуцианства и экономического либерализма. Отходя в сторону от прямой идеологической конфронтации, Китайская мечта сохраняет приверженность одновременно и к социализму, и к конфуцианской этике, и к экономическим свободам, конкуренции, стремлению к богатству. Китайская мечта не является продуктом исключительно внутреннего потребления. Она обращена ко всему миру. Старые тезисы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, в которых были высказаны ожидания грядущей политической и экономической мощи Китая, которая изменит место и роль страны в мире, сегодня приобрели зримую актуальность. Си Цзиньпин заявляет, что «Китай будет не только развиваться сам, но и нести ответственность за развитие всего мира и вносить вклад в это развитие, создавать блага не только для народа Китая, но и для народов всего мира. Осуществление Китайской мечты принесет миру мир, а не потрясения, это шанс, а не угроза». При этом Китайская мечта – в отличие от Американской – не навязывает себя миру, не претендует на универсальность. Но не забывает и о гармоничном, неконфронтационном взаимодействии с миром. Летом 2013 года на пресс-конференции, которую Си Цзиньпин провел совместно с президентом США Бараком Обамой, китайский лидер сделал акцент именно на этом аспекте: «Китайская мечта должна реализовать богатое и сильное государство, национальное возрождение, народное счастье, это мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимном выигрыше, она сообщается с лучшими мечтами всех народов мира, включая Американскую мечту».

Юрий Тавровский в статье «Китайская мечта в новогоднем наряде», опубликованной 20 января 2014 года в «Независимой газете», описывает, как пропаганда Китайской мечты реализуется в виде плакатов, которыми сейчас обклеены стены домов и заборы по всей стране: «Вот девчушка в традиционном халате, а рядом надпись: "Китайская мечта – моя мечта". Вот семья занята заготовками в своем дворике, а пожелание гласит: "Пусть всегда будет солнце и много вина!" Вот летучая мышь, символ счастья, несет корзину цветов и монет. Надпись: "Богатство каждой семье". Но богатство не приходит само по себе – надо как следует поработать: картина сбора урожая сопровождается подписью: "Вырастить урожай – пролить реку пота". Ребенок обхватил руками огромную ры-

бину, которая по-китайски читается так же, как иероглиф “изобилие”. Семейная идиллия: мама шьет, дочка читает, петухи поют, кошки мурлычут. Надпись: “Учиться, трудиться, осуществлять Китайскую мечту”. На многих плакатах выделяются иероглифы, означающие ключевые принципы конфуцианства. Вот иероглиф “хэ”, смысл которого очень упрощенно означает “единство” или “гармония”. У плаката с надписью “Сяо – прекрасная добродетель Поднебесной” стоят представители трех поколений. На плакате те же три поколения – мальчик трет спинку папе, а тот, в свою очередь, омывает ноги дедушке. “Сяо” – это ключевой принцип учения Конфуция, подразумевающий почтение младших к старшим, гармонию поколений».

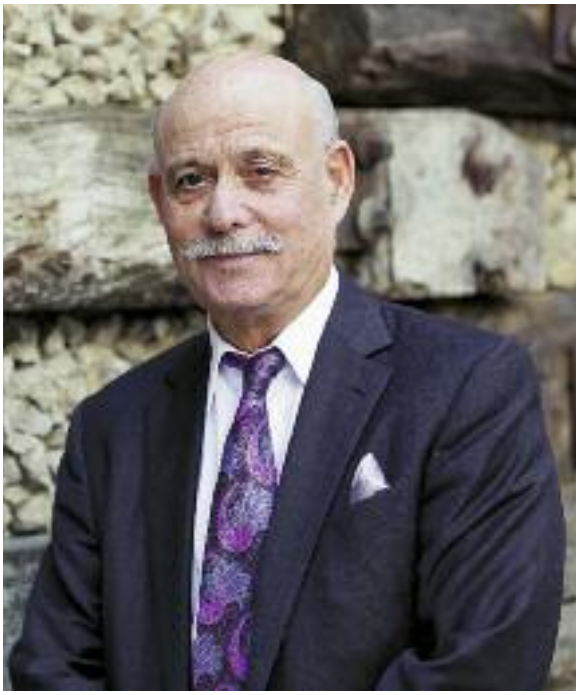
Практическая политика – это управление обществом для достижения каких-то целей. Какие бы политические и экономические цели ни ставились, у них есть этическое измерение: во благо или во зло. Только воздействуя на базис – а базисом является ценностно-этическое мироощущение народа, – можно добиться управленческого результата. Это общий принцип управления чем-либо. Базисом политики, осуществляемой в интересах конкретного народа, страны, должна быть этическая система этого народа, этой страны. И если в Китае сложилась именно этическая система, пронизывающая всё мировоззрение, включая политические решения, то в России такой опоры у политиков нет. И в этом я вижу проблему выработки политики, стратегии развития России в интересах ее народа. Практическая политика в России утратила связь с ценностно-этическим базисом народной жизни. Если эта связь не будет найдена как в своей глубинной сути, так и в форме, соответствующей сегодняшнему дню, Россия может просто исчезнуть как государство.

Нет ничего сложнее и трагичнее, чем европейская история. Именно поэтому Европейская мечта выстрадала стремление к единению и миру, а не к индивидуализму и конкуренции. Европейская мечта в этом смысле – антитеза Американской мечте.

Русская мечта

Следует, как это часто приходится делать, уточнить, что в понятии «Русская мечта» под «русским» понимается не этнический и тем более не религиозный компонент, а обобщенное наименование населения Российской империи, СССР, России. В последнее время для уточнения этого аспекта используют понятие «россияне» и даже англицизм «рашнз».

Разговор о Русской мечте можно начать с утверждения: её нет. А раз так, то, казалось



Джереми Рифкин (на фото) объявляет себя не просто поклонником, но и приверженцем идей, заложенных в Евроконституции, формулируя свою позицию весьма радикально: «Американская мечта заслуживает смерти, Европейская мечта – жизни». К этому выводу он приходит потому, что «это первый конституционный документ, вышедший на уровень глобального мышления».

бы, рассуждать и писать не о чем. Однако «блистательное отсутствие» Русской мечты столь многозначительно, что дает серьезный повод для размышлений.

Если бы Русская мечта существовала, то это означало бы существование некой социально значимой, принимаемой большинством доминанты ожиданий, если говорить языком психологии, или образа будущего, если говорить языком политики. Доминанта и образ не являются простой суммой личных планов и целей каждого. Этот социальный продукт должен быть создан преднамеренно, он должен быть предложен народу и воспринят им – как это имело место в случае с Американской или Китайской мечтами.

Так что Русская мечта – это вовсе не то, чем народ всегда обладает. Бывают периоды, когда народ продолжают существовать, не имея объединяющей его мечты. Именно этот период сейчас переживает Россия. Такое состояние страны я считаю противоестественным и опасным.

Кто-то из читателей, быть может, уже вспомнил про Русскую идею? Кто-то, возможно, полагает, что эти концепты – Русская мечта и Русская идея – близки настолько, что к ним можно относиться если не как к синонимам, то как к модификациям чего-то глубинно совпадающего?

Нет, это не так. Это две совершенно разные, принципиально – в самых главных основаниях! – не совпадающие концепции.

Русская идея (копирайт Фёдора Достоевского) – это «замысел Божий о русском народе», который нам неведом, но нам даны право и возможность пытаться его постигать хотя бы фрагментарно, хотя бы в отдельных ипостасях и сторонах жизни. Говоря об этом иным языком: Русская идея – это некий код, программа возникновения, развития и жизни народа как целого. Размышляя о Русской идее Достоевского, Фёдор Степун так описал метафору, через которую можно ее раскрыть: это «Божественное семя, брошенное на землю и из которого вырастает Божий сад». Важным аспектом Русской идеи, как подчеркивает Степун, является ощущение, признак тайны. Тайна – важное свойство Русской идеи в понимании Достоевского и таких русских философов, как Соловьев, Бердяев, Ильин. Размышляя о своеобразии русского пути, обусловленного метафизическими, внешними по отношению к нему причинами, они не наделяли народ субъектностью в той части, которая остается тайной. А историческая миссия как раз там, по их мнению, и находится. Иной взгляд на исторический процесс налагает на самого человека и обязанность творить историю, и ответственность за это, наделяя человека полным комплектом необходимых возможностей и ресурсов. Подобный подход – его можно увидеть, скажем, у марксистов, протестантов и иных «прагматиков» – уводит в сторону от мистической идеи, предлагая конкретные цели и пути их достижения. Именно в этом промежутке – между мистической идеей и политической программой – обитает мечта, способная превратиться в Мечту, обретя качества политического конструкта, не теряющего при этом эмоционального наполнения.

Прежде чем вернуться к вопросу о Русской мечте, подчеркнем еще одно обстоятельство, касающееся Русской идеи: ни в одном из аспектов, ни в одном из толкований Русская идея не концептуализирована как политическое действие. Это концепт философско-религиозный, а не политический, и оперировать им в политическом дискурсе следует, не забывая об этом. В то же время концепт мечты, благодаря прежде всего осуществленному опыту формирования Американской мечты как общественно-политического конструкта, как действия, бытует именно как концепт политический. Поэтому Русская мечта может быть инструментом практической политики, а Русская идея на протяжении полутора веков своего существования и раз-

Си Цзиньпин (на плакате) заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации – это величайшая мечта китайского нации начиная с Нового времени». И при этом сформулировал три ее цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации, создание счастливой жизни для народа.

вития остается лишь философско-религиозным фоном, на котором и в привязке к которому возникают и действуют инструменты практической политики.

Поэтому Русская – и всякая иная – мечта не есть только лишь комплекс неких таинственных мироощущений народа, идеалов, к которым он готов устремиться и которые надо как-то распознать. В рассматриваемом контексте мечта – прежде всего политическая программа, выраженная в эмоционально чувственной образной форме и направленная на реализацию той части мироощущения народа, которую мы называем чаяниями.

Существовала ли когда-либо прежде Русская мечта – как духовно-материальный комплексный идеал народа? Да, существовала – со многими оговорками, но – существовала. В нашей истории были периоды, когда народ охватывало некое общее стремление, которое мы, с оговорками, можем называть Русской мечтой. Оговорки будут относиться прежде всего к масштабу, к широте охвата народа той или иной мечтой. Так, например, в первые полтора десятилетия XX века «прогрессивная» часть русского общества страстно желала конституции, ограничения прав монарха. Для какой-то части общества это было мечтой, но не для огромного крестьянского большинства. Вскользь здесь упомянем одних из самых влиятельных «мечтателей» мира – масонов. Именно мечта лежит в основе масонского движения, причем мечта социально-политическая. Влияние масонов, в частности, на свержение монархии в России было, по-видимому, существенным, и в этом проявилось влияние их – масонской – мечты. Но вряд ли кто-то станет называть эту мечту общерусской.

Уже после свержения монархии, в горниле бушевавших тогда страстей и конкурировавших идей, программ, личностей удалось нащупать чаяния народа. Действительно, массовый отклик обрели самые первые лозунги большевиков, бывших тогда в союзе с левыми эсерами: «Земля – крестьянам, мир – народам, хлеб – голодным!» Такие призывы, несомненно, оказывали такое же эмоциональное воздействие, как Мечта, а поэтому и «четвертый член» большевистского призыва – «Власть – Советам!» – находил отклик.

Почему?

Фундаментальной, сакральной мечтой русского народа была и остается мечта о справедливом обществе. На протяжении всей истории России любые трансформации ее политического устройства можно рассматривать как поиск, как попытки создания общества справедливости. Этот процесс подчинялся нескольким мотивациям: длительному, «вечному» стремлению к справедливости, к «правде» и ситуативным откликам на текущие исторические вызовы, на смену укладов, происходившую под влиянием научно-технического прогресса, на изменение социальной структуры общества, отражавшее динамику исторического процесса. Стремление к справедливости несет в себе признаки национальной мечты – и по степени устойчивости, и по уровню эмоционального накала, и по мифологичности самого образа справедливости. В каких конкретных формах может существовать такое общество, какой в нем должен быть установлен порядок, какими должны быть его социальная структура, уровень материального благосостояния и технического развития – вопросы, воспринимающиеся общественным подсознанием как вторичные. Рациональный ум вопиет: они не могут быть вторичными, это и есть либо справедливые, либо

Юрий Тавровский:
«Вот девчушка в традиционном халате, а рядом надпись: “Китайская мечта – моя мечта”».

несправедливые компоненты, определяющие всю суть общества! Нельзя раскрыть понятие справедливости, не раскрыв, не сконструировав важнейшие аспекты организации жизни. Но иррациональная, метафизическая часть общественного (и личного) сознания тихим голосом, на бессловесном уровне несет в себе устойчивое ощущение и даже понимание того – что «по справедливости», «по правде», «по совести», а что – нет.

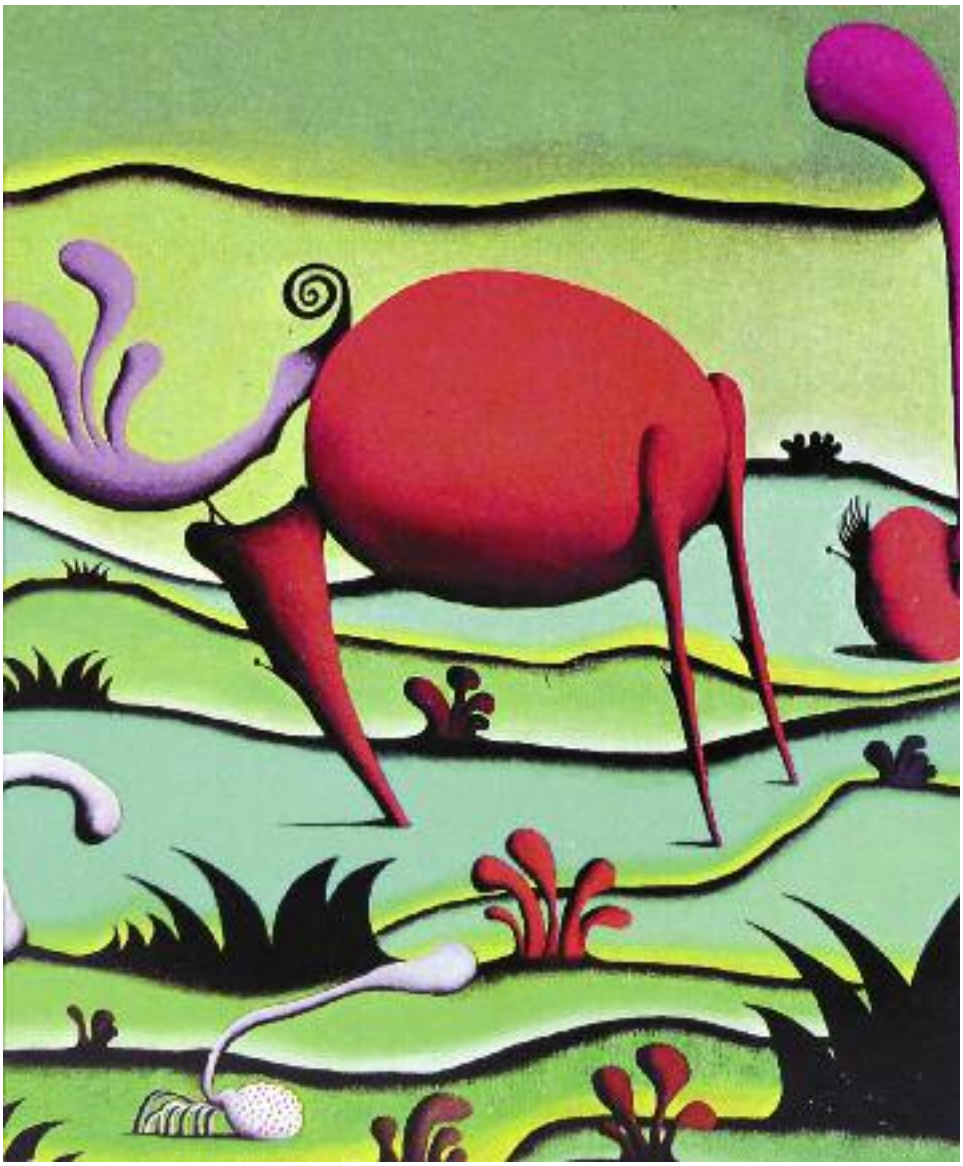
Вопрос о том, как те или иные идеи либо выживают, становятся долгоживущими, влиятельными доктринами, религиозными учениями, идеологиями и пр., а другие «уходят в отвал», – давно, со времен сомнений в существовании «единственно верного учения», перестал казаться простым. Например, развивающееся в последнее время направление, называющееся меметикой, предлагает новый взгляд на «борьбу идей», рассматривая ее с точки зрения естественного отбора, протекающего среди самих идей, сродни тому, что имеет место в живом мире, обеспечивая его эволюционное развитие. Попытка в рамках этой статьи хотя бы на самом поверхностном уровне изложить основы меметики – а без этого оперировать ее инструментарием невозможно, поскольку это новое направление еще не стало общеизвестным, – приведет к недопустимому увеличению объема статьи и надолго уведет нас в сторону от главного, того, ради чего статья писалась. Вместо «введения в меметику» упомянем две книги, в которых эти вопросы изложены: «Эгоистичный ген» Ричарда Докинза (1993), основателя меметики, и «Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов» Ильи Носырёва (2013). Первый автор – ученый-эволюционист, широко известный как воинствующий атеист. Вторая книга является одновременно популярным введением в меметику и исследованием процесса конкуренции и борьбы за выживание религиозных систем.

Исследований, в которых становление, борьба и эволюция идей, лежащих в основе того, что мы называем Мечтой, пока нет. Указав на это, мы высказываем надежду, что такое исследование появится и его результаты выявят что-то новое и важное в отношении связи между «глубинными чаяниями народа», в частности – его стремлением к «справедливости», и теми конкретными рациональными формами – идеями, идеологиями, религиями, политическими программами и лозунгами, – которые народ воспринимает как реализацию своих надежд. А пока мы приведем здесь один из важных выводов, сделанных в результате анализа «естественного отбора в мире идей»: не все идеи (доктрины), которые люди считают правильными и полезными для жизни хотя бы и на протяжении многих столетий, являются безусловно таковыми – правильными и полезными – для выживания и развития человечества. Возвращаясь к теме статьи, скажем: Мечта (ставшая политическим конструктом, культурной едини-

цей – мемом) может быть полезной для выживания и развития, может быть индифферентной по отношению к этим процессам, а может быть и вредной, вести к депопуляции и вырождению. Причем критерия, позволяющего в режиме реального времени с необходимой точностью определить, «вредна» или «полезна» мечта-идея, охватившая народ, – нет. Для оценки влияния на такие медленные и длительные процессы, как «выживание» и «развитие», нужны порой столетия. Результат действия мечты-идеи, воспринимаемый как успех на каком-то отрезке истории, может обернуться трагедией в будущем. Об этом надо хотя бы пытаться размышлять, стараясь на уровне предположений предвидеть возможные исходы очарованностью мечтами. Что мы, конечно, и стараемся делать и без всякой меметики, чей статус – «наука – не наука» – в стадии обсуждения. Но, возможно, новые подходы окажутся в чем-то полезными.

В Новейшее время Россия пережила два «прорыва к справедливости», охвативших всю страну. Первый вошел в историю как Революция 1917 года, второй – как перестройка.

Дважды в течение XX века Россия кардинально изменила свое государственное устройство, жестоким, революционным путем сломав все предшествующие основы государства и насадив не просто новые, а сущностно противоположные. Революция 1917 года «оседлала» то самое вечное стремление народа к справедливости, дала народу явственные, материально ощутимые результаты в виде земли и мира, в виде подлинного равенства – отказа от сословий. Произведенная в ходе Октябрьской революции «экспроприация» – изменение базового принципа собственности «по Марксу» – не была вековечной мечтой. Это была доктринальная ценность, которую внедряли осознанно, целенаправленно, жестоко и – несправедливо. Маркс и его последователи верно определили тот комплекс проблем, который, по их мнению, мог быть разрешен с помощью отмены частной собственности. Эти проблемы действительно удалось решить! Национализация позволила создать весьма эффективную социально-политическую модель, в которой, однако, возникли собственные проблемы, приведшие ее к преждевременной гибели. Но мечта о справедливом обществе, охватившая широкие слои населения, – была. И во многом принимала форму мечты о коммунизме. Важно отличать политические цели и задачи марксизма-ленинизма как идеологии, программы КПСС и прочих им подобные доктрин от собственно Мечты – эмоционального ком-



Десмонд Моррис. Долина в ожидании (фрагмент)

Развивающееся в последнее время направление, называющееся меметикой, предлагает новый взгляд на «борьбу идей», рассматривая ее с точки зрения естественного отбора, протекающего среди самих идей, сродни тому, что имеет место в живом мире, обеспечивая его эволюционное развитие.

плекса ожиданий, который, несомненно, существовал. Причем «коммунистическая мечта» – это Русская (общероссийская) мечта! И ничья более, потому что у Маркса и прочих марксистов не мечта – а цель, выводы из теории.

Русская мечта в виде мечты о коммунизме жила недолго, но ярко. Во времена, в которые она была действенной силой, достигнуты высокие результаты в науке и технике, в образовании, здравоохранении, искусстве. Но как это ни парадоксально, в период наивысшего взлета и развития мечта стала угасать. Этот вопрос не был исследован с достаточной глубиной и тщательностью, каковых он, несомненно, заслуживает. Детальный анализ того, как именно мечта перестала «работать», еще предстоит провести. Можно лишь утверждать, что последовательность фундаментальных ошибок советского руководства привела к кризису 80-х и к гибели государства со всеми «народными чаяниями» в 90-х, когда был осуществлен второй акт падения в чудовищную несправедливость.

Перестройка и последовавшие за ней катастрофы – путь бесконечной, каждодневной лжи, обмана, преступлений, грабежа, соглашательства и массового предательства народом идеалов – собственных и отеческих. Несправедливо отнятая в Революцию собственность, за семь десятилетий превращенная в общенародную, ставшая худо-бедно, но служить людям и новыми поколениями уже воспринимавшаяся как справедливая, была обманным путем захвачена новыми циничными «революционерами».

Перестроечные и постперестроечные массовое предательство, разрушение и разграбление не выдвинули ни одного лозунга, ни одного призыва, который хоть как-то напоминал бы Мечту, который нашел бы отклик в том вечном стремлении к справедливости, которое всё еще живет в народе. Ни «социализм с человеческим лицом», «ни больше демократии, больше социализма», ни «ускорение и гласность» не являются ни мечтами, ни даже самыми примитивными целями. Это манипулятивный процесс насильственного воздействия на сознание, это не «оседлание волны народных чаяний», а одурманивание народа мошенниками. Лозунги 90-х еще страшнее и циничнее, они еще дальше от стремления к справедливости и уж совсем не похожи на народную мечту: «альтернативы рынку нет», «борьба с привилегиями» и «партократами» и т.п.

«Коммунистическая мечта» отвечала требованиям, которые можно предъявить к политическому концепту, она действительно работала как инструмент реальной политики, и ее идеалы воспринимало и разделяло большинство населения. Разумеется, не все поголовно – как не все поголовно граждане США разделяют идеалы Американской мечты. Никакого иного полноценного примера Русской мечты в нашей истории не было и нет. Подчеркнем еще раз, что мы призываем воспринимать концепт Мечты исключительно как политический – иначе мы не можем рассматривать его как инструмент политики и не можем сравнивать между собой те четыре мечты – Американскую, Европейскую, Китайскую и Русскую, – о которых идет речь в статье.

В связи с этим не следует считать Русской мечтой ни архаичные представления о «лучшей жизни», закрепленные в фольклоре («молочные реки – кисельные берега»), ни спекулятивные построения, основанные на разного рода оценках потребностей населения, представленных в социологических исследованиях. Потребности – не мечта. Цели – включая «планы пятилеток», «планы реформ» и прочие способы их достижения – тоже не мечта.

В качестве примера социологического исследования, в котором произведена подмена понятия потребности (цели, стремления, желания) на понятие Мечты, можно привести аналитический доклад 2012 года, подготовленный Институтом социологии РАН «О чем мечтают россияне». В нем содержится много весьма интересных и полезных данных, однако их интерпретация, особенно с использованием словосочетания «Русская мечта», в свете сказанного выше – ошибочна.

Мечта – это комплекс духовно-материальных идеалов, разделяемых большинством населения, стремление к реализации которых в реальной жизни ощущается как надлежащая норма. Отдельные аспекты Мечты в процессе стремления к их достижению становятся целями, подкрепленными теми или иными путями их осуществления. Мечта, будучи комплексом идеалов, выражается в образно-эмоциональной форме и остается – в отличие от целей – расплывчатой, изменчивой, не поддающейся слишком точным определениям. Тем не менее именно на образно-эмоциональном уровне Мечта и объединяет, и увлекает огромные массы людей, с ее помощью – как инструмента политики – люди оказываются способными к восприятию общих целей, вдохновляются, воодушевляются на совместные действия по их воплощению в жизнь. Мечта – это образ цели, которую ты сам можешь достигать, добиваться. Это действие. Мечта – это непре-

Русская мечта в виде мечты о коммунизме жила недолго, но ярко. Во времена, в которые она была действенной силой, достигнуты высокие результаты в науке и технике, в образовании, здравоохранении, искусстве. Но как это ни парадоксально, в период наивысшего взлета и развития мечта стала угасать.

менно оптимистическое ожидание. Пессимистическая мечта – оксюморон, нечто невозможное. Это патология, торжество Танатоса.

Откуда берется общенациональная мечта? Как мы видели из приведенных в предыдущих главах примеров, ее осознают и формулируют политические лидеры, «угадывая», «улавливая» состояния общественного сознания и чаяния народа. Иногда на это уходят столетия, как в Америке: основные идеи и принципы были заложены в Декларации независимости и Билле о правах в XVIII веке, а концепт – как образная система идеалов – возник лишь в 30-х годах XX века. Иногда – десятилетия, как это произошло с формированием «коммунистической мечты» в СССР, основанной, однако, на столетиях и даже тысячелетиях генезиса социальных утопий. Эффективность «коммунистической мечты», ее качество как политического инструмента оказалось невысоким. Был период, когда она, выраженная в форме «научного коммунизма» и широкого спектра произведений литературы, искусства, публицистики и многого другого, не просто существовала, но оказывала реальное влияние, причем не только на советское общество, но и на весь мир. Но «коммунистическая мечта» умерла, вернее, ее незримое присутствие в душах людей ослабло еще до того, как ликвидировалась государственная форма, оболочка, под защитой которой она существовала. Потом мечта ушла и из реальной политики. И произошло это, по всей видимости, потому, что общая мечта живет и действует, если она, во-первых, адекватно отражает реалии, настроения, чаяния отдельных людей, во-вторых, ее поддерживают в живом, активном состоянии, а не превращают в примитивные догматические лозунги, ну и, в-третьих, если сама политическая власть не начинает эту мечту дискредитировать и уничтожать. В СССР действовали все эти негативные факторы.

В последние десятилетия влияние «коммунистической мечты» не равно нулю – коммунистическая идея является одной из фундаментальных социальных доктрин, сохраняющих свою привлекательность веками, – но столь незначительно, по крайней мере в нашей стране, что говорить

Дважды в течение XX века Россия кардинально изменила свое государственное устройство, жестоким, революционным путем сломав все предшествующие основы государства и насадив не просто новые, а сущностно противоположные.

о ней как об общенациональной доминанте не приходится. Важно пояснить, что фиксируемые социологическими исследованиями «просоветские» настроения, ностальгия по СССР, высокие рейтинги некоторых коммунистических лидеров, гордость за победы советского народа в войне и мирном труде – не являются современной Русской мечтой, хотя эти предпочтения и являются доминантой: те или иные аспекты «ностальгии по СССР» разделяет от «более половины» до «более восьмидесяти процентов» населения России. Этот факт может и должен быть базисом для формирования новой Русской мечты, но пока этого не делает никто. Политические партии коммунистического толка опираются на лозунги ушедших лет, а все прочие строят свои программы и псевдоидеологии на критике или на идеализации фантомов прошлого. Либо на апелляции к чужой мечте – Американской или Европейской – или на прямом их заимствовании, предлагая их в качестве пригодных для России. Но действенная современная Русская мечта вряд ли сможет стать эффективным инструментом, если она будет обращена только в прошлое – неважно какое: коммунистическое или дореволюционное. Она не сможет стать им и в том случае, если она будет оторвана от прошлого – и советского, и имперского, и еще более древнего. Мечта должна органично вырастать из прошлого народа, причем – позитивного прошлого.

Трагедия современного разрушенного общественного сознания, неспособного к формированию Мечты, состоит в том, что политики и пропагандисты опрокинули его не в достижения прошлого, а в выгребную яму русской истории. А в выгребной яме Мечта не живет.

Общенациональная мечта – психологический феномен. А в психологии – и личностной, и социальной – известно, что «уйти от прошлого», отталкиваясь от него, – невозможно. «Прийти к будущему» можно, только погружаясь в него, в будущее. А из прошлого должен доноситься лишь ветер собственной силы и гордости. Упрощенно говоря, чтобы бросить курить, надо думать о себе не с сигаретой в зубах и даже не о вреде курения, а о себе некурящем, о пользе здорового образа жизни, формировать новый позитивный образ себя в будущем, отыскивая примеры собственного успеха, проявления своей силы воли – в прошлом. Примеры и память о своих достижениях придадут силы, в то время как цепляние за свои слабости, несовершенства – ослабляет, лишает воли.

Вот почему политические силы, желающие дальнейшей разборки России, с утра до ночи твердят про «ГУЛАГ», про «преступления коммунистического режима», про «Сталин хуже Гитлера»... Их задача – не дать Русской мечте сформироваться, их цель – не выпускать нас из выгребной ямы. Их предшественники – большевистские пропагандисты – делали то же самое, формируя образ «России – тюрьмы народов», сводя взаимоотношения людей к аспекту «эксплуататор–эксплуатируемый», а поиск ответов на метафизические вопросы – к «опиуму для народа». Но при этом рисовали образ «светлого будущего». Получалось: по-

зади – черным-черно, сегодня – трудно, но завтра – светлым-светло. Однако, как показывает практика, отбрасывание позитива из предшествующего прошлого, гипертрофия бывших в нем проблем ради формирования негативного образа сломанной системы общественного устройства – метод, лишающий общество способности к формированию действенной продуктивной мечты. В этом смысле стоит внимательно присмотреться к базису Европейской мечты. В ней присутствует элемент того, что может ее разрушить: она построена не на памяти о великих победах и достижениях, а на мысли о том, что «прошлое не должно повториться». И что же мы имеем на сегодняшний день? Мы имеем возрождение фашизма в центре Европы – фашизма, уже принявшего форму вооруженных действий, убийства людей.

Мечта – как эмоциональное ожидание – живет и ждет. Мечта – как мобилизующий инструмент – не существует. Ужас 90-х сменился напряжением «нулевых», а ныне мы переживаем неопределенность «десятых». Политическая жизнь – та, в которой мечты рождаются, – отсутствует. Она даже не профанируется – как в приснопамятный период перестройки. И это единственный плюс от полной заморозки политической жизни: лучше временный анабиоз, чем смертельный гнилостный процесс. Все-таки надежда на реанимацию сохраняется.

Русской мечты нет. Однако мечта – мечтой, но есть пределы возможного в реальной политике. И Мечта – как политический конструкт – должна это учитывать. У нее должна быть и терапевтическая, и витальная функция. Надо смягчать уже сложившуюся конфигурацию катастрофы, безвыходности.

Факторы катастрофы внутри России многочисленны, но, слава богу, конечны. Прежде всего должна быть отброшена, уничтожена доминирующая в политической и экономической элите система взглядов на предназначение государства и смысл жизни, разъевшая как раковая опухоль всю страну. Ложь про «план и рынок», про «права и свободы» – как высшие ценности – должна быть названа ложью, отброшена и утилизована в наборе инструментов для достижения подлинных целей и смыслов. Дегенеративная финансовая система, созданная для обслуживания системы воровства и вывоза капитала, уже не может делать даже этого. А должна обеспечивать промышленное и сельскохозяйственное развитие. Не бла-бла-бла, не «импортозамещение», не «модернизацию», не весь прочий «бырдырмыр» – а промышленное и сельскохозяйственное развитие. Именно это – а не «инвестклимат» – часть Мечты. Не менее срочной мерой и центральной частью новой Мечты должно стать возрождение образования – как системы воспитания, выращивания человека этой самой новой Мечты. Не «реформирование», не «повышение эффективности», а выращивание нового человека – Мечта. Политическая жизнь в стране должна возникнуть, выйти из заморозки, политическая дискуссия и конкуренция обязаны давать свои плоды, свой урожай новых идей и решений. Карфаген системы принятия стратегических решений должен быть разрушен – напомню, что я говорю о Мечте, а не пишу инструкцию по изменению политического строя, поэтому ответа на вопрос: а как же это сделать – в этой статье не будет.

Факторы катастрофы вне России: конфронтация с Западом и значительной частью не-Запада, прямая и косвенная зависимость российского истеблишмента от внешнего управления, кошмар Украины, политические и экономические санкции. Как быть с этим? Как Русская мечта может эти факторы если не устранить, то хотя бы смягчить? Новая Русская мечта должна предстать в новом обличье, она должна быть нацелена на поиск выгодных для нас компромиссов, а не на «победную конфронтацию». И на компромисс не с тем миром, который мы видим сейчас, а с тем, который уже нарождается, чью структуру сейчас уже можно угадывать. Политическая структура российского общества тоже должна измениться настолько, чтобы в ней возникли и укрепились диалогоспособные политические партии и движения. Такие, с какими и Запад, и Восток – меняющиеся на наших глазах – захотят иметь дело и какие при этом о России думают как о Родине-матери.

И вот тогда... Тогда, ощущая Мечту как цель, образ будущего – как самое лучшее, самое надежное, самое сильное, самое привлекательное во всех отношениях общество и государство, – охваченные объединяющей Мечтой, ведомые светлыми политическими лидерами к светлому будущему, мы, граждане России, проявим все свои самые лучшие качества, реализуем все свои потенциалы, достигнем личного и общего успеха.

Когда – «тогда»? Когда гнев от бесконечной и всеохватной несправедливости выведет толпы на улицы? Это весьма вероятно. Не успеешь воодушевить Мечтой – получишь гнев. В том числе и на голову того, кто был должен, мог – но не сделал. Но гнев – это не Мечта. И результат гнева – разрушение. А нам нужны: не гнев – а воодушевление, не разрушение – а развитие.

Георгий Матвеевич Дерлугьян –
профессор социологии Нью-Йоркского университета в Абу-Даби

Суверенная бюрократия

Предварительные итоги осмысления явления через 30 лет после начала перестройки

I

Кто, как и почему оказались обладателями власти в результате распада СССР? Размышления на эту тему подводят к следующему вопросу: какие варианты дальнейшей эволюции просматриваются из нашего времени, уже четверть века спустя после перестроечных надежд на либеральные реформы и отрицания «административно-командной системы»?

С теми или иными оговорками, с разными чувствами, но почти все сегодня согласны с тем, что произошла некая частичная реставрация. Восторжествовали не либеральные интеллигенты и не сталинисты, не местные бароны и не красные директора, не капиталисты и не рабочие, не иностранные корпорации и не вожди националистических движений. Главные источники власти, контролирующие горловины на потоках материальных и статусных обменов, оказались в руках высшего персонала постсоветского госаппарата. Одновременно происходит восстановление привычных социальных практик и представлений – от международного статуса государства до социальной иерархии его подданных и соответственных их рангу способов жизнеобеспечения. Иначе говоря, после потрясений как будто восстановился порядок, притом достаточно знакомый. Как всё это корректно описать и осмыслить, не повторяя при этом уже пройденного в перестроечных дебатах?

II

Сразу надо сказать, чем мы заниматься не собираемся.

Во-первых, политической полемикой против возникшего порядка вещей или его апологией. Это вовсе не значит, что мы отказываемся от собственного мнения. Напротив. Без ложной скромности мы вкладываем свою профессиональную гор-

дость ученых, включенных в мировой исследовательский процесс, в формулирование оценок и прогнозов на основе дисциплинированного, логически-последовательного изучения социальной среды. Мы стремимся понять, как возникла социальная экология, в которой на сегодня доминантным видом оказалось суверенное чиновничество (особенно в России, но не только в России), что представляет собой эта элитная группа, как воспринимают они себя и окружающий мир? Что они могут и чего не могут совершить? Каковы, по большому счету, возможности и, еще важнее, ограничители возможностей данной исторической конфигурации?

Предлагаемый нами термин «суверенная бюрократия», конечно, подсказан некогда придуманной Владиславом Сурковым «суверенной демократией». Однако по зрелому размышлению это определение оказалось куда глубже и полезнее пародийного ерничанья. Речь идет об аппарате управления и населяющем его персонале, которые добились независимости как от всяких господствующих классов (последние феодалы ликвидированы столетие назад, личная диктатура преодолена в 1950-х, новейшие претенденты в капиталисты побеждены), так и от нейтрализованной народной демократии вместе с критической интеллигенцией по причине ее распада. Данной бюрократии удалось освободиться (особенно в богатой ресурсами России) и от внешнего контроля в форме мягкой силы гегемонии западных норм либо в более прямых формах империалистического диктата. Возникла именно суверенная от всех бюрократия. Во-вторых, мы совершенно не собираемся рассуждать отвлеченно и, как водится, бездоказательно о национальном характере и особых традициях. Суверенная не означает вовсе самобытная. Наверняка найдутся частичные аналогии (все исторические аналогии частичны, поскольку история общественных систем слишком сложна для геометрических параллелей). Мы предполагаем, что сравнительно-исторический анализ может прояснить очень многое насчет наших сегодняшних дел.

Главные источники власти, контролирующие горловины на потоках материальных и статусных обменов, оказались в руках высшего персонала постсоветского госаппарата.

Наконец, в-третьих, мы не стремимся создать абстрактную нормативную теорию того, чем должна быть «нормальная», «настоящая» бюрократия (равно как и интеллигенция, демократия или прочие социальные учреждения). Опять же, мы не отказываемся от нормативных суждений о желательном порядке вещей. Такие суждения имеют смысл в научном анализе только после подведения итогов изучения социальных явлений. Более того, добросовестная и ответственная наука об обществе должна показывать варианты социального выбора. К этому мы еще придем и сверхзадачи забывать не станем. Но сейчас нам надо определить программу исследования, сформулировать рабочие гипотезы, вытекающие из них вопросы и методы получения ответов на наши вопросы.

III

Прежде всего потребуются базовые рабочие определения, набор инструментов, которые могут пригодиться в работе. Относиться к теориям и предлагаемым ими аналитическим инструментам лучше эвристически, то есть пользоваться до тех пор, пока сохраняется полезность данных инструментов и, при необходимости, их модифицировать и комбинировать. Эта предварительная часть неизбежно перегружается профессиональным жаргоном, в основном для краткости. Но предварительное обсуждение теоретического инструментария совершенно необходимо провести до того, как мы начнем разбирать эмпирическую реальность.

Рэндалл Коллинз, который видит социальные науки шире

Гипотеза мир-системного уровня примерно такова: в ядре современной мир-системы ресурсная и инфраструктурная сила капиталистов такова, что они могут обходиться минимальным по размеру, однако изумительно эффективным аппаратом координации во многом за счет организационной силы на местах капиталистических семейств, корпоративных гильдий и Церкви.

и четче большинства из нас, со своим обычным спокойствием утверждает, что мы живем в «золотом веке» исторической макросоциологии. В 1970-е были совершены прорывы в понимании исторической динамики древних обществ и современного капитализма, институциональных условий и нишево-сетевой природы рынков, неформальных экономик, роста (а также распада) современных государств, возникновения революций, мобилизации общественных движений, источников и динамики демократизации. А также в понимании национализма и этничности, причин коррупции и организованной преступности, в объяснении самого научного и художественного творчества. Наступает, по словам Коллинза, этап более массового научного освоения теоретических прорывов предшествующего поколения и синтеза различных исследовательских направлений.

Ведущая линия исследовательского прорыва связана с именами Чарльза Тилли (который продолжил линию историко-социологического объяснения европейской политики норвежца Стейна Роккана), а также Теды Скочпол (в свою очередь, ученицы Баррингтона Мура) и неовеберианцев Джека Голдстоуна и Майкла Манна. Предмет их исследований – формирование современных централизованных бюрократических государств и одновременно общественное сопротивление этому процессу в виде элитных мятежей и народных восстаний, национальных сепаратизмов и фабричных забастовок, оформления массовых партий и социальных революций эпохи Нового времени. Из такого сложного, исторически изменчивого, неоднозначного взаимодействия двух трендов – формирования бюрократической государственности и общественного сопротивления растущей власти государства – в результате и возникают либеральные демократии Запада.

Наряду с мир-системным анализом капитализма это наиболее успешное из новых направлений исторической макросоциологии. В обоих случаях были преодолены канонические схемы либерализма и марксизма, исходившие из типичных для XIX века однолинейных эволюционных представлений о непреложных законах истории. Там, где ранее господствовала идеологическая телеология (в виде стадий модернизации или общественных формаций), где историю вершили абстрактные персонажи и реифицированные принципы (классовая борьба, технический прогресс либо идея свободы), теперь исследуются и картографируются сложные и изменчивые экологические ландшафты. Они наполнены социальными сетями, классами и статусными группами (идентичностями), политическими движениями, государственными учреждениями и капиталистическими организациями и не в последнюю очередь

Рембрандт. Синдики гильдии суконщиков. 1662 год

конкретными людьми, действующими в насыщенном историческом контексте по своему культурно-обусловленному разумению.

Картина перемен в социальных науках усложняется, но и становится рельефнее, если попробовать прочесть под данным углом зрения теоретиков дискурсивно-культурного поворота в социальной науке. К тому же ряду относится, скажем, и прекрасный критический разбор теории модернизации, предложенный Нильсом Гилманом. Культурологическая критика направлена на выявление идеологических основ и дискурсивных практик господствующей парадигмы неоклассической экономики и позитивистского мейнстрима политологии. Тут культурологи добились неоспоримых успехов. Сегодня это отдельный фронт интеллектуального сопротивления, чьи позиции весьма прочны на гуманитарном фланге науки. Вместе с тем на данном направлении противостояние приобрело характер затяжной позиционной войны. Культурологическая критика сильна в обороне своей области знания, но менее эффективна в объяснении материальных структур современного мира. Поэтому экономисты и политологи в большинстве случаев могут попросту игнорировать гуманитарного противника, пользуясь своим подавляющим превосходством институционального контроля над господствующими высотами и главными материальными ресурсами интеллектуального поля.

Ядро есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов, как правило, достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение.

Вполне возможно, что мостом между историко-социологическими и культурологическими школами может послужить социология Пьера Бурдье. Этот исключительно влиятельный и энергичный француз двигался своим особым путем и создавал свой собственный научный язык. Притом Бурдье был известным забиякой и полемистом. Но даже он сам признавал, что его мысли и поиски двигались в том же направлении, что и историческая социология Чарльза Тилли.

Бурдье делал очень много для систематического заполнения того места в анализе социальных структур, стратегий социального господства и их соотношения с практиками культуры, которое традиционно занимал марксизм, особенно в его поздней – грамшианской – версии, и либеральные теории, связанные прежде всего с именем Карла Маннгейма. По сути, Бурдье создавал политическую экономию культуры, понимаемую вовсе не как набор непреходящих ценностей и шедевров искусства, но как поле конкурентно-конфликтных взаимоотно-

Второе сражение у Вирджиния Кейпс

Периферия – это зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жестокий характер вплоть до взаимного уничтожения.

шений по поводу того, что считать ценностями и шедеврами. Школе Бурдье после его смерти в 2002 г. предстоит доказать свою способность развиваться без великого основателя и вождя. Но даже если круг его учеников распадется и на какое-то время имя Бурдье окажется непопулярным (прежде всего именно потому, что еще недавно оно казалось таким модным), концепции габитуса, символического капитала и индивидуально-групповых траекторий в социальных полях останутся очень полезным инструментарием в арсенале новой социальной науки.

В научных дисциплинах, которые более удалены от поля власти и занимают относительно маргинальные позиции в современной академической среде – в социальной антропологии и экономической географии, – соответственно оказался и больший зазор для свободы теоретического экспериментирования. Сошлюсь на знаковые работы лишь двух видных ученых. Это теоретический археолог Тимоти Эрл, прямой продолжатель эволюционной политэкономии архаических обществ Маршалла Салинса и Элмана Сервиса. Тимоти Эрл применил элегантную версию синтеза концепций Майкла Манна, Пьера Бурдье и мировэкономик Фернана Броделя к объяснению изменчивости структур власти в предгосударственных образованиях (вождествах). При этом брались преднамеренно удаленные друг от друга примеры: древних инков, вождества Скандинавии и Придунайской равнины эпохи бронзового века и Гавайских островов накануне контакта с европейцами. У географов сегодня один из наиболее влиятельных теоретиков – англичанин Питер Тэйлор, который отслеживает на протяжении последних веков пространственное измерение современности в эволюции рынков, капиталистических городов и государств.

Теперь рассмотрим более детально, что и как из достижений «золотого века» исторической макросоциологии может пригодиться в нашем анализе.

IV

Для макроуровня можно принять подход «неосмитовских» (скорее, броделевских) неомарксистов – Иммануила Валлерстайна и Джованни Арриги. Они явно не относятся к марксистам более традиционным, которые завязли в споре об относительной автономии государства от буржуазии или, вслед за Мишелем Фуко, склонны психологизировать и до предела экзистенциально расширять понятие власти. Сомнительна и аналитическая

полезность постмодернистской критики. Тем более нам не по пути с эстетизированным неоанархизмом Антонио Негри. Однако предстоит всерьез подумать о направлении Роберта Бреннера и Дэвида Харви, которые с 1970-х гг. выступают наиболее последовательными критиками Валлерстайна с позиций классового анализа власти и отрицания мир-системного детерминизма.

Гипотеза мир-системного уровня примерно такова: в ядре современной мир-системы ресурсная и инфраструктурная сила капиталистов такова, что они могут обходиться минимальным по размеру, однако изумительно эффективным аппаратом координации во многом за счет организационной силы на местах капиталистических семейств, корпоративных гильдий и Церкви. Тому примером Нидерланды XVII в., викторианская Британия XIX в., США вплоть до рузвельтовского «Нового курса». Напротив, на периферии государства крайне слабы, поскольку эффективные госструктуры там не просто непомерно дороги, но и потенциально, в случае политической революции, грозят экспроприацией местных элит (Латинская Америка).

Парадокс, что государство подменяется властью элитных семей как в самом центре системы, так и на ее глубокой периферии. Только в ядре капиталистическая олигархия кооперируется и действует заодно, а на периферии олигархии постоянно дробятся и жестоко интригуют друг против друга, по ходу не позволяя оформиться сильной власти, чтобы не подпасть под нее. Это согласуется с общим положением мир-системного анализа о том, что ядро есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов, как правило, достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение. Периферия же – это зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жестокий характер вплоть до взаимного уничтожения. Отметим загодя, что здесь возникает очень перспективная возможность перекинуть аналитический мостик к веберианским концепциям неопатримониализма и процессов «оцивилизования»/«расцивилизования» (Норберт Элиас). Наиболее же активистские, классически государственнические бюрократии возникают в промежуточной зоне полупериферии (точнее, на внешнем периметре ядра, в странах типа Германии, Италии, России и Японии), где видится надежда догнать капиталистических лидеров, но приходится группироваться и концентрировать ресурсы, нередко насильственно. Это революции сверху типа бонапартизма и фашизма либо революции снизу – в первую голову ленинизм. Именно там изобретаются диктатуры догоняющего развития.

Преимущество подхода Валлерстайна и Арриги по отношению к теориям модернизации очевидно – их география полей власти преодолевает нормативные абстракции и дает четкую объяснительную классификацию. Недостаток прямо вытекает из достоинств и также давно известен по критике как веберианцев (Скочпол), так и некоторых неомарксистов (Бреннер). Арриги и особенно Валлерстайна занимает макроскопическая панорама, из которой нелегко последовательно перейти к анализу конкретных примеров, вариаций и исключений.

V

Поэтому на среднем уровне наиболее полезны разнообразные неовеберианцы в широком русле Роккана, Скочпол, Лахманна, Голдстоуна, Манна и, конечно, Тилли. Их инструментарий замечательно приспособлен для сравнительного анализа государств и социальных групп в исторической динамике. Из-за большого разнообразия неовеберианцев нелегко сформулировать гипотезу общего охвата. Нам бы пригодилось нечто такого вида: бюрократия исторически возникает как механизм формальной рационализации власти и ее централизации за счет вытеснения/кооптации всевозможных нотаблей-посредников среднего и местного уровня. Но реальный процесс, в отличие от близкого к нормативной идеологеме идеального типа, исторически бывает весьма непоследователен, неравномерен в пространстве (мир-системы?) и, более того, как недавно показал Венелин Ганев на материале посткоммунистических стран Восточной Европы, процесс этот еще как обратим вспять. При каких обстоятельствах возникает непоследовательность? Как бюрократия становится самоосознанной статусной группой и как порою теряется этот облик?

Здесь полезно вспомнить о процессе «оцивилизования» Норберта Элиаса. Модель Элиаса также работает вспять, когда происходит «расцивилизование». Эта концепция может нас вывести из давнего спора о классах и статусных группах. В более широком толковании процесс «оцивилизования» помогает ухватить эмпирическую динамику становления самоосознанных статусных групп на основе общности структурного положения, то есть классов. Элиас же перекидывает мостик от веберианской традиции исторического анализа к социологической культурологии и

Если растолковывать и операционализовать понятие капитала при помощи прагматичного подхода Валлерстайна, то капитал – это способ накопления и сохранения успеха, достигнутого вчера, в предшествующих раундах социальной игры, с тем чтобы воспользоваться преимуществом в будущем раунде.

интеракционизму неодюрк-геймианцев Гоффманна, Коллинза и Бурдье. Здесь мы находим инструменты для описания и аналитического разбора повседневной бытовой реальности элит, как и не-элит, их механизмов распознавания «свой–чужой», а также навыков, ритуалов, «ухваток», которые собирательно составляют предосознанное, дошедшее до автоматизма поведение – тот самый габитус.

Придется хорошенько подумать и о том, как интегрировать сравнительно-исторический вариант новейшего веберианства образца 1970–2000 гг. с тем полезным, что можно вынести из более ранних (конца 1960 гг.) веберианских дебатов о неопатримониализме в третьем мире. Это прежде всего проницательные, хотя порою крайне сложно высказанные предположения израильтянина Эйзенштадта, впоследствии – французских африканистов Лемаршана и Медара, индологов супругов Рудольф, наконец, это и корпус знаменитых работ «крестьяноведа» Джеймса Скотта начиная с его первой книги о коррупции в Юго-Восточной Азии. Эти исследователи предшествующего поколения пытались преодолеть очевидный тупик теории модернизации, постулировавшей четкую дихотомию между современностью и традиционным обществом. Властные реалии стран Азии и Африки к концу 1960-х гг. явно перестали вписываться в такую идеологическую оппозицию, их «несовременные» элементы не были дисфункциональным пережитком. При этом внешне современные институты – вроде парламентов, правящих партий, правительственных министерств, судов и особенно армии – явно работали по принципам личных патронажных связей, а не формального закона. На Западе эти дискуссии, как водится, не получили никакого разрешения, а были попросту оставлены и позабыты с приходом моды на транзитологические модели демократизации. Это оказалось шагом назад, по сути вернув политологию к идеологемам теории модернизации. Объективно такой сильнейший откат в науке соответствовал откату бывших соцстран в третий мир. Это вторично поставило Запад в положение благосклонного ментора, указывающего, как подтянуться до его уровня «современности» путем одного лишь заимствования транзакционных технологий для политических и экономических рынков. Поэтому контртеории, возникшие в конце 1960 гг. из кризиса первой волны модернизации/транзитологии, могут показать нам нечто весьма существенное из нашего собственного будущего.

VI

Говоря о социальной группе, правящем классе, элите, мы неизбежно вступаем на минное поле дебатов об определениях. Чтобы не завязнуть в излюбленных препирательствах ученых-обществоведов, модифицируем наши определения при помощи инструментария, разработанного Пьером Бурдье. Тем более что подход, которым пользовался Бурдье, выводит нас от макроисторических концепций на конкретно-социологический анализ повседневности.

Элита понимается здесь попросту как группы индивидов, занимающих верхние эшелоны, «командные высоты» тех или иных институтов социальной организации: экономических рынков и предприятий материального производства, политических партий и движений, организационно более или менее оформленных полей символического производства (религия, культура высокая и массо-

вая, наука, журналистика, образование, а также спорт) и, конечно, государственных структур. Всякая элита, если воспользоваться аналитическим орудием Бурдье, обладает капиталом высокой концентрации, что, собственно, и определяет элиту. Если растолковывать и операционализовать понятие капитала при помощи прагматичного подхода Валлерстайна, то капитал – это способ накопления и сохранения успеха, достигнутого вчера, в предшествующих раундах социальной игры, с тем чтобы воспользоваться преимуществом в будущем раунде. В каждом роде деятельности свои специфические формы капитала. Капиталист превращает результаты успешных – то есть прибыльных – операций в денежные средства, которые затем может инвестировать в новые операции. Это и есть капитал в традиционном понимании.

Михаил Авилов. Опричники. 1916 год

Бюрократия, по идее, не должна быть элитой, тем более властвующей и суверенной. В ранние эпохи это были «слуги государевы». В Новое время, когда легитимный суверенитет переместился от монарха к абстрактному народу и нации, это «общественные служащие». Наивность – или лукавство – таких слов очевидны.

Для пояснительного контраста: феодальное семейство накапливает права на сбор ренты с крестьян в вооруженной борьбе с соперниками-феодалами (война, усобица, интрига) и с крестьянами и горожанами (подавление восстаний). Феодальные права затем узакониваются в формальных привилегиях и семейной символической репутации (родовитость, легенды о подвигах предков, целомудрии женщин). Тут нередко бывает рациональнее расстаться с деньгами и натуральными доходами (конвертировать экономический капитал), чтобы приобрести военную силу (вооружить, оплачивать, контролировать своих бойцов и охранников), а также внешние признаки элитности (роскошная одежда, оружие, драгоценности, коллекционные предметы искусства, дома, кареты) и подкрепить репутацию щедрого патрона в отношении клиентов, хлебосольного хозяина к собратьям по элите и жертвователя на общественные нужды (возведение церквей или, позднее и особенно в США, создание университетов и частных фондов). Возникает типично феодальная смесь юридических и традиционно-символических заявок на элитные права. На самом деле это не столь архаичные, как может показаться, виды инвестирования в престиж и социальное признание. Возьмем для примера «новых русских» образца 1990-х.

Современные формы символического капитала – это всевозможные разновидности престижной репутации (мэтр, знаменитость) в сочетании с формальными дипломами (ученые степени, медали и призы арт-фестивалей или спортивных чемпионатов, промежуточные формы вроде рейтингов популярности среди элитных знатоков и более широкой публики). Как Бурдье показал на примере скандала вокруг публикации флоберовской «Госпожи Бовари», формы капитала – вовсе не абстрактно данные категории. Они выделяются в конфликтном процессе создания новых социальных полей (к примеру, профессональной литературной деятельности, отделения литературы от контроля и Церкви, светских вкусов).

Капиталы (социальные «валюты») основаны прежде всего на взаимном признании участниками данной сферы деятельности правил игры и друг друга в качестве игроков, даже если и противников. Иначе говоря, капитал должен быть прочно укоренен в достаточно емкой социальной сети. Принцип взаимного признания работает как на уровне статусных групп (кого большинство интеллигенции, художников или банкиров признают своим), так и на уровне межгосударственном. Как показал Артур Стин-

чкомб, в современном мире главное условие суверенитета есть признание прочих суверенных государств.

Повторим, ибо важно: всякая форма социального капитала должна быть укоренена, встроена в социальное сообщество со своей историей возникновения, конфликтов, внутренними рангами. Миллион среди дикарей, не знающих денег, равняется нулю. Всё это уже можно изучать: как возникает «валюта» того или иного социального сообщества, какие у нее свойства, какие формы ценнее других, как и когда проводятся обмены «валют» (денег в престиж, ста друзей в сто рублей и, может быть, обратно), как формируется социализованный характер, типический «нрав» (по-научному – габитус) в зависимости от рода деятельности, необходимых и ценимых в данном деле навыков и связанной с ним «валюты».

Кадровый пролетариат, рядовые профессиональные спецы (инженеры, врачи, преподаватели), даже мелкие служащие стремятся и могут, при достаточно стабильных условиях, создавать свои формы символического капитала – признание мастерства, выслуги лет, опыта. А также формальные права (скажем, на пенсии, премии, различную «социалку»), выторговываваемые и выбиваемые у начальства в обмен на качественный труд или в ходе забастовок и прочих форм производственных конфликтов. Для постсоветской ситуации важно отметить, что исчезновение стабильности и перенос основных источников власти из сферы производства в сферы обмена резко, даже катастрофично сказался на условиях функционирования подчиненных, малых и распыленных форм капитала, которые вдобавок приобретают эффективность в основном через коллективное действие и сознание (один в поле не воин, не забастовщик и не политическое движение). Таким образом, элит достаточно много, причем разных. Элитный статус ситуативен, зависит от обстановки, преходящ, как любой успех: юный хулиган, верховодящий большим двором, со временем скорее всего сделается люмпеном с укороченным сроком жизни, а если повезет, то заурядным пролетарием или ментом. Огромная забота, тревога и доля повседневных практик всех элит состоит именно в поддержании своего элитного статуса, в диверсификации набора активов, в приобретении дополнительных средств, союзников и форм капитала. Соответственно, у всякой успешной элиты мы скорее всего обнаружим не один вид, а целый набор форм капитала и далеко ветвящиеся сети связей с по-разному полезными людьми.

Концепцию капитала не следует доводить до абсурда полного релятивизма. Форм капитала несколько, но далеко не бесконечное множество. Формы капитала соответствуют источникам социальной власти, которых, по инструментальному делению, используемому, скажем, неовеберианцем Майклом Манном, всего четыре: военная, экономическая, культурно-идеологическая и политико-административная. Показательно, что и сам Манн, как и многие теоретики до него, особенно амбивалентен в отношении последнего источника власти. В самом деле, политическая и административная власти – различны или это подвиды способности организовывать и контролировать общественные усилия? А может, административная и политическая функции исторически были едины (в лице вождя, монарха), но позднее разделяются на отдельные ветви – публично-политическую и аппаратно-административную?

VII

Бюрократии должны быть свойственны некие собственные формы капитала и практики его накопления, связанные со специфичным, по нормативной идее совершенно формализованным организационным существованием и объектом распорядительной деятельности. Что это за формы капитала и практики?

С виду бюрократия есть формально организованные служащие, единственным источником доходов которых должна быть должностная зарплата и социальные блага, предоставляемые работодателем по совершенно формальной росписи. Заострим до парадокса: бюрократия теоретически мало чем отличается от кадрового пролетариата и наемных спецов. Бюрократия, по идее, не должна быть элитой, тем более властвующей и суверенной. В ранние эпохи это были «слуги государевы». В Новое время, когда легитимный суверенитет переместился от монарха к абстрактному народу и нации, это «общественные служащие» (*civil* либо *public servants*). Наивность – или лукавство – таких слов очевидны. И все-таки дело куда сложнее, чем лукавство. Бюрократия есть механизм, как всякое орудие предназначенный усиливать физические и умственные возможности человека. В данном случае усиливаются возможности человека не рядового, а правителя.

Первые протобюрократии древности возникали там, где размер территории и подчиненное население в какой-то момент превышали возможности прямого личного управления, то есть вождество перерастало в раннее государство. Именно здесь (а не в идеологии, принципе прогресса или накоплении прибавочного

продукта) кроется главный источник эволюционного перехода на новый уровень организации власти. Возникла непреодолимая потребность передоверить особо рода грамотным слугам сбор податей и хранение царских закромов, подсчет податных сословий и надзор за войском, замещение царя вдали от столицы. В реальности механизм оказался очень проблематичным, дорогостоящим, подверженным постоянным поломкам.

Бюрократия, несмотря на колоссальный потенциал, лишь ограниченно применялась в досовременных государствах в основном из-за своей дороговизны и технической сложности (для начала требуется развитая письменность и рекрутирование кадров, не связанных ни с каким племенем и родом, желательно вообще из чужеземных рабов, воспитываемых сызмальства, как в османской системе девширме). Проще было опираться на всевозможные лично-договорные системы власти вроде феодального вассалитета.

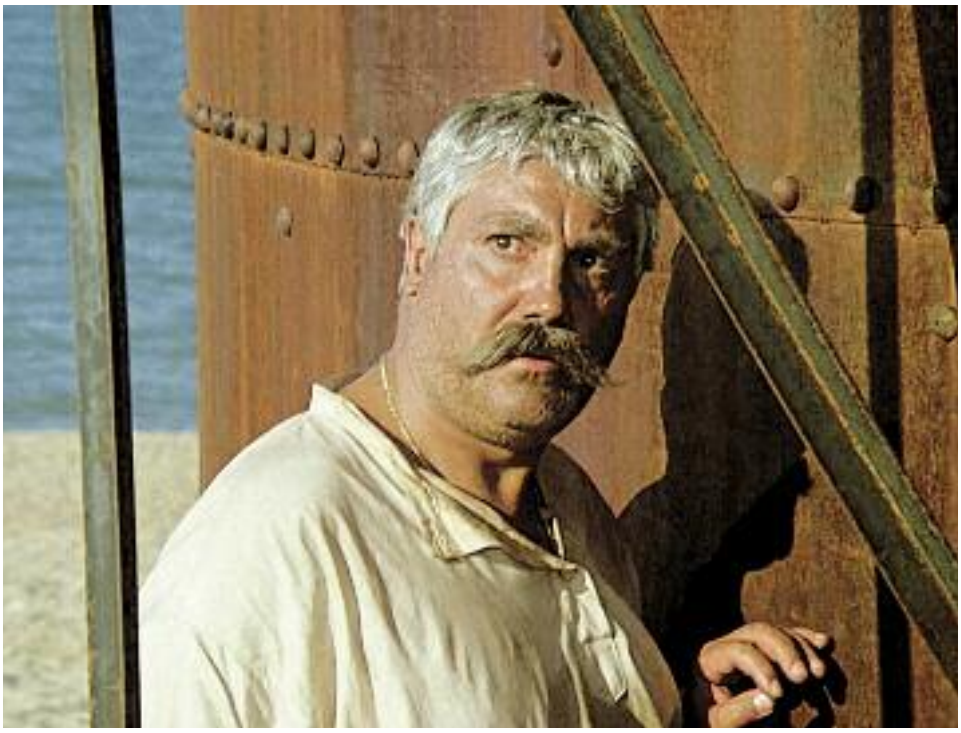
Качественный рост и распространение бюрократических аппаратов по всей планете относятся ко временам завоевательного роста капиталистической мир-системы с центром в Западной Европе. Поэтому столько дебатов о том, что здесь первопричина: капитализм, военная революция, общая рационализация Нового времени – либо некие культурные особенности Запада? Более действенной представляется комплексная модель соэволюции властных организаций, где различные механизмы (капиталистические, военные, легально-политические, административные, идеологические) вступают в восходящую спираль взаимоусиления. Очевидно, что сочетание сложное, и потому не стоит удивляться, что случилось ему запуститься в самоподдерживаемый рост, возможно, лишь однажды и по определенному везению именно в Западной Европе. Что вовсе не означает, будто успех Запада был абсолютно за пределами возможностей других зон мира и его нельзя было скопировать. Россия (как и культурно иная Япония) тому один из наиболее полных и периодически успешных примеров.

Николаос Гизис. Девширме (невольничий рынок)

Бюрократия, несмотря на колоссальный потенциал, лишь ограниченно применялась в досовременных государствах в основном из за своей дороговизны и технической сложности (для начала требуется развитая письменность и рекрутирование кадров, не связанных ни с каким племенем и родом, желательно вообще из чужеземных рабов, воспитываемых сызмальства, как в османской системе девширме).

Бюрократическую организацию, вопреки представлениям о культурной уникальности, оказалось возможным имитировать в странах, которые исторически не относились к капиталистической колыбели Запада. Это означало распространение бюрократических принципов вширь. Не менее важно, что бюрократическую инновацию можно было распространить на со-

Павел Верещагин (Павел Луспекаев). Кадр и фильма «Белое солнце пустыни». 1969 год



Нормализация бюрократического аппарата требует подчинения его сил большой легитимной задаче, в которую смогут встраиваться личные карьерные амбиции, элементарные интересы самосохранения, предполагающие высокую предсказуемость служебной деятельности, и социализованное самоуважение (по известным формулам «служить бы рад, прислуживаться тошно», «за державу обидно» и пр.).

вершенно новые сферы деятельности, приспосабливать для неожиданных целей. Капиталистическая корпорация, акционерное общество суть частная бюрократическая организация, преследующая прибыль. Кто теперь частный хозяин «Дженерал электрик», Стэнфордского университета или злополучно обанкроченного «Энрона»?

Профсоюз или ленинская партия нового типа также есть применение преимуществ бюрократической организации в революционных целях, то есть колоссальный качественный скачок в сравнении с бунтами прошлого. Однако у бунтарей теперь появились и типично бюрократические «заболевания», в особенности тенденция к олигархизации аппарата профессиональных политактивистов, как предсказывали столетие назад Махайский и Михельс.

VIII

Бюрократия не может восприниматься отвлеченно, как некое зло или благо. Бюрократия есть именно механизм, предназначенный для координации общественных ресурсов и усилий. Это крайне сложный, капризный, но и потенциально мощнейший механизм. История его применения на самом деле пока очень недлинная. За вычетом имперских и церковных протобюрократий, с помощью которых управлялись лишь изолированные сегменты досовременных обществ, история бюрократизации насчитывает всего около пары столетий. Более чем паровой двигатель и электричество именно бюрократическая машина произвела беспрецедентную трансформацию Нового времени. Современное образование и здравоохранение, транспортная инфраструктура, города, наука – всё это просто не будет работать без какой-то степени бюрократической координации.

Одна из главных проблем третьего мира – нехватка эффективных, инфраструктурно сильных аппаратов, способных генерировать и распределять общественные блага в виде массового индустриального строительства, здравоохранения, образования, городского транспорта, поддержания порядка. Эти функции лишь частично и с неизбежно высокими политическими издержками берут на себя всевозможные мафии, квартальные банды, религиозные фундаменталистские сообщества, этнические землячества, «бароны трущоб» и сети патронажной зависимости, неомиссионерские благотворительные неправительственные организации, коммерческие структуры и ростовщики, прочие формы люмпенской самоорганизации. Без действенной исполнительной бюрократии невозможна никакая сколь-либо серьезная демократия (во всяком случае, в группах людей численностью свыше деревни). Там, где уже невозможно обойтись личными дружескими и соседскими взаимообязательствами, исполнение общественной воли придется возложить на бюрократический аппарат.

В отличие от механизмов неодушевленных, сколько ни обзывай бюрократов винтиками, на деле они одушевленные существа со вполне осознанным, хотя (и это важно!) подвижным, изменчивым в зависимости от социального контекста спектром личных интересов и групповых предпочтений. Поэтому бюрократическая машина управляется вовсе не инженерно-механи-

чески и даже не кибернетически. (Это распространенное заблуждение теорий управления.) Как бюрократические патологии, так и способы их лечения всегда были и будут видом политической борьбы. На деле это самый сложный из видов политической борьбы, где на кону находится не разовая победа и ни в коем случае не уничтожение противника, а инфраструктурный контроль на долгий срок.

Действенная политическая мобилизация нуждается в моральной идеологии, способной выдвигать общественные ценности и задачи. На самом деле здесь, возможно, и находится точка, в которой пересекаются интересы общества и бюрократической элиты (не говоря уже об основной массе бюрократического персонала на подчиненных должностях). Это – на техническом жаргоне – проблема коллективного действия. Нормализация бюрократического аппарата требует подчинения его сил большой легитимной задаче, в которую смогут встраиваться личные карьерные амбиции, элементарные интересы самосохранения, предполагающие высокую предсказуемость служебной деятельности, и социализованное самоуважение (по известным формулам «служить бы рад, прислуживаться тошно», «за державу обидно» и пр.).

В противном случае без внешней направляющей возникает порочный цикл, также самоусиливающийся, но с негативным вектором. Частные и ведомственные интересы, каждый из которых рационален в узкокорыстном плане, в результате производят коллективно иррациональный результат, подрывается воспроизводство общественных структур, теряются коллективные блага, деградирует материальная и человеческая инфраструктура. Собственно, это и есть модель упадка СССР. Его аппарат управления избавился в 1960-е гг. от координации деспотической и одновременно смог пресечь возникновение со стороны новых средних слоев образованных специалистов альтернативных форм координации, основанных на политической и рыночной конкурентности. Остальное было по сути уже делом времени.

IX

Литература по государственному развитию, бюрократии и связанным с ними политическим конфликтам практически безбрежна. Нам остается надеяться на синтетическое теоретическое понимание (если пока и не цельную теорию), которое даст нам ориентиры в море зарубежной эмпирики. Кроме того, при всей важности исторического опыта Запада (который, в конце концов, несет основную долю ответственности за возникновение современной мир-системы), следует ожидать, что какие-то другие регионы мира могут нам дать даже больше для сравнительного изучения политических формаций Восточной Европы. Это в первую очередь Турция – по сути пограничный член Восточной Европы и одновременно Ближнего Востока.

Несмотря на завораживающую всех экзотику совершенно иной цивилизации Японии и Китая, а также колоссальную разницу в экономических успехах последних десятилетий, страны бывшего советского блока и особенно Россию все же полезно рассматривать в сравнении с тем, как государства Дальнего Востока реагировали на наступление Запада сто пятьдесят и пятьдесят лет назад. Предполагается, что мы найдем больше аналогий, чем обычно замечается. Конечно, мы выходим тут и на какие-то важные точки дивергенции. Распад СССР просто неизбежно сравнивали и будут еще сравнивать с рыночным успехом по-прежнему коммунистического Китая. Как показывают недавние работы, уникальной лабораторией для тестирования гипотез об относительной силе государств и поведении правящих элит оказалась Юго-Восточная Азия (с перспективой расширения сравнительно-исторического фокуса на Индию, Иран и арабские страны). В самом деле, почему Сингапур обошел Филиппины, монархический Таиланд разошелся путями с монархической же Японией, а коммунистический Вьетнам так успешно воспользовался военной мощью для успешного выхода на мировые рынки, в то время как военная хунта Бирмы впала в почти северокорейскую изоляцию?

Наконец, как говорят англичане, *last but not least*, надо научиться дифференцированно воспринимать и сам Запад с его пресловутым опытом. Италия не одна страна, а как минимум две или три. Несмотря на сходство климата, Канада не Швеция, а Норвегия, несмотря на сопоставимый размер и мореходные традиции, вовсе не Португалия. Франция прошла совсем иным маршрутом, нежели Испания, игрушечная сегодня Австрия – как и Россия с Турцией – тоже бывшая империя, а британский исторический опыт демократизации трудно привести к общему знаменателю со швейцарским. Вся же Европа даже в сумме не равняется Америке. Еще важнее научиться принимать за эмпирический факт, что демократия на уровне городов вроде гангстерского Чикаго, немытого южного Неаполя или даже чинно-мещанского Бордо скорее может нам помочь прояснить, каким путем двигаются российские регионы.

Вадим Вадимович Трухачёв –
историк, политолог, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, журналист-международник

Глобальный подход и внимание к мелочам: **залог успеха России в мире**

В силу своего географического положения Россия просто обречена быть мировой державой. Однако нам не всегда хватает чуткости к каким-то деталям. При внимании к мелочам, к небольшим странам, к особенностям регионов и континентов наша внешняя политика только выиграет. Надо только более четко определить – кто мы и чего хотим.

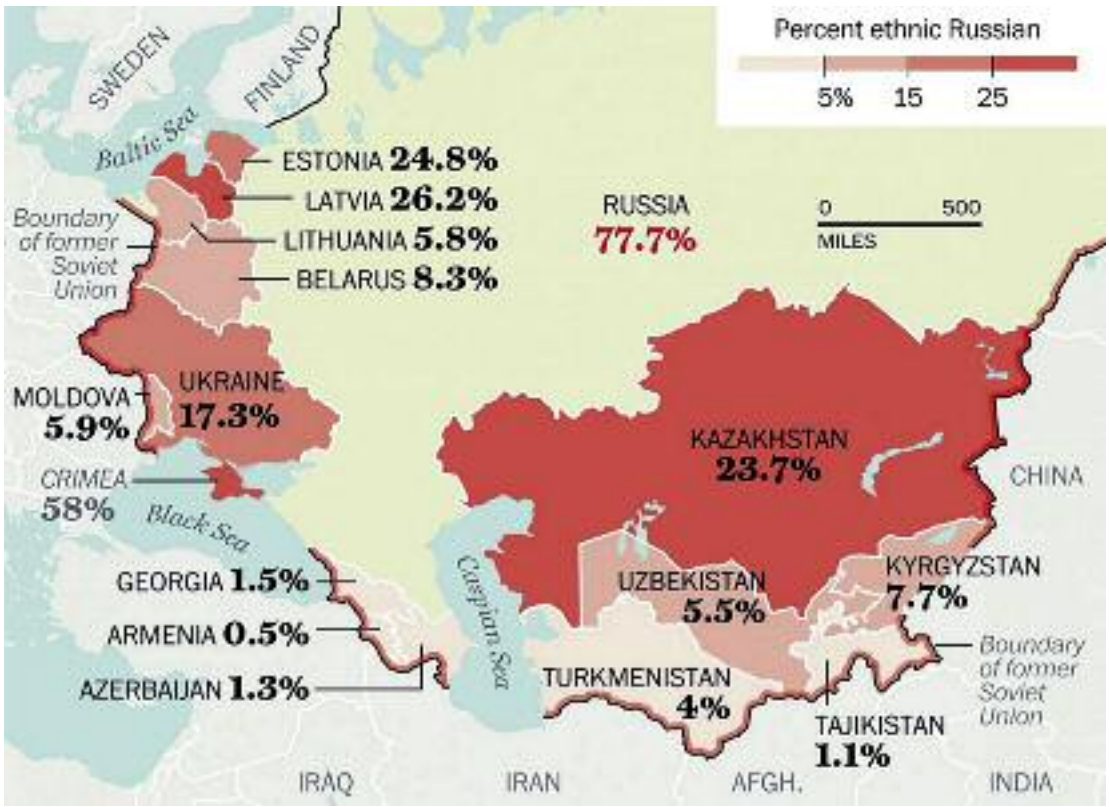
Примирить евразийство и западничество

Уже не одно столетие идут споры о том, чем является Россия – Европой, Евразией или же какой-то самостоятельной цивилизацией. Мы скифы и азиаты? Или же обычные европейцы? Разные мнения высказываются до сих пор. Надо признать: выработке ясной внешнеполитической линии разногласия по данному вопросу не способствуют. Потому порой возникает ощущение, что Россия мечется между другими центрами силы, и сама не может определиться, кто же она есть.

Между тем представляется, что разрешить это противоречие можно. Россия – глобальная держава, интересы которой распространяются и на Европу, и на Азию, и даже на далекую Антарктиду. Внутри нас имеются и кусочки самых разных азиатских миров, и часть настоящей Европы. Есть и то, что отличает нас и от европейцев, и от азиатов, делая собственно Россией. И все существующие на сей счет подходы совместить можно.

С одной стороны, Россия принадлежит Азии. На ее территории живут мусульманские народы Поволжья и Северного Кавказа, исповедующие буддизм тувинцы, буряты и калмыки. Едва ли они станут когда-либо считать себя европейцами. У нас есть выход к Тихому океану, позволяющий России участвовать в делах самого быстро развивающегося региона мира – Азиатско-Тихоокеанского. Трудно ведь назвать Европой тот же Сахалин.

С другой стороны, Калининградская область – это самая настоящая Европа. Живущие на нашей территории карелы – народ, говорящий практически на одном языке с финнами. Есть у нас и немцы, и греки, и представители некоторых других народов, чьи национальные государства сегодня входят в Евросоюз. У нас есть выход к Баренцеву, Бал-



Этнические русские в бывших советских республиках

тийскому, Черному морям. Большинство наших соседей на этих направлениях – государства ЕС.

Да и русский народ все-таки ближе к Европе, чем к Азии. Поставь рядом десять русских и десять немцев, а также десять русских и десять индийцев. С кем больше сходство? Наши родственники по языку проживают в Европе, а не в Азии. Тем же чехам или словенцам никогда не объяснить, что они – не европейцы. Кроме того, в Евросоюз входят сразу четыре православные страны – Греция, Кипр, Болгария, Румыния. Да и Сербия с Черногорией – это Европа. Так что мы просто обречены иметь интересы в этой части света, отгораживаться от Европы нельзя.

И в то же время существуют особенности, которые отличают русских от западноевропейцев. Христианство у нас другое, политические традиции отличаются. Впрочем, отличаются они и от мусульманского Востока, и от Индии, и от Китая. Так что Россия – вполне самодостаточное государство, где на протяжении многих столетий живут и народы азиатские, и народы европейские, и народы, так сказать, смешанные. По географии мы больше Азия, по истории и ментальности – ближе к Европе, но не совсем Европа. У нас есть связи на всех направлениях, это наше преимущество, и его надо использовать.

Определиться с понятием «соотечественник»

Защита соотечественников за рубежом – основа основ политики любого государства, и Россия здесь не исключение. Однако кого считать соотечественником? Для Китая соотечественники – этнические китайцы, для Финляндии – финны и отчасти финно-угорские народы, для Италии – итальянцы и люди итальянского происхождения. Для Израиля – евреи. Всюду господствует принцип крови. Если ты кровнородственно связан с какой-то страной, то ты – соотечественник.

У нас же данный критерий размыт. Опасаясь кого-либо обидеть, в России чаще говорят просто – «соотечественник» или «русскоязычное население». Представляется, что это не совсем верно. Лезгины в Азербайджане или оставшиеся в Грузии осетины – это не русскоязычное население. Тем не менее их национальная государственность располагается на территории РФ – в соответствующих национальных республиках. И Россия обязана их защищать, поскольку Дагестан и Северная Осетия – ее субъекты.

Есть большая проблема и с защитой русских на пространстве от Таджикистана до Эстонии. Не желая обижать другие народы, у нас само слово «русские» отсутствует и в конституции, и в других законах. Но тогда возникает вопрос: а на каком основании Россия печется о судьбе русских в Прибалтике, если русские не являются в ней юридически государствообразующим народом? Россия – не русское государство, а значит, судьба русских ее может заботить ровно в той же мере, что и судьба тутси в Руанде и Бурунди.

Думается, что вопрос решить можно – и русских прописать, и другие народы не обидеть. В конце концов, нужен специальный закон, обязы-

Купола церкви Марии Магдалины в Иерусалиме

А как быть с православными на Ближнем Востоке, которых откровенно убивают? Кто за них заступится, если не Россия?

вающий Россию защищать проживающих за рубежом русских, а также представителей других коренных народов РФ. Не будет ничего страшного, если некоторые народы будут прописаны специально. В данном случае и русские, и осетины, и лезгины с аварцами нуждаются в защите Российского государства. И без упоминания национальности при определении понятия «соотечественник» обойтись нельзя. Есть и особые случаи – Белоруссия и Украина. Грань между русскими и украинцами, русскими и белорусами весьма размыта. То, что это самые близкие нам государства, понятно, кажется, даже детям. Но вот в Концепции внешней политики они никак не выделены. Так на каком же основании мы должны принимать особое участие в судьбе той же Украины? Вот где пригодилось бы официальное упоминание русских. Невозможно обойтись без упоминания этнического родства на белорусском и украинском направлениях. Иначе наша политика окажется неполноценной, а местами ущербной.

Во времена царской России наша страна считала себя покровительницей и заступницей всех православных. И сегодня мы пытаемся защищать Сербию, но есть ли у нас на то основания? Религия ведь отделена от государства. А как быть с православными на Ближнем Востоке, которых откровенно убивают? Кто за них заступится, если не Россия? Есть, конечно, вопрос о том, как к этому отнесутся представители других конфессий. Но лезгины – мусульмане, а их Россия тоже обязана защищать. Да и за курдов с алавитами вступимся, когда потребуют обстоятельства. Так что с этим всё в порядке.

Украинский урок

То, что произошло на Украине, отчасти стало следствием бездействия России. Какое будущее она видела для братской страны? Как она работала с душами украинцев? Выясняется, что очень слабо. Наши некоммерческие организации, работавшие на Украине, можно было перечислить по пальцам. Западных же там имелось несколько сотен. Представители стран Европы и Северной Америки (послы, да и не только) постоянно ходили на телевидение, в вузы, вели издательскую деятельность. А Россия что? А Россия полагалась только на газ и на семейную память. Как выяснилось, этого мало.

В той же Германии есть фонды, тесно связанные с политическими партиями. Фонд Аденауэра – с христианскими демократами, Фонд Эберта – с социал-демократами, Фонд Науманна – со свободными демократами. Все вместе они продвигают интересы Германии, делают ее друзьями людей самых разных взглядов. Присутствие перечисленных фондов заметно и в России, и на Украине. В результате немцы добиваются по линии гуманитарного сотрудничества гораздо большего, чем мы.

И у нас можно было бы усилить партии соответствующими структурами. Фонды при «Единой России», Компар-

тии, ЛДПР, «Справедливой России» могли бы сказать свое слово при работе с разными сегментами электората на Украине. Даже «Яблоко» пригодилось бы – ведь идеология киевской интеллигенции была так созвучна ориентирам этой нашей партии. Россия могла бы сказать украинцам: «У нас есть точно такие же политические направления, как и у вас». Разве что украинские националисты остались бы за бортом, потому что русский и украинский национализмы останутся антагонистами. Но идейных бандеровцев даже сейчас на Украине меньшинство.

А сколько украинцев учится в наших вузах по специальным программам? Ответ – нисколько. Украина не подписала соответствующие документы СНГ по образованию, а значит специальный украинский набор провести нельзя. Но та же Польша ежегодно принимает несколько тысяч украинцев в свои вузы и платит им стипендии. И никакие учредительные документы ЕС не мешают ей так поступать. В итоге такие студенты становятся проводниками польского влияния. А мы проигрываем борьбу за души украинского молодого поколения. Да и сейчас ещё не всё потеряно. Нынешние технологии позволяют обходить запреты, введенные на Украине в отношении российских СМИ. Кто мешает России написать собственный учебник истории Украины и привлечь к работе над ним тех украинских ученых, которые еще не охвачены русофобским угаром? Такой учебник должен быть доступен в Интернете. Языкового барьера не существует – украинцы смогут его прочитать. Необандеровская мифология весьма уязвима, но борьба с ней требует системы и задействования самых разных инструментов.

Не потерять Белоруссию

Сегодня существует опасность, что вслед за Украиной у нас возникнут проблемы с Белоруссией. Не желая раздражать Александра Лукашенко, мы не открываем там филиалы наших общественных организаций. А тем временем на белорусской земле работают десятки организаций из Евросоюза, НАТО, США, Германии. И разумеется, активнее других ведет себя Польша. Как в случае с Украиной, она дает стипендии белорусским студентам. И многие из них возвращаются на родину убежденными противниками союза с Россией.

А между тем Белоруссия – страна, довольно сложно устроенная. И когда Лукашенко не полностью разделяет наше ви́дение творящегося на Украине, он исходит из белорусской действительности. А она такова. Значительная часть населения страны – католики, в Гродненской области они и вовсе составляют большинство. И нетрудно догадаться, что они считают главным союзником Польшу, а не Россию. И белорусскому «батьке» приходится учитывать настроения данной категории.

Но кроме Гродно, есть еще Могилевская область, восток Витебской и Гомельской областей. А они наоборот очень тесно связаны с Россией. У нас на Смоленщине в народной речи звучит та же трасянка, что и там. И в случае каких-либо потрясений в братской стране различия между Гродно и Могилевом непременно дадут о себе знать. Они не столь острые, как между Львовом и Донецком, но всё же они есть. И проводя свою политику на белорусском направлении, следует об этом помнить и всячески работать над предотвращением нежелательного для нас развития событий.

А как работать? По линии абстрактных «соотечественников» – не получится. Под понятие «русскоязычное население» подпадает и большинство этнических белорусов, которых (пока) никто не притесняет. Но они с современной Россией себя не отождествляют. Придется включать механизмы национального и религиозного родства, общности корней, истории, культуры. В конце концов, большинство населения Белоруссии – православные, и они на это откликнутся. Важно только о них не забывать. И их же следует задействовать при общении с жителями Украины.

Гастарбайтеры геополитике не помогают

Россия все последние годы прилагает усилия, чтобы ускорить интеграцию на постсоветском пространстве. Что-то получается, что-то – не очень. Объяснять, почему оно для нас представляет особую важность, излишне. Это наше непосредственное окружение, это территории, где до сих пор живут миллионы русскоговорящих людей. Однако на пути объединения их в Евразийский союз существуют вполне объективные препятствия, которые еще предстоит преодолеть.

Где учатся дети представителей элиты государств Средней Азии? Они в основном предпочитают Запад, Китай, Турцию. В результате, принимая миллионы гастарбайтеров, Россия одновременно лишается влияния в высших эшелонах власти. Работающие в странах СНГ филиалы отечественных вузов, безусловно, играют важную роль, но практика показывает, что этого явно недостаточно. Нужна системная работа с представителями политической элиты.

Да и не только элиты. Сегодня мы видим, что миллионы приезжих из бывших южных республик СССР, наводнивших Россию, не могут по-русски

Россия полагалась только на газ и на семейную память. Как выяснилось, этого мало.

двух слов связать. Это уже не те советские люди, к которым в Москве или Ленинграде привыкли в советское время. Среди них много приверженцев идей радикального исламизма, и в лучшем случае Россия для них – просто источник заработка. Никакой особой привязанности многие из них к ней не испытывают. Продвижение русского языка, работа с таким населением – необходимая часть нашей политики.

Сегодня всё громче звучат голоса выступающих за введение с этими странами визового режима. Противники же говорят, что такая мера отвернет жителей этих стран от нас. Но разве они, не говорящие по-русски, к нам сейчас привязаны? За время, прошедшее с момента распада СССР, они превратились в людей иной культуры. И чтобы повернуть их к нам, нужно время. Визы – это инструмент контроля за приезжими, и ничего лучшего человечество не изобрело. Но визы – это не запрет, это всего лишь фильтр. Подозрительных мигрантов удастся отсеять, прочие, действительно нужные нашей стране, – спокойно приедут.

Мировая практика показывает, что отмена виз или их сохранение не мешает продвижению национальных интересов. Разве США порвали отношения с Мексикой из-за наличия виз? Или отменили визовый режим с Грузией, Саудовской Аравией или Филиппинами? Не отменили, и все эти страны остаются союзниками американцев или же входят с ними в зону свободной торговли. Потому вопросы общественной безопасности и большой политики не всегда совпадают. И Китай не отменяет визы со своими партнерами, и ЕС. Так что прямой связи здесь нет.

Неоднородное постсоветское пространство

Азербайджан, Казахстан и страны Средней Азии (кроме Таджикистана) – страны в основном тюркские и мусульманские. Уже по одной этой причине они устанавливают особые отношения с Турцией (в первую очередь это касается Азербайджана). А тот же Казахстан граничит с Китаем, и казахи с уйгурами живут по обе стороны казахстанско-китайской границы. Может ли Россия стать для них единственным центром притяжения? Вряд ли. Нам постоянно придется доказывать собственную нужность.

Осло

А как объединить в одном образовании Азербайджан и Армению, помирить их? Или примирить Армению и Турцию? Да и в целом республики в бывшем СССР слишком разные. Шесть из них – в основном мусульманские, а Грузия, Армения и Молдавия – христианские. А та же Молдавия просто не может возвести стену по границе с Румынией. Как ни относись к этому, а язык у них практически один, да и религиозных преград не существует. У каждой из стран СНГ есть свои особенности, и их надо учитывать.

Да и с той же Белоруссией надо быть очень осторожными. Убедить белоруса в том, что киргизы ему ближе, чем поляки с литовцами, едва ли возможно. Нахождение в едином пространстве со странами Средней Азии не сможет стать для Белоруссии альтернативой отношениям с Евросоюзом. Даже в культурно-ментальном смысле. Об экономике говорить и подавно излишне – даже между не самой богатой по европейским меркам Литвой и Киргизией существует пропасть.

Не всякий европейский опыт нам полезен. Однако, например, в Скандинавии почти нет бедных, и у нее можно поучиться грамотному регулированию социальной политики.

Потому, кроме СНГ и Евразийского союза, лучше иметь своего рода страховочные варианты. И их можно объединить одним словосочетанием – «система союзов». С Белоруссией у нас Союзное государство, со странами Средней Азии и Казахстаном может существовать другое объединение, а с Молдавией – нечто третье. Такая пестрая картина позволит России на основе совершенно разных интересов притянуть к себе самые разные страны. Причем Узбекистан здесь останется Узбекистаном, а Молдавия – Молдавией.

Именно система союзов обеспечивает Соединенным Штатам ту роль, которую они играют в мире. Есть НАТО, но туда входят только европейские страны и Канада. Отдельные союзные отношения американцы строят с Японией и Южной Кореей, отдельные – с Австралией и Новой Зеландией. Союзниками США могут считаться и Израиль, и Саудовская Аравия, и Колумбия. Американцы не пытаются загнать всех в одну организацию, и в итоге им удается более или менее поддерживать связи во всех уголках планеты. Здесь у них есть чему поучиться.

Отличать Чехию от Польши

Нашим непосредственным соседом на Западе остается Евросоюз – преимущественно в лице бывших партнеров по социалистическому лагерю. О том, что наши отношения с

Сингапур

Южная Корея и Сингапур вполне способны стать для нас поставщиками высоких технологий. Раз отношения с Западом и той же Японией не складываются, надо смотреть на другие центры.

этими государствами складывались и складываются непросто, – говорить излишне. В начале 1990-х годов почти все они взяли курс на вхождение в ЕС и НАТО, а отношения с Россией воспринимали как пережиток прошлого, с которым надо поскорее развязаться. От нашей страны они предпочитали отгородиться всеми возможными барьерами.

Образом Центральной и Восточной Европы для нас стали ближайшие к нам государства региона – Польша, Литва, Латвия и Эстония. Поляки и прибалты всё постсоветское время делали и продолжают делать ставку на противостояние России, на переписывание истории, на зачеркивание всего, что с нами связано. Антироссийские, а то и грубо русофобские заявления доносятся оттуда буквально каждую неделю. Сегодня в связи с событиями на Украине наши отношения находятся почти в точке замерзания. Учитывая предыдущий период, удивляться этому не приходится.

Но сегодня уже стало очевидно, что Центральная и Юго-Восточная Европа не едина. Чехия, Венгрия и Словения повернулись к нам буквально сразу же после вхождения в ЕС и НАТО. Выяснилось, что их весьма интересует развитие экономических связей с нами, а экономика потихоньку влечет за собой и политику. Словакия же и вовсе в радикально антироссийских шагах никогда замечена не была – даже при власти прозападных правительств. И сегодня эти государства противятся санкциям в отношении РФ или, по меньшей мере, не входят в число их ярых сторонников. Румыния и Болгария – особый разговор. Это бедные государства, слишком зависимые от западных денег. К тому же румыны имеют к нам претензии относительно Молдавии, а болгары, похоже, пытаются всеми способами очиститься от старого: «Курица не птица...» Отношения с этими странами подвержены существенными колебаниям. Да и с Черногорией и Македонией они не идеальные. А Хорватия по многим вопросам примыкает к Польше. Только в Сербии силы, настроенные против нас, относительно слабы. Каждое из государств региона имеет свои особенности. У каждого из них – своя историческая память в отношении нас, своя экономическая ситуация, своя внешняя политика. Одни полностью следуют за США, другие (Чехия, Венгрия, Словакия, Словения) – придерживаются более

Алжир

взвешенного курса. Кроме того, внутри каждого из государств есть самые разные политические силы. К деталям и нюансам надо присматриваться, они всюду разные. Чехия – не Польша, разницу между ними нужно понимать. Тогда политика в соседнем для нас регионе окажется более внятной.

От стран меньше Италии зависит не так уж и мало

Если посмотреть Концепцию внешней политики России от 2013 года, то в европейском разделе отдельно упомянуты только четыре государства: Германия, Франция, Великобритания и Италия. Тому есть вполне логичное объяснение. Эти страны превосходят другие и по населения, и по развитию экономики. Их политический вес и на континентальной, и на мировой арене значительно выше, чем у других государств Европы. То, что эти государства ведут себя по-разному, известно прекрасно, и на это российская дипломатия традиционно и правильно делает ставку.

Арабский мир весьма неоднороден – есть Саудовская Аравия и Катар, отношения с которыми у нас не очень складываются. Но есть Египет и Алжир, с которыми у нас давние связи.

Но и от тех, кто поменьше, тоже кое-что зависит. Начнем с того, что в Евросоюзе каждые полгода меняется страна-председатель и каждый «новичок» предлагает собственную повестку дня. Для кого-то важнее Россия, для кого-то – Балканы, для кого-то – Ближний Восток и Африка, кому-то – Латинская Америка. Испания и Португалия от нас далеко, мы им изначально не так интересны, но они и исторически меньше с нами сталкивались. Значит, их легче убедить в своей правоте, с ними проще о чем-то договориться, чем, скажем, с поляками. А Греция и Кипр и вовсе почти никогда против нас не выступают.

Если посмотреть севернее, то и здесь не всё однозначно. Устойчиво проамериканской линии придерживаются разве что Нидерланды и Дания. В Финляндии, Швеции и Норвегии за последние 20 лет у власти побывали самые разные политики, и с некоторыми из них у нас складывались весьма неплохие отношения. Австрия, несмотря на непростую историю взаимоотношений с Россией, сегодня противится ужесточению санкций. Швейцария и Бельгия кажутся малозаметными, а зря. В них тоже много интересного происходит.

Очень важно, что все перечисленные государства – богатые и зажиточные. Многие из них пережили кризис даже

лучше Германии. Все они входят в число 30 крупнейших экономик мира, а многие – и в число 20. Разве Швеция, занимающая 7-е место в мире по экспорту вооружений, не достойна пристального внимания? А Голландия с ее образцовым сельским хозяйством на бывшем морском дне? А Австрия и Швейцария с их банками? А Норвегия с почти образцовым социальным государством?

При этом следует помнить, что не всякий европейский опыт нам полезен. Например, провал мультикультурализма признают даже в самой Европе. Выплата слишком больших пособий тоже оправдала себя не в полной мере. Сегодня на континенте существуют миллионы захребетников, ничего не делающих и живущих на шее у государства. Но в то же самое время, например, в Скандинавии почти нет бедных, и у нее можно поучиться грамотному регулированию социальной политики. Везде надо отделять зерна от плевел.

В эпицентре азиатских дел

Россия – страна не только европейская, но и азиатская. А потому всё то, что происходит на самом большом и самом пестром континенте, касается нас непосредственно. По морю мы граничим с Турцией и Ираном, а значит – с исламским миром и Большим Ближним Востоком. На востоке наши соседи – Китай, Корея и Япония. Да и Индия от нас не так уж далеко. К примеру, Таджикистан, где до сих пор стоят наши военные, отделяют от нее всего-то 40 километров. Да и вроде бы далекий Таиланд давно превратился во «всероссийскую здравницу».

На Дальнем Востоке завязался весьма интересный клубок. Япония откровенно наращивает свою военную мощь. Как нам к этому отнестись? Учитывая притязания японцев на Южные Курилы, это не может не тревожить. В то же время японская армия способна стать неким противовесом и Китаю, и США. Ведь обретя полноценную военную силу, Япония не будет уже столь зависима от американцев, у нее появятся собственные амбиции, и она сможет проводить независимую внешнюю политику.

Южная Корея и Сингапур вполне способны стать для нас поставщиками высоких технологий. Раз отношения с Западом и той же Японией не складываются, надо смотреть на другие центры. Монголия – наш сосед и кладезь полезных ископаемых. О Китае и говорить не приходится – он в последние годы превратился для нас в крупнейшего торгового партнера, а по многим вопросам – в основного союзника. Тем не менее наши интересы не всегда совпадают. Две большие державы, претендующие на многое, всегда имеют то, что выгодно только им.

Южная и Юго-Восточная Азия – весьма динамично развивающиеся регионы. Вьетнам идет китайским путем реформ – и достаточно успешно. Малайзия и Таиланд тоже уже заняли свое место под солнцем. 250-миллионная Индонезия и более чем 100-миллионные Филиппины несколько отстают в плане экономики, но потенциал у них огромен. Что уж говорить о миллиардной Индии – главном покупателе наших вооружений. Российско-индийское сотрудничество развивается, и его надо развивать дальше.

Весьма интересные государства есть и в исламском мире. Географическое положение Турции автоматически превращает ее в нашего партнера, но в то же время у нас есть расхождения по Сирии и по ряду других вопросов. Иран тоже ведет свою игру. Арабский мир весьма неоднороден – есть Саудовская Аравия и Катар, отношения с которыми у нас не очень складываются. Но есть Египет и Алжир, с которыми у нас давние связи. А на крайнем западе Магриба находится Марокко – страна немаленькая и исключительно выгодно расположенная.

У Россия в регионе есть неоспоримое преимущество перед другими. Она старается поддерживать отношения со всеми – и с Палестиной, и с Израилем, и с Турцией, и с курдами. Мы обладаем огромным потенциалом посредника, который пока в полной мере не используем. Не стоит также забывать о миллионах христиан, которым сегодня в связи с ростом могущества Исламского государства Ирака и Леванта приходится крайне тяжело. Это еще одно основание для того, чтобы присутствовать на Ближнем Востоке постоянно. В конце концов, он от нас не так далеко.

Далекие, но всё равно важные

Если страна располагается от нас далеко, из этого не следует, что она для нас неважна. Данный постулат Россия отлично усвоила и руководствуется им в Латинской Америке. Сегодня Куба, Венесуэла, Бразилия, Аргентина входят в число наших основных партнеров, да и с Мексикой у нас неплохие отношения. Мы во многом похожи с латиноамериканцами. И у нас, и у них часть основы – европейская, а часть – нет. К тому же многие в Латинской Америке уже устали от диктата США и видят в нас некую альтернативу им. Что ж, мы пытаемся это использовать – и правильно. Бразилия во многом напоминает нас. Огромная территория, леса, и еще больший контраст между богатством и бедностью. Маленькие Уруг-

Новая Зеландия

вай и Коста-Рика – образцы относительно благополучия, а куда более бедные Никарагуа, Боливия или Эквадор ищут в нас опору и для противостояния США, и для повышения уровня жизни. Аргентина и Чили – это выход в Антарктиду, богатства которой еще до конца не исследованы. По той же причине интересна нам и далекая Южная Африка. Хотя, конечно, в каждой стране есть еще много чего любопытного и полезного.

Черная Африка – настоящий кладезь полезных ископаемых. На огромном и самом бедном континенте продолжают активно работать Великобритания и Франция, его давно осваивают США, здесь стремится закрепиться Китай. Россия же пока уступает другим по части активности в Африке. А ведь у нас тут есть преимущество: мы никогда не колонизировали эту часть света. Наоборот – мы помогали африканцам. Бескорыстно помогать себе в ущерб, конечно, не надо, но напомнить о таком прошлом стоит.

Есть еще Канада, Австралия... Канада отнюдь не всегда следует в фарватере политики США, особенно при премьерах-франкоканадцах. В ней есть разные силы, и отнюдь не всем там нравится антироссийская линия премьера Стивена Харпера. Австралия – едва ли не самый верный союзник американцев, с ней у нас есть трудности. Страна богатая, недооценивать ее не стоит. В ее недрах есть почти вся таблица Менделеева, она является достаточно опасным нашим конкурентом. Но можно чему-то и у австралийцев поучиться.

В отличие от австралийцев, Новая Зеландия чаще позволяет себе несогласие с США. «Киви» зарекомендовали себя едва ли не как главные борцы за чистоту окружающей среды на планете.

В отличие от австралийцев, Новая Зеландия чаще позволяет себе несогласие с США. «Киви» зарекомендовали себя едва ли не как главные борцы за чистоту окружающей среды на планете. Возможно, у нас найдутся какие-то точки соприкосновения. Да и островные государства Тихого океана хотя и маленькие, но всё же имеют голос в ООН. К тому же их воды богаты рыбой, на них растут разного рода плоды. Сюда активно проникает Китай. А мы чем хуже?

Наши интересы есть везде

Уже своим географическим положением Россия обречена быть мировой державой. Но нам не всегда хватает чуткости к каким-то деталям, которые потом оборачиваются для нас неприятностями на международной арене. При внимании к мелочам, к небольшим странам, к особенностям континентов наша внешняя политика только выиграет. Даже найдя точки соприкосновения с 50 небольшими государствами, мы уже получим четверть партнеров в ООН. А ведь помимо них к нам и так тянутся некоторые крупные державы. И надо не проспать это – что к нам вообще кто-то тянется. А у России всегда найдется, что предложить миру. И Русскому миру в узком и широком смыслах, и азиатам, и европейцам, и латиноамериканцам, и жителям далекой Океании. Для очень многих мы в чем-то можем стать своими или, по крайней мере, близкими и понятными. Надо только более четко формулировать свои интересы и определять подходы к каждому региону и каждой стране в отдельности. А сил и умения у нас должно хватить.

Юрий Михайлович Осипов –
доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философия хозяйства»

Русская рулетка

Русская стать

Стать – это остов, стан, стол, столп, стояние, стойкость, стоимость и отстой сразу.

1. Колеблется Русь-Россия, шатается, бесится и кочевряжится, падает и поднимается, выворачивается, исчезает во мгле, вдруг из мглы вновь является и... *стоит*!
2. Отчего же так? Не от физики же российской, а от *метафизики – своей*!
3. От *метафизической субстанции – русской субстанции*, которая не дух как таковой, хоть и духовна (из духа); не информация, как таковая, хоть и информационна; не коллективное бессознательное, хоть и полна всякой архетипики; не эгрегор даже, хоть и напичкана она всякими потаёнными смыслами.
4. Именно *субстанция*, этот некий находящийся в земно-небесном, если не прямо в космическом, если не в *ино*-мировом, пространстве невидимый, неслышимый и неосязаемый *сгусток метафизических сущностей*, предназначенный Бытием (Богом!) служить выражением, хранилищем и очагом не убиваемого текущим временем и не растворяемого обыденным пространством *идеального субстрата*, воплощающегося в земной реальности и придающего характерное качество чему-либо из непосредственно на земле сущего.
5. Субстанция эта – *плодоносное чрево*, из которого всё особенное феноменальное и исходит. И что бы ни творилось с этим особенным феноменальным, его духом, формой и содержанием, его пребыванием на свете, его историей, чрево это всегда в наличии и всегда в плодоношении, даже ежели плоды его бывают горькими, ядовитыми, злостными и даже мертвящими.
6. Идея любой субстанции, а у её истоков, конечно же, *мысль трансцендентная*, сколь всегда явна, столь

Николай Рерих. Илья Муромец. 1910 год

всегда и загадочна, – и бессмысленно смертному заниматься субстанциальной археологией, ему промыслительно недоступной.

7. Главное тут: фиксация самого этого субстанциального феномена и самого факта присутствия в земно-небесном пространстве собственно *русской субстанции*.

8. Возникла (образовалась, извлеклась, произвелась) эта русская субстанция в незапамятные времена, задолго до времён, называемых и поныне историческими, и бытует себе, аж до сих пор бытует – в русском сознании и в русской ноосфере, в русском жизнеотправлении и в русской истории, являясь залогом бытования всего русского мира, хотя и не командным для него пунктом, – русский мир всё-таки кое в чём и фундаментально свободен!

9. Субстанцию эту никому и никогда из смертных ни отменить, ни уничтожить, ни существенно переделать (лишить русскости) – она ведь не от человеческой, а от сверхчеловеческой воли!

10. Есть ли зависимость русского мира от русской субстанции? Конечно есть, и выражается она в непреложности русского начала (качества) в русском мире: что бы ни вытворял русский человек, он был, есть и остаётся *русским*!

Сегодня, на запале века XXI-го, ничего из мировоззренческого, ныне в мире и в России культивируемого, для России-матушки не годится. Ничего! И приходится нынешней русскости браться самой за воззренческое дело, как когда-то взялся за военное дело, слезши с печки, на которой просидел 33 года, славный Илья Муромец – защитник земли русской.

11. Русскость – не так земно-феноменальная, как космо-ноуменальная данность. Это присутствие *иномирья* в сем мире! Русский – землянин, но он более *иномирный*, чем сеюмирный, землянин.

12. Нет, не выжила бы Русь-Россия в веках, если б не генотипическое её стремление, вполне и магическое, к самой себе, к своей родименькой субстанции!

13. Иномирность, сидящая в русском мире, дорого ему обходится, ибо русский мир в постоянной борьбе со странным компонентом русского сеюмирья, обозначаемым обычно русским сознанием как *Нéрусь*.

14. И приходится Руси-России отступать, уходить в нети, а то и в Навь, но лишь для того чтобы, свершив очередное утратное жертвоприношение, вновь вернуться в Явь, в текущую реальность: субстанция тут заботится и безжалостно выталкивает Русь-Россию наверх.

15. Похищения Руси-России Нéрусью – что приходящей, что своей – так и не выходит! И всё это благодаря *русской субстанции*, которая работает себе и работает, удерживая Русь-Россию в Бытии, в Хозяйстве и в Истории.

Русское зрение

Зрение – обозрение, лицезрение, умозрение, воззрение, мировоззрение, прозрение, как и презрение тоже.

1. Для большинства русских, во всяком случае, по-визан-

тийски обработанных и по-европейски образованных, не говоря уже о надёжно интегрированных в глобализм, никакого *русского зрения* (воззрения, миропонимания, мировоззрения) нет и быть не может. Если что и есть, то лишь глубокая, замшелая и потешная архаика, говорить о которой – что воду в ступе толочь! Да и русское ли оно – это зрение, а не какое-нибудь славянское, ведическое, арийское?

2. Однако русская субстанция, которая непрерывно бытует в русском мире и нарочито в каждой русской особи сидит, свидетельствует об обратном: русский на то и русский, чтобы по-своему на мир смотреть, по-своему его воспринимать и по-своему его понимать – вне зависимости от предлагаемых и внедряемых Нéрусью обозренческих версий.

3. Русский, как известно, себе на уме, и умом его никому и никак не понять, может, как раз по причине этого исходного и вредного для него и для всех «себе на уме». Не то что Нéрусь, но и сама Русь-Россия с трудом что-либо различает стóящего в русском человеке, как и сам русский человек мало что видит достойного в себе самом – невнятная тут гуляет стихия!

4. Русский, внешне смиряясь с предложенными и навязанными ему извне воззренческими установками, всё время тешит себя одной и той же замысловатой игрой – *мировоззренческой*, – ничуть не презирая сваливающихся на него обозренческих утешений, наоборот, их непрерывно принимая в расчёт: то как к нему лояльных, то как ему вредных, а то как и попросту для него враждебных.

5. Субстанция русская, может, не очень-то и самим же русским нравится, но отделаться от неё русскому люду невозможно, особливо на территории Руси-России!

6. Сегодня, на запале века XXI-го, ничего из мировоззренческого, ныне в мире и в России культивируемого, для России-матушки не годится. Ничего! И приходится нынешней русскости браться самой за воззренческое дело, как когда-то взялся за военное дело, слезши с печки, на которой просидел 33 года, славный Илья Муромец – защитник земли русской.

7. Здесь шанс – утвердиться России в *своём* мировоззрении, восходящем к истокам русскости, её субстанции, но в то же время отвечающем уровню и запросам современности, как и потребностям неизвестного, но ожидаемого будущего.

8. И не надо тут ничего выдумывать, сидя за учёным столом или вживаясь в окрестный опыт, надо лишь углубиться русскому сознанию в самого себя, выдавив из себя своё же *самосознание*, оглядеться по ноосферным окаёмам, найти и обозначить словом и делом запрятанное в себе мировидение, вытащить его на Свет Божий.

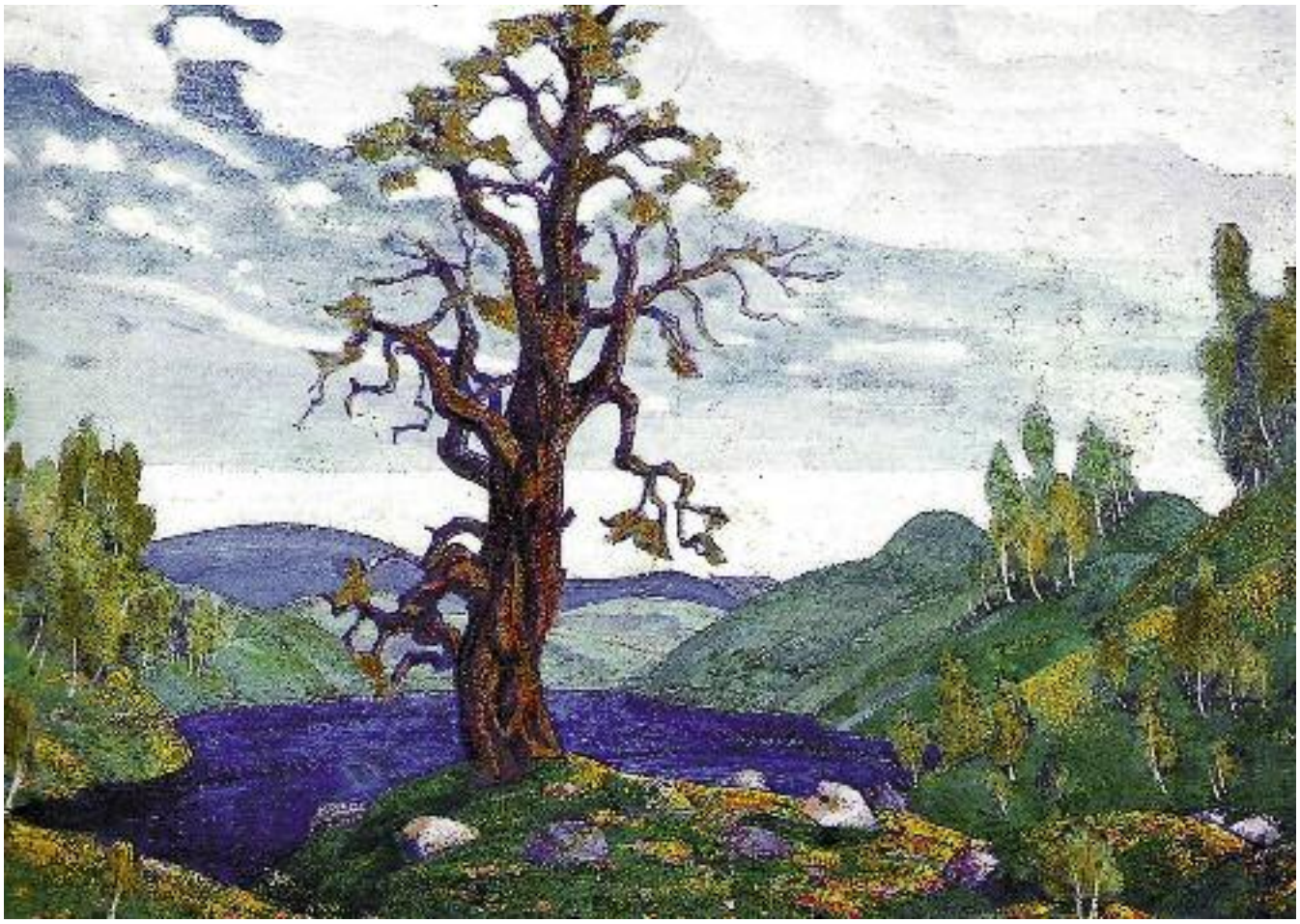
9. Трудно, тяжко, почти что и невозможно, ибо замордовано русское сознание чужезрением, обессилено самокритикой и самоотрицанием, приговорено к затянувшемуся беззвучному мычанию. Не так-то просто избавиться русскому сознанию от комплекса исторической неполноценности, взращенного веками (византийскими, европейскими, включая и времена господства марксизма, и момент яростного нашествия глобо-либерализма в 1990–2000-е годы), как и одолеть в себе «рабью бациллу», оборачивающуюся комплексом как бы возмездной, он уж очень дрянной «полноценности». Иного же выхода у современной русскости нет!

10. С самого изначалья мир зéмный воспринимался русскими (славянами, проторусами, русичами) как животворное лоно, причём не только как вещно-питательное, но и как духовно-производное. Никаких сомнений в наличии невидимого, неслышимого и неосязаемого мира – как высшего, инициального, так и низшего, абсорбциального – у предков никогда не было, как и не было никаких сомнений в тварном происхождении сего мира. Мир вещный, природный, как и мир духовный, сверхприродный, – вместе, в переплетении, в непрерывной и замысловатой игре!

11. Мир в целом – загадка, хотя часть безмерного мира и в пользовании и даже понимании человека. Мир будто бы для человека, но он и против человека! Лоно-то лоно, но лоно, жаждущее и смерти. Жизнь и смерть – не одно и то же, но они неразрывны, обе они из одного целого и обе они из иномирья. Мир – мир мистериальной борьбы человека за жизнь и против смерти, но и мир борьбы сего мира и иномирья. Одно тут переходит в другое. Отсюда и беспокойство людское, и страх, и смятение. Мир – царство неблагополучия, неустроения и несправедливости, а жизнь – одна лишь *стойкость*!

12. Природа дружественна человеку, и она же ему враждебна; духовный мир тоже; людской – тем более! Мир вокруг как *свой*, так и *чужой*; люди тоже – *свои* и *чужие*; культуры тоже. Пространство – *своё* и *чужое*. Отсюда и русское оборонное сознание: труженик и воин. Однако отсюда и сознание воинственное: хозяин, владетель, воитель.

13. Природа, живность, земля – лоно жизни. Земля кормит, но и тяготит, порабощает, мстит. Она – объект совпадения и сотрудничества, но и присвоения, и раздора. Культ земли на Руси – больший, чем культ Неба, Космоса, Велико-



Николай Рерих. Весна священная. 1910 год

го Неизвестного. Земля – *Матерь*! Быть на земле, трудиться на земле, обрабатывать землю, но и её хранить, лелеять, оборонять. Земледельцы и воины; владельцы земли и на ней труженики; крепостники и крепостные. И вот земля в Руси-России уже как проклятие, жизнь как наказание, мир как непрерывная гроза! Произвол и насилие, подневолье и покорность, но и протест, бегство, бунт. Два мировосприятия: мир как проклятие – со стороны угнетённых, проклятие русского мира – со стороны его угнетателей. Медленная, тягостная и кровоточивая *мировоззренческая катастрофа*!

Природа, живность, земля – лоно жизни. Земля кормит, но и тяготит, порабощает, мстит. Она – объект совпадения и сотрудничества, но и присвоения, и раздора. Культ земли на Руси – больший, чем культ Неба, Космоса, Великого Неизвестного. Земля – *Матерь*!

14. Катастрофа – катастрофой, а жизнь – жизнью: русский человек, безмерно приносимый в жертву и сам идущий на великие жертвы, не только выжил в веках, но и стал истинным, хотя и искренне никем особенно не признанным, триумфатором *новейшей истории*, одержавшим две Великие Победы (великие из великих!) – что в страшной многомиллионной войне, что в не менее тяжком вырыве в космос!

15. И вот сейчас, после очередного исторического надругательства над собой со стороны поднявшей вновь голову вероломной Нéруси (совершенно уже бесовской, отвязной, инфернальной), русский человек обращается к себе и своему мировоззрению, окрашенному историческим православием и раскрашенному вездесущим европейством, но к ним в основе и в целом никак и не сводящемуся. Нет никакого знака равенства между русскостью и православностью, между русскостью и европейством; мировоззрение русское всё-таки не православное и не европейское, а именно *русское*!

16. Многое из уже бывшего в русском самосознании ныне оживляется, кое-что попросту повторяется, но время крайнее требует и совершенно новых – может, тоже крайних – разрешений, тем паче что русский человек сегодня более в городе, в мегаполисе, чем в деревне, на полях и в лесах, хотя связи своей с природой и землёй насовсем он не потерял, представ ныне су-

ществом цивилизационно-натуральным. Новое в русском воззрении исходит, конечно, от элитарной русскости, от тех русских умников и мудрецов, которые предпочитают своё – русское, а не чужое – иноземное, не находя в чужезрении ни спасения, ни судьбы, ни суда!

17. В блуждающем ныне по России мировоззрении жива традиция, есть кое-какая с ней перекличка, но появляется и кое-что новое, в особенности в связи с преодолением научного (сциентического) воззрения, непопаданием в вероисповедальную догматику и избеганием новейшего евро-американского – постмодернового – учительства.

18. Мир для современного русского умостроения сложен, он физичен и метафизичен, вещественен и духовен, феноменален и ноуменален, имманентен и трансцендентен. Ничего нового – совершенная классика! Признаётся, как и прежде – в домарксистские времена, – существование Бога-Творца, но необычное внимание ныне уделяется Софии Премудрости Божией, а не одному лишь Логосу. При этом София трактуется не узковероисповедально, а общемирово и общечеловечески – как атрибут Господа Бога, его эманация, но уж никак не ипостась Бога, тем более женская. София – *Смысл Божий*, причём как чисто божественный, так и тварный, природный и человеческий. Мир окружающий софиен, но, увы, и антисофиен, как и антибожествен. И сама София – не так *Благодать Божия*, как *Правда Божия*, отчего она и *Страх Божий*!

19. Россия сегодня насквозь антисофийна, что не значит, что София отвернулась от России. София ведь и *Суд Божий*, и София без устали судит Россию, и России неуютно под этим судом, но София и терпеливо взывает к России, на неё всё ещё надеясь: Россия ведь исходно не от инферналья, а от иномирья – и в замысле России не что иное, как иномирного порядка *преображение*!

20. Мир *апокалиптичен*, причём исходно апокалиптичен, и другим он быть просто не может, а русский мир в особенности – неотмирен же он! Тоже, вроде бы, мало нового, но акцент тут серьёзен – как раз на *апокалиптике* бытия вообще и бытия русского мира в частности. Кажется, что в апокалиптике чуть ли не сплошь негатив, но это не так, есть в ней и свой позитив – только изначально и воистину апокалиптическое ищет в бытии и из бытия выхода, не находя его – *до срока*! Апокалиптика, если она не летальна, – двигатель стремлений и перемен!

21. Мир в XXI веке основательно изменился: наряду с природным (натуральным), человеческим (земным) и божественным (небесным) мирами явился на Земле в полной красе и мир не природный и не человеческий, а *техно-искусственный*, причём уже не как вспомогательный, а как вполне самодостаточный, мало того – властительный, не только потеснивший природный и человеческий миры, но и затмивший собою мир Божеский. Недалеко время и полной победы техномира над обжитой человеком частью Вселенной!

22. Техномир, полнящийся «неживой жизнью», не мыслящий, но зато вовсю решающий, – главная ныне заноза истории и всего человеческого бытия, безразмерно усилившая их апокалиптику, превратив её из живой (и божественной) в неживую (технократическую) и ясно обозначив тем самым пришествие *последних времён*, подступление и *Конца Света*!

23. В мир пришёл *антимир*, но не как живая противоположность миру, а как мертвящая *не́жить*.

24. Источник этой не́жити сегодня – *ЕвроАмерика*! Она же и очаг глобального империализма, общепланетного гегемонизма и общемирового паразитизма. И иной ЕвроАмерика уже быть не может! Отсюда общепланетарная война – ЕвроАмерики с миром и мира против ЕвроАмерики, а в центре всей этой апокалиптической «забавы» *Россия* как очаг и возможность идейно-воззренческой альтернативы, а не только большая владелица недр, лесов, вод, воздуха, самой жизни, на что не может не зариться смертоносная ныне ЕвроАмерика.

25. Вот и оно – *русское мировоззрение*: всё-ещё-человеческое, метафизическое, софийное, апокалиптическое, выживательно-спасительное, но ещё и оборонно-наступательное, различающее *своё* и *чужое*, чрезвычайное по настрою, даже и алармическое (последние ведь времена!), но при этом и общепланетарное, космическое, иномирное (не довольствующееся *этим* миром и устремлённое к миру *иному*)!

Русская метрика

Метрика – мера, обмер, размер, а также картина, описание, образ, даже и матрица.

1. У русских (русичей, протоpусов) нет своего древнего культового писания, сравнимого с Библией, Кораном или даже Махабхаратой, а ежели что вроде бы и есть, как та же «Велесова книга», то энергично оспаривается как что-то недостоверное, чуть ли не поддельное, хотя что в мире буквенном так уж на Земле достоверно? Нет у русских ни своего зе́мно-небесного бога, как Христос, ни своего бесспорного проро-

Борис Ольшанский. Берегиня

ка, как Мухаммед, ни даже своего высокочтимого мудреца, как тот же Конфуций. То ли слишком молоды русские (как бы недоросли ещё), то ли неспособны к высокому сакральному переживанию и большому идейному творчеству, то ли не очень почтительны к преданьям старины глубокой, то ли не слишком уважительны к своим титанам-мудрецам, то ли безразличны к какому бы то ни было идейному культу, то ли чересчур уж забывчивы, то ли... э-э... то ли какая-то сила позаботилась об утрате проторусского идейно-духовного самосознания, которого ведь не могло не быть, – было же когда-то то же ведичество, были волхвы, были боги, был единый Бог Род, были те же преданья, и письменность, кажется, была, в общем – обходились как-то

Нет никакого знака равенства между русскостью и православностью, между русскостью и европейством; мировоззрение русское всё-таки не православное и не европейское, а именно *русское*!

проторусы с идейно-духовной стороной бытия, не зверями же были, а *человеками*!

2. Откуда и почему пошла Русь, как и куда идёт, толком никто на Руси-России и не знает. Одно ясно – не с рюриковской эпохи Русь зачалась, не по личному волшебству варяга-завоевателя Рюрика! Ясно и другое: Русь таки вдруг возникла и пошла, более того, став уже Россией – *идёт*! Не без участия Рюриковичей, как потом Романовых, а затем и Ленина со Сталиным, как и Хрущёва с Брежневым. Идёт! Пошатываясь, покряхтывая, падая и поднимаясь, ворча, скворча, замирая и буйствуя, но... *идёт*!

3. Да-а, нет на Руси *своего собственного* почтенного регламента, нет! Вся *метрика* её туманна и загадочна. Всё на Руси-России незнаемо: кто, что, как, зачем, отчего, с какой целью, куда? Многое о Руси-России сказано, да не всё: главное-то как раз и не сказано! И остаётся до сих пор Русь-Россия со всей своей русскостью сплошной загадкой.

4. Нет той могучей книги, чтобы взять, да и прочитать всё про Русь-Россию, хотя бы миф о ней ладный, выдумку удачную, небылицу достоверную. Нет, и всё тут! Остаётся либо о чём-то важном догадываться, либо что-то воображать, либо тихо помалкивать – не так от

Николай Рерих. София Премудрость. 1932 год

Признаётся, как и прежде – в домарксистские времена, – существование Бога-Творца, но необычное внимание ныне уделяется Софии Премудрости Божией, а не одному лишь Логосу. При этом София трактуется не узковероисповедально, а общемирово и общечеловечески – как атрибут Господа Бога, его эманация, но уж никак не ипостась Бога, тем более женская.

страха даже, как от недоумения. Вон сколько научных-де историй о Руси-России написано, да мало что разных, а то ведь и вряд ли... верных, а главное – *никак уж не культовых*! А без культа какая такая правда на Земле? Да никакой!

5. А может, в этой бытийно-исторической конспирации *что-то* всё-таки есть?

6. Страна русская, вроде бы, есть, но какая же по сути и для чего – непонятно; страна, вроде бы, русская, но без собственно русской государственности, цивилизации, истории; вроде бы, титульный народ – русские, – но он ничего волевó не определяет; вроде бы, народ царственный, но в постоянной он тягловой кабале. Русскость на Руси-России не так в Яви, как в Нави, она старательно Нéрусью отрицается и преследуется, а ежели вдруг поднимает голову, как на рубеже XIX и XX веков, так сразу же следует какое-нибудь потрясение, подъём этот прерывающее, а страну в явный крах ввергающее.

7. Третий Рим как будто бы, да вот атакуем вовсю наследниками Рима Первого, еле от них отбивается, беря даже время от времени их столицы, но... всего этого как будто бы и нет, и Третьего Рима нет, а есть лишь неопределённая, неустроенная, непредсказуемая *сторона*, предназначенная лишь для эксплуатации, обирания и... завоевания.

8. И однако она есть, эта Русь-Россия, ещё и со своей неизбывной русскостью, которая вовсе не такая уж и православность, хотя ею заметно и задета, но... не так, как было в Византии с её ортодоксией, или как в Риме с его католицизмом, или как в Европе с её протестантизмом. Сильнее всего на Руси-России как раз... *русскость*, которая всех переживает, невольно обрусевает, вольно поглощает, нехотя проглатывает, а иной раз и назад не без удовольствия выблёвывает. Ах, эта несуществующая русскость, прочно в Руси-России сидящая, – медленная, неповоротливая, вязкая! Всё и вся перебыла, чем только не переболела, кого только не одолела, над кем только не спела песнь свою заупокойную!

9. Очаг, котёл, домна! И никакого тебе истинного – понят-

ного, полезного, достойного – домостроя, одна, знаете ли, дребедень!

10. И вот сегодня русскость вновь всматривается в саму себя, поддавливаемая внешним – ревнивым, завистливым, чуждым, немало и враждебным – окружением, включая и бывших ещё недавно в большой войне союзников, и в этой же большой войне побеждённых противников, а также бывших общежитейских «братьев», «провинциалов», ну и новых «окруженцев» – развивающихся-де, растущих, взлетающих!

11. Всматриваются отовсюду внимательно в Россию и... мало что видят, скорее – ничего приметного не видят! И не должны ничего увидеть, разве лишь мутное пятно, мглистое облачко, полупрозрачную синь. *Конспирация*! Но не потому, что русскость прячется или дюже скромна, а потому, что *не от мира сего* она. Русскость не зрить надо, а чувствовать, да и то лишь по седьмому сенсорному разряду. Метафизика тут окаянная, трансцендентность заклятая, иномирность невозможная!

12. Генотипическая матрица тут давнего происхождения, очень давнего, даже сам первый и, кажется, последний великий русский учёный и просветитель, он же и потрясающий первопроходец, запутался, вглядываясь через призму иностранных источников-линз в тёмное прошлое родной страны. Откуда она, зачем, каким образом? Прав был, что норманистам рожи квасил, но не прав был, что историю рюриковичевскую писать перестал – не выдержал, видно, издевательств письменных над реальностью, как и самой реальности, возможно, изрядно испугался, что по истечении времени случилось, надо полагать, и с первым поэтом России, историком вдруг неожиданно для себя заделавшимся, да на этом и сломавшимся.

13. Так какова же она, эта треклятая *русская матрица* – разумеется, с высоты, или же с «низоты», сегодняшнего исторического и размыслительного момента? Во-первых, это некая *само*-матрица, неизвестно как возникшая и незнамо как воспроизводящаяся, причём *само*-преобразуясь, может, *само*-переворачиваясь (или даже *само*-выворачиваясь), – и всё это ради не более и не менее как *само*-сохранения. Нет того бога, пророка или мудреца, который задал бы эту матрицу на века, ибо она сама себя задаёт, поддерживая сама с собой деловой, хоть и дюже страдательный, разговор. Во-вторых, это неописываемая, неформализуемая и немоделируемая матрица, точнее, может, и обрисовываемая как-то, точнее – воображаемая, но... в терминах... нет... не неопределённости даже, а... самой что ни на есть... э-э... психиатрии, но не безумия вовсе, а всего лишь *без*-умия. Близко к синергетике, но... к *за*-умной синергетике, а лучше сказать – *вопреки*-умной. Умом такую матрицу никак не прочитать, но и безумием её не схватить, хотя бы потому что у неё – у матрицы этой – нет ни ума, ни безумия, а есть то, к чему учёность современная только-только подбирается со своим толкованием, блуждая вокруг какого-то «хаосного порядка из хаоса», или *хаосмоса*.

14. Где хаос, там и чудо, но там же и *чудо*-матрица!

15. Где чудо-*матрица*, там и чудо-*метрика*! Кто в СССР мог подумать, даже ещё в 1980-е годы, что произойдёт со страной в годы 1990-е и 2000-е, а кто мог предположить, что к 2015-му вдруг начнётся... нет, пока ещё не возрождение, но хотя бы случится вполне заметный всплеск (если не взбрык!)... благополучно, вроде бы, скончавшейся под ударами глобализма... *русскости*?! Спасибо Украине с её «украми», прямо указавшей на главных врагов своих – на *русских*, – не на православных, заметим особо, коими и сами по преимуществу являются, а именно *русских*! Есть, стало быть, мир русский, есть русскость, есть и русские люди!

Русский сингуляр

Сингуляр – точка, нуль, ничто, где сразу всё и откуда всё сразу, мало того – внезапно, хотя это уже сингулярность.

1. Есть ли что-нибудь на Земле подобное русскому феномену? Вряд ли! Ничего подобного, даже схожего, нет. Всё русское – *сингулярное*, то бишь особенное, исключительное, единственное. Мало того, это ещё и неожиданное, не могущее вообще быть, невообразимое. И это не всё: сходящееся (сжимающееся) в точку, вполне и невидимую, и из неё расходящееся (разжимающееся). А точка эта и есть *сингуляр*: мало того, что единственный, но ещё и один-одинёшенек – невозможный, несуразный и неповторимый!

2. Россия – мир, хоть это и страна, и государство, и что-то вроде нации. И вот этот-то мир вдруг сингулирует, обращаясь сначала в точку, а потом возвращаясь в большое целое (с некоторых пор, кстати, – *имперское*: с Ивана III, быть может, а уж с Петра I – точно!). Не физическая, конечно, Россия сворачивается в точку и из неё вдруг исходит, причём в одно и то же время, а метафизическая, ноосферная, эгрегорная, эфирная, полевая. Полюшку такому, лишённому пространства-времени, ничего ведь не стоит и в точку обратиться, и обратно в поле возвернуться, начисто и исчезнуть, и вдруг – из ничего – вновь явиться. Вот и Русь-

Феникс. Около начала XIII века

Не успевают «доброжелатели» русского мира возрадоваться и пропеть, приторно всплакнув, *Requiem* по России, как она вновь тут как тут – как птица Феникс на собственном же пепелище!

Россия так же: то в нуль – то в полноту, то в ничто – то в нечто. Подмигивая да попрыгивая!

3. Примеров тут предостаточно: до Рюрика как бы и нет никакой Руси, она вся в нетях, в исчезновении, в немоте, но, как оказалось, в сингуляр сыграла, ибо вдруг в феноменальной реальности возникла во всей красе, чуть ли не империей при Святославе стала, причём оба этих персонажа – Рюрик и Святослав (дед и внук) – тоже ведь сингулярные личности, как и сын Святослава Владимир, Русь вдруг крестивший (всё в этих персонах-точках сходилось, как и всё из них и выходило). Или тот же Пётр Великий, поставивший Русь на грань катастрофы, если не ввергнувший её в катастрофу, и вдруг... Победа, Империя, Россия! Или тот же Сталин, проделавший со страной примерно то же, что и Пётр I, правда, сначала Ленин постарался, а потом уже Сталин, и вдруг – опять Победа, Империя, СССР, а сам Сталин хоть и не был императором, но зато генералиссимусом стал, повелевая полумиром. Есть и другие примеры: со смутами да революциями, самый замечательный из которых относится прямо к рубежу XX и XXI веков: не стало России – и всё тут, но проходит малое время – и вот она, *Россия*!

4. Не успевают «доброжелатели» русского мира возрадоваться и пропеть, приторно всплакнув, *Requiem* по России, как она вновь тут как тут – как птица Феникс на собственном же пепелище!

5. А в чём тут дело? В этой самой сингулярной способности, если, конечно, к этой необыкновенной способности добавить и кое-какие необходимости:

- держать восточноевропейское и северное евразийское зéмно-небесное пространство (а делать это может только непритязательная, изворотливая, изобретательная и необычайно стойкая *русскость*!);
- настоятельное присутствие в земном мире заинтересованного *иномирья*, хранящего человека в человеке и продуцирующего альтернативу нарастающему и наглеющему античеловечеству (неважно какую);
- потребность иномирья в земном *экспериментировании* (звучит не очень красиво, но зато правдиво), которое не только не остановлено, а в явной сейчас кульминации.

6. Особенность сингулярности в её непредсказуемости: когда, зачем, как, с какими последствиями, с какими итоговыми результатами? Сингулярный эффект – эффект как бы сумасшедшего, когда царствует как бы сумасшедшая неопределённость, питающаяся как бы сумасшедшей трансцендентностью. Достаточно помянуть совсем недавние события в Москве 1991–1993 годов; гнусные в человеческом измерении 1990-е; грязные уже в нечеловеческом измерении 1996–1998 годы; совсем неожиданный 1999 год, закончившийся отставкой первого в стране лица, да и с заменой на кого – на человека... э-э... «без лица»; затем и невероятные 2000-е – годы уродливой ста-

билизации России и странного перехода к невозможному подъёму страны. Ничего ведь нормального, ничего системного, ничего более или менее стройного! И однако: из хаоса и через хаос... э-э... сначала к воспроизводственному *бес*-порядку, а затем и к кое-какому творящему гибриду хаоса и порядка – *хаосмосному*! Да, что-то можно предчувствовать, что-то интуитивно прозревать, что-то даже в неловком абрисе вдруг вообразить, но... не более того! Сингулярность решает сама и по-своему: случается как раз то, что никогда не может и не должно случиться! Россия же – самая подходящая для сингулярных событий ми́ровая арена, но что важно – событий судьбоносного порядка как для России, так и для всего планетарного мира!

7. И вот сейчас, в 2014–2020 годах, Россия вновь на переломе, мало того – во всемирном сингулярном запале, которым заведуют не так субъекты, как распределённые по хаосному планетарному пространству хаосные же сгущения, не имеющие ни устойчивых обоснований, ни явных целей, ни предвиденных разрешений. И у привыкшей к чудодейственной сингулярности России тут свой великий сингулярный шанс!

Русская невидаль

Невидаль – что не видно, но что есть, как и что есть и даже видно, но ничего такого (!) не представляет; чего не может быть никогда, но непременно сбывается, как и что никак не сбудется, но уже есть. Чему и во что никогда нельзя верить!

1. Если о русском прошлом и даже русском настоящем мало что можно сказать существенно определённого, то что можно сказать о вообще не определимом русском будущем? Здесь уж сплошная *невидаль*! Ни зги тут не видно, никакого шороха не слышно, ничего впереди никак не вырисовывается. Картина почти что печальная, если не принять во внимание *веры* – веры в Россию, в русскость, в русский мир и, заметим, менее всего в самих русских людей, склонных-таки массово к союзу с антиРоссией и даже к измене России, что понять вполне можно, даже и оправдать, ибо Россия – далеко ведь не злато, но вот только простить нельзя: *Россия никому измены не прощает*!

2. Россия без будущего: эка невидаль – она ведь всегда без будущего! Никто не знает, за счёт чего вообще бытует Россия, как и намерена, кажется, бытовать и дальше. Жертвоприношения – вовсе тут не всё, да и не главное. Никакого тебе реестра, никакого трафарета, никакого чертежа! Разве лишь выжить любой ценой, уцелеть, продлиться. Это даже не драма и не трагедия, хотя это всё и есть, это – *нескончаемая боль*! Россия – не место для благополучия, наслаждения, счастья. Зато место для бед, неурядиц, страданий. Не рай вовсе, скорее – ад! Однако ад... полный какой-то нечеловеческой притягательности! Почему – загадка! Житие как бы одним днём: ненадёжность, опасность, риск. В постоянной борьбе с не́житью, с Не́русью, с антиРоссией, как и с самою собою. Какое уж тут будущее, да ещё и светлое?

3. И однако... и однако – *жизнь*! Как испытание жутью, как обработка страхом, как закалка страдой. Жизнь ради... не́жити, то ли не́жить... ради жизни?! Без будущего, но зная, что оно всё-таки будет, но вот какое... э-э... лучше помолчать, ибо там – одна *невидаль*! Творящий хаос! *Хаосмос*! Но ведь что-то же обязательно сотворится?

4. Россия нынче на невозможном, вполне и трансцендентном, подъёме, каковой кое-кому из «доброжелателей» русского мира очень хочется непременно подорвать. Россия ведь устремилась *к себе*! Это-то для «друзей» и страшно! Что значит к себе? Нет-нет, не к Святой Руси Великих Иванов, не к Российской империи эпохи романовской и не к СССР времён большевистских, в общем – не назад, хоть и с неизбежным соприкосновением с традицией и погружением в исходную русскую метафизику. Только вперёд, только к новой России, ещё не бывшей!

5. Хороша была формула «православие–самодержавие–народность», родившаяся эскизно ещё в рюриковичевские лета и лишь закреплённая чеканно уже зрелым николаевским временем, да вот сегодня она для России не годится. А что может тогда сгодиться? Тяжкий вопрос, нетактичный, и ответ на него тяжкий, почти что и бессмысленный, ибо эпоха ныне больно особенная, с непрочитываемым бытием, мало того, что непрерывных перемен, но и перемен самопроизвольных, следственно – *неуправляемых*, точнее – с управлением и даже с самоуправлением, но, повторим, – *неуправляемых*, счастливо не прогнозируемых, удачно не просматриваемых, надёжно не улавливаемых, – если в целом, конечно! Запад уже во флаттере (саморазрушении). Китай, ежели не опомнится, на пути к чему-то подобному. Весь планетарный мир в неконтролируемом и неподсудном движении. Лишь России не привыкать к стихиям и катастрофам, да и прошла она уже кое-что ужасное для себя совсем недавно. «Партнёрские санкции» России не помеха, российский мир необратимо сосредоточивается, Россия *step by step* овладевает будущим!

6. Теперь грезится другая формула – «Россия–империя–творчество». Самое привлекательное здесь, конечно, творчество, но его-то как раз нет и не будет без России, а сама Россия может быть только как *империя* (однако не *экс*пансивная, а *ин*-тенсивная – в себе и для себя).
7. Россия способна к *импровизации* – полномасштабной, полноприводной и полноценной. Она открыта для фундаментальной новизны. Ей всё равно, какой завтра быть, лишь бы быть и быть... *Россией*! Она сама для себя аттрактор; сама себе причина; сама для себя и суть!
8. Россия сегодня ничего на мировой ярмарке не выбирает, она идёт вперёд, что-то уже для себя и созидая. Отверженная, она и сама отвергает – отвергателей, ей уже безразличен контекст – как объект поклонения, ибо Россия – *сама себе проект*! И дело тут не в гордыне России, а в неотложной необходимости: не отгородиться, а удержаться и удержать! София ведь совсем и не «против», наоборот, она вполне «за»!
9. Мир вступает, втягивается или же попросту ниспадает в *иной земной мир* – совершенно уже искусственный, можно сказать, что и *неземной*, никем, кроме безумных фантастов, не подуманный и немогущий быть человеком нормальным помыслимым. Делает это мир, разворачивая шаг за шагом тягостную всемирную войну, – *Армагеддон*! Иначе он уже не может: падение в войну от него уже не зависит. Россия, пережив страшную катастрофу СССР и собственное жуткое падение, осознала ценой унижения, подчинения и отравы, что ей нужно немедля обратиться к себе, сбросив навсегда внешнюю зависимость, и овладеть необходимой для выживания, перемен и бытия *ситуацией* – уже и... *внеисторической*!
10. Россия сегодня – *ковчег спасения*! Вот те на! Эта-то планетарная «чёрная дыра» и вдруг... *ковчег спасения*! А-а, в том-то нынче и дело, что не только «будут последние первыми», но и, знаете ли, охотно падшие вдруг неохотно поднимутся и... пойдут вперёд и впереди! Русская апокалиптика на то и *русская* (постоянная, терпкая, скребущая), чтобы выдать что-то совсем уж непотребное – как раз сжимающемуся искусственному безвременью и необходимое!

Русский респект

Респект – уважение, уважение другого, уважение со стороны другого, самоуважение, в общем – быть самим собой и не мешать другим быть другими.

1. Русскость – этнический, вроде бы, момент, и это так, хотя этническое начало здесь не главное; русскость и не специфическая идеология, культура, мировоззрение, хотя что-то своё во всём этом есть; русскость всего более тяготеет – как качество – к *типу* человека, даже, если хотите, к *расе*; в этом плане русскость аналогична еврейству или тому же китайству.
2. Русскость – альтернатива всему: европейству, азиатству, североамериканству, южноамериканству, африканству, австралийству, хотя русскость, в отличие, к примеру, от той же евро-американскости (даже и китайскости), ни на что и ни на кого не покушается. В чём же альтернативность? – в принципиальной *инаковости*, восходящей непосредственно к *иномирью*. Русские – не от мира сего, они – неотмирцы, хотя и пребывают в сем мире, волочась за своею земной судьбою, сжимаясь и разжимаясь, падая и поднимаясь, терпя поражения и одерживая победы – *великие победы*!
3. Русские открыты всему миру, они восприимчивы, рефлексивны и реактивны, но при этом ничто не может заставить их перестать быть русскими. Антирусскость – не одно лишь внешнее противление (агрессивность контекста), но и странная принадлежность самой русскости. Русскость в постоянной борьбе с антирусскостью, воплощающейся в таком поразительном явлении, как Нéрусь, атакующая русскость, на ней паразитирующая, её предающая и в ней же постоянно нуждающаяся. Нéрусь – тоже ведь раса, точнее – *субраса*, или *антираса* – паразит! Однако Нéрусь подвигает русских не только на измену самим себе, но и на верность самим себе. Отсюда феномен *русских из русских* – не покидающих русский мир, его страдательно и жертвенно удерживающих; не пытающихся сбросить с себя русскость, её отменно культивирующих; не изменяющих России, её хранящих и обороняющих.
4. Русскость – это призвание, признание, ноша, тягло, судьба, миссия. Для чего она, эта русскость? Феноменально-практического ответа здесь нет, хотя есть феноменально-практическая история с тем же русским освоением гиперборейского пространства (северной Евразии); созданием на удивление всем вполне человечной культуры (не гуманистической, а именно *человечной* – не греческой, не иудейской, не европейской, не азиатской); строительством имперской (многонародной, евразийской) цивилизации; сдерживанием внешних разорительных и губительных экспансий, в особенности новых и новейших европейских; одерживанием великих побед; переживанием евроэкспериментализма в виде того же практического социализма; освоением целостного научно-технического прогресса и невероятным вырывом в кос-

Россия сегодня – *ковчег спасения*! Вот те на! Эта-то планетарная «чёрная дыра» и вдруг… *ковчег спасения*! А-а, в том-то нынче и дело, что не только «будут последние первыми», но и, знаете ли, охотно падшие вдруг неохотно поднимутся и… пойдут вперёд и впереди!

мос; созданием мощной армии и могучего оборонного комплекса. История значительна, разнообразна, объёмна! Это история не страны, а *мира*! Россия – *мир*! Русскость – явление *ми́ровое*!

5. Однако заряд русскости, её очаг, её источник не в феноменально-практической сфере, а в ноуменально-сущностной, где доминирует метафизис и господствует трансцендентность, где Логос умолкает, а Число замирает, где действует более всего София. Русский мир живёт не так физикой бытия, хотя он без неё не обходится, как его метафизикой, поклоняясь не так «ходу человека» с его пользой и выгодой, как «ходу неизвестности» с его неожиданностями и невероятностями, а также признавая более «ход вещей» с его независимостью и странностью, чем «ход человеческой практики» с его ограниченностью, уязвимостью и ущербностью. Русский – прирождённый метафизик, врождённый фаталист и урождённый мистик!

6. Хочет того русский человек или нет (хотя явно он этого не хочет!), но он противостоит со своей русскостью *всему миру*. Не имперскостью, не православностью, не социалистичностью и даже не своим показательным космизмом, а именно *русскостью*! Правда, не весь вовсе планетарный мир противостоит русскому миру, а лишь своей либо кинетически, либо потенциально агрессивной для русского мира частью. И дело тут не столько опять же в физисе (простран-

ство, земля, недра, ресурсы), который очень хочется кое-кому прихватить, а в метафизисе, то бишь в *идее*, чего никому уже на грешной планете совсем и не хочется присвоить.

7. Идейно планетарный мир, как известно, давно (с незапамятных времён) разделён и поделён (культуры, религии, цивилизации, традиции, учения, а теперь вот и концепции, установки, обработки, пиары, зомбирования). Премодерн, знаменовавший единение человека с Природой и Сакралом, если и не умер, то на периферии нынешней идеальной вселенной; Модерн, поставивший человека над Природой и вне Сакрала, ещё держится, но заметно уже уходит, становясь классикой; царствует ныне Постмодерн, провозгласивший свободу человека не только от Природы и Сакрала, но и уже от самого человека, отдав его с помощью авангарда в слове и в искусстве в лапы самому дьяволу.

Такова она – *русская рулетка*!

8. Сегодня на повестке безграничное самовыражение человека в среде высвобождённой *антикультуры* (культура-то – мир запретов!). На поверхность вышел *антимир*, активно гнобящий собственно мир, превращая его в мертвенный *постмир*. Идёт интенсивное расчеловечивание человека, его превращение в *постчеловека*.

9. Это всё исходит от передовой части планетарного мира – Западной, евро-американской, антиприродной, секуляризованной, научно-технической, искусственной, физикалистской, материалистской, логической, глобалической, империальной. Мир Постмодерна! Со свободной-де идеологией, а на самом-то деле – исключительно тоталитарной, нивелирующей, стандартизирующей, но... незаметно, прячась, скрытно, исподтишка, ибо не из высшего она иномирья, а из самого что ни на есть *инферналья*.

10. Судя по всему ныне происходящему на Западе и с Западом, мир этот – Западный, – несмотря на отдельные всплески настойчиво гонимой там остаточной мудрости, ничего из творящегося с ним самим не видит, не сознаёт и не понимает. Полная атрофия мозгов, чувств, интуиций! 2014 год, как и, надо полагать, ещё несколько последующих за ним лет, – время обострения не только мировой текущей ситуации, но и момент обострения кое-каких истин, среди которых и действительный закат ЕвроАмерики, Постмодерна и адекватного ему квазичеловечества. Обстановка позднего Древнего Рима!

11. Россия, хоть и объявлена россо-византийскими доброхотами Третьим Римом, не собирается занимать место ни Первого, ни Второго Римов – этим пусть занимается сегодня Америка, этот Четвёртый Рим, он же по духу своему воинственному и Первый, хоть при этом и финансово-капитальный (карфагенский, финикийский). У России совсем другая задача – выстоять и идти к новому мирозданию, в чём ей может способствовать даже и его тетраримскость, но главное значение будет всё-таки иметь *русскость*.

12. Заметим, в момент крайней опасности или нечеловеческого напряжения все в России становятся... *русскими*, да-да, именно *русскими*, – и всё потому, что русскость исходно апокалиптична, кризисна, тяжка́, но при этом стойка́, самоотверженна, самопожертвенна и героична. В роковую минуту русские – неодолимая сила!

13. Передовой, он же Западный, мир уже попал в состояние «грогги», или «бури без натиска», или «умного безумия», или просто «самопального произвола». Это уже неуправ-

ляемо управляемый мир – не более и не менее! Любое рациональное действие приводит к иррациональному результату; любая внешне логичная программа вызывает самые непредвиденные следствия, перечёркивающие весь замечательный предварительный замысел; любой тщательно продуманный курс ведёт куда угодно, кроме искусно намеченного пути.

14. Реальность, переполненная людя́ми, объектами, ритмами, шумами, волнениями, мусором, пылью, эфиром, образами, образинами, виртуальностью, дезой, кодами, ложью, мифами, конспирацией, конкуренцией, борьбой, войной, шизофренией, паранойей, болезнями, уродствами, – и всё это с распространением на экономику, политику, «культуру», «бытовщину», – так вот эта самая реальность либо уже не реальность, либо, ежели ещё реальность, то уже некая *само*-реальность, от человека либо независимая, либо зависимая с точностью до наоборот. Вот она – *самая современная современность*!

15. Западный человек – а это уже в значительной мере *пост*-человек – сегодня растерян, сбит с толку, немало и подавлен, хоть и хорохорится, и на что-то такое ещё претендует, и даже громко пищит. Ему пока невдомёк, что он уже... *проиграл*, точнее, что... *его уже проиграли*! И напустили на него морок. Западный «человече» настолько уже под эфирным гипнозом, льющимся из всяких там *media*, настолько уже зомбирован, заморочен и осчастливлен, что ничего для себя угрожающего от своей же среды обитания он не видит, зато увидел вдруг угрозу... от *России* и *русских*!

16. Невидящий взор евроамериканца направлен теперь не на один мусульманский Восток, не на одну «Аль-Каиду», а и на большое государство-цивилизацию – на Россию, на весь русский мир, на всех русских, осмелившихся не только идейно отвергнуть Запад, но и попытаться избавить себя от его настырного покровительства, мало того – выдавить его из себя, столь нагло и безнаказанно вторгшегося в тело и душу России, в русский мир, в русское сознание.

17. Нет, далеко не все из нынешних русичей осознают качество и силу отравы, преподносимой благородным Западом, вполне уже и гниющим, но зато немалая часть русского коллективного сознания уже в этом довольно-таки убеждена. Не надо во всём винить Запад, сами ведь порочны и гнилы, но не замечать разлагающего влияния «дружественного» Запада наивно, глупо и попросту... *страшно*!

18. Человек как человек, да ещё и широкообразованный, культурный, думающий, западному управлению уже не нужен, ему ближе сейчас *недо*-человек с *пост*-человеческими метками и замашками: ограниченный, неумный, немыслящий, преступно наивный. Робот ценнее и перспективнее для Запада, чем собственно человек. Эра человека на Западе скандально («Je suis Charlie», то есть «Я – клоун») заканчивается!

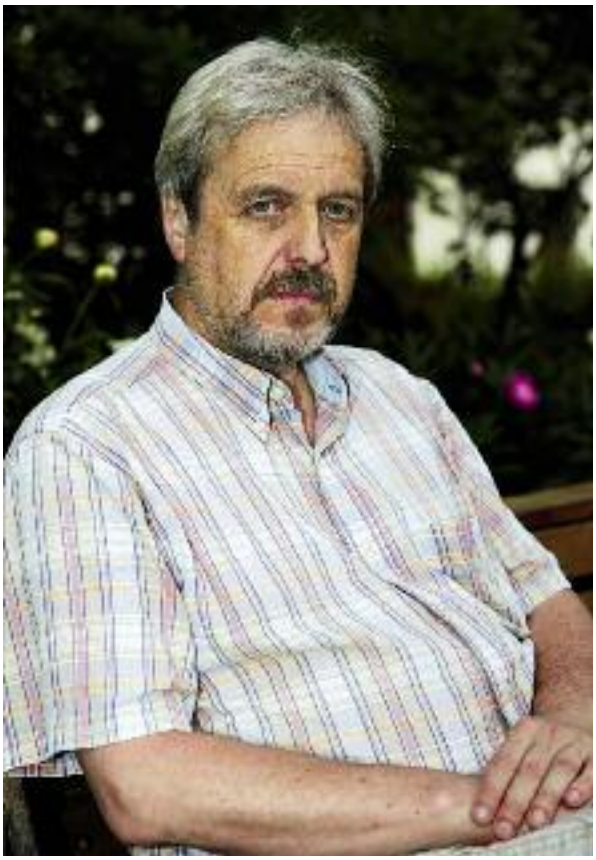
19. Россия, вытолкнутая в афронт Западу не кем-нибудь, а «братской» Украиной (!), делает выборный ход в пользу России, но не нынешней России – порочной, заражённой, уродливой, гнилостной, – а *другой России*, уже возникшей в метафизисе России в качестве трансцендентного проекта, – может, не очень и доброй России, но зато жизнеспособной, а главное – альтернативной как уходящему уже человечеству, так и наступающему на его место античеловечеству.

20. Откуда эта надежда на Россию, если нет в ней никакой уверенности? Не только из-за удивительной способности России возрождаться (всё тот же эффект птицы Феникс), но и по причине поразительной адекватности русского мира возникающей на планете *новой реальности*. Русскость отличается неупорядоченностью, неопределённостью, незаконченностью, а потому и мобильностью, гибкостью, приспособляемостью, как и способностью выживать в нестабильной среде, разреженной, почти что броуновской. И это очень важно для бытия в подвижном, переменчивом, неожиданном и самовольном мировом контексте. Хаосмос – совершенно русское благо! К тому же Россия, пережив жуткий апокалиптический кризис рубежа XX-XXI веков, выходит на новый исторический старт, не обременённая ничем, кроме обязательства остаться Россией и идти не к Западу, а к России. А это не просто шанс, это самый настоящий *русский респект*!

21. О-о, Россию ждут (если не поджидают) любопытнейшие времена, события, состояния! Глупо тут что-нибудь воображать, предвидеть, замышлять, тем более – рассчитывать. Ясно, что *просто так* ничего не произойдёт. Однако вряд ли нужно сегодня говорить о каверзах, испытаниях и коллизиях, ждущих (если не поджидающих) русский мир. Каркать – не функция мудреца; его святая обязанность – видеть и помалкивать! Всё свершится так, как до́лжно свершиться: просто надо быть, во-первых, убеждённым в необходимости (даже неизбежности) *русского пути*, и во-вторых, идти по предназначенному пути во что бы то ни стало!

22. Такова она – *русская рулетка*!

Аминь!



Владимир Вячеславович Малявин – философ, историк, китаевед, доктор исторических наук, профессор Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань)

Совмест(итель)ное слово

О некоторых восточно-западных параллелях

1

«За что ни схватишься, ничего нет», – говорил персонаж известного романа Михаила Булгакова. Может быть, и вправду ничего нет. Но нельзя сомневаться в том, что в мире что-то происходит, что в нем бывают события. В противном случае нас просто не было бы здесь. Более того, обнаружить себя «здесь и сейчас» и есть подлинный смысл события.

Древний даосский философ Чжуан-цзы, нечаянно задремав, увидел себя бабочкой, которая «порхала в свое удовольствие среди цветов». Потом он проснулся и не мог решить, то ли он Чжуан-цзы, которому снилось, что он бабочка, то ли – бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы. Этот рассказ напоминает, что исток всякой литературы – событие, и притом необязательно имеющее внешние приметы. Уснуть, забыться – значит дать свободу творческим метаморфозам жизни и... сделать возможным свое пробуждение. Прозрение приходит в бесконечной череде снов и не отменяет ее. Радость бабочки и меланхолия пробудившегося философа – два полюса одного события, столь же несходных, сколь и нераздельных. Между ними, в между-бытности всего и вся и прежде всех вещей, находится «истинно сущее». Китайцы называли эту правду жизни «центрированностью». Таков корень и смысл всего происходящего. Центрированность есть высшая, несотворенная и притом вечно отсутствующая цельность мира. Она ни в чем не проявляется и ни в чем не допускает излишка или недостатка. В ней нет ничего частного, но в ее свете каждый момент существования совершенно самодостаточен и в этом ра-

вен всем прочим, не имея с ними ничего общего.
Чтобы быть, надо бдить, а чтобы бдить, надо забыться.
Быть с миром может лишь тот, кто сам по себе.

Прозрение приходит в бесконечной череде снов и не отменяет ее. Радость бабочки и меланхолия пробудившегося философа – два полюса одного события, столь же несходных, сколь и нераздельных.

2

Европейца поражает азиатская речь: гортанная и пронзительная, как птичий гвалт, размеченная до странности эмоционально нейтральными возгласами. Поль Клодель рассказывает, как он, живя в Китае, выходил по вечерам из дома, чтобы... слушать какофонию восточного города:

«Этот шум голосов – стремительный, играющий брызгами поток – прорезают неожиданные форте, подобные треску рвущейся бумаги. Иногда мне чудится, что я различаю ноту и ее модуляции, подобно тому как настраивают барабан, касаясь нужных мест пальцем... Отдельное слово не исчезает: оно вносит свою лепту, сливаясь с бескрайней многоголосицей общего говора. Оторванное от предмета, который означало, оно пребудет лишь как невнятный звук, его сопровождающий, как восклицание, интонация, ударение. Способны ли смыслы сливаться, как сливаются звуки, и какой грамматике подчиняется эта общая речь? Гость мертвых, я долго слушаю этот ропот, этот далекий шум языка живых».

В безбрежной многоголосице мира звук есть сигнал, существующий до того, как появляется внешний мир. Прежде всего слышимого мы слышим одно извечное «чистое звучание». Оно – знак чистой коммуникации, сообщение без адреса. Его непостижимая грамматика, о которой говорит Клодель, принадлежит интимному пространству первозданной реверберации жизни, духовного трепета, нестихающего гула мировой со-бытийности, где всё перекликается со всем и множится без конца и края. В этом «шепоте прежде губ» выражать нечего и некому. Здесь можно только наследовать Изначальному, ходить по его следам, опережая

тех, кто полагается на чувственное восприятие и умозрение, кто зависит от «обработки информации». «Все люди озираются по сторонам, а он привечает их как детей», – говорится о мудром правителе в даосском каноне «Дао-Дэ цзин». В между-бытности есть только подобие, оно же постоянное саморазличение, и мудрый – хозяин безмерной мощи рассеивания, цепной реакции бытия. Он оживляет живое, превращает превращение, оставляет оставление, пред-оставляя всему быть... Это удвоение не позволяет замкнуть слово в предметности мысли, держит его открытым бездне мировых метаморфоз. Тот же Чжуан-цзы не мог понять, чем отличается птичий щебет от человеческой речи, а в мире вокруг видел – точнее, слышал – только бесчисленные «превращения голосов». (Или, может быть, бесконечные модуляции одного беззвучного Голоса?) С редкой для философа смелостью он сравнивает человеческую речь с ревом бури, в которой, как ни странно, мир становится родным: чем сильнее шум, тем глубже «небесная» (мета-человеческая) гармония жизни.

В комедийных диалогах и других фольклорных жанрах значение голоса как средства спонтанной «сердечной» коммуникации проступает особенно наглядно. К примеру, в популярном на юго-востоке Китае (где, кстати, жил Клодель) театре перчаточных кукол существуют «гибридные» персонажи, говорящие на два голоса. В одной пьесе фигурируют муж и жена, приклеенные друг к другу спинами. Они отвечают короткими репликами на вопросы о другой семейной паре:

– *Какие у них отношения?*
– *Они очень близки.*
– *На ножах.*
– *Почему на ножах?*
– *Из-за женщины.*
– *Из-за мужчины.*
– *Женщины кокетливы и бездарны.*
– *Мужчины грубы и неблагодарны.*
– *Так кто же они?*
– *Они отличная пара.*
– *Они враги.*

Кажется, что в бесконечной цепи жизни, где каждое звено самоценно, ибо задает всем новое нравственное испытание, рассказчику не хватает словесного пространства, как альпинисту воздуха. Да и кто он, этот господин случайностей и людской разноголосицы, умудряющийся видеть жизнь в несовместимых перспективах, подобно тому как кукольник в восточном театре говорит за всех кукол сразу? Есть ли некий высший судья над ним – неузнаваемым в череде масок? Мы знаем только, что этот кто-то, «темный предшественник» Делёза – изменчивее всех изменений и исчезает прежде, чем обретет видимый облик, именно потому что дает быть совместности всех голосов. Возможно, его подлинный прообраз – иероглифическая письменность, хранящая правду вселенской со-бытийности. Свидетельство Клоделя (в изложении Максимилиана Волошина) и здесь очень точно:

«Посреди храма возвышался вертикальный столб, на котором были начертаны четыре знака. “В надписи таинственно то, что она говорит, – думал Клодель. – Никакой момент здесь не отмечает ни возраста, ни места, ни начала этого знака, стоящего вне времени; это лишь уста, которые вещают. Он есть. И предстоящий лицом к лицу созерцает предписание, имеющее быть усвоенным”».

3

Не молчание и не слово, а голос есть хранитель и свидетель тайны духовного прозрения. Голос освобождает жизненные силы, лечит и убивает. Превыше всего он *собирает* людей и богов. Бодрствующий дух, согласно наставлениям китайских учителей, «слышит всё в восьми пределах света», и притом слышит «как будто *издалека*», ведь этот дух бесконечно превосходит сам себя, обнимает собой весь мир. Так в дремоте мы порой необычайно отчетливо слышим какой-то отдаленный звук – например, шум проходящего вдали поезда или летящего высоко в небе самолета. В это мгновение мы вдруг открываем, что наш дом – весь мир. Отдаваясь снам земли, мы прозреваем...

Но мир, увиденный из недосягаемой дали, уже предстает другим, превращенным. Глядя на Тайбэй с вершины небоскреба 101, я уже не вижу ни отдельных людей, ни машин на улицах. Как звуки китайской речи сливаются в гулкое эхо бытия, так земной мир здесь преображается в безбрежное марево, где всё чревато всем. Исчезает само различие между реальным и фантастическим. Уже неразличимые в уличном кишении люди как будто выписывают, сами не видя того, какие-то вещие знаки, «пророчества на стенах». Вся китайская цивилизация, все усилия полутора миллиардов жителей Китая и есть никем не замечаемое писание этого фантастического и фантастически реального иероглифа самой жизни.

Видение Бдящего есть совместность непрозрачных, отсутствующих друг для друга перспектив: взгляда в упор и из недостижимой дали. Так пишется китайский пейзаж, выстраивается китайский роман, играется китайская пьеса. Привычная «объективная действительность» является здесь лишь иллюзорным, ли-

шенным бытийной основы стереотипом. Подлинная реальность – типовые, превращенные формы, часто откровенно фантастические: «черный дракон выползает из пещеры», «яшмовая дева ткет пряжу», «восемь небожителей переплывают океан». Перед нами качество ситуации, сгустки силы, не держащие самих себя, взрывающиеся, как фейерверк в ночном небе. Они служат духовному росту и должны быть усвоены – наподобие предписания иероглифа, о котором говорит Клодель. Типизация здесь осуществляется посредством само-оставления, рассеивания – в противоположность усилию самоутверждения, характерному для типизации в европейском Модерне (см., например, «Рабочий» Эрнста Юнгера). Борьба за удержание бесконечно малой, истинно символической дистанции – пустоты между-бытности, – отделяющей эти типы от образов внешнего мира, определила исторический путь китайского искусства.

Да и кто он, этот господин случайностей и людской разноголосицы, умудряющийся видеть жизнь в несовместимых перспективах, подобно тому как кукольник в восточном театре говорит за всех кукол сразу?

4

Итак, всё существует ровно постольку, поскольку оставляет, *упраздняет* себя. Каждый волен в праздности. Каждая вещь существует в месте (и потому вместе с другой). Поэтому всё есть, когда ничего нет. А когда нет ничего, всё есть. (Мои тайваньские студенты уверяют меня, что отлично это понимают.)

Вещи, говорит Чжуан-цзы, «вмещают друг друга», а покой и волю обретет тот, кто «спрячет мир в мире». Мир не просто сложен, но, скажем точнее, сложен из себя и в себя складывается. Нет ничего более безопасного, чем быть в мире, на миру и смерть не страшна, ибо мир укрывает сам себя. Людям подобает жить, по слову того же Чжуан-цзы, в оставленности Небес, когда «каждый живет сам по себе и не мешает другим». Этот мир предоставлен сам себе, в нем «пахота сама пашется, пряжа сама

Этот мир пред-оставлен сам себе, в нем «пахота сама пашется, пряжа сама прядется, ритуалы и наказания сами исполняются».

прядется, ритуалы и наказания сами исполняются» (Ван Фучжи, XVII век). Этот мир подглядел (иначе и не скажешь) на улицах японских городов Ролан Барт:

«Множество незначительных деталей, которые у нас, вследствие неискоренимого нарциссизма западного человека, – не более чем знаки напыщенной самоуверенности, у японцев становятся просто способом пройти или миновать какую-нибудь неожиданность на улице, ибо уверенность и независимость жеста здесь связаны не с самоутверждением, но лишь с графическим способом бытия: таким образом, зрелище японской улицы (вообще любого общественного места), волнующее порождение многовековой эстетики, начисто лишенное вульгарности, никогда не подчиняется театральности (истерии) тел, но всегда подчинено письму alla prima, для которого одинаково невозможны и набросок, и сожаление, и маневры, и исправления, ибо сама линия освобождается от стремления пишущего создать о себе выгодное впечатление; она не выражает что-либо, но просто наделяет существованием».

Здесь событие подобно камешку, брошенному в пруд, или, если угодно, лягушке, прыгающей в воду в знаменитом хокку Басё: оно лишь ненадолго поколеблет зеркальную гладь жизни и пройдет, не оставив на ней следа. Есть великий покой, который покойнее даже стоячей воды, говорили в Китае. Но этот покой дан лишь в скрещении, непостижимом взаимопроникновении противоположных перспектив В свете этой совместности всякая вещь несет в себе бездну инаковости, теряет себя, существует в собственном пределе. Мир вещей – не предмет познания, а повод к преодолению всякой данности, к укреплению силы духа. Как сказано в «Книге Перемен», «благородный муж укрепляет себя без остановки» (на Тайване «самоукрепляющимися» называют поезда, следующие без остановок).

Брошенность японской улицы или, лучше сказать, ее предоставленность самой себе, как верно заметил Барт, – плод долгой культивации духа. Известно, что японцы именно культивируют коммуникацию в безмолвии и даже считают ее залогом успешного менеджмента. Здесь мы подходим к высшему фазису развертывания восточной традиции, характерному как раз для Японии. Дело в том, что принцип разделяющей совместности (когда люди разделяют лишь то, что их разделяет) может быть обращен на саму совместность. Для этого фазиса как нельзя лучше подошла буддийская идея «внезапного прозрения», взрывающего все умственные конструкции. Такова словесность чань-буддизма с ее агрессивным самоупразднением и фиксацией нераздельности «пустоты» и «формы». Литература (но также живопись) от чань-буддизма эстетизирует взрывчатую энергию совместности, всё и вся сметающий вихрь мирового Ничто, неистовство духа, жаждущего и не могущего быть тождественным себе. Это тождество есть «великая смерть». Одним из любопытных следствий этой тенденции стало то обстоятельство, что писатели, представляющие в гла-

Константен Гис. Военный лагерь. Около 1854-1855 годов

зах европейцев японский дух и даже исполнившие самоубийство в японском стиле (Акутагава, Кавабата, Мисима), слывут в Японии... поклонниками европейского мировоззрения.

Японцы утверждают, что они «развили» китайскую мудрость и «знают ритуал» – в отличие от китайцев, которые ритуал «забыли». Но знать и быть – не одно и то же. А чтобы быть, надо за-быть. Очевидно, что японцы выявили, вывели наружу из принципа совместности его самоотрицательное начало и зафиксировали его. Они предписали каждой вещи быть маской, образом иного. Так совместность из оправдания вольности смысла стала оправданием семиотической диктатуры.

5

И всё же бдение в его непрерывном «самоусилении» возвращает к источнику творческой мощи жизни, к самозабвенно-упоительной игре жизненных сил прежде и помимо индивидуального сознания.

Творчество г-на G. совпадает в своих основаниях с принципами работы восточных живописцев: изображать не «натуру», а внутренний динамизм духа, работать по памяти, освобождающей от привязанности к внешним вещам, возвращаться к истоку опыта, к чистой восприимчивости духа.

За пределами субъективного знания оно дарит уверенность в подлинности существования. Тема по-своему универсальная в человеческой истории. Вот примечательный пример: рассказ Шарля Бодлера о «живописце современности» г-не G. Так Бодлер зашифровал имя французского художника Константена Гиса и, как мы сейчас увидим, не без причины. Этот художник днем бродит по улицам Парижа, упиваясь лихорадочным блеском городской жизни: он стремится запечатлеть именно современное, то есть «преходящее, ускользающее, случайное». Он не делает зарисовок с натуры, но работает по вечерам дома, полагаясь на память и отдаваясь «опьянению карандаша». Он работает быстро, как бежит сама жизнь, боясь только, что не успеет запечатлеть мгновенные впечатления, всплывающие в его сознании, эту «фантастическую реальность самой жизни», которая лежит глубже видимого и знаемого. Он становится человеком без имени, одновременно ничтожным и великим, как Демиург. И вот под его карандашом

«вещи воскрешаются на бумаге, естественные и более чем естественные, прекрасные и более чем прекрасные, необыкновенные и напоенные жизненностью энтузиазма, как сама душа их творца. Из природы извлекается фантасмагорическое в ней. Всё хранимое памятью располагается в порядке и подчиняется принудительной форме, идущей от детского восприятия, то есть восприятия, обретающего магическую ясность благодаря своему целомудрию».

Чэн И:

«В пустоте и полной недвижности уже таится вся тьма образов – густая, как лесная чаща. Ее состояние до отклика ничему не предшествует, ее состояние после отклика ничему не последует».

Главная мысль этого многопланового и несколько сумбурного пассажа уже знакома нам по наследию китайской традиции: творчество создает «фантасмагорический» мир, причем в спонтанности, детском целомудрии его творения скрыта подспудная нормативность, «деспотизм внутренней формы». «Сокровенно передаваемый свет» конкретнее всех слов и интимнее всех мыслей. Вот почему его присутствие реальнее, чем так называемая объективная действительность. Полные экспрессии, безудержной взрывчатой силы образы, выходящие из-под карандаша г-на G., не принадлежат субъективной памяти, ибо на самом деле не порождены ею и не могут быть ею удержаны. Художник живет инкогнито и не столько изображает вещи, сколько отпускает их на волю, дает раскрыться потенциалу их *фантомного* бытия. Оттого и образы его творчества ничему не соответствуют в действительности, но, скорее, заменяют ее и притом воплощают некий избыток жизненности по сравнению с реалистическим изображением: они «жизненнее жизни». Творчество г-на G. – сплошная «благодатная ошибка», систематическая и вместе с тем всевидящая «слепота сознания», которая, согласно Мерло-Понти, лежит у истоков нашего восприятия. Поистине, увидеть вещь прекрасной, как говорил Ницше, – значит увидеть ее неправильно. Образы, создаваемые художником, побеждают хронологию и приобщают к вечной жизни именно потому, что свидетельствуют о первозданной мощи бытийных метаморфоз – этой силе саморазличия и самопреодоления всего сущего. Здесь всё истинно и реально в той мере, в какой не является собой, не принадлежит себе.

Как ни удивительно, творчество г-на G. совпадает в своих основаниях с принципами работы восточных живописцев: изображать не «натуру», а внутренний динамизм духа, работать по памяти, освобождающей от привязанности к внешним вещам, возвращаться к истоку опыта, к чистой восприимчивости духа, что означает возводить вещи к их вечно живым, типовым формам посредством сведения воедино наиболее отчетливых качеств восприятия. Творить так – значит без остатка отдаваться безграничной силе творческих метаморфоз жизни. Человеческий социум и есть, в сущности, такое личностное существование, возведенное к его родовой полноте.

Его прообразом в обществе является школа как метод передачи и наследования вечносущих качеств духовного опыта (впрочем, в жизни духа других не бывает). В школе и школой творится «сверхвременное соборное тело» человечества, длящееся в череде поколений. Но оно предстает границей, разрывом, «отделяющими существование от его сущности». Общее в нас может только *разделяться*.

6

Итак, мы погружаемся в пучину первичного фантазма, который есть настолько, насколько недоступен осознанию. Все ей наследуют, но никто ею не владеет. Конфуцианский ученый XI века Чэн И так описал переход от первичного хаоса, высвечиваемого духовным бдением, к формам культуры (тоже хаос, но досконально эстетизированной жизни):

«В пустоте и полной недвижности уже таится вся тьма образов – густая, как лесная чаща. Ее состояние до отклика ничему не предшествует, ее состояние после отклика ничему не последует. Она подобна дереву высотой в сто саженей: от корня до верха одно тянущееся целое. Нельзя сказать, что верхушка, не имея видимой формы и признаков, проявляется в мире благодаря умствованиям людей. Где есть путь, там этот путь единственно возможный».

Хаотическое всеединство жизни есть условие всех соответствий между вещами и высшая цельность бытия вне хронологии и причинно-следственных связей. Континуум «лесной чащи» протообразов не зависит от людских мнений, ибо не поддается определениям. Мудрый, выявляя образы, прокладывает дорогу через девственный лес бытия, и, раз проложенный, этот путь становится единственно возможным, ибо удобнее идти по протоптанной тропе, чем пробираться через чащу. Формы культуры, созданные древними мудрецами, хочет сказать Чэн И, истинны и удобны для всех, потому что они наиболее естественны. Но происхождение упомянутых выше типовых форм, составляющих арсенал отдельных школ духовной практики, то есть открытие «пути» посреди глухого «леса», оставалось самой большой тайной традиции. Попытка раскрыть ее сразу натолкнулась бы на непригодность предметного языка для описания опыта узрения «бесчисленного множества утонченностей» («Дао-Дэ цзин»), что составляет сущность просветленности в Китае. Некоторые аналогии подсказывает учение Лейбница о монадах: превращение «леса» микрообразов во внешние образы макромира есть результат выстраивания дифференциальных отношений между наиболее заметными свойствами опыта. Возникающие образы, как подчеркивает Делёз, не имеют отношения к образам внешнего мира, а только подобны им. Но поскольку во «вглядывании вовнутрь» или «возвращении к себе» (к «соборному телу») мир *оставляется* и даже пред-оставляется себе, эти образы, сотворенные внутренней работой прояснения духа, *не* отличаются от образов природного мира. В высшей точке духовной просветленности мир возвращается к его предельному, нетварному естеству – к «синеве неба и зелени листвы» (чань-буддийская формула предельного прозрения). Впрочем, еще древние даосы учили, что мудрый «уподобляется своему праху» или «куску земли». Преемственность нормативных образов и первичных фантомов опыта – одна из характерных и еще малоизученных особенностей азиатских культур. А приравнять то и другое к образам «объективного мира», принять узрение инаковости за констатацию факта – главная ошибка идеологий Модерна, не чуждая, впрочем, и Востоку.

7

Совместное (и со-вместительное) слово, таким образом, подчиняет полет фантазии аскезе «уподобления праху» и учит, если так можно выразиться, контр-воображению: возвращению человека к его конечности. Недаром метафорическая стихия языка в азиатских литературах заключена в оболочку метонимии (что соответствует семиотике иероглифического письма). Ошибка Модерна, подменяющего недуальность совместности тождеством понятия и вещи и тем самым скатывающегося к нигилизму, придает всем его проявлениям невротический характер. Хайдеггер, чье учение о Dasein'е имеет много общего с описанным выше «предельным» фазисом раскрытия совместности, предлагает емкую формулу модернистского невроза, когда пишет в «Разговоре с японцем о языке»:

«Язык нашего диалога постоянно грозит уничтожить саму возможность сказать то, о чем мы говорим».

Примечательно, что и японский собеседник Хайдеггера сетует на то, что «фотография» (то есть технический реализм без истории «самоукрепления» духа) убивает японскую культуру. Трогательно и поучительно это неожиданное родство умов, упорно отрицающих возможность их взаимного понимания и притом не замечающих, что они оба стоят в шаге от их совместности.

Олег Георгиевич Бахтияров – генеральный директор Университета эффективного развития (Киев), разработчик концепции психонетики – технологий использования ресурсов сознания, руководитель сети психонетической подготовки в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Минске и других городах, автор книг «Постинформационные технологии: введение в психонетику», «Деконцентрация», «Активное сознание», «Технологии свободы»

Размышления о цивилизации воли

1

Сохранение, преобразование и порождение новых социокультурных реальностей начинаются в мире идей. Чем они абстрактнее, тем результативнее их реализация. Наблюдаемая нами культурная, политическая и экономическая ситуация потому и остается хаотичной, что не управляется никакими высокими смыслами – ведь вначале рождаются смыслы, и только затем уже они проецируются на формы мышления, технологии, социальные и цивилизационные проекты. Там, где царит хаос, помогают не запреты, а новые идеи, которые в очередной раз призваны управлять миром. Призваны-то они призваны, но им еще нужно помочь проявиться.

Новые идеи определяют те формы существовния обществ, которых не было до сих пор. Собственно, тот путь и называется самобытным, который должен конструироваться не как заимствование или отрицание чужих моделей, а как развитие своей собственной сути. Совпадет ли она с чьими-то еще проектами или нет – не имеет никакого значения. Важно, чтобы это было СВОЕ.

История – сложный процесс, сложнее любой модели или их совокупности. Существущих мыслительных средств недостаточно для охвата и понимания столь сложных явлений, как появление и преобразование цивилизаций, смена стадий и эпох. В ретроспективном анализе всегда вычленяется какая-то одна историческая линия, наследниками которой нам предлагается стать или которую нужно отвергнуть. Прошлое конструируется, чтобы стать основой настоящего. Попытаемся вычленить ту линию в истории России, которая представляется перспективной для построения будущего.

2

4 октября 1993 года нам был задан вопрос о будущем России: действительно ли мы наблюдаем «закат звезды ее кровавой», конец ли это русской истории или только завершение одного из ее этапов? Мы уже более 20 лет всё еще находимся в промежутке между вопросом и ответом, а ответ – продолжим ли наше историческое существование или пополним кладбище великих цивилизаций – зависит от нас, ныне живущих русских. Есть некоторое множество людей, которым «сладостно отчизну ненавидеть» и «в разрушении отчизны видеть всемирную десницу возрождения». У этой ненависти нет видимых рациональных оснований, но в классе ненавидящих Россию иногда встре-

чаются и не обделенные интеллектом люди, пытающиеся эти основания обнаружить. Они ненавидят не режим, не отдельных людей, а именно Россию как глобальное явление, обнаруживающее иной способ исторического бытия, нежели Запад и примкнувшие к нему культурно-исторические образования. Ненавидят то, что составляет нашу сущность. «Две расы» – как точно выразился Захар Прилепин. У этих «рас» нет общих оснований, и их трактовки одних и тех же событий диаметрально протвоположны.

Интересна в этом отношении статья Михаила Эпштейна, опубликованная в «Новой газете» 18 февраля этого года – переделанная в стилистике ненависти статья «Экзистенация», написанная еще в 2001 году и подробно развернутая в его книге «От совка к бобку». Тогда он писал о России с удивлением, теперь пишет с ненавистью. Почему? Отбросим его дежурные мрачные англо-американские ночные фантазии об архаизации, деградации и панфобии России. Фундаментальные основания ненависти иные – особый тип исторического существования, никем кроме России не реализованный, – «историопластика». Вот что пишет Эпштейн: «Россия познает себя через отрицание всего того, что раньше о себе узнала и чем себя определила. Отсюда не только географическая, но и *историческая обширность* страны, при отсутствии явно выраженного прогресса, поступательного движения. Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание разных моделей. Никакие социальная форма и религиозная идентичность не пригодны для такого велико-пустотного существования, которое прокладывает путь из ниоткуда – через всё – в никуда. Россия – самая большая страна не только по территории, но и по *исторической вместимости*. Она не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала всё новые и новые варианты исторической участи. Это свойство конкретной цивилизации сохранять свои основные свойства, проходя через многочисленные, диаметрально направленные деформации (от смуты к застою, от монархии к анархии и т.п.), можно назвать историопластикой».

Если в истории российской цивилизации последовательно реализуются разные и несовместимые друг с другом «культурные ДНК», не означает ли это, что ее существование и вариативность определяются некоей «супер-ДНК»?

Именно та историческая линия, которую выделил Эпштейн как враждебную и бессмысленную по отношению к «нормальной истории», и представляется наиболее перспективной и проясняющей возможную вариативность дальнейшего развития. Не он один останавливается на этой теме. От Бердяева («пять Россий») до Проханова («мы развиваемся, достигаем вершины, а потом падаем вниз и исчезаем, как будто навсегда») русские мыслители отмечают особенность России: казалось бы, несоединимые куски истории образуют тем не менее некоторое сверхрациональное единство. Обычные исторические организмы развиваются последовательно: зародыш – младенец – подросток – юноша – зрелый мужчина – старик – труп. При всем отличии старика от зародыша есть последовательность преобразований, в основе которой лежит своего рода «культурная ДНК». Если в истории российской цивилизации последовательно реализуются разные и несовместимые друг с другом «культурные ДНК», не означает ли это, что ее существование и вариативность определяются некоей «супер-ДНК»?

При этом речь идет не о вариативности одного культурного организма, а вариативности, порождающей разные организмы – разные типы культур. Можно, конечно, вычленить передающиеся культурные стереотипы, они есть и легко вы-

Западный путь развития представляется точно определенным начальными основаниями, «культурной ДНК». Двух начал – христианского вероучения и юридического принципа абстрактных прав и отношений – достаточно для фатального последовательного развертывания культурных, государственных и экономических форм.

являются, но среди них всё равно будет присутствовать способность начинать свое существование заново, пройдя сквозь историческую катастрофу. Единство истории при этом обеспечивается позицией, находящейся над текущими событиями, позицией, позволяющей «смотреть на» разворачивающиеся линии развития и катастрофы. «Всемирная отзывчивость», о которой часто пишут, коренится в этой «позиции над» – если внятны собственные радикальные преобразования, порождающие столь различающиеся культурные проекты, то столь же внятными становятся и чужие. Другие цивилизации реализуют свой единственный проект, порождая предзаданность собственной исторической траектории. То, что называется прогрессивным развитием, представляет собой последовательное развертывание вполне определенных потенций. «Позиция над» обеспечивает потенциальное разнообразие различных исторических решений и, более того, их сочетание, иногда даже – сочетание несочетаемого.

Западный путь развития, при всей его концентрированности, представляется точно определенным начальными основаниями, «культурной ДНК». Двух начал – христианского вероучения и юридического принципа абстрактных прав и отношений – достаточно для фатального последовательного развертывания культурных, государственных и экономических форм. Христианская свобода сковывается и подменяется юридической принудительностью, порождая фундаментальные основания европейского развития и возможные формы их реализации. Рефлексия над этой фатальностью отразилась в западных учениях о закономерной смене исторических стадий (формаций) – от марксизма до мрачных футуристических фантазий раннего Фукуямы. Но именно в Европе как реакция на осознанную заданность (не забудем тезис «свобода есть осознанная необходимость») и родились в XIX веке проекты освобождения от, как тогда говорили, «стихийности», ставшие предшественниками и коммунизма, и национал-социализма. Интересно, что даже идеи иной формации, другого способа организации жизни в

комлексе марксистких утопий маскировали это стремление выйти за рамки европейской культурной автоматики утверждением о коммунизме не как об иной, а как об исторически неизбежной, следующей стадии развития. В России от марксизма была взята только сторона создания иного, причем не как закономерного преобразования, а как создания нового «на голом месте».

Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» так характеризует этот период: «Мир стал пластичен, и из него можно лепить новые формы. <...> Тут свобода понимается не как свобода выбора, не как свобода повернуть направо или налево, а как активное изменение жизни». Этот период «активного изменения жизни» был недолгим, но именно он объясняет, почему кровавый хаос революции и послереволюционного насилия преобразовался в уникальный социальный эксперимент. Изменение основ жизни – ключевой мотив, порождающий «историопластику». Не последовательное улучшение отдельных элементов, не последовательное преобразование одних форм жизни в другие, смежные, а изменение основ, создание Иного.

3

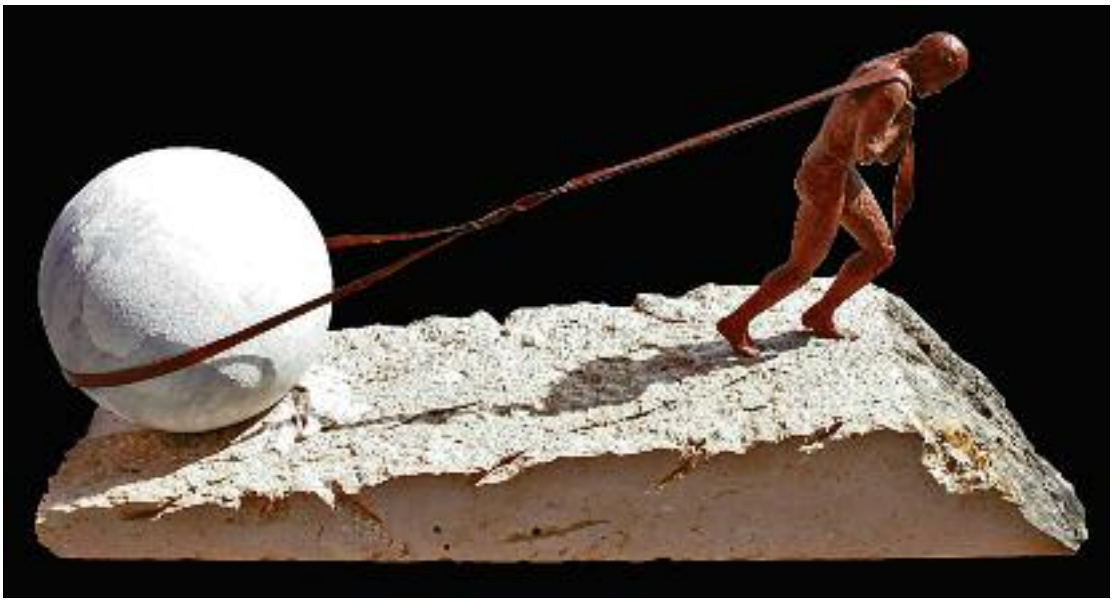
Регулярная смена векторов развития при сохранении цивилизационного единства заставляет искать ту точку, из которой порождаются различные цивилизационные варианты. Культуры и цивилизации – это организмы со своей жизнью, не вполне похожей на жизнь биологических организмов. Тем не менее организмичность длительно существующих культур очевидна, что и подтверждается регулярным появлением организмических циклических моделей от Данилевского и Шпенглера до Тойнби и Гумилева. Развитие в пределах организмической определенности – это понятно, но Россия в своей истории время от времени достаточно резко переходит от одной формы к другой, изменяя свою «культурную ДНК», но сохраняя при этом себя как Россию. Это свидетельствует о наличии более высокой управляющей инстанции, стоящей над организмической автоматикой. Нам известна только одна инстанция, стоящая выше жизни. Это Воля в ее творящем аспекте, не обусловленная никакими нижележащими – ни механическими, ни организмическими – факторами. Воля, «заклинающая» Хаос не приданием ему стабильных форм, а управлением его изменчивой стороной. Борьба трех начал – Воли, Стабильности и Хаоса – хорошо заметна в русской истории. Воля творит новые формы – и творит их, пока не «засыпает». А когда она «засыпает», тогда и начинается Смутное время. Преодоление Смутного времени – это знак нового пробуждения Воли, а значит, и творения нового исторического цикла. Такое существование рискованно (катастроф в нашей истории хватает), но оно выводит из ситуации жесткой предопределенности и скованности нормативами. Что лучше – риск катастрофы или гарантия обусловленности? Может ли Воля не «засыпать»? Отражением потребности встать над историческим процессом и закономерностями стала концепция сверхобщества Александра Зиновьева, который описывает советскую формацию как сложную систему, где над обычным государством надстраивается особая управляющая структура – партийный аппарат. Однако управление такой системой требует совершенно иных качеств, нежели те, что были в то время у советской правящей элиты. Система, выстроенная над государством, была создана людьми, мыслившими категориями обычного государства. В том, что Зиновьев называет «коммунистическим сверхобществом», присутствовал лишь намек на инстанцию, управляющую организмическими цивилизационными процессами. Режим рухнул, но намек остался. Однако для реализации этого намека необходима иная культура интеллектуальной и управленческой деятельности.

Управлять социальным организмом «сверху» можно либо опираясь на обычные мыслительные схемы (и тогда управляемый объект должен быть упрощен до соответствия имеющимся средствам), либо порождая новые мыслительные средства, равные по сложности управляемому организму. В первом случае организм либо убивается – и на его месте создается управляемая социальная машина, либо ограничивается в своих проявлениях. Во втором – организм не только выявляет свои потенции, ни и присоединяет к ним новые, регулярно создаваемые возможности. То, что было сложной и труднообъяснимой «историопластикой», становится предысторией волевого управления.

Опорой такой работы является свободная творящая Воля, но это требует совершенно иного качества управления. Основой волюнаристического управления оказывается не набор правил и нормативов, а постояное создание новых форм. Креативный класс (не путать реальные творческие слои с «офисным планктоном», присвоившим себе это имя) и должен быть проводником осознавшей себя Воли. Так начинается сверхобщество.

4

Позиция Воли вызывает опасения у тех, кто к ней непри-



Нам известна только одна инстанция, стоящая выше жизни. Это Воля в ее творящем аспекте, не обусловленная никакими нижележащими – ни механическими, ни организмическими – факторами.

частен. Она кажется произволом, от которого можно ожидать всего. На самом деле позиция Воли порождает особую ответственность, подобно тому как ядерные державы обретают повышенную ответственность, помимо гарантированной безопасности. Перед позицией свободной творящей Воли открываются столь мощные и разнообразные перспективы, что опасения неотнормированных откликов на случайно возникающие внутренние импульсы представляются проистекающими от глубокого непонимания различий между Волей и обусловленностью.

Но переход к волевому существованию требует совершенно иной антропологии, иного типа человеческих существ, способных к внутренней, не обусловленной стимулами и нормативами активности. Новый проект России неизбежно будет связан с целенаправленным «производством» таких новых людей. Впрочем, эта проблема затрагивает не только Россию. В мире интенсивно обсуждается неизбежность резкого изменения образования как такового, преобразования его в гибкую, динамичную систему, сопровождающую человека с момента рождения и до его смерти. Программы обсуждаются, но не реализуются – нет концепции того самого человека, который будет создаваться в рамках новых образовательных подходов. Управление изменчивостью с позиций изменчивости (а это и является основой возможных будущих систем образования) означает управление естественными, организмическими процессами, но для этого нужна «сверхъестественная» позиция. Это и есть позиция Воли.

5

Россия не может отказаться от попытки построить сверхобщество. Формулировка Зиновьева придает совершенно новый смысл советскому периоду. Предзаданность определяется жестко закрепленными и воспроизводящимися нормативами, в том числе и правовыми. Эти нормативы становятся посредниками между спонтанной человеческой активностью и тем Хаосом, который эта активность упорядочивает. Автоматика развития усмиряет Хаос, но она же и ограничивает творящую Волю. Вопрос не в том, чтобы выстроить еще один проект – Россия фундаментальные проекты в пределах видимого исторического горизонта исчерпала, – но чтобы реально, а не в фантастике, ограниченной наличествующими возможностями, встать над историческим процессом. Исторический процесс, смена укладов, фазовые переходы, культурные циклы – у этого явления много имен, но все они отражают идею некоторой принудительности истории. Исторические образования справедливо уподобляются живому организму со своими стадиями развития – расцветом, увяданием и смертью. И точно так же, как нет средств – концептуальных и, глубже, мыслительных – повлиять на развитие живого существа, изменить его глубинные характеристики, так тем более нет средств, которые оказывали бы воздействие на исторические траектории. Есть механическая логика и механические способы управления, но организмической логики пока нет. Такая логика не может родиться «снизу», ее можно соз-

дать лишь из позиции пробужденной Воли.

В России больше, чем в какой-либо цивилизации, Воля превалирует над цивилизационной автоматикой, надстроена не столько над социальной автоматикой, сколько над Хаосом. Россия ближе всего к волевому правлению Хаосом, чем другие известные нам культуры. Отсюда и широта перемещений по идеологическим полям. То, над чем иронизировал Борис Алмазов, пародируя Константина Аксакова, на самом деле является довольно точной формулировкой позиции, с которой и возможно управление «историопластикой»:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

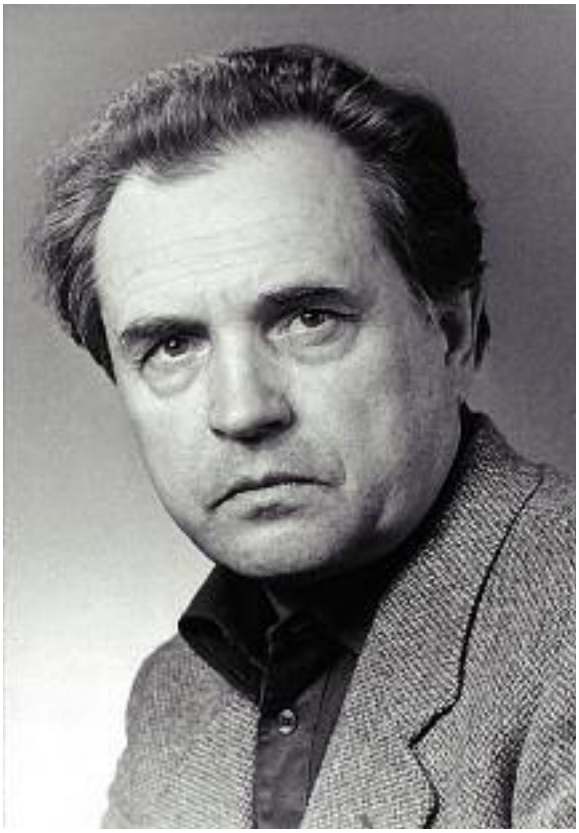
Правила не задаются раз и навсегда, они должны изменяться вместе с текущей ситуацией, но тогда важным становится само действие, а не правила и нормативы.

В русской культуре легко вычленяется глубокое неудовлетворение любым проявленным, ставшим результатом. Отсюда отрицание (радикальное или ироничное) собственных достижений (тот же Эпштейн приводит длинный перечень парадоксальных самоотрицаний у лидеров отечественной культуры). Цепочка стабильных форм, являющихся модификацией базовой формы, тоже не устраивает, отсюда и постоянный мотив в русской культуре – создать Иное (в чистом виде эта направленность на создание того, чего никогда не было, выражена в недавней работе Владимира Никитина и Юрия Чудновского «Основание иного»).

В России ничто не окончательно, здесь не бывает необратимых процессов и бесповоротных событий, и именно по той причине, что русский исторический процесс управляется не столько автоматикой, сколько Волей. Поскольку ресурсов социальной автоматики у нас уже не осталось, лишь Воля, не требующая стимулов для своего проявления и лишенная инерции предшествующих процессов, может обратить гибельную тенденцию вспять. Это и будет означать, что реализация проекта преодоления смерти началась.

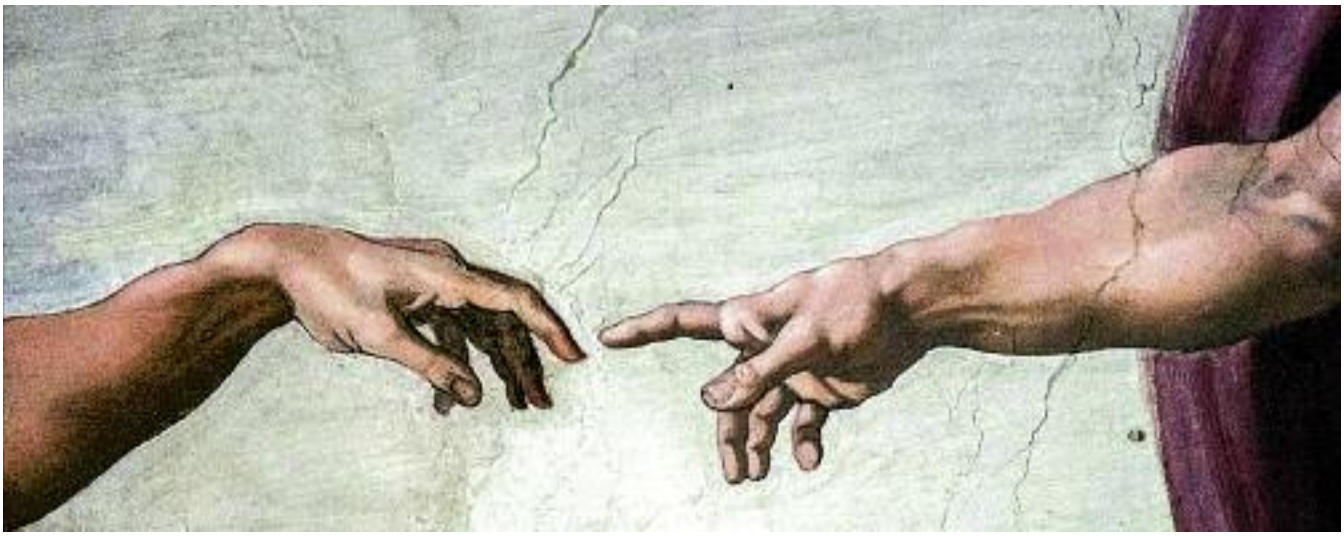
6

Еще раз напомним: мы не пытаемся построить очередную историософскую концепцию. Важно выделить из множества реальных исторических линий и событий те, которые смогут ответить на вопрос, заданный в октябре 1993 года: что мы наблюдаем – начало конца или переход к новому проекту? Важно выделить спасительные линии, и для этого необходимы фундаментальные противопоставления России и других цивилизациий. Конечно, эти противопоставления несколько упрощены: и в Европе происходили радикальные революции (в том числе и суливший отклонение от последовательного развития национал-социалистический переворот), и в России можно выделить непрерывные линии (русская литература и наука развиваются последовательно и без разрывов, несмотря на революции). Но выделение своего, особенного, его формулировка необходимы для того, чтобы из этого зародыша вырастить будущее.



Отражением потребности встать над историческим процессом и закономерностями стала концепция сверхобщества Александра Зиновьева (на фото), который описывает советскую формацию как сложную систему, где над обычным государством надстраивается особая управляющая структура – партийный аппарат.

Сергей Дацюк в одной из наших с ним дискуссий ввел противопоставление презумпции воли и презумпции определенности. Я бы свел это к дилемме Воли и Жизни. Жизнь извлекает из Воли только ресурс активности, действие «со стиснутыми зубами», действие, когда внутри «всё пусто, всё сгорело и только Воля говорит – иди!» (Стиснутые зубы как раз регулярно и выявляются в истории России.) Но Воля отнюдь не ограничивается обслуживанием жизни. Будучи по своей природе ничем не обусловленной порождающей активностью, она становится (должна стать) управляющим фактором, создающим новые



Творящая Воля отражает процесс Творения, позволяет присоединиться к этому процессу. Собственно, участие в Творении, восстановление ценности свободной Воли и есть православный вектор.

формы жизни. Презумпция Воли – вот граничная формулировка радикального русского проекта.

Цивилизацию Воли не нужно придумывать – она и так содержится в виде некоей интенции в русской культуре. Ее важно выявить, вытащить ее линию из множества других переплетающихся линий. Согласиться с врагами – да, не последовательное развитие, а «историпластика», порождение Иного. Признать ценность этого процесса, сделать его основой существования. Обратиться к творящей Воле означает отбросить те модели, которые направляют нас на «единственно верную дорогу», ведущую через уподобление европейской автоматике прямо на историческую бойню.

Творящая Воля отражает процесс Творения, позволяет присоединиться к этому процессу. Собственно, участие в Творении, восстановление ценности свободной Воли и есть православный вектор. Он позволяет сделать осознанным порождение разнообразия, неизбежного для полиэтнической и поликонфессиональной страны.

7

Еще одна сторона «историопластики» – объединение необъединяемого. Воля появляется не тогда, когда принимается одна сторона конфликта, а когда находится позиция, из которой противостоящие друг другу основания порождаются и в силу этого становятся ясными и внятными. Межпроектные промежутки выявляют невозможную, казалось бы, сочетаемость противоположных проектов. Когда в начале 90-х годов рушилось государство, именно «историопластика», общность глубинных оснований, вариациями которых служили и Третий Рим, и Раскол, и Империя, и СССР, породили и парадоксальные самодеятельные объединения мобилизационного типа наподобие «Союза офицеров» Станислава Терехова, который сумел объединить патриотов коммунистической и православной ориентаций, и не менее парадоксальные идеи красно-белого примирения Александра Проханова. Оказалось, что логически и стилистически несоединимые на уровне «культурной ДНК» явления вполне уживаются на уровне «историопластики». Среди мобилизаторов, объединенных общей целью, общим порывом, были и те, кто не принял отказа от коммунистической идеи, и те, кто напротив поддержал крушение режима КПСС – но не страны как большой и организованной системы, которую этот самый режим, по их мнению, и угробил, и наконец те, кто напрочь отвергал советскую эпоху, ратуя за восстановление самодержавной империи. Среди патриотов, не принявших горбачевско-ельцинский режим, были и такие, которые, будучи по своим взглядам православными белыми патриотами, принимали советский строй именно потому, что, по их мнению, под видом строительства справедливого общества восстанавливалась старая традиционная Россия. Объединение красных и белых патриотов фактически было подготовлено труднообъяснимой, но вместе с тем зримой логикой развития советского строя и советского общества. Ведь, по сути, после революции, уничтожившей, испепелившей народ, страну и культуру, со временем сорганизовался новый народ, оформилась новая страна, сложилась новая культура. И эти новые

народ, страна и культура, несмотря на их совершенно иной идеологический дизайн, во многом оказались повторениями своих дореволюционных аналогов.

8

К сожалению, мы по-прежнему уповаем на институциональное строительство: дескать, надо создать правильные структуры, и тогда всё само собой образуется. Увы, не образуется. Потому что уровень регламентации и бюрократизации уже превзошел все мыслимые отметки и буквально зашкаливает. И в этом смысле мы опять повторяем ошибки Советского Союза. Ведь именно аналогичная предельно избыточная административная заорганизованность, приоритетное внимание не к сути, а к процедурной стороне решения любого вопроса, абсолютное преобладание узковедомственных интересов над интересами реального дела не дали воплотить в жизнь те перспективные опережающие проекты, которые могли бы придать импульс развития советской системе.

Акцент следует делать на развитии не структур, а людей. На смену социологии должна прийти антропология, то есть необходимо перенести приоритетное внимание с работы с большими социальными системами на работу с человеческим материалом. Надо заниматься подготовкой людей, способных создавать любые структуры под нужды того или иного проекта, а не заботиться о лояльности кадров тем структурам, которые их рекрутируют. Следует понимать, что здесь первично, а что вторично, и четко соблюдать правильную причинно-следственную связь. В каком-то смысле подобным «производством» людей занимались и в советской системе, когда пытались воспитать кадры не только высокопрофессиональные, но и высокомотивированные, которые могут в кратчайшие сроки решить чуть ли не любую проблему на том участке, где они трудятся. Такие люди в достатке имеются и сейчас. Очень много тех, которые хотят и могут что-то делать и готовы работать ради не только материального вознаграждения, но и реализации более фундаментальных смыслов. Но чтобы сорганизовать таких людей на что-то созидательное, требуется инициировать процесс саморазвития. Соответствующие приемы хорошо известны. Они используются и в стартапах, и при раскрутке тех или иных бизнес-проектов, и при поиске эвристических решений на производстве, и, наконец, в политтехнологиях. Такие приемы не требуют каких-то больших инвестиций: главное запустить процесс – и он начнет сам себя воспроизводить. Главное – пробудить в человеке его активное начало, превратить это начало в сильный мотивирующий фактор, на который можно наслаивать соответствующие знания или компетенции, научить людей реализовывать абстрактные планы в абсолютно любых ситуациях, в том числе в экстремальных, чтобы они могли восстанавливать и заново создавать требующиеся структуры в условиях высокой неопределенности, риска и разрушения структур имеющихся.

Главное – пробудить в человеке его активное начало, превратить это начало в сильный мотивирующий фактор, на который можно наслаивать соответствующие знания или компетенции, научить людей реализовывать абстрактные планы в абсолютно любых ситуациях, в том числе в экстремальных, чтобы они могли восстанавливать и заново создавать требующиеся структуры в условиях высокой неопределенности, риска и разрушения структур имеющихся.

Это трудная задача. В четвертьвековом межпроектном промежутке выросло новое поколение, для которого жизнь в неопределенном «между» является нормальным фоном. Многие потенциальные проекты создания собственной новой системы были пережиты на поле культуросозидающих фантазий, но не в реальности. Поэтому и необходим бросок к фундаментальным основаниям бытия – Воле и Творчеству.

Петр Павлович Ершов

Петр Павлович Ершов (22 февраля (6 марта) 1815 года – 18 (30) августа 1869 года) – русский поэт, писатель, драматург.

200 лет

Счастлив тот, кому в раннем детстве прочли «Конька-горбунка». Он с тех пор – культурный человек. Особенно если правильно произносили звуки и интонировали смыслы, точно передавали ритм стиха, если читавший мог объяснить непонятные, хотя и родные, слова. В таком случае под способности этого человека воспринимать поэтическое слово, под формирование культуры его речи был подведен наилучший из возможных фундаментов. Сказка «Конек-горбунок» была написана девятнадцатилетним Петром Павловичем Ершовым в 1834 году и за прошедшее время как бы растворилась в живой русской речи. Растворилась, создавая эту речь, увеличивая ее богатство. Не читавшие сказки и не знающие имени автора всё равно пользуются строками сказки как формулами, описывающими неизмеримое разнообразие жизни и жизненных ситуаций.

Некоторые строки традиционны для русских сказок, составляют основу, композиционный каркас произведения. Это прежде всего зачин, введение в сюжет: «За горами, за лесами, за широкими морями, не на небе – на земле жил старик в одном селе. У старинушки три сына: старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак». Затем продолжение с ритмическими повторами, подгоняющее повествование: «это присказка, пожди, сказка будет впереди»; «стало сызнова смеркаться, средний брат пошел сбираться»; «едут близко ли, далеко, едут низко ли, высоко и увидели ль кого – я не знаю ничего»; «Путь-дорога, господа! Вы откуда и куда?»; «не вели меня казнить, прикажи мне говорить»; «Ой! Конечек-горбуночек!

Прибегай скорей, дружочек!»; «Что, Иванушка, невесел, что головушку повесил?»; «это службишка – не служба; служба всё, брат, впереди»; «Гей! Хозяин! Полно спать, время дело исправлять!»

И наконец, счастливый финал: «И такой он стал пригожий, что ни в сказке не сказать, ни пером не написать!»; «Пушки с крепости палят; в трубы кованы трубят»; «Я там был, мед, вино и пиво пил; по усам хоть и бежало, в рот ни капли не попало».

В поэтических строках сказочная жизнь показана не просто в реалистических, но привычных формах: «на земле и под землей он товарищ будет твой»; «закричали усачи и ударили в бичи»; «что в промен берешь добра? Два-пять шапок серебра»; «эй, честные господа! К нам пожалуйте сюда!»; «тут Иван с землей простился и на небе очутился»; «Здравствуй, Месяц Месяцович! Я – Иванушка Петрович, из далеких я сторон и привез тебе поклон»; «Он за то несет мученье, что без божия веленья проглотил среди морей три десятка кораблей»; «Царь велел себя раздеть, два раза перекрестился, бух в котел – и там сварился!»; «На конька Иван взглянул и в котел тотчас нырнул».

Есть фразы, раскрывающие действия и эмоциональные состояния героев: «взял он вилы и топор и отправился в дозор»; «эй, вы, сонные тетери, отпирайте брату двери!»; «ночь ненастная настала, на него боязнь напала»; «посмотрел под рукавицу и увидел кобылицу»; «изо всей дурацкой мочи»; «по крапиве прямиком так и дуют босиком»; «Чтоб пропасть ему, собаке! Чтоб издохнуть в буераке!»; «Иван заплакал и пошел на сеновал, где конек его лежал».

В других строках – емкие и красочные картины – характеристики среды и героев: «из столбов хрустальный свод; все столбы те завитые хитро в змейки золотые; на верхушках три звезды, вокруг терема сады»; «кобылица та была вся, как зимний снег, бела»; «молодые, вороные, вьются гривы золотые, в мелки кольца завитой, хвост струится золотой»; «чудо-юдо рыба-кит», у которой «в дубраве, меж усов, ищут девушки грибов».

Особо памятны строки-афоризмы: «коль умел ты усидеть, так тебе мной и владеть»; «скоро сказка говорится, дело мешкотно творится»; «Вишь, что старый хрен затеял: хочет жать там, где не сеял!»; «Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его»; «Ладно, ладно! Для дружка и сережку из ушка!»

Наверное, можно прожить жизнь, не зная, не вспоминая к случаю этих и многих других строк. Для себя лично жизни в подобной бедности, даже нищете я представить не могу. Не желаю ее и другим.

Вдвойне и осознанно счастлив будет тот, кто прочтет «Конька-горбунка» в зрелом возрасте. При этом неважно, чего и сколько он прочел за длинную жизнь. Он будет восхищен простотой и ясностью естественной, как дыхание, поэтической речи. Он поймет, что эта сказка – не только обо всём на свете, но и о его собственной жизни. Мудрый Петр Павлович Ершов и его щедро напоит из чистейшего родника русской поэзии.

Александр Белкин

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета при правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН

Мобилизационная экономика в условиях санкций

Вряд ли имеет смысл доказывать, что Россия в очередной раз стоит на перепутье. Осложнение геополитической ситуации ставит очень остро вопрос выживания страны: либо Россия за 2-3 года налаживает масштабное импортозамещение и «раскручивает» внутренне производство, либо она окончательно скатывается в разряд зависимых и недоразвитых государств. На этот вызов необходимо адекватно реагировать. Однако реакция правительства страны пока далека от той, которую можно было бы признать по-настоящему конструктивной. Отсюда вытекает необходимость регулятивной альтернативы, которая могла бы в более полной мере учесть своеобразие нынешнего момента российской истории.

Старая риторика в новых условиях

Главная проблема нынешнего периода состоит в том, чтобы правильно определить, какие именно предприятия, что конкретно и в каком количестве будут производить для того, чтобы страна смогла освободиться от импорта. Без этого запустить нужное производство невозможно. Между тем «Основные направления деятельности правительства Российской Федерации на период до 2018 года», утвержденные председателем правительства Российской Федерации Дмитрием Медведевым 14 мая 2015 года, по-прежнему не предусматривают конкретных мер по стимулированию импортозамещения. Фактически идеология и риторика правительства РФ остались прежними – предполагается создать *комфортные условия* для производства, и оно *само* вырастет. Но при этом непонятно, где оно вырастет, в каких отраслях и в каком объеме. Однако это принципиальная ошибка – само производство в нынешних условиях не вырастет, его надо целевым образом *выращивать*. А такое возможно только в рамках

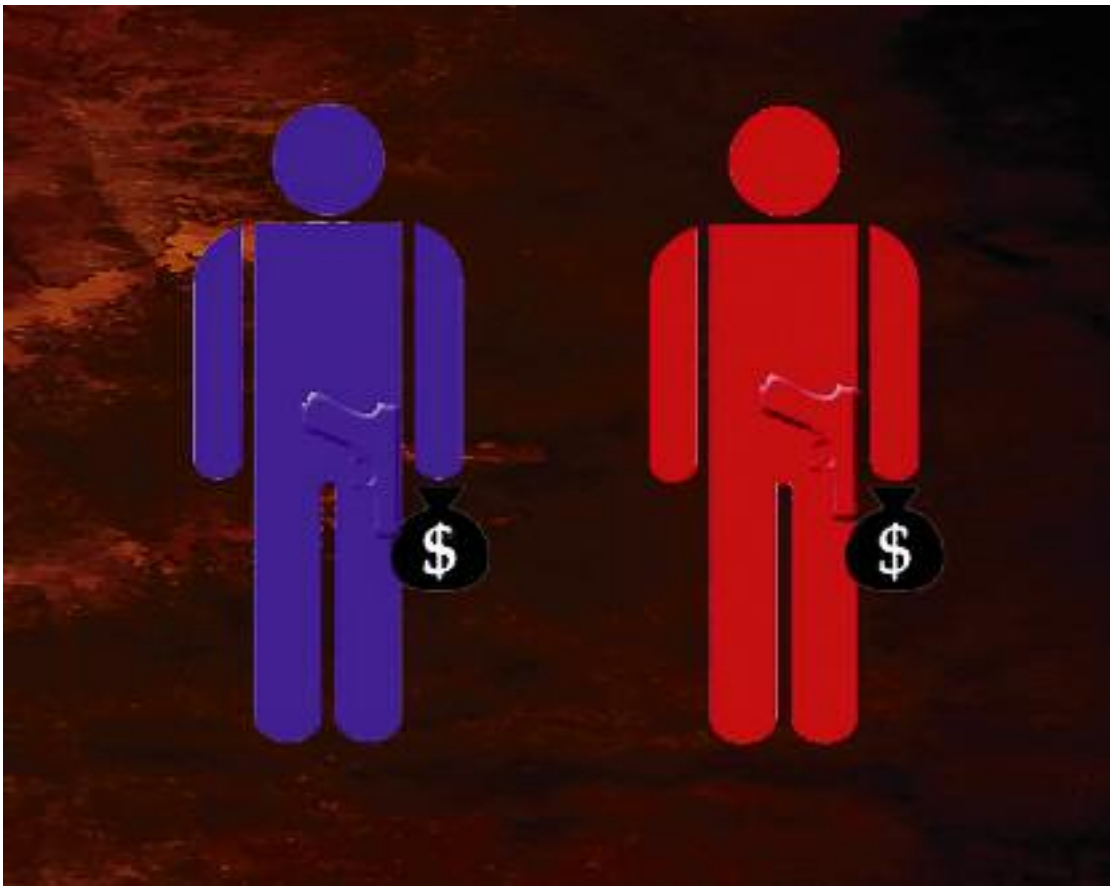
особой организационной модели развития – *мобилизационной экономики*.

Бóльшая часть мер по созданию внутреннего производства грешит неконкретностью. Например, правительство РФ обещает реализовать дорожные карты развития приоритетных межотраслевых технологий – композиционные материалы, технологии нанофотоники, биотехнологии, информационные технологии и т.д. Важную роль в этом будут играть созданные технологические платформы. При этом игнорируется тот факт, что в странах Европы уже отказываются от не оправдавших себя технологических платформ, а главное, не называются субъекты, которые будут использовать нанофотонику, биотехнологии и т.п. технологические новинки. Более того, неясно, есть ли вообще в стране предприятия, которые способны встроиться в такого рода дорожные карты.

Не учтены властями и основные принципы институциональных преобразований в условиях кризиса, а именно – высокая скорость принятия эффективных решений, их оперативная реализация, жесткий контроль и неотвратимость персональной ответственности. Несмотря на кризис, порядок работы правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти остается неизменным. На этом фоне надо сказать, что федеральная власть сделала стратегическую ошибку, выбрав малый и средний бизнес в качестве главного драйвера новой модели экономического роста. По всем признакам экспортный потенциал малого и среднего бизнеса близок к нулю, а его импортозамещающие возможности просто неизвестны.

Нынешний кризис является первым классическим капиталистическим кризисом новой России, для которого характерно перепроизводство по всем основным товарным позициям за исключением импортных продуктов. С таким кризисом руководство страны еще не сталкивалось и бороться с ним не умеет.

Сегодня в научной литературе развернулась большая дискуссия о специфике кризиса 2014 года. Видными идеологами нынешней либеральной политики российского правительства являются Владимир Мау и Алексей Улюкаев, которые в своих работах подробно раскрывает специфику современного кризиса. Однако ими игнорируется его главная особенность, которая состоит в том, что нынешний кризис является *первым классическим капиталистическим кризисом* новой России, для которого характерно перепроизводство по всем основным товарным позициям за исключением импортных продуктов. С таким кризисом руководство страны еще не сталкивалось и бороться с ним не умеет. В сложившейся ситуации регулятор должен переходить от *реактивной* политики к *проактивной* стратегии, опирающейся на известный закон Жана-Батиста Сэя – предложение порождает свой собственный спрос. Иначе говоря, надо налаживать новое, нужное стране производство товаров, которые, появившись на

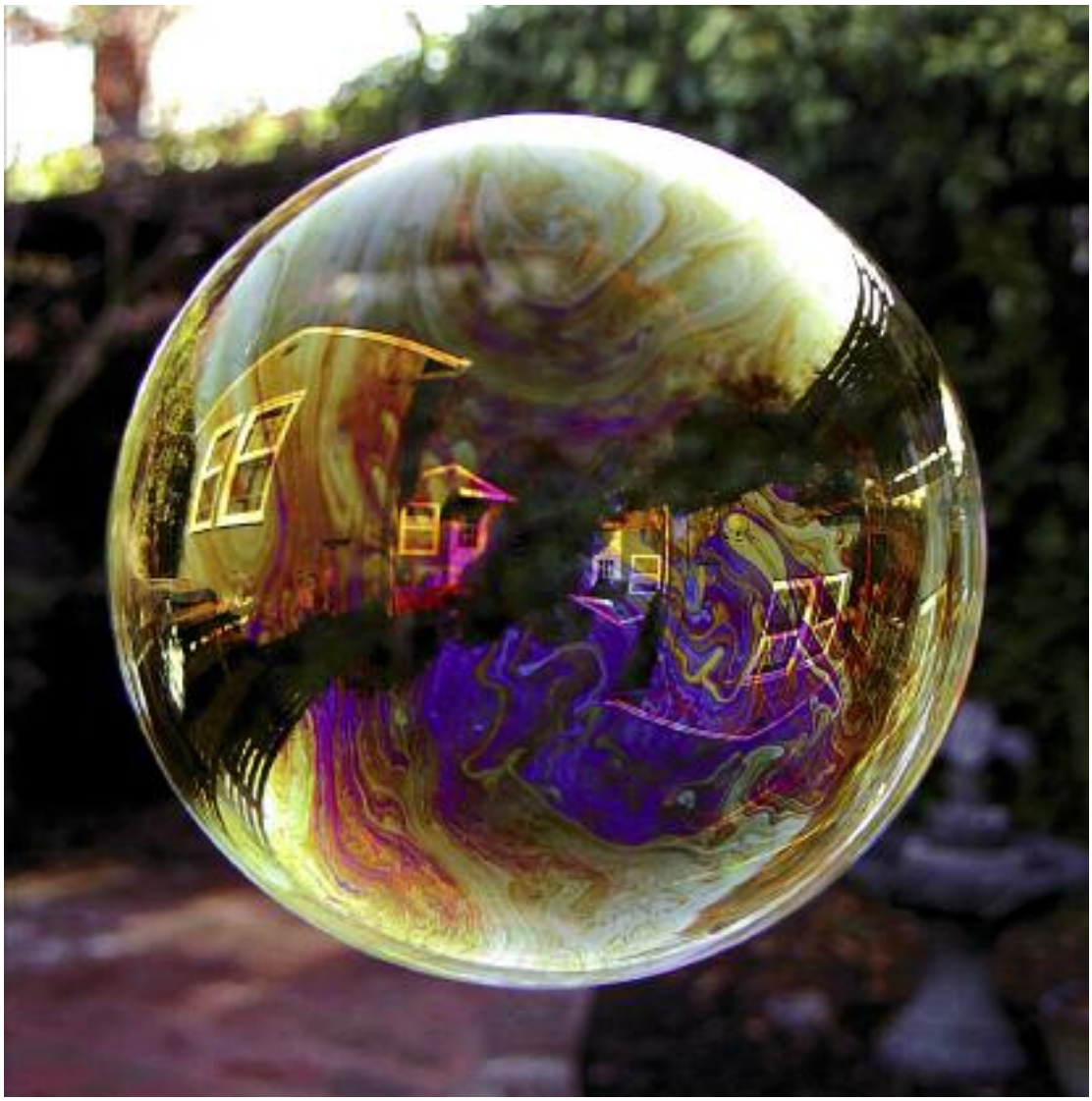


Все прошедшие годы страна и народ находились под прессом неадекватных регулятивных экспериментов со стороны властей. Главная ошибка большинства решений, принимаемых регулятором, связана с доминированием идеологии либертарианства.

прилавках магазинов, активизируют покупательную активность населения. Так происходит всегда во время капиталистических кризисов – в такие моменты спрос отсутствует, а потому он не может породить соответствующего предложения; ждать лучших времен можно сколько угодно. Несмотря на изменившуюся ситуацию, правительство продолжает линию на дальнейшую либерализацию экономики и устраняется от активного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Экономическая политика в России: от пузыря к пузырю

Все прошедшие годы страна и народ находились под прессом неадекватных регулятивных экспериментов со стороны властей. Главная ошибка большинства решений, принимаемых регулятором, связана с доминированием идеологии либертарианства. Постоянные попытки «освободить» рынок от контроля со стороны центральных органов власти в конечном счете приводили к *отраслевым кризисам* и необходимости слишком большого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Тем самым либеральная идеология на протяжении многих лет порождала *локальные кризисы* и *неритмичное государственное регулирование*. Типичным примером неудачных либеральных экспериментов служит реформа высшего образования, которая до 2008 года основывалась на либеральной идеологии с ее ошибочной целью достижения рыночного равновесия. В результате к 2008 году в стране надулся *образовательный пузырь* – с 1990 по 2008 год численность профессорско-преподавательского состава вузов увеличилась в 1,9 раза, число вузов – в 2,2 раза, а численность студентов – в 2,7 раза. За это же время численность занятых в стране уменьшилась на 6 процентов, численность населения – на 3,3 процента, а число школьников – на 32 процента. Тем самым высшая школа полностью оторвалась от реальной экономики, конечным результатом чего стал *бюджетный кризис* отрасли. Начавшееся с 2008 года сжатие численности персонала вузов привело к высвобождению за 2007–2012 годы 80 тысяч преподавателей. Тем самым на первом этапе развития отрасли имело место масштабное *дерегулирование*, которое и привело к надуванию



образовательного пузыря, а на втором – *гиперрегулирование*, принявшее в 2014 году характер обвала отрасли. Неудивительно, что такие процессы нанесли непоправимый урон качеству российского образования.

Параллельно в стране проявляют себя циклические диспропорции в профессиональной структуре кадров. Так, к началу 90-х годов в России доля инженеров в суммарной численности занятых в 3,5 раза превышала аналогичный показатель в США. Данный перекос вызвал стихийную «социализацию» образования, когда даже технические вузы начали готовить экономистов, юристов и управленцев. К настоящему моменту этот процесс достиг своего предела, в связи с чем снова запущен маховик «инженеризации» образования. И это на фоне того, что в стране нет фабрик и заводов, которые могли бы принять этих специалистов, нет конкретных планов по развитию промышленной сферы, в связи с чем уже сейчас можно констатировать, что многих сегодняшних студентов-инженеров в будущем ждет хроническая безработица.

Произошло надувание ипотечного пузыря со всеми вытекающими отсюда последствиями – к 2015 году в условиях кризиса многие клиенты банков оказались неплатежеспособными. Такой результат стал прямым следствием либеральной политики в отношении валютных ипотечных кредитов.

Аналогичный процесс развития был зафиксирован и в сфере ипотеки. Еще 10 лет назад в России не удавалось запустить ипотечные механизмы, а соответствующий кредитный рынок фактически был парализован. Бесконечные попытки «разогреть» этот рынок привели к тому, что за 2008–2014 годы число выданных ипотечных кредитов выросло в 2,6 раза, объем ипотечных кредитов – в 2,9 раза, а задолженность по ипотечным кредитам – в 3,2 раза. Тем самым всего за 6 лет рассматриваемый рынок вырос пример-

Россия представляет собой экономику с внешнеэкономической дырой, из которой вытекает накапливаемый капитал, оставляя страну с массой обедневших людей и порождаемым этим фактом комплексом социальных проблем. В таких условиях традиционные рецепты либертарианской модели не работают.

но в 3 раза; рост выданных в 2013 и 2014 годах кредитов увеличивался на 31 и 30 процентов соответственно, охватив к 2015 году более 1 миллиона жителей страны. Результатом развития подобных тенденций явилось надувание ипотечного пузыря со всеми вытекающими отсюда последствиями – к 2015 году в условиях кризиса многие клиенты банков оказались неплатежеспособными. Такой результат стал прямым следствием либеральной политики в отношении валютных ипотечных кредитов. Так, в 2008 году только 1,6 процента рублевых ипотечных кредитов оказались в разряде просроченных, тогда как по валютным займам соответствующий показатель составлял 35,7 процента. В 2014 году данные пропорции только усугубились, приведя к отказу от валютного кредитования ипотечных программ. Однако охлаждение рынка спровоцировало новую волну по поддержке активности заемщиков – в 2015 году. Правительство РФ решило выделить бюджетные средств в размере 20 миллиардов рублей на субсидирование ставок по ипотеке. Тем самым бюджетные деньги расходуются на инициирование очередного витка ипотечного пузыря.

Подобных примеров можно привести великое множество. Такое «засилье» российской экономики отраслевыми пузырями, надувание и сдувание которых почти не контролируется, приводит к росту хаотичности всех экономических и социальных процессов.

Новая мальтузианская ловушка как главная угроза

Построение экономики России на базе разрушенного социалистического строя привело к тому, что страна попала в специфический режим развития, который можно назвать «*новой мальтузианской ловушкой*», когда на фоне архаичного производства и растущего душевого дохода не

удается создать стимулы и возможности к внедрению новых технологий. До сих пор технологическое отставание остается самой острой проблемой российской экономики. Наметившийся с 2000 года рост производства оказался однобоким и неустойчивым, будучи полностью детерминированным состоянием нефтегазового сектора. Мировая история показывает, что человечество находилось в тисках мальтузианской ловушки около 10 тысяч лет с времен неолита. Попав в такое состояние, страна рискует надолго, если не навсегда, остаться в неэффективном состоянии со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом состоит главная опасность установившегося воспроизводственного режима.

Мировой опыт показывает, что выйти из мальтузианской ловушки Великобритании и другим передовым странам Европы удалось благодаря проведению в жизнь жесткой либеральной модели развития, что явилось основанием для применения этого идеологического и теоретического шаблона к России. Однако такая механистичная экстраполяция является не просто неправомерной, но и в корне ошибочной.

Разница между новой мальтузианской ловушкой, в которой оказалась Россия, и *классической мальтузианской ловушкой* состоит в разном состоянии рынков труда и капитала. (Вообще суть мальтузианской ловушки, получившей свое название по имени Томаса Мальтуса, состоит в том, что любые технологические нововведения, ведущие к росту эффективности производства и уровня жизни населения, стимулируют рост рождаемости и тем самым аннулируют достигнутое улучшение ситуации.) Если Великобритания и страны Западной Европы в колониальный период получили возможность разгружать свои рынки труда за счет вывоза избыточной рабочей силы в колонии на фоне огромных прибылей и их аккумулирования внутри метрополий, то Россия сегодня не может избавиться от «лишних» рабочих рук на фоне постоянного катастрофического оттока капитала за пределы страны. Иными словами, выход из классической мальтузианской ловушки произошел в условиях *закрытого* (для вывоза) рынка капитала и *открытого* (для вывоза) рынка труда. В России наблюдается полная инверсия ситуации – *открытый* для вывоза рынок капитала и *закрытый* для массового вывоза рабочей силы рынок труда. Фактически речь идет о том, что Россия представляет собой экономику с внешнеэкономической дырой, из которой вытекает накапливаемый капитал, оставляя страну с массой обедневших людей и порождаемым этим фактом комплексом социальных проблем. В таких условиях традиционные рецепты либертарианской модели не работают. Тем не менее в российском истеблишменте до сих пор доминирует представление о том, что либеральная модель развития является единственно возможным и правильным способом конструирования национальной экономики.

Новая идеология: теоретические основы

Почему российские экономические власти упорствуют в своем пристрастии к либертарианству?

На наш взгляд, такая приверженность ортодоксальным взглядам во многом основана на банальном игнорировании последних достижений современной экономической мысли. Например, *эволюционная теория экономической политики*, которая была создана в 2006 году академиком Виктором Полтеровичем и профессором Владимиром Поповым, недвусмысленно указывает на то, что методы регулирования должны принципиально различаться в зависимости от *стадии развития* национальной экономики. Никаких универсальных рецептов для стран, находящихся на разных этапах построения рыночной экономики, не существует и не может существовать. Весь мировой опыт показывает, что абсолютно все страны, достигшие значительных экономических успехов, использовали сложные стратегии, сочетавшие либеральные и мобилизационные принципы развития. Это Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Китай. Напомним, что в Южной Корее для предотвращения утечки капитала из страны с 1960-х годов на протяжении 20 лет действовала уголовная норма, согласно которой инвестор, нелегально вложивший за границей 1 миллион долларов, наказывался лишением свободы на срок не менее 10 лет или смертной казнью. На данном этапе своего развития Россия должна идти по этому пути. Попытка следовать упрощенным либеральным схемам лишь обостряет изъяны режима новой мальтузианской ловушки.

Опасность либертарианской модели состоит также в том, что она настраивает высший истеблишмент на первостепенное создание эффективных институтов, что может занять десятилетия, если не столетия. И лишь после этого народ вправе ожидать видимых экономических успехов. Между тем современная *теория институциональных ловушек*, созданная в России на переломе XX и XXI веков, утверждает, что экономический

рост сам выступает источником прогрессивных институциональных изменений. Таким образом, именно запуск производства является залогом успеха всей экономической модели, которая должна совершенствоваться по мере нарастания экономических успехов. Высокие темпы экономического роста «вырывают» систему из институциональной и технологической ловушек.

Более того, современная *теория реформ*, созданная совместными усилиями отечественных и западных экономистов, говорит о том, что для всестороннего экономического прогресса страна нуждается в достаточно длительном и устойчивом экономическом росте – высокие темпы роста (не менее 3-4 процентов в год) должны наблюдаться не менее 10–12 лет. Опыт показывает, что наличие такой траектории в начале XXI века позволило России преодолеть некоторые хронические проблемы, что давало надежду на последующий технологический и социальный прорыв. Однако сегодня экономический рост в стране снова прерван – во многом из-за внешних причин. Усложняющаяся геополитическая обстановка и обострение отношений России с США грозят сделать это прерывание неприемлемо длительным. Это новый глобальный вызов, перед которым стоит современная Россия. Ответом на него, на наш взгляд, должна стать *доктрина мобилизационной экономики*.

Наметившийся в конце 2014 года кризис грозит не просто застоем, но и активной рецессией. Многие сферы экономики уже подверглись кадровым рестрикциям. Если не обратить этот процесс вспять, то страна потеряет шанс на обретение своей экономической самостоятельности и идентичности. В этом контексте все усилия должны быть перенесены на активизацию *внутренних* механизмов обеспечения экономического роста.

Мобилизационная экономика, ее сущность и востребованность

Либеральная модель экономики, помимо всего прочего, предполагает наличие максимально свободного рынка, на котором побеждает наиболее конкурентоспособный товаропроизводитель. Однако за последние 25 лет российское производство по большинству товарных позиций уступает иностранным производителям, в связи с чем отсутствие барьеров на рынке ведет к вытеснению отечественных предприятий и их замене иностранными компаниями. Изменить эту ситуацию в рамках либеральной модели принципиально невозможно, ибо нельзя повысить эффективность производства, не имея этого производства; нельзя производить хорошие товары, не производя никаких товаров. Весьма проблематично совершенствовать то, чего нет (то есть производства). Сдвинуться с мертвой точки можно только за счет продуманной *временной защиты* отечественного производителя от иностранной конкуренции и оказания ему *адресной финансовой и организационной помощи*. Это возможно только в рамках мобилизационной модели экономики. Экономическая составляющая мобилизационной экономики сводится к нескольким положениям.

1. *Определение конкретных точек роста* национальной экономики – фабрик, заводов и предприятий, способных обеспечить рывок в производстве стратегических товаров и услуг.
2. *Мобилизация материальных, финансовых и организационных ресурсов* для поддержки выбранных точек роста – предоставление централизованной помощи стратегическим предприятиям.
3. *Обеспечение нормальной работы* точек роста – устранение иностранных конкурентов, охрана отечественного товарного рынка.
4. *Контроль конечных результатов* деятельности точек роста – ассортимента, количества и качества выпускаемой стратегическими предприятиями продукции.
5. Высокая *централизация принимаемых экономических решений* – мобилизация и последующее распределение ресурсов в направлении конкретных точек роста осуществляется из единого центра – антикризисного штаба.

В условиях международных санкций российская экономика должна обеспечить себя всем необходимым в течение максимум двух лет. На этот период и должны распространяться все мероприятия мобилизационной экономики. По мере нормализации ситуации программа мобилизационной экономики должна постепенно сворачиваться путем отказа от поддержки точек роста, которые к тому времени обретут конкурентоспособность даже по сравнению с лучшими иностранными производителями.

Таким образом, мобилизационная экономика должна стать тем *передаточным механизмом*, который позволит напрямую преобразовать разнообразные ресурсы страны в конечные товары и услуги. В дальнейшем активный экономический рост станет залогом последующих прогрессивных институциональных изменений.

Антикризисный центр планирования как основа новой модели развития

Задача построения мобилизационной экономики пред-

Здание Госплана СССР (на фото слева)

Задача построения мобилизационной экономики предполагает создание своеобразного антикризисного штаба, в котором принимались бы все стратегические и оперативные экономические решения. Данный Штаб должен стать несущей организационной конструкцией мобилизационной экономики страны. Роль такой организации способно выполнить Министерство экономического развития РФ – структурный наследник Госплана СССР.

полагает создание своеобразного *антикризисного штаба* (далее – Штаб), в котором принимались бы все стратегические и оперативные экономические решения. Данный Штаб должен стать несущей организационной конструкцией мобилизационной экономики страны. Роль такой организации способно выполнить Министерство экономического развития (МЭР) РФ, деятельность которого должна претерпеть существенную перестройку.

Напомним, что в Советском Союзе главным ведомством страны был Госплан СССР, который в постсоветское время был преобразован в Министерство экономики РФ, а затем в Министерство экономического развития и торговли РФ – вплоть до нынешнего МЭР РФ. Это организационное ралли было вызвано отказом от административной системы планирования и переходом к рыночным принципам управления экономикой. Однако перед лицом кризиса назрел поворот в обратную сторону – необходимо реанимировать плановые функции МЭР России и переходить к более активной политике управления структурой производства. Для этого в рамках МЭР и необходимо создать Штаб, который временно сконцентрировал бы все плановые функции и оперативные административные решения относительно реального сектора экономики.

Для «запуска» мобилизационной экономики необходим следующий комплекс мер.

Во-первых, надо определить *потребности в импортозамещающем производстве* федерального и регионального значения. Для этого должно быть проведено масштабное исследование российской экономики в разрезе основных производств для выявления степени зависимости от иностранных товаропроизводителей. Наиболее важные товарные группы должны составить *федеральный перечень потребностей*, менее важные – *региональный перечень потребностей*. Без проведения такого маркетинга невозможно

В части налогово-бюджетной политики необходимы радикальные изменения. Они касаются прежде всего проблемы превращения бюджета страны в активный инструмент структурной, инвестиционной и промышленной политики.

объективно оценить уровень угрозы со стороны международных санкций и возможного экономического эмбарго. Во-вторых, Штаб должен в самые сжатые сроки провести «полевую», то есть с выездом на конкретные производственные объекты, *инвентаризацию* российских предприятий на наличие у них возможностей к импортозамещению и несырьевому экспорту. Эта задача является первоочередной, так как перед лицом масштабного импортозамещения МЭР не имеет ясного представления о том, какие же именно отрасли и производства будут осуществлять таковое. Нет у МЭР и никаких оценок объема новых производства, его динамики и номенклатуры. Подобная инвентаризация позволит определить конкретные *точки роста* российской экономики, то есть те предприятия, фабрики и заводы, которые в дальнейшем будут наращивать свое производство для осуществления запланированного импортозамещения. В случае отсутствия готовых производственных объектов для обеспечения страны стратегически значимой продукцией необходимо наметить создание новых предприятий и их конкретную географическую дислокацию.

В-третьих, требуется составление и утверждение специальной подробной *федеральной дорожной карты* в разрезе конкретных импортозамещающих производств – точек роста. В данном документе все намеченные мероприятия должны быть подробно расписаны по срокам и географии с указанием намеченных параметров динамики планируемых объемов производства. Тем самым разработанная дорожная карта будет выступать в качестве плана-графика импортозамещения.

В-четвертых, федеральная дорожная карта импортозамещения должна быть дополнена специальным *планом поддержки*, в котором будут прописаны объемы финансовой, ресурсной и организационной поддержки всех импортозамещающих предприятий, вошедших в дорожную карту. Одновременно с этим в планах поддержки должны быть определены федеральные органы, курирующие соответствующие предприятия, и регламентирована *персональная ответственность* (включая уголовную) за реализацию намеченных планов как со стороны органов власти (чиновников), так и со стороны руководства предприятий (хозяйственников). Такие планы поддержки позволят запустить масштабные инвестиционные проекты в целях импортозамещения,

которые должны позволить в течение года-двух развернуть на территории России новые производства.

В-пятых, планы поддержки должны получить особое *нормативно-правовое сопровождение*, поскольку многие инвестиционные проекты предполагают принятие дополнительных правовых актов. Намеченные в планах поддержки меры позволят превратить нормативные документы не в сборники абстрактных призывов, а в руководство к действию.

В-шестых, необходимо организовать систему *подготовки кадров* для запускаемых импортозамещающих производств. Для этого необходимо произвести инвентаризацию персонала отобранных предприятий для выявления возможной нехватки отдельных специалистов и на этой основе разработать *план по подготовке и переподготовке кадров*, строго привязанный к дорожной карте импортозамещающих производств. В данном плане должны быть определены динамика подготовки специалистов разных профессий, заведения, в которых они пройдут обучение, и источники финансирования данных программ. При отсутствии отечественных кадров должны быть намечены масштабы приглашенных специалистов из-за рубежа и необходимые для этого затраты.

В-седьмых, Штаб должен организовать работу по обеспечению *взаимодействия с региональными администрациями* по подготовке и реализации региональных планов импортозамещения для товаров регионального значения. Данная работа возлагается на региональные агентства развития, которые созданы почти во всех субъектах Федерации и уже на протяжении нескольких лет ищут и запускают перспективные инвестиционные проекты на своих территориях. В данном случае речь идет об оформлении поисковой работы в ясные *региональные планы* по производству местным бизнесом товаров-заменителей иностранной продукции. Региональные администрации должны отчитываться по этим планам непосредственно перед Штабом. Реализация указанной меры позволит подключить к крупным федеральным проектам малый и средний бизнес, который, помимо всего прочего, будет выполнять и функцию по обеспечению самозанятости населения в условиях ожидаемого роста безработицы.

Состав Штаба должен быть таким, чтобы опираться на людей, имеющих опыт мобилизационных действий и разделяющих эту точку зрения. Помимо кадровых чиновников МЭР, туда должны войти директора крупных предприятий, которые положительно зарекомендовали себя на рынке.

Функции и полномочия Штаба должны быть весьма широкими. Именно этот орган должен взять на себя адресное «расписывание» больших сумм бюджетных денег, которые в настоящее время неэффективно распыляются на сомнительные нужды. Для примера приведем динамику траншей бюджетных денег для продвижения российских государственных университетов в мировые рейтинги вузов «Топ-100»: 2013 год – 9,0 миллиарда рублей; 2014-й – 10,5; 2015-й – 10,0; 2016-й – 12,5. В условиях международных санкций тратить такие средства на выполнение международных стандартов представляется не вполне оправданным. В этом смысле Штаб должен обеспечить функцию формирования инвестиционной составляющей государственного бюджета.

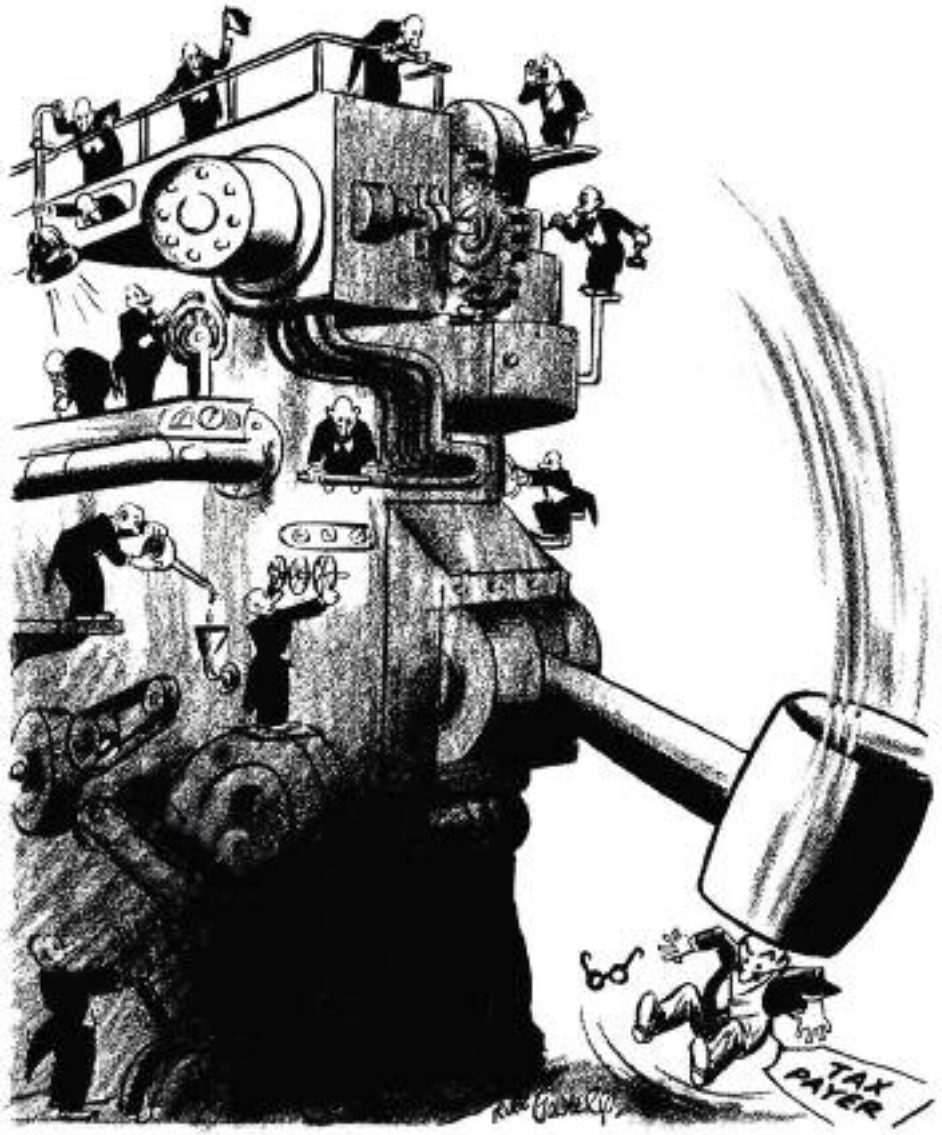
В качестве участников всех решений Штаб должен привлекать представителей отраслевых министерств – Минсельхоза и Минпрома – и работников из государственных компаний. Фактически министерские чиновники должны быть временно командированы на работу в Штаб. Тем самым новый орган будет выполнять свои функции, опираясь на готовый аппарат профильных отраслевых министерств. МЭР должно не только формировать план развития экономики в форме проектов, санкционированных Штабом, но и начать заблаговременную работу по поддержке этих проектов со стороны смежных производств и сетей сбыта в форме *индикативных планов*. Речь идет о том, что на мобилизационный период в 2 года Штаб должен доминировать в российской экономике.

Если указанные предложения будут реализованы, то вместо «ползучего» импортозамещения в стране появится хорошо очерченное ядро экономического роста.

Внешнеторговая политика и селективный протекционизм

Создание Штаба в качестве центра управления экономикой само по себе еще не решает проблемы эффективного разворачивания мобилизационной экономики. Для обеспечения действенности выбранного курса необходимо реформировать государственную политику по всем направлениям. Эта работа нам видится следующим образом.

Деятельность регулятора должна быть перестроена так, чтобы обеспечить комфортные условия отечественному производителю. Только в этом случае Штаб сможет выполнить свою миссию, а экономические субъекты сумеют проявить свою активность. Первым шагом на этом пути является признание ошибочно-



Необходимо введение прогрессивного подоходного налога. Налоговая шкала должна включать 4-5 дифференцированных ставок от 13 до 40 процентов.

сти решения руководства страны о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО). В настоящий момент данная акция не имеет никаких экономических оправданий: ресурсный экспорт не требует участия в ВТО, а российское производство глубокой переработки является менее эффективным по сравнению с зарубежными аналогами и тем самым порождает беспрепятственное проникновение иностранных товаров на российский рынок. В такой ситуации необходимо либо *де-юре* отказаться от членства в ВТО, что в условиях международных санкций выглядит вполне оправданным, либо *де-факто* игнорировать свое членство в данной организации и проводить политику *ограниченного протекционизма*. Указанный принцип предполагает, что ограничения неравномерно действуют по трем направлениями – по товарным позициям, по странам происхождения товаров и по величине таможенных пошлин.

Введение запретительных (очень высоких) импортных пошлин должно распространяться на товарные позиции, определяемые на основе составленной Штабом *федеральной дорожной карты* в разрезе конкретных импортозамещающих производств. То есть то, что будет поддерживаться государством и производиться внутри страны, должно быть на некоторое время ограждено от деструктивной конкуренции со стороны иностранных производителей. Остальные товарные позиции могут либо вообще не ограничиваться импортными пошлинами, либо защищаться с помощью небольших тарифов. Штаб должен разработать список товаров с ограниченным регулированием импортными пошлинами. Одновременно должны быть приняты меры по реализации географических приоритетов – из некоторых стран мира импорт недопустим, из других – допустим с теми или иными ограничениями.

Подобные меры не противоречат современной международной практике. Например, сегодня в Индии на многие товарные позиции импорта действует ввозная пошлина в 150 процентов, а некоторое время назад эта величина была поистине баснословной – 450 процентов. Данный пример показывает, насколько бескомпромиссной может быть внешнеторговая политика стран, вставших на путь поддержки отечественного производства. Нет никаких серьезных причин, препятствующих России в условиях надвигающегося экономического кризиса и введенных международных санкций воспользоваться этим инструментом государственного регулирования.

Активная бюджетная политика

В части налогово-бюджетной политики необходимы ради-

кальные изменения. Они касаются прежде всего проблемы превращения бюджета страны в активный инструмент структурной, инвестиционной и промышленной политики. До последнего времени бюджетные инвестиции составляли около 5 процентов всех расходов бюджета. Тем самым бюджет страны преследовал чисто *тактические* цели по поддержанию нормального функционирования основных звеньев экономики. В нем была очень слабо представлена *стратегическая* составляющая, направленная на активизацию развития перспективных отраслей народного хозяйства. Предполагаемый структурный маневр в бюджетных расходах требует проведения в жизнь следующих принципов.

1. Увеличения доли *инвестиционной составляющей* в расходах консолидированного бюджета. Это может быть достигнуто за счет пересмотра политики пополнения бюджета внебюджетными ресурсами из Резервного фонда и перераспределения бюджетных средств между производственной и непроизводственной сферами. Целевой ориентир инвестиционной доли – 10 процентов, то есть необходимо увеличение бюджетных инвестиций примерной в 2 раза, что эквивалентно абсолютному приросту в 800 миллиардов рублей. Учитывая мультипликатор бюджетных инвестиций, эта сумма позволит резко увеличить долю накоплений.

2. Перехода к *дефицитному финансированию* бюджета с погашением дефицита за счет активизации долговых инструментов и Резервного фонда.

3. Увеличения доли *Фонда национального благосостояния*, используемой на кредитование инфраструктурных и стратегических производственных проектов, до 30 процентов от его общей величины, то есть предполагается трехкратное увеличение, равное абсолютному приросту в 800 миллиардов рублей.

4. Введения *прогрессивного подоходного налога*. Налоговая шкала должна включать 4-5 дифференцированных ставок от 13 до 40 процентов.

5. Отнесения не слишком дорогого оборудования не к основным, а к *оборотным* средствам. В США к такому оборудованию относятся технологии стоимостью до 2 миллионов долларов, которые списываются на себестоимость продукции и не подлежат амортизации. Для России можно установить критическую сумму стоимости оборудования в 1 миллион долларов.

6. Введения радикального сокращения нормативов *ускоренной амортизации* нового оборудования. Многие новые технологии нуждаются в сокращении сроков службы до 3-4 лет. За эти годы инвестиции в производственные фонды должны полностью возвращаться, что будет содействовать инвестиционной активности предпринимателей. Максимальное распространение ускоренная амортизация должна получить в отраслях промышленности и прежде всего в машиностроении.

7. Введения *налоговых льгот в отношении реинвестируемой прибыли* предприятий. Региональным властям необходимо снижать налог на прибыль с ныне действующих 18 процентов до 5–10 процентов при условии, что эта прибыль будет реинвестирована на закупку производственного оборудования.

8. *Упрощения процедур* налогового администрирования и налоговой отчетности. Во многих случаях ведение бухгалтерии становится для бизнеса тяжким грузом. Так, в 2012 году завод «Ростсельмаш» предоставил фискальным органам в копиях около 41 тысячи документов и «пережил» 167 проверок. Такие случаи должны быть исключены за счет разработки и внедрения новых, более экономных форм налоговой отчетности.

Одновременно с этим выделенные бюджетные инвестиции должны быть жестко «привязаны» к точкам роста, определенным Штабом. Обеспечение такой привязки и контроль эффективности выделяемых средств должны взять на себя Штаб и Министерство финансов РФ. Причем Министерство финансов должно обеспечить план-график финансирования соответствующих предприятий и возврат бюджетных кредитов, а Штабу следует осуществлять контроль производственных планов, включая качество продукции.

Особое значение имеют точки роста, определенные Штабом, для целевого внедрения инструментов ускоренной амортизации и льгот по налогу на прибыль. В этом случае предприятия, «заряженные» на замещение импортной продукции, будут получать льготы, которые ускорят производство отечественной продукции. Остальные предприятия не должны злоупотреблять вводимыми льготами.

Данные меры позволят превратить бюджетную политику в полноценный инструмент обеспечения активного импортозамещения.

Денежно-кредитная политика: стимулирование реального производства

Денежно-кредитная политика монетарных властей страны в последние годы подвергалась наиболее серьезной критике – в этой сфере регулирования накопилось множество серьезных проблем. В связи с этим необходимо пе-

Денежно-кредитная политика монетарных властей страны в последние годы подвергалась наиболее серьезной критике – в этой сфере регулирования накопилось множество серьезных проблем. В связи с этим необходимо пересмотреть ключевые ориентиры в деятельности Центрального банка России.

ресмотреть ключевые ориентиры в деятельности Центрального банка (ЦБ) России. Минимальный набор требований к обновленной политике регулятора видится следующим образом.

1. Официальное включение в перечень целей деятельности ЦБ России *задачи поддержания экономического роста*. Речь идет о том, что ЦБ отныне не должен бороться с инфляцией в ущерб экономической активности хозяйствующих субъектов. Деятельность ЦБ должна превратиться из однопараметрической (соблюдение финансовой стабильности) в двухпараметрическую (плюс поддержание экономического роста). Макрорегулятор должен сообразовывать свои действия с тем, чтобы не нанести ущерба производственной активности экономической системы.

2. Осуществление перехода к политике *низких процентных ставок*. Стимулирование внутреннего производства вообще и импортозамещающих производств в частности возможно только при умеренных кредитных ставках. В связи с этим ключевая ставка ЦБ должна максимально приближаться к ставке рефинансирования и находиться в интервале 3–5 процентов, что позволит выйти на современные международные стандарты и создать конкурентные условия для российских товаропроизводителей. Недопустимо, чтобы ставка рефинансирования была выше величины рентабельности производства в какой-либо отрасли российской экономики. Такой подход является оправданным, ибо все последние экономические исследования убедительно показывают, что рост процентных ставок неизменно отрицательно сказывался на темпах

экономического роста и наоборот – снижение ставок стимулировало внутреннее производство. Наиболее активным критиком деятельности ЦБ с чисто научной точки зрения стал советник президента Российской Федерации по вопросам региональной экономической интеграции Сергей Глазьев.

3. Фиксация на законодательном уровне предельного размера *банковской маржи* как разницы между депозитной и кредитной ставками на уровне 3-4 процентов. С учетом величины ставки рефинансирования кредитная ставка банков может быть доведена до 7–9 процентов, что даст возможность осуществлять массированное кредитование реального сектора экономики.

4. Обеспечение постепенного *повышения монетизации ВВП* и внутреннего производства. Необходимо отказаться от сдерживания инфляции с помощью неоправданного ограничения денежной эмиссии. Подавляющее число исследований отечественных и зарубежных экономистов показывает, что прямой связи между инфляцией и денежной массой не существует на фоне того, что в России наблюдается очень низкая монетизация ВВП по сравнению в развитыми странами мира. В связи с этим необходимо дальнейшее насыщение ликвидностью российской экономики. Только в этом случае импортозамещающие производства смогут получить кредиты в нужном объеме.

5. Резкое *увеличение сроков кредитования* ЦБ коммерческих банков и доведение этих сроков до 6-7 лет, что является естественной длительностью производственного цикла большинства отраслей реального сектора экономики. Такие длинные кредиты должны «провязываться» залогами кредитных требований банков к производственным предприятиям. Параллельно необходимо расширить объемы кредитов и сроки кредитования, что делается через институты развития для целевой поддержки импортозамещающих производств.

6. Активизация *кредитной активности институтов развития* в направлении финансирования точек роста, определенных Штабом. Целесообразно расширить число уполномоченных банков, вовлеченных в кредитование импортозамещающих производств.

7. Сокращение *финансовых цепочек посредников* при осуществлении мер государственной поддержки (государственные гарантии, финансовая помощь банкам и т.п.). В противном случае эффективность финансовых каналов будет по-прежнему очень низкой. Например, в 2009 году было согласовано гарантий по кредитам оборонным и стратегическим предприятиям на 300 миллиардов рублей, а выдано к концу 2009 года лишь на 10 миллиардов.

8. Обеспечение тотального *доминирования рубля* во всех видах хозяйственных операций по сравнению со всеми иностранными валютами. Для этого следует осуществить переход во взаимных расчетах со странами СНГ на рубли, со странами ЕС – на рубли и евро, с Китаем – на рубли и юани и т.д. Кроме того, надо организовать биржевую торговлю нефтью, нефтепродуктами, лесом, минеральными удобрениями, металлами, другими сырьевыми товарами в рублях.

9. Перекрытие всех каналов *вывоза капитала*. Данная мера подразумевает введение контроля за трансграничными операциями капитального характера посредством открытого лицензирования. В отношении сомнительных операций допустимо введение процедуры аргументированного обоснования операций по вывозу капитала с точки зрения пользы для развития российской экономики. Вообще говоря, политика валютных ограничений является ядром мобилизационной экономики. Так, в послевоенной Японии вся экспортная выручка поступала на государственный валютный счет и выдавалась предприятиям под строго оговоренные сделки – на покупку сырья для приоритетных отраслей, новейшего иностранного оборудования или лицензий. В результате японская экономика вышла к 1955 году на довоенный уровень и в течение следующих 15 лет росла среднегодовым темпом в 10 процентов. Сегодня даже Международный валютный фонд признает допустимость и целесообразность контроля за движением капитала в развивающихся странах.

Антимонопольная политика

Активная бюджетная политика наряду с более агрессивной кредитной политикой ЦБ таит в себе определенный инфляционный потенциал, который при отсутствии должного контроля и регулирования может перейти в неуправляемый рост цен. В связи с этим возрастает роль Федеральной антимонопольной службы (ФАС) в мониторинге рыночных цен. В условиях мобилизационной экономики полномочия ФАС должны быть подкреплены некоторыми дополнительными полномочиями. Для этого необходимо реализовать следующие мероприятия.

1. *Расширить общее поле надзора* за товарным рынком со стороны ФАС, то есть помимо традиционных сегментов рынка ФАС должна особое внимание уделить контролю рынков, на которых дей-

Необходимы упрощение пенсионной системы и обеспечение доминирования солидарной схемы начисления пенсий. Для этого следует отказаться от накопительной составляющей в государственном пенсионном обеспечении.

ствуют точки роста – определенные Штабом импортозамещающие производства. На этих рынках недопустимы проявления как демпинга, который не позволит «подняться» точкам роста и воспрепятствует импортозамещению, так и завышения цен, ведущего к неправомерному обогащению точек роста и ухудшению положения потребителя. Такой контроль позволит, с одной стороны, оградить точки роста от разрушительной конкуренции с иностранными производствами, а с другой – предотвратить злоупотребление ими своим особым положением.

2. Ввести *превентивную процедуру* антимонопольного расследования в форме выдачи ФАС предписания предприятиям, замеченным в завышении цен, о необходимости нормализации (восстановления исходных значений) цен. При отсутствии реакции со стороны таких предприятий (в течение 1 недели) должна начинаться процедура антимонопольного расследования, срок которой должен быть максимально сокращен (до 1 месяца). Это позволит оперативно корректировать ценовую картину на рынке в случае возникновения неоправданных инфляционных искажений.

3. Зафиксировать *предельный норматив торговой наценки* для торговых организаций (не более 40 процентов). Превышение данного норматива должно трактоваться как неправомерное завышение цен в результате сговора или монопольного положения на рынке.

4. Установить *повышенные штрафы* за нарушение антимонопольного законодательства, предусматривающие полное возвращение дохода, полученного в результате завышения цен, плюс штраф в виде процента от данного дохода (до 30 процентов).

Сдерживание ФАС цен позволит поддержать спрос на товары и услуги, который в свою очередь будет способствовать наращиванию объема производства и выполнению планов по намеченному импортозамещению. Такая политика является нормальным явлением для стран, осуществляющих индустриальный скачок. Напомним, что в Южной Корее в 1986 году под государственным контролем находились цены на 110 товаров – на муку, сахар, кофе, красный перец, электроэнергию, газ, сталь, продукцию химической промышленности, бумагу, лекарства, нейлоновые носки, автомобили, телевизоры и т.д.

Социальная и кадровая политика

В социальной политике России последних десятилетий возникло множество вопиющих перекосов. Например, в 2013 году ректор российского государственного вуза – Всероссийской академии внешней торговли – имел доход в 1,2 миллиона долларов, что на одну треть больше, чем у главы самого престижного университета в мире – Гарварда. Последние исследования показывают, что отношение доходов ректора и заработков профессорско-преподавательского состава в России в 2012 году в среднем составляло 13,5 раза, а в некоторых вузах (например, в Самарском государственном техническом университете) оно достигало 46 раз, тогда как в Гарвардском университете оно находится в пределах 4–6 раз, а в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA) составляет всего 3 раза. Таким образом, неравенство в заработках руководителей и преподавателей российских *государственных* вузов гораздо больше, чем в американских *частных* университетах. Тем самым можно констатировать, что заработки на государственных предприятиях страны ушли в свободное плавание, полностью оторвавшись от реальности. С таким положением дел нельзя мириться, так как оно деморализует не только низшие и средние звенья работников, но и высшие эшелоны государственного менеджмента.

Для устранения возникших перекосов необходимо ввести предельный норматив в соотношении доходов руководителей государственных предприятий и учреждений и низовых должностей работников, который должен составлять 7-8 раз (*разрыв между максимальной и минимальной зарплатой на предприятии*). Параллельно должен быть введен предельный коэффициент в соотношении заработков руководителей государственных предприятий и средней зарплаты персонала этих предприятий, который должен составлять 5-6 раз (*разрыв между максимальной и средней зарплатой на предприятии*). Возможность руководящего состава получать более высокие зарплаты должна подкрепляться более высокими заработками и у других категорий работников вверенного им предприятия. Предлагаемый предельный норматив в разнице заработков должен распространяться на все должности, включая приглашенных *иностранных специалистов*. Данный принцип является революционным для современной России и выступает в качестве основы новой модели справедливой социальной политики.

Другим шагом в выправлении социальных диспропорций является распространение указанных двух нормативов на частный сектор. Данная мера должна принять форму рекомендуемых нормативов для предприятий частного сектора. В случае игнорирования таких нормативов и слишком большого отклонения от них предприятия должны лишаться всех преференций и льгот, которые могли бы быть ими получены в силу отраслевой специфики.

Следующая мера социальной политики предполагает упрощение пенсионной системы и обеспечение доминирования *солидарной схемы начисления пенсий*. Для этого необходимо отказаться от накопительной составляющей в государственном пенсионном обеспечении, что позволит стабилизировать уровень пенсий и сократить хронический дефицит Пенсионного фонда на 650–700 миллиардов рублей в ближайшие три года. Одновременно необходимо неукоснительно продолжать практику индексации пенсий в соответствии с официальным уровнем инфляции.

Параллельно надлежит внедрить в жизнь *принцип вертикальной ротации* управленческого состава всех уровней и разновидностей. Суть этого принципа состоит в том, что руководитель ведомства или государственного предприятия/учреждения в случае невыполнения возложенных на него конкретных задач должен быть «разжалован» путем лишения его высокой должности без предоставления иной аналогичной в другом ведомстве (предприятии/учреждении). Тем самым ликвидируется доминирующий многие годы в стране *принцип горизонтальной ротации* управленцев, когда провал администратора приводил к его горизонтальному перемещению в иное учреждение. Особенно жестким образом данный принцип должен проводиться в отношении лиц, ответственных за проведение в жизнь задачи импортозамещения. Санкции за невыполнение планов по импортозамещению должны касаться как государственных служащих, так и руководителей предприятий, особенно точек роста.

В сфере *трудовой миграции* перед лицом грозящей масштабной безработицы следует ввести почти полный запрет на ввоз иностранной рабочей силы. Все сегменты национальной экономики должны быть перестроены под отечественных работников. Въезд иностранных работников в страну должен строго регламентироваться Министерством труда РФ и контролироваться Федеральной миграционной службой (ФМС) РФ. Все нарушения по приему и трудоустройству иностранной рабочей силы должны быть срочно регламентированы и

караться в соответствии с принятыми нормами. Необходимо обеспечить контроль со стороны ФМС России и МВД России за всеми нарушениями нового регламента с учетом оперативной реакции на поступающие жалобы от населения на невозможность устроиться на работу из-за наличия иностранных работников. ФМС России должно быть предоставлено право отстранять от должности руководителей предприятий, которые нарушают установленный миграционный режим.

Дополнением к указанной мере должно стать создание в составе Министерства труда РФ специального *Мобилизационного центра занятости* (МЦЗ), который будет обеспечивать быстрое перемещение людей, потерявших работу, на импортозамещающие производства с достаточно хорошими условиями. Данный орган должен работать в непосредственной связке с Штабом, получая, с одной стороны, оперативную информацию о числе и составе безработных на рынке труда, а с другой – информацию от Штаба о существующих вакансиях на предприятиях приоритетных импортозамещающих производств. При необходимости МЦЗ должен обеспечить оперативную переподготовку кадров для занятия ими соответствующих рабочих мест. В этих целях ему следует активно взаимодействовать с Министерством образования и науки РФ, в котором также должен быть создан *Мобилизационный центр подготовки и переподготовки кадров* (МЦППК), курирующий работу вузов страны по приоритетным направлениям, связанным с импортозамещением.

Данная мера является сегодня востребованной, так как процесс масштабного высвобождения кадров уже начался. По нашим оценкам, через 3-4 года численность только преподавателей государственных вузов может сократиться по крайней мере на 100 тысяч человек. На сегодняшний день эту армию относительно квалифицированных людей деть просто некуда, что и предопределяет необходимость создания МЦЗ и МЦППК.

Оптимизация работы государственного сектора

Накопившиеся проблемы в государственном секторе нуждаются в коренной ликвидации. Здесь необходимо сконцентрировать усилия на *дебюрократизации экономики* и *борьбе с коррупцией*. В последнее время почти все звенья госсектора испытывают удушающее влияние бюрократии. Так, по экспертным оценкам, во многих вузах страны бюрократический документооборот за 2010–2013 годы возрос в 4 раза, а за 2013–2015 годы – еще в полтора раза. В результате такого положения дел сотрудники многих государственных учреждений уже не могут нормально работать, будучи вынужденными постоянно отвлекаться на собирание и оформление различных документов. Эта «бумажная болезнь» особенно сильно поразила все структуры госсектора в последние 5 лет. В связи с этим необходимо провести полную инвентаризацию всех федеральных ведомств на предмет ликвидации избыточных регламентов и отчетности. Контроль подведомственных предприятий должен базироваться на контроле конечных результатов их работы, а не массы промежуточных показателей и параметров. Результаты инвентаризации должны дать сокращение документооборота и «бумажной нагрузки» на работников предприятий в 3-4 раза с последующим закреплением обязательного предписания государственным ведомствам не увеличивать ее на протяжении 10 лет. Все ведомства должны работать в рамках строго ограниченного набора отчетных показателей деятельности своих подведомственных предприятий. Принцип сокращения бюрократической отчетности должен по цепочке распространяться на всех участников экономики вплоть до рядового работника государственного учреждения.

В борьбе с коррупцией предстоит перестроить систему расследований и судопроизводства для обеспечения *неотвратимости наказания* за нарушение закона. Для этого должны быть ужесточены нормы уголовного и административного наказаний за коррупционные преступления, введен принцип обязательного наказания в виде реальных сроков лишения свободы лиц, признанных виновными в коррупции. Данная мера опять-таки находится в русле реформ, направленных на «расчистку» производственной активности системы. В связи с этим укажем на опыт Китая, где с 2000 года было расстреляно за коррупцию около 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10–20 лет заключения. Всего за 30 лет реформ к уголовной ответственности за взяточничество были привлечены около миллиона сотрудников партийно-государственного аппарата. Одновременно с этим необходимо бороться со всеми видами мошенничества, где образцом может служить опять-таки Китай, где в 1994 году была ликвидирована первая и единственная финансовая пирамида: трое ее создателей были отданы под суд и публично расстреляны, а число обманутых вкладчиков составило в КНР всего 236 человек, тогда как в России оно исчисляется сотнями тысяч.

К мобилизационной экономике… и обратно

Все перечисленные меры позволят перейти в режим мобилизационной экономики. При этом подчеркнем, что данная доктрина не является прерогативой какой-либо конкретной политической партии – ее могут разделять весьма непохожие друг на друга политические группы. Отчасти это связано с тем, что подобный режим изначально является временным и должен длиться не более 3 лет, после чего из него следует мягко выйти.

Переход к мобилизационной экономике (МЭ) предполагает построение специальных институтов, с помощью которых можно осуществлять мониторинг функционирования и управление ростом определенных производств. Однако по истечении мобилизационного периода (не более 3 лет) должен происходить демонтаж наиболее жестких институтов новой модели роста. Иными словами, в самом начале процесса построения МЭ уже проектируется ее *институциональный реверс*, или *«обратная» трансплантация рыночных институтов*. Это означает, что полный жизненный цикл МЭ предполагает не только ее создание и расцвет, но и ликвидацию. И все эти стадии изначально жестко планируются, а намеченные планы реализуются в соответствии с графиком производственных достижений. На практике демонтаж МЭ можно осуществлять путем подключения дополнительных предприятий к выгодному производству стратегически важных товаров с одновременным ослаблением контроля над основными производителями. С этого момента можно будет переходить на режим создания выгодных условий для производителя, к которым уже сегодня пытается преждевременно прибегнуть российское правительство.

Накопившиеся проблемы в государственном секторе нуждаются в коренной ликвидации. Здесь необходимо сконцентрировать усилия на дебюрократизации экономики и борьбе с коррупцией.

Ослабление контроля над предприятиями следует проводить по простой схеме: каждый год постепенно уменьшать процент централизованно выделяемых им ресурсов и централизованно закупаемой продукции. Именно так происходило в Китае при переходе предприятий от обслуживания государства к обслуживанию рынка.

Главная опасность феномена МЭ состоит в том, что, будучи однажды создана, она *стремится сохраняться неопределенно долгий срок*. Однако в данном случае будут действовать два обстоятельства, препятствующие такому развитию событий. Во-первых, наличие планов по демонтажу МЭ. Во-вторых, запущенный с помощью МЭ экономический рост сам будет требовать институциональных реформ рыночного типа и тем самым способствовать отмене мобилизационного режима.

Следует оговорить, что плановый «слом» МЭ *не должен быть тотальным*. Например, созданная в ходе построения МЭ система полевой инвентаризации важных производств, налаженный статистический учет их деятельности и новые каналы коммуникации власти и бизнеса должны быть сохранены еще на долгий срок. Это те элементы системы государственного управления, которых России хронически не хватало последние 25 лет.

Александр Эрвинович Айвазов – независимый аналитик

Может ли либеральное правительство вывести Россию из кризиса?

Российское правительство внесло в Госдуму скорректированный бюджет на 2015 год с учетом углубления кризиса, падения нефтяных цен и западных санкций, так как по расчетам Минфина доходная часть бюджета недосчитается в этом году порядка 3,5–4 триллионов рублей. Исходя из этого, правительство РФ предлагает сократить некоторые статьи бюджета, заморозить начало строительства новых крупных инфраструктурных и других объектов, не повышать зарплаты бюджетникам, не выплачивать пенсии работающим пенсионерам с уровнем ежегодных доходов более чем в 1 миллион рублей и т.д. Возникает вопрос: принесут ли эти действия правительства РФ ожидаемый эффект и какие возможны иные действия в данной экономической ситуации? Экономическая теория говорит нам, что в условиях падения доходов государственного бюджета из данной ситуации возможны четыре основных выхода.

Во-первых, пропорциональный секвестр расходной части госбюджета, или, проще говоря, сокращение запланированных расходов бюджета, чтобы сбалансировать расходные части бюджета с уровнем снижающихся доходов.

Во-вторых, эмиссия государственных облигаций и привлечение необходимых для погашения бюджетного дефицита средств как с внутренних, так и с мировых финансовых рынков, то есть заимствования у банков и глобальных финансовых спекулянтов.

В-третьих, увеличение налогов для пополнения доходной части бюджета с целью сбалансирования ее с расходной частью.

В-четвертых, эмиссия денег, то есть использование печатного станка для покрытия бюджетного дефицита.

Рассмотрим плюсы и минусы каждой из этих мер и то, как их интерпретируют главные течения мировой экономической мысли – либеральный мейнстрим и этатистское кейнсианство. Только предварительно

необходимо сделать небольшое уточнение: либеральный мейнстрим утверждает, что либерализм и рыночные отношения – это тождественные понятия, что абсолютно противоречит всей мировой экономической истории. Кейнсианство, как и до него меркантилизм, – это такие же рыночные модели экономического развития, как и либерализм, отличающиеся только одним – ролью государства в экономике: или «защитник, регулятор и контролер» – или «ночной сторож».

Сокращение расходов

В подтверждение этой меры со стороны либерального мейнстрима мы услышим массу пошлых банальностей, состоящих из не к месту употребленных поговорок (типа «по одежке нужно протягивать ножки») и увещеваний (вроде «в долг жить нехорошо, надо затянуть пояса»). И особенно часто либералы любят повторять, что в условиях кризиса необходимо в первую очередь сокращать расходы на социальные нужды – ликвидировать «совковый собес». Но действительно ли государство должно тратить меньше или же государственные расходы должны быть максимально эффективными и уменьшающими источники коррупции и казнокрадства? А расходы на оборону и социальные статьи – это бюджетный балласт или дополнительный стимул для общественного развития и роста ВВП?

И вот тут либералы и кейнсианцы (так в дальнейшем будем именовать государственников) приходят к прямо противоположным выводам. Бог для либералов – это рынок, а государство – лишь один из инструментов, его обслуживающих. Их девиз: «Laissez faire, laissez passer», – что в вольном переводе означает: предоставь свободу действовать, а «невидимая рука рынка» всё расставит по своим местам. Если оптимальная политика требует оставить рынок в покое, чтобы «невидимая рука рынка» всё расставила по своим местам, то государство воспринимается скорее как враг, которого надо всемерно ограничивать. Его подозревают в самых коварных и жутких замыслах, а любая его активность воспринимается в штыки. Поэтому основной набор инструментов в условиях дефицита госбюджета, которые рекомендует МВФ – главный проводник неолиберальной политики «вашингтонского консенсуса», – это сокращение госрасходов, и в первую очередь на социальные нужды. Пример Греции тут перед глазами.

Для кейнсианцев же всё наоборот: именно государство призвано регулировать рынок, дабы обезопасить его от обвальных экономических кризисов, и только с помощью государства можно более равномерно распределять созданный общественный прибавочный продукт. Поэтому кейнсианцы предлагают повышать налоги на богатых и перераспределять значительную долю общественного продукта через госбюджет в пользу малоимущих слоев населения, чтобы повысить платежеспособный спрос населения. Расходы же не оборону, осуществляемые за счет госбюджета, всегда выступали эффективной мерой по преодолению кризиса. Из «Великой депрессии» вышли с помощью Второй мировой войны, и даже такой отъявленный неолиберал, как Рейган, выходил из кризиса 1970–1980-х годов с помощью политики «военного кейнсианства» (программы СОИ, или «Звездных войн»), то есть путем увеличения военных расходов и роста дефицита госбюджета. Поэтому и программа перевооружения российской армии, против которой жестко возражают либералы, – это очень эффективная мера для преодоления кризиса нашей экономики.

С одной стороны, экономия госрасходов и повышение их эффективности, объективно говоря, это положительный

процесс. В условиях подъема экономики госрасходы растут не всегда оправданно высокими темпами, а в экономике накапливается «излишний жирок», который мешает дальнейшему росту и порождает благоприятную среду для коррупции. И тут мы находим множество примеров из собственной практики, когда в условиях нефтяного благополучия финансировались проекты, крупные и не очень, по которым контролирующие органы и Счетная палата выявляли многочисленные случаи откровенного казнокрадства или прикрытых фиговым листком рыночных отношений скрытых форм воровства. Например, финансовые средства, выделенные государством под конкретные проекты, на длительные периоды времени замораживались на депозитах частных банков, а вполне конкретные должностные лица, ответственные за реализацию этих проектов, получали «дивиденды» от этих «вложений». Другие же бюджетные финансовые средства просто бесследно исчезали, будучи вывезенными за рубеж.

С другой стороны, сокращение таких расходов, как пенсии, стипендии, зарплаты бюджетников, расходов на образование, науку, здравоохранение и т.п., приводит к сжатию платежеспособного спроса населения страны. И как следствие – к углублению кризиса, что мы и наблюдаем в настоящее время в России, когда рост номинальных доходов населения не успевает за реальной инфляцией. Падение реальных доходов населения, по данным Сергея Егишянца, привело к плачевным результатам: «Обвал реальных доходов привел к падению и в расходах – особенно пострадала еда (почти –20 процентов в год). Впрочем, еще круче просели автомобили – чего и следовало ожидать: в январе –24 процента в год (реально –38 процентов – просто массу декабрьских ажиотажных покупок учли только в начале нового года), в феврале –38 процентов – причем люксовые марки даже выросли, ВАЗ просел слабее среднего (–23 процента), а хуже всего обычным евробрендам. Пала и ипотека, а еще круче валится потребительский кредит».

Это падение признает и Минэкономразвития, которое прогнозирует падение российского ВВП в 2015 году на 3,2 процента. Правда, оно же «обещает» рост экономики в 2016–2018 годах на 2,5–3 процента, хотя абсолютно непонятно, откуда может взяться этот рост при сжимающихся бюджетных расходах. Ведь сокращение бюджетных расходов в текущем году неизбежно приведет к сжатию платежеспособного спроса населения, которое в свою очередь также неизбежно приведет к сокращению инвестиций в экономику и сжатию производства. Ни один предприниматель (если он в здравом уме) не будет работать на склад в надежде, что когда-нибудь в обозримом (или не очень) будущем эти складские запасы будут востребованы. Поэтому российская экономика попала в сжимающуюся спираль депрессии, из которой, как показывает мировой опыт, можно выйти исключительно с помощью резкого наращивания, но никак не сокращения бюджетных расходов. И когда министр финансов Антон Силуанов призывает не индексировать зарплаты бюджетников в соответствие с инфляцией, то с одной стороны, он демонстрирует свою крайнюю экономическую безграмотность, а с другой – призывает к снижению ВВП и углублению кризиса.

Замораживание же или перенос на более поздние сроки финансирования инфраструктурных объектов за счет госбюджета, что предлагает правительство, также неизбежно приведет к сокращению ВВП и углублению кризиса. Ярким подтверждением этого может служить кризис 2008-2009 годов, когда, памятуя о негативном опыте дефолта 1998 года (когда рухнули многие российские банки), в первую очередь бросились спасать банковскую систему и получили самый глубокий обвал экономики в 20 крупнейших государствах мира. А в Китае в 2008 году, когда экспорт уменьшился наполовину, начали ускоренно реализовывать инфраструктурные проекты (к примеру, планы строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, рассчитанные до 2020 года, решили полностью реализовать уже к 2012 году), а также стимулировать рост внутреннего потребления за счет государственного субсидирования покупок для населения страны. В результате в России падение ВВП составило –8 процентов, а в Китае темпы роста только чуть снизились – с +11 до +9 процентов в год.

Из сказанного выше можно сделать вполне определенный вывод: сокращение государственных расходов неизбежно приведет не к преодолению кризиса, как это утверждают либералы, а к его обострению и углублению. Весь исторический опыт убедительно показывает, что в условиях кризиса необходимо не сокращать, а резко наращивать государственные расходы, так как частный бизнес в подобные периоды переходит к выжидательной политике и перестает вкладывать в развитие производства, избегая неоправданного риска. Поэтому государство призвано замещать выпадающие частные инвестиции, дабы не усиливать

кризисные явления. В то же время кризисный рост безработицы неизбежно приводит к сжатию платежеспособного спроса населения, и государство просто обязано не сокращать, а увеличивать зарплаты бюджетникам, пенсии и пособия, для того чтобы стимулировать рост, а не сокращение потребительского спроса в стране.

Внутренние и внешние заимствования

Эта мера изначально антиинфляционная, ибо она связывает некую часть денежной массы, на которую банки покупают облигации. Есть, однако, вещь, которая будет иметь место при любом развитии событий – это наращивание госдолга. Представьте себе, что вы выпустили на 100 миллиардов рублей годовые облигации с доходностью 10 процентов. Это означает, что в следующем году вам придется изыскать на их погашение те же самые 100 миллиардов рублей да плюс еще 10 процентов от этой суммы, то есть 10 миллиардов. В результате, найдя сегодня 100 миллиардов на дополнительные расходы, вы в будущем году будете вынуждены снова искать – но уже 110 миллиардов рублей. И даже если облигации более «длинные» по срокам обращения, всё равно в течение многих лет вам придется изыскивать массу дополнительных денег на их выкуп и погашение процентных платежей. Можно, конечно, для расчета по старым облигациям выпускать всё новые и новые, наращивая свой долг. Но чем это кончается, мы хорошо помним по событиям 17 августа 1998 года. В целом мера плоха и применима только в экстренных случаях, причем только разово, а ни в коем случае не систематически.

Между тем в этой мере очень заинтересованы транснациональные банки, которые таким образом подсаживают государства на долговую «иглу» и начинают их «доить», лишая всякой перспективы развития их экономики. Чем больше государства влезают в долги, тем больше они оказываются должны и тем меньше вероятность выхода из этой долговой кабалы. Недавний опыт Греции, а до этого Аргентины и других стран убедительно показывает, что даже списание части долга приводит к еще большему росту долговой зависимости попавших в нее стран. И всё бóльшую часть государственного бюджета должникам приходится тратить не на развитие своей страны, а на выплату самого долга и процентов по нему. И слава богу, что Россия имеет минимальный государственный долг, а западные санкции лишают ее возможности свободно кредитоваться на западных финансовых рынках, что не позволяет подсесть на долговую «иглу».

Но при этом огромную задолженность перед западными кредиторами имеют российские банки и корпорации, и в первую очередь государственные. Либералы из экономического блока правительства и Банка России, проводя политику *currency board* (валютного управления) и создавая искусственную нехватку денег в стране, просто вынуждают российские банки и корпорации попадать в долговую зави-

симость от глобальных финансовых институтов. Уровень монетизации в РФ менее 50 процентов ВВП, что явно недостаточно для такой большой и разноплановой экономики, как российская, в то время как в Китае уровень монетизации почти 200 процентов ВВП, то есть более чем в 4 раза превосходит российский. Денег в стране должно быть не столько, сколько приходит в страну валюты, а столько, сколько необходимо для нормального функционирования ее экономики, – в этом заключается еще одно принципиальное отличие кейнсианской модели от либеральной.

Когда Гайдар и его команда снизили уровень монетизации в 1990-х годах до 12,5 процента ВВП, то пышным цветом расцвели неплатежи, разнообразный бартер, всякие денежные суррогаты и т.д. И в конечном итоге мы получили дефолт 1998 года. Это был достойный результат безграмотной либеральной финансовой политики команды Гайдара. В 2000-х годах уже Кудрин и его команда, расплатившись с государственными долгами благодаря росту нефтяных цен, подсадили на долговую «иглу» частные и государственные банки, а также корпорации, создавая постоянно искусственный дефицит денег в стране. И сейчас, проводя ту же самую политику *currency board*, либеральные финансисты из Банка России целенаправленно загоняют наши корпорации и банки в долговую кабалу. А в условиях западных санкций, когда для нас оказались закрытыми западные кредитные рынки, продолжение политики *currency board* – это как удушающий прием в борьбе, как принуждение России к сдаче своих политических позиций на милость западных «победителей». Таким образом, и эта чисто либеральная мера не приведет к сбалансированности бюджета.

Увеличение налогов

Введение новых налогов (или увеличение ставок уже существующих сборов) предполагает, что это принесет казне дополнительные необходимые поступления в бюджет, в результате чего бюджет будет снова сбалансирован. Рост ставок косвенных налогов (НДС, акцизов и т.д.) может иметь разные последствия в зависимости от того, какими они были на момент их изменения и какой была экономика в целом. В определенных случаях он может спровоцировать инфляцию и спад экономической активности, в других – только замедление денежного обращения и сокращение спекулятивных операций на финансовых рынках. В любом случае рецептов на все случаи жизни дать невозможно, поэтому при определенных условиях (быстро растущая экономика, высокие доходы людей и т.д.) эта мера возможна.

Другое дело, что очень трудно изменять налоги каждый раз, когда потребовались деньги, – всё же надо стараться поддерживать налоговую систему более или менее стабильной. Так что лучше воздерживаться от этой меры и применять ее только в том случае, если более приемлемые действия невозможны. Прекрасный пример неэффективности повышения налогов на малый бизнес дало повышение ставок социальных отчислений. Это как раз тот случай, когда применимо высказывание Ленина о том, что «нечто формально правильное» может оказаться «по сути издевательством». В результате этого «формально правильного» «издевательства» малый бизнес стал массово закрываться или уходить в тень. Подобное увеличение налогов, как правило, приводит к обратному результату, и тут либералы и кейнсианцы едины в своих подходах.

Но есть одна форма повышения налогов, по отношению к которой либералы и кейнсианцы занимают диаметрально противоположные позиции. Это повышение налогов на

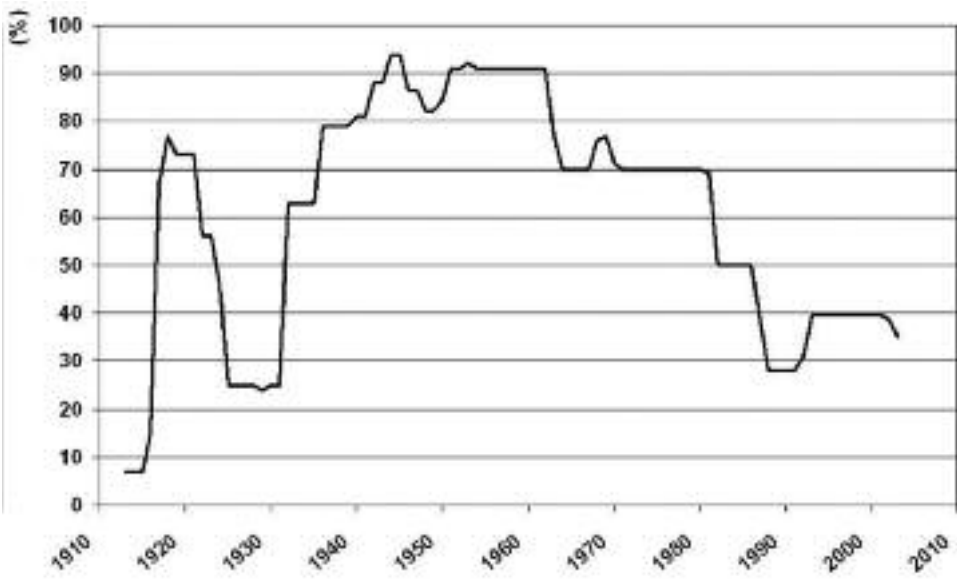
богатых. Либералы утверждают, что увеличивать налоги на богатых ни в коем случае нельзя, так как это приведет к снижению накопления и в конечном итоге к кризису, так как богатые занимаются инвестированием в развитие экономики, за счет чего она и растет. Но так ли это на самом деле? История мировой экономики убедительно показывает, что всё ровно наоборот. Реально происходит процесс прямо противоположный утверждениям либералов, так как бóльшая часть накоплений у богатых идет не на инвестирование и развитие, а на паразитическое потребление и надувание пузырей на финансовых рынках, за которыми следует неизбежный обвал этих самых финансовых рынков.

Кратности превышения доходов богатых американцев над среднедушевыми доходами

Обратимся к статистике превышения доходов очень богатых (1 процента населения США) и сверхбогатых (0,01 процента) доходов среднего американца за последние 100 лет. Эта статистика убедительно показывает, что чрезмерный рост накоплений у богатых приводит не к росту экономики, а к ее неизбежному обвалу. Когда доходы 1 процента очень богатых американцев превысили среднедушевые доходы остального населения США в 20 раз, а доходы 0,01 процента сверхбогатых – в 325 раз, последовал обвал фондовых рынков 1929 года и «Великая депрессия». То же самое произошло и в 2008 году, когда доходы 0,01 процента сверхбогатых превысили доходы среднего американца аж в 350 раз, а доходы 1 процента богатых – в 18 раз. Тогда последовал обвал рынков и кризис 2008-2009 годов и длительная рецессия с новой волной кризиса в текущем году. Однако такой уровень неравенства был не всегда. Так, в 1940–1980-х годах этот уровень был в разы ниже, а минимум был достигнут в 1970-е годы, когда доходы 1 процента богатых превышали среднедушевой доход всего в 8 раз (конец 1920-х годов – в 20 раз), а доходы 0,01 процента сверхбогатых – в 50 раз (в 2008 году – в 350 раз). Причем на пике этой минимизации неравенства американская экономика переживала свой «золотой век» развития – такого уровня, как в эти годы, она никогда не достигала ни раньше, ни позже. А ларчик просто открывался – этот исторический период проходил в условиях господства кейнсианской модели экономического развития, когда уровень налогообложения богатых достигал своего максимума – 90 процентов.

Если оценить, как за те же 100 лет в США менялась максимальная ставка подоходного налога, то получается следующая картина. Когда в 1920-х годах ставка была минимальной (25 процентов), накопление было максимальным и всё закончилось «черным четвергом» в октябре 1929 года и продолжилось «Великой депрессией». Когда же верхняя планка подоходного налога взлетела до 90 процентов (1950–1960-е годы), экономика США пережила «золотой век» своего развития. Затем под давлением либералов с 1980-х годов верхняя планка подоходного налога снова опустилась до 35 процентов, а неравенство стало стремительно расти и достигло своего максимума (в 350 раз) для 0,01 процента сверхбогатых в 2008 году. И снова это закончилось финансовым кризисом и продолжающейся вот уже почти 7 лет затяжной рецессией, выхода из которой не видно и в обозримом будущем.

Всё дело в том, что в условиях господства либеральной модели экономического развития происходит ускоренное накопление капитала, который идет не столько на развитие экономики, сколько в основном на паразитическое потребление и на надувание пузырей на финансовых рынках. В условиях же господства кейнсианской экономической модели развития сверхприбыли богатых изымаются с помо-



щью налогов и перераспределяются в пользу основной массы населения, повышая уровень ее платежеспособности и создавая мощный средний класс, формирующий массовый потребительский спрос населения и стимулирующий рост производства для его удовлетворения.

Таким образом, увеличение налогов может привести к повышению доходов бюджета и стимулированию мощного роста экономики только при условии резкого повышения налогов на богатых и снижения налогового бремени на малый и средний бизнес. В России же, к сожалению, всё наоборот: единая шкала подоходного налога в 13 процентов – как для среднего россиянина, так и для богатых и сверхбогатых представителей российского бизнеса, – а налог на дивиденды и того ниже. Поэтому наше налогообложение только стимулирует рост неравенства, которое превосходит все разумные пределы, порождая условия для углубления кризиса. И пока не будет введена прогрессивная система налогообложения, а верхняя шкала НДФЛ не достигнет уровня хотя бы 70 процентов, выход из кризиса останется невозможным, зато вывоз капитала будет лишь усиливаться.

Эмиссия денег

Стоит только заикнуться в присутствии либеральных экономистов об этой мере, тут же услышишь: «Какой кошмар! Это ж до какой степени дикости надо дойти, чтобы додуматься до такого! Напечатать деньги без всякого их покрытия! Какое варварство! Гиперинфляция обеспечена, а за ней последуют...» – дальше идет длинный список умных слов, которые призваны показать вам весь ужас ожидающей вас участи. Именно этими фразами пугают президента Путина Кудрин и его либеральная команда, но именно эта мера лишена недостатков всех предыдущих. Эмиссия денег не наносит дефляционного удара по экономике, не заставляет менять налоги, словно перчатки, не погружает государство в глубокую долговую яму. Единственный ее минус – это инфляционный налог на всё общество.

Хотя тем или иным образом обременяет общество и любая из остальных мер (да и как иначе – чтобы вмиг найти лишние деньги, требуется пойти на какие-то жертвы), но такой инфляционный налог более справедлив, ибо равномерен и не приводит к еще большему относительному обеднению и без того бедных – кстати, вопреки стенаниям монетаристов. Причем интересно, что «приведение курса рубля к рыночному» – а проще говоря, обвал рубля, в результате чего инфляция подскакивает до 20 процентов, – это с точки зрения либералов «правильное рыночное действие», а вот эмиссия денег для покрытия дефицита госбюджета – нерыночный, варварский поступок. Где здесь логика – понять трудно, но либералы и логика – вещи несовместимые, либерализм – это «опиум для народа»: «Верую, ибо абсурдно».

К тому же размер этого инфляционного налога не так велик, как пугают либералы. Если, к примеру, федеральный бюджет равен 100 миллиардам, то ВВП должен быть порядка 500 миллиардов (обычно бюджет центрального правительства в крупных федеративных государствах составляет примерно 20 процентов ВВП). Уровень монетизации ВВП (то есть отношение денежной массы к ВВП) в России менее 50 процентов, то есть денежная масса составит примерно половину ВВП, или 250 миллиардов. Стало быть, дополнительные 20 миллиардов (при дефиците в 20 процентов) увеличат ее всего на 8 процентов, что по канонам монетаризма при прочих равных условиях вызовет инфляцию примерно на те же 8 процентов. Но это в соответствии с либеральной догматикой. Когда же, как сейчас в российской экономике, уровень загрузки мощностей составляет 60–70 процентов, есть небольшая официальная и большая скрытая безработица, то есть существует реальная возможность быстрого наращивания производства товарной массы и услуг населению, тогда не

будет вообще никакой инфляции или она окажется минимальной.

Это знал еще легендарный гусляр Садко. Царь морской одарил его бесконечным количеством денег, и он попытался скупить все товары на рынке. Но как только он их скупил, подоспели со своими товарами купцы московские, а потом, полностью опровергая либеральную догматику, приплыли и купцы заморские. Имеются и свежие российские примеры. Так, когда либералы своей безграмотной политикой загнали в 1990-х годах нашу экономику в дефолт 1998 года, а кредит МВФ в 4,5 миллиарда долларов был попросту украден, то Евгений Примаков, Юрий Маслюков и Виктор Геращенко за счет рублевой эмиссии за полгода смогли справиться с кризисом и нормализовать российскую экономику. А вот в 2008 году, когда преодолевали кризис с помощью либеральных мер, потребовалось уже 4 года для выхода на докризисный уровень, в то время как США и Китай преодолели кризис 2008 года примерно за год за счет «варварской» эмиссии.

Эту же политику сейчас продолжают Япония и ЕС, борющиеся с кризисом за счет «дикого» и «варварского» печатания денег. Причем инфляция в этих странах во много раз ниже, чем в проводящей политику «сжатия денежной массы» России. Наверное, нужно что-то «в консерватории подправить», как говорил известный сатирик Михаил Жванецкий, чтобы у нас не получалось без конца по принципу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Поэтому наилучшей мерой для ликвидации бюджетного дефицита и преодоления кризиса является эмиссия денег, которая у либералов вызывает припадок бешенства. В сочетании с повышением налогов на богатых, которое позволит перераспределить прибавочный продукт в интересах всего населения страны и резко увеличить платежеспособный спрос населения России, это даст возможность не только сбалансировать госбюджет, но и придать ускоренное развитие российской экономике.

Государственные инвестиции в инфраструктурные объекты за счет мультипликативного эффекта (заказы металлургам, производителям строительных материалов и т.п., рост зарплат на всех вновь строящихся объектах и т.д.) благотворно скажутся на всей экономике страны. Рост же зарплат бюджетников, пенсий и пособий приведет к повышению платежеспособного спроса, стимулируя увеличение производства потребительских товаров и услуг мелким и средним бизнесом. И тогда вместо прогнозируемого Минэкономразвития падения на 3,2 процента ВВП может вырасти минимум на 6–8 процентов уже в этом году – если, конечно, перейти с либеральной модели экономического развития на кейнсианскую с резким повышением налогов на богатых и эмиссией рубля в необходимых масштабах. Тогда российская экономика, как «птица-тройка» (у которой «коренником» будет вступать государство, а «пристяжными», с одной стороны, крупный бизнес, а с другой – малый и средний бизнес), понесется вперед.

Виктор Михайлович Немчинов –
кандидат экономических наук, директор
Музея исторического сознания
Института востоковедения РАН

Мобилизация: антропологическое измерение

В настоящее время, когда еще не опостылели ленца и чувство толстого нефтегазового кошелька, позволявшего купить всё, что самим делать несподручно, из-за санкций и неприятных осложнений в отношениях с Западом в публичном дискурсе возникает вопрос о мобилизации. Задумываясь о векторе мобилизационного развития в разных его возможных проявлениях, представляется небесполезным поразмышлять о том, что такое вообще жизнь в режиме экстраординарных вызовов, каковы ее параметры, ритмика, логика развития и, главное, какой она возможно станет после окончания нынешнего турбулентного этапа. Проблема мобилизации трактуется часто по-разному и неодинаково не только властью и обществом, но и внутри самой власти и самого общества, поэтому начать разговор здесь стоит с некоего общего мнения, которое у нас почему-то не принято подвергать сомнению. В соответствии с этим мнением мобилизация всегда является феноменом общественным, но никак не индивидуальным. Во всяком случае, считается, что отдельному человеку самому, без какого-то резкого внешнего воздействия, направленного на него именно как на объект, как на элемент некой общности, крайне трудно заставить себя отмобилизоваться. То есть отказаться от привычного образа жизни, наложить на себя те или иные ограничения и вообще поднять градус осмысленного подвижничества при совершении собственных поступков. Думается, что приведенный взгляд на мобилизацию как на явление исключительно социального порядка – возможный, но в принципе неправильный. И дело тут даже не в том, что мобилизовать извне, путем тех или иных воздействий со стороны то или иное сообщество гораздо проще, чем отдельному человеку, незнакомому с чувствами собственного достоинства и самоограничения, про-

делать то же самое с самим собой. В конце концов, история знает массу примеров подобной внутренней мобилизации – и не только из житий святых. Возьмем, например, описанный Даниилом Граниным в повести «Эта странная жизнь» опыт такой самомобилизации советского ученого Александра Любищева. Жизнь Любищева – пример вовсе не трудоголизма, а именно самомобилизации. Разница между одним и другим очевидна. Трудоголик живет иной, имеющей очевидную ценность жизнью лишь в работе, и хорошо, что эта работа отнимает всё время. Когда работы нет, он тем не менее постарается чем-то себя загрузить под завязку. В каких-то глубинах его сознания всегда остается представление о жизни в работе как о приоритете, выделяющем его из всех остальных, – неважно, представление это романтически-мечтательное или высокомерно-презрительное. У самомобилизованной личности – что, кстати, совершенно четко видно по повести Гранина – такого представления либо вообще нет, либо оно остается ничтожно малой величиной, которой следует пренебречь. Можно даже сказать, что в определенном смысле вопрос о собственно мобилизации как системе мер по понуждению себя к чему-то перед такими личностями не стоит вовсе. Просто никакого особого насилия над собой тут и не требуется: то, что для других выглядит подвигами самоотречения, для этих людей является естественным и повседневным способом дисциплинированного существования. Это их способ сражаться с любыми возникающими проблемами, превращая их в новые возможности для саморазвития. Поэтому не следует забывать и еще одну принципиальную особенность самомобилизации – состояние размеренности и предсказуемости. Состояние особенно необходимое в периоды жесткого кризиса, несмотря на внешние неблагоприятные обстоятельства, авралы и нервотрепки. При правильно выстроенных приоритетах человек в кризис должен непременно сохранить в нормальном состоянии себя, свою семью и друзей. Например, тот же Любищев, чтобы быть полностью отмобилизованным, никогда не брал никаких срочных незапланированных работ, которые нарушили бы заведенный и неукоснительно соблюдаемый ход его жизни. В советское время с его непрекращающимися кампанейщинами, пожалуй, именно эту принципиальную установку было сложнее всего соблюдать. Точно такое же «искушение» – отвлекаться от главного, взять еще одну близлежащую высоту, как бы походя решить незапланированную, но оказавшуюся чрезвычайно соблазнительной и доступной для реализации в данный конкретный момент задачу – возникает и при коллективной мобилизации. И если поддаваться подобным «искушениям», то можно попросту надорваться и не выполнить то, ради чего вообще затевалась мобилизация. Примеров тому – масса, в том числе из той же советской эпохи. Мобилизация – это не слоеный, на скорую руку замешенный как попало пирог, а предельная систематизация и дотошное упорядочивание затрачиваемых сил и ресурсов ради достижения главного при полном игнорировании любых отвлекающих, второстепенных или привходящих задач и мотиваций.

И все-таки, несмотря на примеры отдельных индивиду-

Памятник Александру Любищеву на территории Института экологии Волжского бассейна РАН в Тольятти

История знает массу примеров внутренней мобилизации – и не только из житий святых. Возьмем, например, описанный Даниилом Граниным в повести «Эта странная жизнь» опыт самомобилизации советского ученого Александра Любищева. Жизнь Любищева – пример вовсе не трудоголизма, а именно самомобилизации.

альных самомобилизаций, данный феномен, разумеется, имеет значимую социальную природу. Это очевидно хотя бы вследствие того, что он становится востребованным, как правило, в кризисные моменты в качестве искомой модели нового социального поведения, благодаря которому возникшие неурядицы должны быть быстро преодолены. Но не следует путать мобилизацию с форс-мажорной ситуацией, возникающей в результате тех или иных экстраординарных событий. Яркий пример форс-мажорной ситуации – это война, хотя ее по старинке держат за проявление политики иными средствами. Да, форс-мажорная ситуация предполагает предельную мобилизацию сил в качестве незаменимого инструмента управления крупными сообществами, но сама такая мобилизация оказывается в определенной степени вторичной, прикладной, ситуативной – то есть обладает всеми теми характеристиками, которые являются как раз нетипичными для особого режима функционирования на протяжении длительных отрезков времени. Именно поэтому форс-мажорная мобилизация прекращается, сворачивается фактически сразу после устранения причины, которая вызвала ее к жизни. И в подобной демобилизации оказывается заинтересованным не только общество: власть в неменьшей степени нуждается в возвращении к привычному, прежнему, нормальному способу существования, чтобы сохранить свои исключительные прерогативы. Настроиться на особый мобилизационный лад для власти так же непросто, как и для общества. И если форс-мажорная ситуация не оставляет им обоим альтернативы, вынуждает преобразиться, напрячься, то в обычной, нормальной обстановке и управляющие, и управляемые все-таки стараются минимизировать любые издержки собственного благополучного бытования. При этом главный мобилизационный и мобилизуемый ресурс – это, конечно, люди, самостоятельные, высокообразованные, внутренне мотивированные люди, а не инструменты стратегического планирования, контроля над распределением ресурсов, не винтики и т.д.

В этом смысле взгляд на советскую эпоху как на время тотального господства административно-командной мобилизационной системы нуждается если не в полном пересмотре, то, по крайней мере, в серьезном уточнении. Административно-командная система действительно умела подчинять массы единому руководству. И когда ей требовалось срочно аккумулировать энергию этих масс и направить ее в нужную точку, эффект оказывался впечатляющим. Но это взнуздывание, как при раскулачивании и сплошной коллективизации, давало результат только в условиях экстенсивной модели хозяйственного, социально-экономического и политического развития. Особенно заметных результатов удавалось достигать в ресурсно-экспроприируемых отраслях – на войне, ценой массовой растраты, а не сбережения собственного народа и его лучших представителей. Когда, может быть, и не вполне обученная, не очень подготовленная и профессиональная армия, будучи безоговорочно отмобилизованной, на ходу самоорганизовывалась, превращалась в дисциплинированную и мощную силу, способную одерживать победы над более многочисленным и во всех смыслах лучше подготовленным противником, и побеждала. В результате у власти возникали наивная иллюзия и самонадеянная уверенность в том, что приемы и опыт военной мобилизации, подразумевавшей выполнение главной, четко определенной, предельно ясной и единственно значимой для народа и власти задачи, можно с успехом использовать и в мирных условиях. Прежде всего – в народнохозяйственной и в производственной сферах. Но вот тут-то как раз и допускалась роковая ошибка. Если исходить из приведенного выше уточнения, то тотальная военная мобилизация была мобилизацией именно форс-мажорной, то есть разовым рывком, имеющим ограниченную продолжительность и локальное, узкое по окончательной цели, конкретное употребление. Перетерпеть противника, выстоять любой ценой. Ни власть, ни общество не планировали и не могли воевать неопределенно долго – несмотря на всю воинственную советскую официозную риторику, направлявшуюся против не только внешнего, но и всегда подозревавшегося внутреннего врага, явного или мнимого. В мирное же время мобилизационные приемы должны были стать совершенно другими – рассчитанными на длительную перспективу, основанными на цикличности, учитывающей естественные социальные пульсации, избегающими неоправданных затрат и непродуманных кампаний. Но власть не стала особо утруждать себя – и после завершения войны она продолжила управлять с помощью всё тех же форс-мажорных пропагандистских и волюнтаристских приемов. И это не могло не привести к целому ряду негативных последствий. Среди них – политический инфантилизм, неоправданные социальные издержки, нерациональное использование производственных мощ-

ностей. Наконец, создание не просто неэффективной, но «самоедской» экономики, имевшей ограниченный срок существования, несмотря на весь тот изначальный креативный коммунитарный потенциал, который был в нее заложен и который предлагал оригинальный, хотя и не гарантированный, выход из мотивационного тупика капитализма эпохи промышленной революции.

Но возможна ли в принципе подлинно мобилизационная – без всяких форс-мажорных примесей – экономика? С одной стороны, отрицательный ответ на этот вопрос напрашивается как бы сам собой. Экономика – это крайне сложная динамичная система, в которой велика роль фактора неопределенности, непредсказуемости – что особенно подтверждают мировые кризисы последнего времени. Казалось бы, какая тут может быть мобилизация, предполагающая подчинение единой (всезнающей?) командной воле этого переменчивого мира? Но с другой стороны, всё не так однозначно. Вопрос в том, насколько грамотно, профессионально и предусмотрительно ведет себя эта самая командная воля. Действует ли она в одномерной, хорошо знакомой ей плоскости или же учитывает прежде всего те факторы, которые в настоящий момент не проявлены, но которые непременно дадут о себе знать как в ближайшей, так и в более отдаленной перспективе. И если отказаться от поиска легких, простых и якобы самоочевидных ответов на сложные вопросы, то вполне реально развернуть мобилизацию даже в условиях кризиса рыночной экономики. Но при этом инструменты эффективной работы с людьми должны быть, наконец, основаны на собирании народа. Прежде всего потому что без максимальной гибкости мышления, целеполагания и подходов к реализации неоднозначных задач нельзя выйти из кризисного болота. Не лозунгами и не историческими мифологемами следует вести народ. Так можно обращаться только с населением, которое годится лишь для того, чтобы его ловко распропагандировали. Главным

Главный мобилизационный и мобилизуемый ресурс – это, конечно, люди, самостоятельные, высокообразованные, внутренне мотивированные люди, а не инструменты стратегического планирования, контроля над распределением ресурсов, не винтики и т.д.

Александр Дейнека. Знатные люди страны Советов. 1937 год

Административно-командная система действительно умела подчинять массы единому руководству. И когда ей требовалось срочно аккумулировать энергию этих масс и направить ее в нужную точку, эффект оказывался впечатляющим.

управленческим ресурсом в кризис является доброжелательность и доверие к людям. Они на это реальное доверие всегда откликнутся сами. Не из-под палки и не в иллюзорном экстазе, а предельно трезво, реально и грамотно оценивая те, пусть крохотные, возможности, которые можно увидеть и оседлать, находясь в болоте растущих проблем. И только тогда, когда мы выберемся на твердую почву под ногами, когда острота кризиса окажется позади, когда предвидение и короткий прогноз выполнят свою удерживающую на плаву, выравнивающую ситуацию роль, можно будет в «холодном состоянии» экономики и социума вернуться к проверенному временем инструменту – к индикативному средне- и долгосрочному планированию.

Ведь плановая экономика доказала свою состоятельность и при капиталистическом укладе. Всё дело в том, о какой именно плановой экономике идет речь. Например, честное государственное индикативное планирование оказалось вполне совместимым с рынком. Так, индийцы в 1947 году заимствовали советскую модель пятилетних планов и, несмотря на все исторические пертурбации, до сих пор следуют ей, демонстрируя при этом чудеса экономического роста, освоения наукоемких производств, ограничения нищеты, снятия социального перенапряжения, обуздания сепаратизма в штатах и сохранения демократических форм жизни в обществе. Внушительных результатов добились сначала послевоенная Япония, а затем Южная Корея и нынешний псевдокоммунистический Китай. И совсем другое дело – жесткое директивное планирование, диктаторски практиковавшееся в Советском Союзе вплоть до его развала. Кризисная мобилизация в условиях такого планирования – это совершенно безнадежное дело, прежде всего потому что источник неожиданных проблем и неприятностей находится вне пределов досягаемости мобилизаторов. Вообще что-то на полном серьезе планировать в ситуации кризиса – а тем более планировать как нечто, что неукоснительно должно быть исполнено, – просто нереально. Это прямой путь к провалу. Собственно говоря, именно слепая беззаветная вера во всесилие планирования и погубила в конечном итоге советскую хозяйственную систему: в ней нарастал кризис, а она, вместо того чтобы апробировать какие-то эластичные стратегии развития, лишь еще крепче хваталась за устанавливаемые на очередную пятилетку показатели, которые непременно надлежало выполнить. К тому же наше

планирование тогда сводилось, по сути, к выстраиванию фиксированных иерархий соподчинения различных ведомств и находящихся в их ведении производственных мощностей. Не будет особым преувеличением сказать, что в последние советские десятилетия весь пафос планирования сводился как раз к организации бесконечных, как тогда казалось, эффективных управленческих контуров. Это не только отнимало всё больше и больше сил, но и фактически распыляло, рассредоточивало энергию, в то время как требовалась максимальная концентрация усилий в рамках минимума формальных институций – но эти новые гибкие институции должны были быть действительно эффективными. Иными словами, кризис следовало гасить не растопыренной народно-хозяйственной пятерней, а крепко сжатым научно-техническим кулаком.

Сегодня по-прежнему актуальны слова, сказанные одним из самых осведомленных в поздние советские времена человеком – Юрием Андроповым – в бытность его генсеком: «Мы не знаем страны, в которой живем». С той лишь только разницей, что Андропов имел в виду социалистический строй, а сейчас впору сказать то же самое о тех нескольких различных, зачастую нестыкованных технологических и социальных укладах, которые появились в сегодняшней России. Рыночная экономика у нас, несмотря на риторику последнего времени, – отнюдь не господствующая, она составляет всего лишь от одной шестой до одной пятой экономического потенциала страны. Но что же в таком случае представляют собой остальные пять шестых или четыре пятых? Чтобы ответить на этот вопрос, следует признать, что с исчезновением второго мира – блока социалистических государств, ориентировавшихся на СССР и его хозяйственный спрос, – наша страна попала в некогда опекаемый ею третий мир, во всяком случае, по основным критериям своего нынешнего экономического развития. Одним из главных критериев принадлежности той или иной национальной экономики к третьему миру является ее многоукладность. И те самые пять шестых или четыре пятых экономики России, на территории которых рыночные отношения не являются преобладающими, как раз и являются пространством причудливого сочетания самых разных экономических моделей, причем подчас официально никем и нигде не признаваемых. В Соединенных Штатах, экономику которых можно признать условно эталонной благодаря безусловной сдержанности прямого бюрократического вмешательства в инициативы своих граждан, любой уклад автоматически признается и легализуется. В результате занятые в нем работники и предприниматели становятся хозяйствующими субъектами, а значит – социально защищенными людьми, даже в условиях экономического краха их предприятий. У нас же этого нет и в помине. До сих пор деловой неуспех чреват самыми деструктивными последствиями для личности, вплоть до угроз ее физическому существованию. То же самое сполна относится и к шестой или пятой рыночной части экономики, где условия выживания не менее жестокие, да и в государственном секторе, за вычетом бюрократического аппарата, обстановка далеко не дружественная. Выходит, что постсоветская экономика – это пространство сплошных неоправданных рисков, которые никак не удается превратить в реальные возможности для внутреннего хозяйственного развития. А любой хозяйствующий в ней субъект – индивидуальный или коллективный – поневоле вынужден действовать с постоянной оглядкой на сурового, придирчивого и недоверчивого регулятора. Да к тому же еще в режиме непрекращающейся, истощающей позитивные силы, бесплодной контрольно-проверочной мобилизации.

Что это за мобилизация? «Правильная» она или «неправильная»? Чем отличается мобилизация занятых в некоммерческом государственном секторе от мобилизации в крупном рыночном секторе и от мобилизации трудящихся в мелкотоварном производстве, ориентированном больше не на свободный рынок, а на принудительную продажу? Или от мобилизации людей, обреченных на архаичный прямой продуктообмен в рамках семейных или соседских некапиталистических отношений, – да, до сих пор существует и такое! А что говорить о мобилизации в некоммерческом сегменте науки, образования, медицины, здравоохранения, социальной защиты? Как можно мерить рублем их эффективность? Они, конечно, принесут в государственную и в собственную кубышки хороший взяток с населения. Но народ их прибыли не обрадуют, потому что побочный итог (денежный профит) – а не задача оказания опережающей по эффективности услуги своему народу – поставлен здесь во главу угла. Между тем действительная польза и реальная эффективность услуг (определяемых, кстати, тем минимумом времени, которое граждане вынуждены потратить впустую на «общение» с родным государственным аппаратом) окажутся несоразмерными тому ущербу, который приносят бюрокра-

У власти возникали наивная иллюзия и самонадеянная уверенность в том, что приемы и опыт военной мобилизации, подразумевавшей выполнение главной, четко определенной, предельно ясной и единственно значимой для народа и власти задачи, можно с успехом использовать и в мирных условиях. Прежде всего – в народно-хозяйственной и в производственной сферах.

тизированные «новации», когда десятилетиями упорно пускают под откос любые инициативы, направленные на действительное улучшение качества предоставляемых услуг. Можно задать еще много аналогичных вопросов, и все они подводят к необходимости составления социально-антропологической карты субъектов современной российской экономики, а уже последующее изучение такой карты позволит дистиллировать какие-то константы, присущие всем мобилизационным моделям, и выявить ряды их отличий друг от друга. Никто еще не ставил и тем более не выполнял задачу хотя бы самого примерного описания подобной мобилизационной полифонии, а между тем даже предварительные итоги ее осмысления помогли бы нащупать в нынешней экономике, насквозь пронизанной рентными отношениями, те островки, которые способны стать плацдармами качественно нового роста и развития. Никогда прежде у нас не задумывались о создании многоадресной модели мобилизационного развития – всегда считалось, что мобилизация не может не быть унифицированной. Между тем и реализованный опыт экономических прорывов в эпоху советского планирования, и уже сложившиеся традиции постсоветской квазирыночной стихии наглядно показали, что наиболее устойчивой, прогнозируемой и эффективной мобилизация становится лишь тогда, когда отказывается от единообразия и становится максимально гибкой. По примеру сформулированной в начале 1990-х в готовившейся к глубинной интеграции Европе концепции «Европы разных скоростей» мы должны говорить о некой интегративной мобилизационной модели, синтезирующей несовпадающую динамику разных направлений отечественного экономического развития.

Сегодня ни у кого не возникает сомнения в том, что нам не стоит пытаться производить те товары, которые у других получаются лучше и дешевле, – например, те же смартфоны или другую потребительскую технику. Мы не сможем выстроить свой полностью автономный цикл их изготовления, а если и сможем, то издержки окажутся настолько высокими, что цены на соответствующую отечественную продукцию сделают ее неконкурентоспособной на фоне аналогичных импортных образцов. Но если это так, то модель современной мобилизации в принципе не может основываться на автаркии. А если мы готовы отказаться от этого основополагающего принципа любой экстенсивной мобилизации, то в

чем тогда будет содержательно заключаться другой ее базовый принцип, которым уж никак не получится пренебречь, – принцип опоры на собственные силы? Если мы хотим оставаться суверенными, то нам в любом случае придется находить ответ на этот вопрос. Абстрагируясь от каких-то конкретных рекомендаций, относящихся к разным секторам экономики, и оставляя их разработку специалистам-предметникам, в качестве предварительного условия составления указанного проекта можно назвать своего рода инвентаризацию внутреннего жизненного – и соответственно домашнего хозяйственно-экономического – пространства страны. Результатом такой инвентаризации может стать повышение нашей собственной привлекательности – прежде всего для самих себя, а уже потом и для потенциальных внешних инвесторов или прочих интересантов. И когда у нас получится отыскать, нащупать, определить коды подобной привлекательности, затем можно будет говорить и о следующем шаге – о выработке модели опережающего развития с опорой на собственную цивилизационную и социокультурную идентичность. Если автаркическое развитие вполне может быть и догоняющим – пусть в мобилизационном режиме, но сводящимся к копированию ускоренными темпами отдельных достижений, повторяющим пути, уже пройденные другими более развитыми странами, – то отказ от давно изжившей себя автаркии изначально лишает нас такой удобной возможности. Мы уже не сможем позволить себе роскошь быть неоригинальными, так как суверенитет теперь получается реально обеспечивать только лидерством – хотя бы по некоторым хорошо знакомым нам направлениям развития. То есть вместо мобилизации догоняющей, традиционно практиковавшейся в нашей стране еще с петровских преобразований, мы должны запустить свою новую, неожиданную, опережающую мобилизацию.

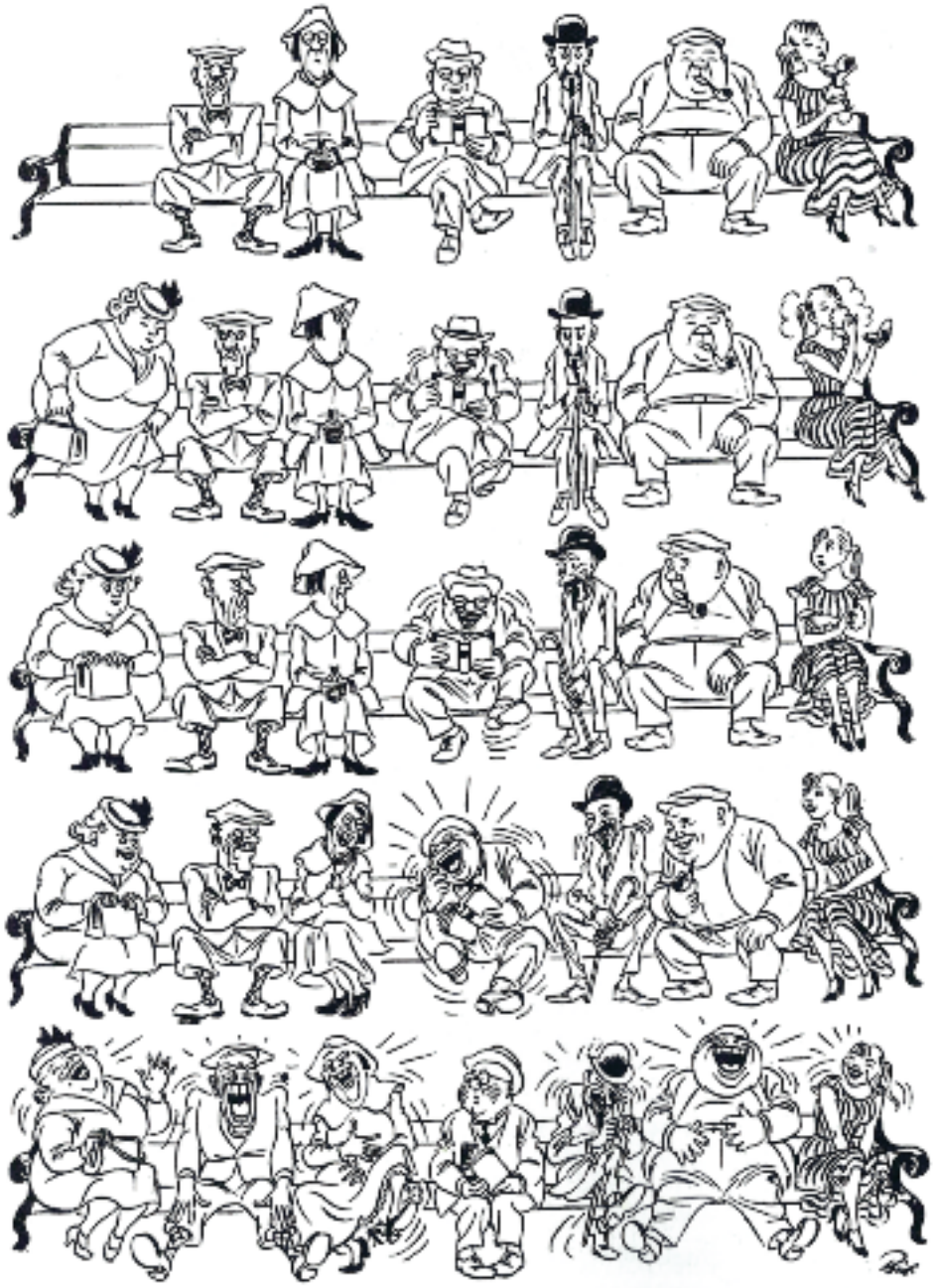
Именно слепая беззаветная вера во всесилие планирования и погубила в конечном итоге советскую хозяйственную систему: в ней нарастал кризис, а она, вместо того чтобы апробировать какие-то эластичные стратегии развития, лишь еще крепче хваталась за устанавливаемые на очередную пятилетку показатели, которые непременно надлежало выполнить.

Когда общество длительное время отстает в своем развитии от других обществ, это означает, что им не были пережиты какие-то существенные этапы, в том числе и неудачные, которые прежде прошли все оказавшиеся впереди. При долгосрочной ставке на опережающее развитие подобные оставшиеся лакуны непременно должны быть осмыслены. Можно искать свои пути их ускоренного прохождения, можно опробовать способы минимизации ошибок, допущенных на этих этапах другими, но вовсе обойти их стороной, проскочить, сделать вид, что ничего такого не было, и совершить обходной маневр никак нельзя. В этом – весь фатум и вся обреченность посттравматического бремени догоняющего развития: догнать тех, за которыми стремишься, вполне возможно, наверное, реально в случае большой удачи даже обойти их и вырваться вперед, но стать для них законодателем мод, задать новую повестку развития – не получится никогда. Прыжковое же развитие предполагает иной сценарий. Здесь рывок начинается как бы с априорно выигрышной позиции: пройденное конкурентами учитывается, но не повторяется, траектория продвижения к заданной цели по определению должна быть оригинальной, с оглядкой на чужой опыт – но именно как на опыт, который ни в коем случае нельзя копировать из-за его дефектности и локальной ограниченности. Но к такому рывку в режиме опережающего развития надо серьезнейшим образом готовиться. К сожалению, в нашей сегодняшней экономике критическая масса инноваций еще слишком незначительна, чтобы придать опережающему развитию необходимый начальный импульс.

Вернемся к некапиталистическим и некоммерческим вопросам эффективности мобилизации. В предисловии к изданию на русском языке своей книги «Философия и зеркало природы» Ричард Рорти писал, что порой не уделял внимания каким-то проблемам, которые крайне интересовали его коллег. Однако впоследствии он вдруг обнаруживал, что обделенная его вниманием проблема «исчезла с философской сцены» и больше никто над ней не работает. «Тогда я поздравлял себя с разумной предусмотрительностью, – отмечал Рорти, – и приходил к мнению, что поступал достаточно мудро, ожидая исчезновения проблемы, правильно угадав ее эфемерность». И далее Рорти проводил параллель между этой своей «разумной предусмотрительностью» и той ситуацией, в которой оказалась русская философия, выпав из мирового философского процесса на десятилетия коммунистического режима и безраздельного господства марксистско-ленинской философии. По его словам, в результате такого выпадения российские философы сегодня «могут обойтись без множества проблем, которыми в противном случае занимались бы». Получается, что «они стали жертвами переноса во времени, но сейчас в состоянии оценить случайные преимущества прошлой ситуации – преимущества задержки по времени».

То же самое можно сказать и о ситуации в сфере культуры в контексте установки на опережающее развитие. Культура и искусство, то есть те области, в которых мы традиционно находились на передовых позициях, вполне могли бы и сегодня стать нашими базовыми стартовыми площадками рывка к мировому лидерству. Но лишь при условии доверия и доброжелательного внимания к тем, кто торит новые пути, незыблемого соблюдения свободы творчества, уважения к достоинству творческого человека и обеспечения свободы рынка, на котором происходит потребление этого творчества. Если же эти условия под всякими благовидными предлогами не будут соблюдаться, то никакого опережающего развития не получится. Его место займут ретроградная консервация прошлого и стимулирование нового застоя. Мобилизация заключается не в том, чтобы наложить на себя самоограничения ради какой-то мифической стерильности – и фактически ради самих этих самоограничений. Мобилизация нужна для другого – для того, чтобы отбросить замшелые, быстро закостеневающие стереотипы и самым серьезным и основательным образом переувидеть себя, или, иными словами, начать воспринимать себя по-другому, суметь разглядеть собственную миссию в обыденной повседневности – а разглядев, изо всех сил и без оглядки броситься с головой в ее осуществление. Помимо такого целеполагания для опережающего развития исключительно важно обладание потенциалом самокритичности, чтобы верно оценивать, на что ты можешь претендовать, а на что – нет, к чему надо стремиться в первую очередь, что может и подождать, а в направлении чего вовсе не следует двигаться. Подобный часто интуитивный потенциал самокритичности в нашей сегодняшней действительности не используется в той мере, в какой следовало бы: он, как правило, проявляется искаженным образом – в форме разного рода формально-правовых ограничений. В этом – еще одна неуместная удушающая блокировка мобилизации ради

опережающего развития. Если ребенку дать по рукам и сказать: «Не сметь!» – то он и не будет сметь, но его развитие неминуемо затормозится, даже если до того он шел неправильным по традиционным педагогическим меркам путем. Необходимо самому, без начальственного окрика извне приходить к осознанию собственной ошибочности. Но без любви и доверия в семье, в школе, в бизнесе, в регионе, в стране этого не достичь. Опыт стран с высокой степенью такого доверия показывает, что там никто не отнимает права на ошибку, но все заинтересованы в том, чтобы неизбежные ошибки, увидев и осознав, моментально устранять. В этом – тайный мобилизационный ресурс демократической процедуры. Любой внешний запрет блокирует мобилизационную мотивацию, выхолащивает ее, девальвирует пассионарные устремления. Да, может быть, ретроградная мобилизационная энергия и состоит в том, о чем поют Никитины: «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем». Но способна ли такая лицемерная подхалимствующая энергия стать энергией опережающего развития? Нет, потому что она неподлинная, имитационная, инспирированная бюрократическим классом. А бюрократический класс, как известно, неспособен на мобилизационные подвиги – его поведенческая модель строится совсем на других основаниях. Бюрократический тоталитаризм принципиально несовместим с опережающей мобилизацией. Спору нет – строгие государственные регуляции необходимы для подготовки мобилизационного скачка, но лишь на самом начальном этапе его проектирования, когда они задают общую рамку всего будущего процесса, формулируют правила и формируют главные условия, которые, в свою очередь, должны создавать предпосылки для передачи руководства опережающим развитием частным и общественным инициативам. А главным субъектом опережающего развития является и может быть только свободная, ответственная личность.



Херлуф Бидструп. Распространение заразы

Ричард Рорти писал, что русская философия, выпав из мирового философского процесса на десятилетия коммунистического режима и безраздельного господства марксистско-ленинской философии, избавила себя от «множества проблем, которыми в противном случае занимались бы».

В странах авторитарной модернизации – например, в четырех «азиатских тиграх», Гонконге, Сингапуре, Тайване и Южной Корее, – субъектом развития на начальной стадии являлась государственная бюрократия. Но в этих восточных обществах исключительно значимую роль играет осо-

бый этос, который в гораздо большей степени ограничивает именно бюрократию, а не общество, тем самым заставляя чиновников быть предельно ответственными, результативными. В каждом из «тигров» общество в целом гораздо сильнее бюрократии, хотя именно последняя создавала условия для мобилизационного рывка и сейчас поддерживает адекватный потребностям текущего момента градус инновационного развития. К тому же ответственная бюрократия – это не просто эффективная бюрократия, способная концентрировать волю и ресурсы для совершения мобилизационного рывка. Это даже уже и вовсе не бюрократия, если вкладывать в это понятие все те коннотации, которые невольно, сами собой возникают в нашей политической культуре, это – фактически уже меритократия, о которой мы пока лишь грезим.

У нас бюрократия всегда строилась по номенклатурному принципу, который диаметрально противоположен принципу меритократическому. Пока работает номенклатурный принцип, наивно полагать, что мобилизацию возможно запустить с помощью централизации управления. На самом деле всё наоборот: новая номенклатура сделает всё возможное, для того чтобы не допустить мобилизации, обосновать ее ненужность, вредоносность и даже национальную опасность. Между тем в той же Южной Корее при Пак Чжон Хи и в том же Сингапуре при Ли Куан Ю преференции представителям служебного сословия давались при жестком условии, что те будут грамотно и эффективно ими распоряжаться на благо всего общества. Если это условие не соблюдалось и преференции не использовались должным образом, их безжалостно отбирали и передавали другим – тем, кто доказывал свою состоятельность использовать эти особые возможности в интересах всего общества.

При господстве номенклатурного принципа ситуация оказывается полностью противоположной. Преференции даются не для того, чтобы облегчить и упростить бюрократии выполнение тех или иных функциональных задач, но ради обретения ею внеконкурентного положения в обмен на особую лояльность, после чего вообще утрачивается мотивация работать для народа, оправдывать высокопрофессиональным организационно-управленческим трудом свое исключительное положение в обществе. Отпадает необходимость реальными хозяйственными делами доказывать правомерность своего особого статуса. Складывается и соответствующий этос, в соответствии с которым заветная должность начинает рассматриваться уже исключительно как сытная кормушка (в то время как прежде материальная мотивация не только дополнялась, но подчас даже затмевалась устремлениями далеко не материальными: честолюбием, властолюбием, тягой к знакам, отмечающим доблесть и иные общественно значимые качества, которыми люди гордились). Естественно, при такой «стабилизационной» установке ни о какой мобилизации не может быть и речи. То есть стимул превращается в антистимул и начинает работать в противоположном направлении.

Кризис – это, безусловно, всегда стресс. Возникает вопрос: а нельзя ли конвертировать этот стресс в некое удобное стартовое условие для прорыва? Есть ли способы трансформировать риски в новые возможности? На эти вопросы реально дать положительные ответы. Как правило, именно в кризисные моменты особенно бурно возникают новые точки роста, которые завтра или послезавтра станут пионерами развития. В результате естественной гибели неконкурентоспособных предприятий образуются целые пустующие и неосвоенные ниши, в которых нужно начинать с нуля – со всеми присущими делам первопроходцев преимуществами и издержками. Вместе с тем, несмотря на кризис, бюрократическая машина в нашей стране только увеличилась в размерах, «обросла» дополнительными стабилизационными «агрегатами». Эта бюрократическая машина продолжает заниматься фактическим перераспределением дохода, всё еще поступающего от природной ренты. А значит, акцент, как и прежде, будет делаться не на ростках инновационной экономики, наметившихся в последние месяцы – вопреки санкциям и девальвации рубля, – а на поддержке крупных модулей, связанных с добычей и транспортировкой углеводородов и других сырьевых богатств. Да, эти крупные модули фактически содержат всю страну, гарантируя основные поступления в госбюджет. Но все-таки зарабатываемые на природной ренте деньги – это не тот тип дохода, который востребован в XXI веке. Меняется сам взгляд на прибыль: самая лучшая и самая надежная прибыль – это повышающееся качество жизни, конкурентная привлекательность достойной жизни в своей стране. И если государство заявляет о себе как о менеджере, предоставляющем посреднические услуги в обеспечении интересов граждан, то оно должно в первую очередь озаботиться именно тем, чтобы минимизировать препоны и бюрократические проблемы, встречающиеся в повседневной жизни людей.

В последнее время всё чаще приходится слышать призывы к «творческому» заимствованию мобилизационных наработок некоторых асоциальных интегрий. В связи с этим следует разобраться, действительно ли могут быть привлекательными антиобщественные структуры и стоит ли обращаться к их опыту. Начнем с того, что системы, способные функционировать в режиме предельной мобилизации, но при этом являющиеся антиобщественными (мафиозные и – шире – преступные сообщества), действуют преимущественно спринтерским образом. Они поступают как хищники не только в переносном, но и в прямом смысле: наносят результативные молниеносные удары, захватывают добычу, но после этого сразу уходят в тень и никогда не выставляют себя напоказ. (В том, что субкультура наших криминальных группировок 90-х стала существенным элементом тогдашнего масскульта, «заслуга» падкого на остренькое больного общества, но никак не самих этих группировок.) Однако именно в силу свойственного таким «хищникам» поведенческого алгоритма – моментальных акций и последующего не менее стремительного исчезновения из публичного пространства – их мобилизация всегда предельно краткосрочна. Максимум, что им по силам, – это удержание в своих руках какой-то территории для контроля над ней и осуществления бросковых рейдерских вылазок. Долгосрочные мобилизационные практики – а именно в их рамках возможно то или иное стратегическое проектирование – неподъемны для преступных сообществ. К тому же их судьба сродни печальной судьбе раковых клеток: либо их удается уничтожить в результате удачного лечения,

При господстве номенклатурного принципа преференции даются не для того, чтобы облегчить и упростить бюрократии выполнение тех или иных функциональных задач, но ради обретения ею внеконкурентного положения в обмен на особую лояльность, после чего вообще утрачивается мотивация работать для народа, оправдывать высокопрофессиональным организационно-управленческим трудом свое исключительное положение в обществе.

Кадр из фильма «Однажды в Америке»

Системы, способные функционировать в режиме предельной мобилизации, но при этом являющиеся антиобщественными (мафиозные и – шире – преступные сообщества), действуют преимущественно спринтерским образом. Они поступают как хищники не только в переносном, но и в прямом смысле: наносят результативные молниеносные удары, захватывают добычу, но после этого сразу уходят в тень и никогда не выставляют себя напоказ.

либо они неизбежно убивают организм, на котором паразитируют, но в результате этого погибают и сами. Не следует забывать и о том, что мобилизация всегда предполагает определенный альтруизм, она основывается если не на высоких морально-нравственных принципах, то уж, во всяком случае, на самоотречении ради общественной цели, а эти ориентиры по определению чужды преступным сообществам. То есть выходит, что криминальная мобилизация – это мобилизация лишь по видимости, а на деле – псевдомобилизация.

Любопытно, что эти хищнические повадки криминалитета очень напоминают поведение... бюрократии. Ведь бюрократия по большому счету заточена не на достижение того или иного высокого результата, а на соблюдение определенных формальных процедур, что чаще всего сводится к поддержанию равновесия внутри большей или меньшей системы, причем, как правило, экстенсивным способом. Такая практика очень напоминает тот же хищнический криминальный контроль над территорией. Разница тут, пожалуй, только в том, что если криминалитет имитирует мобилизацию, заимствует в своей деятельности какие-то ее практики и приемы, то бюрократия по самой своей природе просто напрочь отвергает любую экстраординарность. Балансирование между различными интересами с попутным взиманием статусной ренты и иные установки из этого же арсенала несовместимы с нужной обществу мобилизацией. А потому в условиях кризиса, когда от всей вертикали лиц, принимающих решения, требуются предельная концентрация и жесткие самоограничения, бюрократия становится особенно контрпродуктивной. Совсем другое дело – кризисное администрирование, гибкая политика упреждения уже почти всем явных провалов, чуткое внимание к идеям здравомыслящих людей, скромность, замешенная на понимании рисков, и дерзость в использовании любых появляющихся возможностей для рывка вперед. Бюрократическая система, ее неповоротливая машина, думающая исключительно о «втирании очков», ради сохранения своих позиций явно будет, издавая большой мобилизационный шум, главным демотиватором тех, кто может и хочет вывести из кризиса себя, свое дело и свою страну.

Какие же подходы могут быть продуктивными в ситуации, когда обычные накатанные управленческие технологии

оказываются неспособными противостоять нарастающей энтропии? В принципе ничего сверхъестественного в данном случае не требуется, нужно просто наладить и запустить трехуровневую систему контроля и координации процессов – в нашем конкретном случае процессов преимущественно экономических, хотя и социальных – самого широкого спектра – тоже. В принципе эта трехуровневая система является калькой с жизнеспособного живого организма, обладающего тремя взаимосвязанными нервными системами – центральной, симпатической (отвечающей за накопление энергии) и парасимпатической (время от времени запускающей процессы торможения, чтобы организм не «перегрелся»). Проекции из мира органики в сферу макроэкономики и на процессы, протекающие в обществе, очевидны. Можно привести и еще одну физиологическую аналогию. В организме человека имеется так называемый блуждающий нерв, который подспудно контролирует важнейшие процессы жизнедеятельности, но вдобавок к этому выполняет еще и упреждающую прогностическую функцию: немедленно, минуя все барьеры иерархии и соподчинения, передает в мозг сигнал о наступающей угрозе для всего организма. Думается, что если кризисный менеджмент будет строиться сообразно такой трехуровневой системе, да к тому же еще станет прислушиваться к сигналам структур, выполняющих функции блуждающего нерва, то выработка стратегии и тактики мобилизационного преодоления любого кризиса станет вопросом скорого времени.

Если же опрокинуть эту ассоциацию с нервной системой на социально-политическую сферу, то мы неизбежно придем к необходимости развести два понятия, которые часто в обыденной речи заменяют друг друга, но которые между тем обозначают принципиально разное. Эти понятия – «государство» и «страна». Страна – это нечто наподобие вместилища общества как собрания непохожих личностей, образующих между тем значимое единое целое. Это то пространство, в котором личность чувствует себя всегда комфортно, – пространство дома, своей земли, малой родины и большой Родины. Государство же – это рамка, обводящая страну по контуру, это несущий каркас общества, его аркбутаны и контрфорсы, то есть институты, законы, управленческая модель. В идеале страна и государство должны дополнять и поддерживать друг друга. Страна своим блуждающим нервом любви к Родине способна удерживать государство от избыточного административного перегрева, в то время как государству надлежит вполне серьезно брать на себя функции центральной нервной системы. Страна обеспечивает ощущение жизненного уюта и безопасности, а государство дополняет это ощущение чувством достоинства, необходимого стране, обществу и народу.

В условиях кризиса чрезвычайно важно не разбазаривать, а сохранять прежде всего кадры, живых людей, опытных специалистов. К сожалению, у нас сейчас действуют прямо противоположным образом: пытаются сэкономить бюджеты, устраивая массовые увольнения и сокращая став-

Личность менеджера-инноватора неизбежно консервируется, увековечивается управляемой им корпорацией. Например, с уходом Стива Джобса (на фото слева) корпорация *Apple* не прекратила существования, а стала функционировать как эманация индивидуального «Я» своего создателя. То же самое можно сказать и про многих других корпоративных гуру – Генри Форда, Ади Дасслера, ныне здравствующих Билла Гейтса (на фото справа) и Уоррена Баффетта, а также многих других.

Кадр из фильма «Обитаемый остров»

Мы накануне появления корпораций нового типа, которые смогут мобилизоваться в ситуации углубляющегося системного кризиса и научатся более или менее эффективно противостоять ему. Эти корпорации, по-видимому, будут похожи на своеобразные облачные образования, которые станут решать возникающие перед ними в их профессиональном поле проблемы путем обволакивания и растворения в себе – то есть гомогенизируя среду, из которой произрастает тот или иной вызов, и ту новую территорию, на которой этот вызов оказывается уже снятым, разрешенным. Иными словами – решая текущие задачи как бы из будущего.

ки. Возникает естественный вопрос: а кто в таком случае будет эффективно работать потом, когда кризис завершится или хотя бы просто поутихнет? Откуда несменяемые начальники наберут новых работников – взамен уволенных ими, – обученных и хорошо знакомых с той деятельностью, которой они занимались? Не лучше ли поступать иначе – никого не увольнять, а просто разделить тяготы в равной мере на всех сотрудников и руководителей того или иного коллектива? Подобный выход, может быть, экономически и не решит всех проблем в краткосрочной перспективе. Зато в перспективе среднесрочной выигрышность такого решения очевидна. Ведь рентабельность, эффективность, открытость инновационным решениям зависят не только и не столько от вложенных инвестиций и закупленной техники, сколько от таких тонких и незримых факторов, как доверие и способность к командной сцепке. А эти качества гораздо быстрее и основательнее формируются именно в кризисные моменты, когда руководство идет навстречу подчиненным и готово разделить с ними все выпавшие на долю предприятия издержки. Зато капитализация трудового коллектива, прошедшего через кризис и получившего в результате не только ценный профессиональный опыт работы в нестабильной обстановке, но и некое новое качество взаимоотношений внутри себя, выработавшего совершенно иной – гораздо более высокий – уровень доверия по горизонтали и по вертикали, несопоставимо выше капитализации «необстрелянных» кадров. В тяжелой фронтовой обстановке, там, где подразделения с момента создания жили общей жизнью и никогда не переформировывались, вырабатывалось особое боевое братство. Его не было в армии США, долгие годы воевавшей

во Вьетнаме, где военнослужащие в подразделениях, участвовавших в боевых действиях, постоянно менялись для снижения риска погибнуть. Поэтому задачу боевого братства впоследствии эффективнее решали в Голливуде.

Мы начали с того, что обозначили проблему соотношения индивидуального и социального в мобилизационных практиках. Если говорить об антропологическом измерении мобилизации, то ход рассуждения естественным образом, неизбежно и постоянно упирается в вопрос о том, как все эти экстраординарные практики сопрягаются с отдельной личностью. Понятно, что для подавляющего большинства мобилизация интересна главным образом именно в социальном измерении – как практический способ преодоления трудностей и выхода из кризиса. Однако особого противоречия, какого-то конфликта оптик – индивидуально-личностной и общественной – тут нет. В подтверждение можно привести один интересный факт. В 1897 году американская юридическая система признала частную корпорацию субъектом, обладающим всеми правами личности – то есть статусом индивида в судебно-правовой системе.

Действительно, революция менеджеров, размывшая классическое представление о собственности из политэкономии эпохи Смита и эпохи внимательно прочитавшего его Маркса, ко всему прочему установила еще и специфическую смычку между личностью нового управленца и всей подведомственной ему организационно-правовой институциональной структурой. Хозяин смертен, а наемный менеджер, играющий роль представителя владельца, становится как бы вечным. Но менеджер – это не бюрократ, это фактически имманентная сущность смертного инициатора дела, начинания, предприятия и его рыночного бренда. Поэтому личность менеджера-инноватора неизбежно консервируется, увековечивается управляемой им корпорацией. Но здесь мы опять возвращаемся к личностному измерению: подобная «канонизация» менеджера проецирует его индивидуальную особенность, индивидуальный стиль управления далеко за пределы его ограниченного биологического жизненного цикла. Что мы и видим на примере известных корпораций. Например, с уходом того же Стива Джобса корпорация *Apple* не прекратила существования, а стала функционировать как эманация индивидуального «Я» своего создателя. То же самое можно сказать и про многих других корпоративных гуру – Генри Форда, Ади Дасслера, ныне здравствующих Билла Гейтса и Уоррена Баффетта, а также многих других.

Между тем модель корпорации, какой она сложилась в XX веке, тоже не вечная. Уже видно, как она не справляется со многими вызовами нового – XXI – века, причем вызовами, которые относятся, как правило, именно к антропологической проблематике, и в результате оказывается неспособной преодолевать системный кризис, с которым западная цивилизация впервые остро столкнулась в 2008 году. Совершенно очевидно, что мы накануне появления корпораций нового типа, которые как раз смогут так или иначе мобилизоваться в ситуации углубляющегося системного кризиса и научатся более или менее эффективно противостоять ему. Эти корпорации, по-видимому, будут похожи на своеобразные облачные образования, которые станут решать возникающие перед ними в их профессиональном поле проблемы путем обволакивания и растворения в себе – то есть гомогенизируя среду, из которой произрастает тот или иной вызов, и ту новую территорию, на которой этот вызов оказывается уже снятым, разрешенным. Иными словами – решая текущие задачи как бы из будущего.

...Когда у тебя появляется серьезная интенция на прорыв, ты начинаешь с этого момента двигаться с ускорением, которое поддерживает само себя. Такое ускорение можно назвать движением в состоянии вдохновения. Человек охвачен страстным желанием восстановить гармонии, которые оказались нарушенными и своим нерабочим состоянием вызывают у профессионала острый дискомфорт. И понимание того, что ты собственными руками исправляешь эту ситуацию, придает тебе дополнительные силы и энергию – точно открывается второе дыхание. Ты мобилизуешься, мобилизуется творимое тобой дело, твоим вдохновением заражаются окружающие. И в итоге целое сообщество начинает дышать, трудиться, переживать яркие эмоции – как положительные, так и отрицательные, – проходить через боль неудач – в ритмике и динамике, качественным образом отличающихся от тех повседневных привычек, которыми это сообщество жило прежде. И так ли уж это важно – что именно спровоцировало мобилизацию: чье-то конкретное желание или консолидированная коллективная воля. Главное – постоянно ощущать эту присущую практикам преодоления, превозмогания, рывка органичную дихотомию индивидуального и социального. Только в таком случае мобилизация станет эффективной, а ее результаты будут отвечать тем издержкам, ценой которых было куплено преодоление кризиса.

Александр Анатольевич Храмчихин –
заместитель директора Института политического и военного анализа

Война на Украине:
предварительные итоги и вероятные перспективы

Развитие ситуации на Украине во многом определяется предшествующими событиями. Они выявили уровень боеспособности сторон, их цели и задачи, степень влияния внешних факторов.

В данном случае необходимо оставить в стороне Крым, где сразу после февральского переворота в Киеве было принято однозначное решение отделяться от Украины, предпочитая статус непризнанного государства. Однако Москва освободила крымчан от необходимости воевать за свою независимость.

Гражданская война в Донбассе стала естественным продолжением киевского переворота, который был организован, профинансирован и медийно обеспечен днепропетровскими и киевскими олигархами с целью разгрома «семьи» (олигархического клана) президента Януковича и, как минимум, существенного ограничения влияния (или тоже разгрома) конкурентов из Донецка. Олигархи из донецкой группировки (наиболее известный и влиятельный из них – Ринат Ахметов) попытались организовать «контролируемый сепаратизм» в Донецкой и Луганской областях с целью удержания своих экономических и частично политических позиций. Именно на их деньги из запасов Вооруженных сил Украины (ВСУ) было приобретено оружие для внезапно возникших здесь формирований. При этом, разумеется, никакое отделение от Украины они не планировали. Соответственно как Евромайдан в ре-

альности не был никакой народной революцией, так и донбасский сепаратизм не был народным восстанием против «киевской хунты». И то и другое было олигархической «разборкой». Однако данный проект достаточно быстро вышел из-под контроля олигархов, поскольку в Донбасс в массовом порядке двинулись добровольцы из России, из других регионов Украины и даже из Европы, вдохновленные кто идеей «Русского (или Славянского. – *А.Х.*) мира», кто «борьбой с фашизмом». Они и составили основу ополчения самопровозглашенных ДНР и ЛНР. В итоге «контролируемый сепаратизм» перерос в реальную гражданскую войну.

Начало «антитеррористической операции» было провозглашено спикером Верховной рады, и.о. президента Украины Александром Турчиновым 7 апреля. Название этой операции было совершенно абсурдным: можно было выставлять ополченцев Донбасса сепаратистами, но никаких терактов они совершенно точно никогда не совершали. Поначалу операция шла довольно вяло и без особых жертв. С середины апреля центром противостояния стал Славянск на севере Донецкой области. Здесь впервые имел место захват ополченцами и местными жителями техники ВСУ с переходом части военнослужащих-десантников на их сторону. В конце апреля здесь уже шли серьезные бои, в начале мая ополченцы сбили из ПЗРК не менее 3 украинских ударных вертолетов Ми-24, что чрезвычайно осложнило действия украинской авиации и, соответственно, увеличило потери сухопутных войск, лишившихся поддержки с воздуха.

Власти самопровозглашенных республик поначалу контролировали большую часть их территорий. При этом, впрочем, в этих республиках имел место полный управленческий хаос. Здесь действовали местные формирования, созданные олигархами из донецкой группировки (с которых всё и началось), местные формирования, возникшие «по ходу дела» сами по себе, а также разнообразные группы добровольцев. Никто никому не хотел подчиняться, очень плохо обстояло дело даже просто с координацией действий. При этом подавляющая часть населения Донецкой и Луганской областей не поддерживала ни одну из сторон конфликта, пассивно ожидая, кто победит. Те, кто был активно недоволен новыми киевскими властями, предпочитали бежать в Россию, но не воевать за ДНР и ЛНР. Мотивация у местных и пришлых добровольцев была весьма высока, но она не могла полностью компенсировать управленческий хаос и общую нехватку сил.

Олигархи из донецкой группировки (наиболее известный и влиятельный из них – Ринат Ахметов (на фото)) попытались организовать «контролируемый сепаратизм» в Донецкой и Луганской областях с целью удержания своих экономических и частично политических позиций.

К началу лета украинское командование более или менее адаптировалось к ситуации и начало давить противника массой, не считаясь с потерями и поражениями. По количеству личного состава и техники ВСУ имели многократное превосходство над ополченцами. Благодаря этому им удалось окружить и 5 июля взять Славянск. Кроме того, с начала июня украинские войска начали наступление вглубь территории обеих республик вдоль их границы с Россией с целью полной изоляции Донбасса от РФ.

Кремль изначально не хотел вмешиваться в донбасский конфликт, потому что это была не его игра. Кроме того, происходящее начинало очень дорого обходиться России в экономическом и политическом смыслах из-за сильнейшего охлаждения отношений с Западом.

Однако и пустить ситуацию в Донбассе на самотек Кремль уже тоже не мог. Ведь в результате им же раздутой пропагандистской истерии в Донбасс двинулся тот самый поток российских добровольцев, которые поломали игру донецким олигархам и превратили контролируемый сепаратизм в настоящий. Прочие россияне, воевать не едущие, но слушающие телевизионную истерию, начали задавать есте-

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УКРАИНЫ

Сухопутные войска

Оперативное командование «Запад» (Ровно)
Механизированные бригады – 24-я (Яворов), 14-я (Владимир-Волынский), 128-я (горнопехотная) (Мукачево).
Ракетные бригады – 19-я (Хмельницкий).
Артиллерийские бригады – 11-я (Тернополь).
Полки – 300-й механизированный (Черновцы), 80-й аэромобильный (Львов), 8-й спецназа (Хмельницкий), 15-й артиллерийский (Дрогобыч), 59-й зенитно-ракетный (Владимир-Волынский), 3-й (Броды) и 7-й (Калинов) армейской авиации.

Оперативное командование «Юг» (Днепропетровск)
Танковые бригады – 17-я (Кривой Рог).
Механизированные бригады – 28-я (Черноморское, Одесская область), 92-я (Клугошино-Башкировка, Харьковская область), 93-я (Черкасское, Днепропетровская область).
Воздушно-десантные бригады – 25-я (Гвардейское, Днепропетровская область).
Аэромобильные бригады – 79-я (Николаев).
Артиллерийские бригады – 55-я (Запорожье).
Полки – 3-й спецназа (Кировоград), 107-й РСЗО (Кременчуг), 1039-й зенитно-ракетный (Гвардейское, Днепропетровская область), 11-й армейской авиации (Чернобаевка, Херсонская область).

Территориальное управление «Север» (Житомир)
Танковые бригады – 1-я (Гончаровское, Черниговская область).
Механизированные бригады – 30-я (Новоград-Волынский), 72-я (Белая Церковь).
Аэромобильные бригады – 95-я (Житомир).
Артиллерийские бригады – 26-я (Бердичев).
Полки – 27-й РСЗО (Сумы), 1129-й зенитно-ракетный (Белая Церковь).
Тактические ракеты – 12 «Точка» (еще 78 на хранении), 111 «Луна», до 50 Р-17 на хранении.
Танки – 10 Т-84 «Оплот», 66 Т-64БМ, 1498 Т-64 (часть на хранении), до 165 Т-80, до 416 Т-72 на хранении.
БРМ – до 600 БРДМ-2.
БМП и БМД – 56 БМД-1, 59 БМД-2, 653 БМП-1, 439 БРМ-1К, 1043 БМП-2, 4 БМП-3.
БТР – 34 БТР-4Е, 30 БТР-3Е1, 128 БТР-60, 959 БТР-70, 278 БТР-80, 1996 МТЛБ, 45 БТР-Д.
САУ – 69 2С9 (120 мм), 512 2С1 (122 мм), 33 2С19, 19 2С5, 424 2С3 (152 мм), 92 2С7 (203 мм).
Буксируемые орудия – 2 2Б16 (120 мм), 331 Д-30 (122 мм), 287 2А36, 155 2А65, 213 Д-20, 7 МЛ-20 (152 мм).
Минометы – 2Б9, 2Б14 (82 мм), 342 2С12, 136 ПМ-38 (120 мм).
РСЗО – 256 БМ-21 (122 мм), 128 БМ-27 «Ураган» (220 мм), 82 «Смерч» (300 мм).
ПТРК – 800 «Фагот», 10 «Стугна-П», «Штурм», «Конкурс», «Метис».
ПТО – до 500 МТ-12 (100 мм).
ЗРК – до 60 ПУ «Бук-М1», 118 «Оса», 150 «Стрела-10», до 100 «Тор», до 100 ПУ «Круг» на хранении.
ПЗРК – «Игла»; «Стрела-2», «Стрела-3» на хранении.
ЗРПК – 68 «Тунгуска».
Боевые вертолеты – 37 Ми-24 (еще 73 на хранении).
Многоцелевые и транспортные вертолеты – 20 Ми-8МТ (еще 3 на хранении), 16 Ми-26 на хранении.

ственный вопрос: почему мы спасли Крым, хотя там еще никто не погиб, а в Донбассе кровь уже льется рекой, но мы его не спасаем? То есть внутриукраинская олигархическая «разборка» стала важнейшим российским внутриполитическим фактором. Более того, возникли признаки того, что некоторые лидеры донбасских ополченцев, приехавшие из России, вполне могут затем стать альтернативными политическими лидерами уже в самой России, что для Кремля просто смертельно. Донбасс стал для Москвы типичным «чемоданом без ручки», который очень тяжело нести, но и совершенно невозможно бросить, хотя это и чемодан-то не наш.

На протяжении нескольких месяцев Москва пыталась взять хотя бы под частичный контроль донбасское «гуляйполе», маневрируя между креатурами Ахметова (этот олигарх, в свою очередь, не менее активно маневрировал между ополченцами и Киевом) и лидерами добровольцев. Определенных результатов добиться удалось, поскольку реализовался принцип «не было бы счастья, да несчастье помогло». Этим несчастьем стало украинское наступление по всем фронтам и быстрое сокращение территорий мятежных республик.

В первой половине июля в Донбассе сложилась сложнейшая динамическая обстановка, слишком, видимо, сложная для не очень искушенных «полководцев» с обеих сторон. Украинские войска вышли к Донецку и Луганску и предпринимали попытки наступать еще и между ними, изолировав друг от друга ДНР и ЛНР. Одновременно они, как было сказано выше, наступали вдоль границы с РФ. Из-за этого образовалась длинная узкая полоса, контролируемая украинской армией, над

Карта Украины 2010 года

которой «нависали» ополченцы. Это был классический «котел», который украинцы создали сами себе. При этом, правда, у ополченцев катастрофически не хватало сил, чтобы сдерживать наступление с севера и запада, одновременно замыкая окружение на юго-востоке. Донбасские мужчины в массовом порядке бежали со своими семьями в Россию, но воевать за независимость своего региона не хотели.

Тем не менее, в конце концов, силы ДНР всё же замкнули окружение, а затем и разрезали украинскую приграничную группировку на несколько частей. Украинская армия оказалась перед катастрофой. Начались переходы украинских военных на российскую территорию со сдачей техники и оружия ополченцам.

Однако и в этой катастрофической ситуации количественное превосходство украинской стороны никуда не делось, поэтому она чуть было не превратила катастрофу в триумф. Выходящие из «котла» части, несмотря на огромные потери, могли создать гораздо более грандиозный «котел» ополченцам ДНР. Они прорывались на север в направлении Амвросиевки и Иловайска, навстречу им наносили удар основные силы украинской армии. В итоге возникла совершенно реальная возможность полного окружения ДНР с изоляцией ее и от ЛНР, и от России. После этого у самопровозглашенных республик не оставалось никаких шансов на выживание.

Вот тут-то Москва и не осталась в стороне. На полную мощность заработало то, что в Интернете иронично названо «военторгом». Из-за этого украинская катастрофа превратилась не в триумф, а в еще большую катастрофу.

Что касается прямого участия российских военнослужащих в конфликте, то это вопрос крайне неоднозначный, прямых доказательств нет. 10 десантников, попавших в плен к украинцам, на самом деле заблудились. При этом, впрочем, имеются факты гибели российских военнослужащих в данном регионе (19 человек – 14 десантников, 5 мотострелков). Кроме того, одними поставками оружия сложно объяснить масштаб разгрома украинских войск под Иловайском в конце августа, ведь у ополченцев просто не хватило бы людей и техники для данной операции.

Разгром же получился поистине сокрушительным, окончательно потери украинской стороны в людях не посчитаны до сих пор. Благодаря ему в последние дни августа ополченцы совершили стремительный рывок на юго-запад, вышли к побережью Азовского

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УКРАИНЫ

ВВС и ПВО

203-я учебная авиабригада (Чугуев: L-39, Ан-26, Ми-8).

Транспортные авиабригады – 15-я (Борисполь: Ту-134, Ан-24/26/30, Ми-8), 25-я (Мелитополь: Ил-76/78), 456-я (Гавришовка: Ан-24/26, Ми-8).

Воздушное командование «Центр» (Васильков)

Бригады тактической авиации – 9-я (Озёрная: МиГ-29), 40-я (Васильков: МиГ-29, L-39), 831-я (Миргород: Су-27, L-39).

Зенитно-ракетные бригады – 96-я (Даниловка: 3 С-300ПС), 120-я (Харьков: 2 дивизиона С-300ПТ).

Зенитно-ракетные полки – 108-й (Золотоноша: 3 дивизиона «Бук-М1»), 138-й (Днепропетровск: 6 дивизионов С-300ПТ), 156-й (Донецк, Луганск, Мариуполь: 3 дивизиона «Бук-М1»; частично захвачен ополченцами), 301-й (Никополь: 2 дивизиона С-300ПТ), 302-й (Харьков: 3 дивизиона С-300ПТ).

Радиотехнические бригады – 138-я (Васильков), 164-я (Харьков).

Воздушное командование «Запад» (Львов)

Бригады тактической авиации – 7-я (Староконстантинов: Су-24, L-39), 114-я (Ивано-Франковск: МиГ-29).

Зенитно-ракетные полки – 11-й (Шепетовка: 2 дивизиона «Бук-М1»), 223-й (Стрый: 3 дивизиона «Бук-М1»), 540-й (Каменка-Бугская: 2 дивизиона С-300ПС).

Радиотехнические бригады – 1-я (Липники).

Воздушное командование «Юг» (Одесса)

Бригады тактической авиации – 299-я (Кульбакино (Николаев): Су-25, L-39).

Зенитно-ракетные бригады – 160-я (Одесса, Николаев: 4 дивизиона С-300ПТ/ПС), 208-я (Херсон: 1 дивизион С-300ПС).

Зенитно-ракетные полки – 201-й (Первомайск: 2 дивизиона С-300ПТ).

Радиотехнические бригады – 14-я (Одесса).

Бомбардировщики – 12–14 Су-24М (еще от 8 до 90 на хранении).

Штурмовики – 15–33 Су-25 (в том числе 6-7 М1, 1 УБМ1, 4–8 УБ, до 1 УТГ, еще от 4 до 58 на хранении), от 7 до 25 Су-17 на хранении.

Истребители – 20 Су-27 (в том числе 6 УБ; еще 36, в том числе 4 УБ, на хранении), 29 МиГ-29 (3 МУ1, 8–17 УБ; еще 28–158 (не менее 6 УБ) на хранении), не менее 46 МиГ-23 (37 МЛД, не менее 1 МЛ, 8 УБ), 19 МиГ-25 на хранении.

Разведчики – 7 Су-24МР (еще 3–6 на хранении), 2 Ан-30 (еще 3 на хранении).

Заправщики – 4 Ил-78 на хранении.

Транспортные самолеты – 6 Ил-76МД (еще 54, в том числе 50 МД, 3 ТД на хранении), 2 Ан-24Б (еще 4 (1 Т, 1 Б, 2 РТ) на хранении), 16 Ан-26 (в том числе 1 КПА, 1 РТ, 1 Б, 1 Ш; еще 16, в том числе 5 Ш, на хранении), 2 Ту-134АК (еще 2 Ш и 2 УБ-Л на хранении), 1 Ан-72 (еще 1 на хранении), 6 Ан-12 (4 Б, 2 БК), 1 Ту-154, 1 Ил-62, 1 Ан-2 на хранении.

Авиация погранслужбы – 1 Ан-24РВ, 2 Ан-26, 1 Ан-72П, 5–7 Ми-8 (3 МТ, 1 ПС, 1–3 Т; еще до 1 Т, 2 ПП на хранении).

Авиация МВД – 1 Ан-72, 1 Ан-74, 1 Ан-26 (еще 1 на хранении).

Авиация Нацгвардии – 1 Ми-8МТ.

Учебные самолеты – 32–57 L-39 (в том числе 4 М1, еще 29–36 на хранении).

Многоцелевые и транспортные вертолеты – 17 Ми-8 (1 ВКП, 2 МТП (1 Б, 1 И), 14 МТ(В); еще 10–12 на хранении (7–9 Т, 1 П, 2 ПП), 1 стенд).

ЗРК – 25–30 дивизионов С-300П, 14–18 дивизионов «Бук-М1»; 4 дивизиона С-300В, 12 дивизионов С-200 на хранении.

моря, захватили Новоазовск и были очень близки к взятию Мариуполя, являющегося «временной столицей» Донецкой области с точки зрения Киева. Впрочем, это вызвало очень сильное растяжение фронта, которое стало опасным, учитывая сохраняющуюся у ополченцев нехватку сил. Поэтому вскоре они отошли от Мариуполя, сохранив за собой Новоазовск и участок морского побережья.

5 сентября, под сильнейшим давлением России и Европы, Киев и ополченцы подписали минские соглашения о прекращении огня. Они, однако, категорически не устроили ни Киев, ни Донбасс. Обе стороны считали, что этими соглашениями у них украли победу (причем и те и другие были в определенной степени правы), обе стороны не достигли своих целей и не утратили возможности воевать дальше. Поэтому продолжение войны было практически неизбежным. Она и не прекратилась, лишь снизилась ее интенсивность. Выполнять соглашения никто не собирался, стороны лишь восстанавливали силы после жестоких летних боев, а также ждали, не случится ли у противника экономический коллапс. Коллапс ни у кого не случился (хотя экономическая ситуация как на Украине, так и в Донбассе катастрофическая), поэтому в середине января возобновилась полномасштабная война. Завершилась она очередным поражением украинской армии и вторыми минскими соглашениями, которые вновь были навязаны сторонам внешними игроками (Россией и Европой). Украина и Донбасс по-прежнему крайне недовольны соглашениями, поскольку опять не достигли целей и всё еще не утратили возможности воевать дальше. Про украденную победу, правда, теперь уже не говорят ни те

Карта Крыма

ни другие. Для Украины это было бы совсем уж абсурдно, но и донбасским ополченцам зимняя кампания обошлась очень дорого.

Важнейшими проблемами новой украинской власти при ведении войны в Донбассе являлись и являются крайне низкий уровень боевой подготовки армии и практически полное отсутствие у нее новой техники. Кроме того, украинская армия с самого начала войны стала конгломератом собственно ВСУ, Нацгвардии (смесь бывших Внутренних войск и активистов Евромайдана) и олигархических добровольческих батальонов. Это ничуть не повышало боеспособность, зато значительно усиливало хаос в управлении группировкой. Ситуация усугублялась тем, что все эти отдельные компоненты были «мелко нарезаны» и разбросаны по разным участкам фронта, причем так происходило даже с подразделениями одной и той же бригады.

Разумеется, любая армия в ходе войны учится воевать. ВСУ не исключение. Зимой 2015-го они воевали более упорно, чем летом 2014-го, нанеся ополченцам весьма серьезные потери в людях и технике. Тем не менее итогом было вновь поражение, почти такое же катастрофическое, как в августе-сентябре под Иловайском.

Учатся воевать солдаты и младшие офицеры ВСУ, но не старшие офицеры и генералы. Управленческий хаос в ВСУ за год войны ничуть не уменьшился, а это уже симптом. Не происходит положительного отбора наиболее способных офицеров, как это было, например, у ВС РФ в Чечне. По-прежнему украинской армией руководят люди, отобранные не по профессиональным качествам, а по идеологическим критериям и уровню преданности политическому руководству.

Аналогичная ситуация с тыловым снабжением. По сути, армия в значительной степени по-прежнему находится на самообеспечении, либо зависит от волонтеров, приобретающих еду и снаряжение для ВСУ за свои деньги. Если люди готовы воевать за свой счет, то начальство (как военное, так и политическое) это вполне устраивает. Отношение к личному составу ВСУ совершенно безобразное (как на фронте, так и в тылу), никаких изменений к лучшему не происходит. И это симптом еще более серьезный.

Более того, война стремительно превратилась на Украине в чрезвычайно доходный бизнес, подтвердив хорошо известный факт, что коррупция в этой стране абсолютна. Генералы, офицеры, а также командиры добровольческих батальонов продают всё подряд и кому угодно, в том числе и противнику. Появились уже и фальшивые волонтеры, зарабатывающие на гуманитарной помощи населения армии. И это уже даже не симптом, а

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УКРАИНЫ

ВМС

Сторожевые корабли (фрегаты) – 1 пр. 1135П.
МПК – 1 пр. 1124П.
Ракетные катера – 1 пр. 206МР.
Сторожевые катера – 1 пр. 1400М.
Тральщики – 1 пр. 1258.
ДК – 1 пр. 773.

Морская авиация
Противолодочные самолеты – 4-5 Бе-12 (еще 2-3 на хранении), 1 Ил-38 на хранении.
Транспортные самолеты – 2 Ан-26, до 1 Ан-12ПС, до 1 Ан-24 на хранении.
Противолодочные вертолеты – 6 Ка-27ПЛ (еще 3 на хранении), 3-4 Ми-14ПЛ.
Многоцелевые вертолеты – 3-4 Ка-29 (еще 1, возможно, на хранении).
Спасательные вертолеты – 3 Ка-27ПС.

Морская пехота
1-я бригада морской пехоты (Николаев).

приговор. Впрочем, армия – часть общества. После каждого очередного президента Украины кажется, что выше уровень коррупции в этой стране быть уже не может, но каждый новый президент демонстрирует, что «нет предела совершенству».

Еще одним губительным для ВСУ обстоятельством является то, что для руководства страны информационная война оказывается гораздо важнее собственно войны. Нынешний киевский режим, чья сущность и деятельность прямо противоречат всем лозунгам им же организованного Евромайдана, держится в первую очередь на пропаганде, успевшей создать гигантское количество разнообразных мифов. Некоторые из этих мифов оказываются смертельными для военнослужащих ВСУ. В частности, миф о «киборгах», защищающих донецкий аэропорт, привел к гибели большинства этих «киборгов» под развалинами аэропорта, которые всё равно перешли под контроль ополченцев. Миф о «Сталинграде в Дебальцево» (украинская пропаганда, несмотря на свой крайний антисоветизм, проводила параллель между ВСУ и Красной армией) привел к тому, что там действительно случился «Сталинград», только ВСУ оказались в роли вермахта (в военном смысле). То есть от ВСУ требуют удерживать позиции исключительно ради «картинки», но вопреки военной целесообразности, что закономерно приводит к катастрофам и огромным потерям.

Практически полное отсутствие боевой подготовки до сих пор компенсировалось самым незатейливым образом: ВСУ стали воевать, не считаясь с потерями как в технике, так и в людях – ни среди собственного личного состава, ни среди мирных жителей (в свете этого разговоры о «европейском выборе Украины» звучат особенно убедительно). Это привело к естественным проблемам с личным составом. Причем здесь происходят процессы, которые рушат один из основополагающих мифов украинской пропаганды. Но и пропаганде российской данный факт неудобен, поэтому просто замалчивается.

Лейтмотивом киевской пропаганды является миф о том, как свободолюбивые европейские украинцы противостоят замшелым русским рабам-«ватникам», стремящимся восстановить свою тоталитарную империю. Оплотом свободолюбивого европеизированного украинства является, разумеется, Западная Украина, которая оказалась под «имперским гнетом» лишь в 1939 году, а до этого всегда была Европой.

И действительно, западные украинцы в ходе последней мобилизации проявили себя именно как настоящие европейцы. Как известно, для нынешнего европейца сама мысль о том, что можно погибнуть в бою (в том числе в бою за родину), является пещерной дикостью (поэтому Украина никогда не дождется помощи со стороны НАТО). Вот и «западенцы» от мобилизации сегодня стремительно разбегаются во все стороны – как в просвещенную Европу, так и в тоталитарную Россию. Откуда яростно громят «русских агрессоров», но только в Интернете. Служить же идут жители центральных и восточных областей, то есть русские и русифицированные украинцы. При этом они демонстрируют все черты, присущие тем самым «ватникам», – готовность умереть за родину, несмотря на скотские условия службы и на то, что бездарное воровское командование заваливает противника их трупами, других методов ведения войны оно просто не знает. Правда, украинская армия поражена сегодня повальным пьянством, но что ж поделаешь, если «европейцы» служить не хотят. Только и исключительно на собственных «ватниках» держатся нынешние ВСУ и Украина в целом. Вопрос в том, является ли этот ресурс бесконечным. Есть подозрения, что нет.

Руины донецкого аэропорта

По сути, мифом оказались и «добровольческие батальоны». В них удалось набрать не более 10 тысяч человек (с 40-миллионной Украины), их боеспособность крайне низка.

Что касается техники, то это как раз далеко не главная проблема ВСУ. Да, за весь постсоветский период ее обновления не происходило вообще. Тем не менее стране ее досталось так много, что запасы до сих пор не исчерпаны. В статье отдельно приведены подробные данные по составу ВСУ с учетом известных потерь (которые также приведены). Разумеется, реальные показатели количества боеспособной техники гораздо ниже, поскольку, во-первых, учтены не все потери, во-вторых, неизвестно, сколько техники продано из ВСУ ополченцам, в-третьих, очень значительная часть техники полностью выработала ресурс либо разукомплектована для восстановления других аналогичных машин. Но даже если приведенные значения уменьшить вдвое, это всё равно еще очень много, хватит на несколько лет войны. Тем более что и ополченцы воюют точно такой же техникой, только в меньших количествах.

В связи с этим представляется достаточно бессмысленным делом закупка Украиной иностранных вооружений. В странах бывшего Варшавского договора, ныне входящих в НАТО, имеется довольно много хорошо знакомой украинцам советской техники. Но ее всё же меньше, чем у самой Украины, к тому же она еще старше, чем у ВСУ. В частности, у Восточной Европы нет ни одного танка Т-64, а Т-72 ВСУ в боях не используют. У нас, правда, многие до сих пор считают, что Венгрия в прошлом году поставила на Украину 58 Т-72, но сейчас уже хорошо известно, что эти танки уехали в противоположном направлении – в Чехию, откуда перепроданы в Нигерию. Более того, Венгрия, имеющая территориальные претензии к Украине и статус *enfant terrible* НАТО и ЕС, вряд ли будет продавать Киеву оружие. У Восточной Европы почти нет даже БМП-2 (суммарно менее 300 у Чехии и Словакии), при том что в ВСУ их до 1 тысячи. В Польше и Болгарии в больших количествах есть лишь БМП-1, САУ 2С1 и РСЗО БМ-21. Определенную пользу ВСУ эта техника принести может (особенно САУ и РСЗО, поскольку для не умеющей воевать армии роль артиллерии колоссально велика), но победы точно не обеспечит. Более всего пригодились бы ВСУ вертолеты Ми-24 и Ми-8, но их в Восточной Европе немного и, главное, их ресурс выбит не меньше, чем у аналогичных украинских машин, ибо все они произведены еще в СССР. Еще более бессмысленны поставки западного оружия, о которых очень много говорится на Украине, в России и на Западе (особенно в США). Это оружие совершенно незнакомо украинским военнослужащим, его освоение займет достаточно длительное время. При этом никакими волшебными «всепобеждающими» качествами никакая западная техника не обладает. Все объективные американские эксперты единодушно отмечают, что такие поставки лишь ухудшат ситуацию для ВСУ, поскольку

Потери Вооруженных сил Украины

в технике с начала войны (на середину апреля 2015 г., без учета захваченной в Крыму). Приведены только точно установленные (признанные украинской стороной и/или зафиксированные фото и/или видео).

Уничтоженная техника
Танки – 110 Т-64БВ и 15 Т-64БМ «Булат».
БРМ – 18 БРДМ-2.
БМП и БМД – 3 БМД-1, 18 БМД-2 (в том числе 2 БМД-1 и 1 БМД-2 ополченцев, ранее захваченных ими у ВСУ), 16 БМП-1, 8 БРМ-1К, 196 БМП-2.
БТР – 4 БТР-4Е, 2 БТР-3Е, 81 БТР-80, 22 БТР-70, 5 БТР-60, 34 МТЛБ, 4 БТР-Д (в том числе 2, захваченных ополченцами).
САУ – 4 2С19 «Мста» (в том числе 1 2С19 ополченцев, ранее захваченная ими у ВСУ), 17 2С3 «Акация», 10 2С1 «Гвоздика», 5 2С9 «Нона», 1 2С5 «Гиацинт-С».
Буксируемые орудия – 11 Д-30, 15 2А65 «Мста-Б», 6 ПТО МТ-12.
РСЗО – 20 БМ-21 «Град», 9 БМ-27 «Ураган».
ЗРК – 2 «Оса-АКМ», 1 ПУ и 1 ПЗУ «Бук».
ЗРПК – 2 2С6 «Тунгуска».
Фронтовые бомбардировщики – 2 Су-24М.
Штурмовики – 5 Су-25 (в том числе 3 М1).
Истребители – 2 МиГ-29.
Самолеты видовой разведки – 1 Ан-30.
Транспортные самолеты – 1 Ил-76, 1 Ан-26.
Боевые вертолеты – 6 Ми-24.
Многоцелевые вертолеты – 6 Ми-8.
Разведывательные БПЛА – 2 Ту-143.

Захваченная техника
Танки – 62 Т-64БВ, 4 Т-64БМ.
БРМ – 15 БРДМ-2.
БМП и БМД – 1 БМД-1, 3 БМД-2, 31 БМП-1, 11 БРМ-1К, 126 БМП-2.
БТР – 3 БТР-4 (1 К, 2 Е), 27 БТР-80, 15 БТР-70, 1 БТР-7, 3 БТР-60, 1 БТР-Д, 35 МТЛБ.
САУ – 15 2С1, 15 2С3, 1 2С5, 1 2С19.
Буксируемые орудия – 1 БС-3, 18 МТ-12, 5 Д-30, 2 Д-20, 9 Мста-Б.
РСЗО – 2 БМ-21.

ополченцы в ответ получат по линии «военторга», как минимум, не меньшее количество техники, которая ополченцам прекрасно знакома и может быть применена ими немедленно. Более того, с вероятностью, близкой к 100 процентам, американское оружие очень быстро окажется у ополченцев, а затем и в России, причем даже не обязательно в качестве трофея: военнослужащие ВСУ его просто продадут. Кроме того, если американское оружие на Украину будет поставлено, а победы всё равно не принесет (а будет именно так), это катастрофически дискредитирует не только это оружие, но и вообще США.

Что касается нелетального оборудования и обмундирования, его страны НАТО поставляют Киеву давно и открыто. Это вещи, разумеется, весьма полезные, но война не выигрывается джипами и бронежилетами. Кроме того, в украинских реалиях подобное оборудование и обмундирование мгновенно становится товаром.

Предположить, что вторые минские соглашения будут выполняться, крайне сложно, поскольку, как было сказано выше, стороны не достигли своих целей (для Киева – полная ликвидация ДНР и ЛНР, для республик – выход, как минимум, на административные границы своих областей). Киев и Донбасс будут всячески обвинять друг друга в срыве соглашений, причем, по-видимому, правы будут и те и другие. Для Киева неприемлема никакая реальная федерализация. Его представители официально заявляют, что в качестве образца устройства страны будет взят пример не США, не Германии, не Швейцарии, не Испании, а Польши, то есть государства полностью унитарного. В то же время для ДНР и ЛНР приемлем лишь вариант, мало отличающийся от предоставления им полной независимости, что заведомо невозможно для Киева. Таким образом, позиции сторон являются взаимоисключающими, что делает вероятность возобновления войны очень высокой. При этом перспективы обеих сторон в этой войне крайне неоднозначны.

Как говорилось выше, донецко-луганский сепаратизм изначально имел чисто внутриукраинскую природу в рамках борьбы олигархов, но затем в силу различных причин вышел из-под контроля своих организаторов (донецкой олигархической группировки). Сейчас влияния прежних хозяев на руководство ДНР и ЛНР почти не осталось, зато влияние Москвы очень велико (хотя и не абсолютно), при том что сначала было нулевым. Гражданское строительство в Донбассе не интересует никого – ни руководство самопровозглашенных республик (это люди вообще очень специфические), ни Москву (она не собирается присоеди-

нять Донбасс). Мирному населению Донбасса лишь обеспечивается возможность не умереть с голоду. Само это мирное население относится к ДНР и ЛНР крайне неоднозначно, хотя и Киев, в основном, люто ненавидит. При этом вооруженные силы республик постепенно превратились из анархической совокупности никому не подчиняющихся формирований в как бы почти нормальную армию. В них можно выделить три основных компонента. Во-первых, те, кто всё это начал в рамках внутриукраинских «разборок» (то есть люди Ахметов и Ефремова). Во-вторых, добровольцы из других регионов Украины, из России и из некоторых других стран, воюющие из идеологических соображений. В-третьих, местные жители, присоединившиеся к ополчению уже в ходе войны по мотивам, в первую очередь, мести ВСУ за убитых родственников и друзей. Их боевой дух и уровень подготовки достаточно высок. С оснащением техникой тоже всё неплохо: во-первых, есть огромные трофеи (они перечислены ниже), во-вторых, значительное количество техники у ВСУ просто куплено (причем в этом «бизнесе» участвуют с украинской стороны как генералы, так и рядовые), наконец, в-третьих, не обходится без российского «военторга». Впрочем, военный потенциал ополченцев всё равно ограничен, им присущи почти все те недостатки, которые имеются у ВСУ (управленческий хаос, устаревшая техника, бардак с тыловым снабжением), поэтому даже выход на административные границы Донецкой и Луганской областей является для них исключительно сложной проблемой. По сути, это возможно только в случае внутреннего краха ВСУ и вообще украинского государства. Если этого не произойдет, ополченцы способны лишь на удержание нынешней территории, правда, эту задачу они решают почти гарантированно.

Киеву Донбасс и его население совершенно не нужны, это подтверждается тем, как быстро он отказался от социальных обязательств по отношению к тем, кто живет в ДНР и ЛНР. В связи с этим нельзя не вспомнить, что Москва не отказывалась от социальных обязательств по отношению к жителям Чечни даже в те годы, когда эта республика находилась под контролем сепаратистов. Тогда многим россиянам это казалось идиотизмом, сейчас ясно, насколько это было правильно. Но и отказаться от Донбасса Киев не готов (по крайней мере — пока) по причинам, в первую очередь, политического характера: очень сложно развернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, а сейчас она продолжает с прежней яростью поддерживать идею единства Украины. Кроме того, Вашингтон настоятельно рекомендует Киеву воевать до победы. А степень влияния Вашингтона на Киев вполне сравнима со степенью влияния Москвы на ДНР и ЛНР — очень велика, хотя и не абсолютна.

Важнейшими ограничителями для обеих сторон являются нехватка собственных сил и недостаток внешней поддержки.

Как было сказано выше, ни одна из фундаментальных проблем ВСУ за год войны не была разрешена даже частично. Это объясняется в первую очередь тем, что ни в политическом, ни в военном руководстве страны просто нет людей, способных и желающих эти проблемы решать. Действия всей украинской «элиты» с момента обретения страной независимости направлены на достижение единственной цели — укрепление собственного благосостояния. Мыслить понятием «национальные интересы» они просто не могут и не смогут уже никогда. При этом есть огромные сомнения в том, что в стране можно найти и тем более привести к власти какую-то альтернативную элиту. Соответственно просто неоткуда ожидать успехов в государственном и военном строительстве. Разумеется, не оправдались надежды на помощь Запада.

Потери ополченцев

(только подтвержденные)

Уничтоженная техника

Танки – 20 Т-64БВ/А, 21 Т-72 (в том числе 3 Б3).
БРМ – 3 БРДМ-2.
БМП и БМД – 4 БМП-1, 10 БМП-2, 10 БМД-2 (в том числе 1 бывшая украинская), 2 БМД-1 (бывшие украинские).
БТР – 1 БТР-82А, 12 БТР-80, 13 МТЛБ, 2 БТР-Д (бывшие украинские).
САУ – 1 2С19 (бывшая украинская), 1 2С1.
Буксируемые орудия – 1 Д-30, 1 МТ-12.
РСЗО – 1 БМ-21.

Захваченная техника

Танки – 5 Т-64БВ, 2 Т-72Б.
БРМ – 2 БРДМ.
БМП и БМД – 1 БМД-2, 1 БМП-1, 2 БМП-2.
БТР – 3 БТР-80, 1 БТР-70, 1 МТЛБ.
Буксируемые орудия – 2 МТ-12.

Даже экономическая помощь оказалась гораздо меньше ожидаемой, поскольку Запад сейчас избытком денег не страдает, при этом там уже начали догадываться, что нынешний киевский режим коррумпирован, как минимум, не меньше, чем предыдущий. Поэтому даже те деньги, которые Киеву всё же дают, выделяются исключительно по политическим соображениям. Что касается военной помощи, то ее не могло быть изначально, поскольку, как совершенно точно заметила одна из польских газет после крымских событий, сегодняшнее НАТО – это даже не «бумажный тигр», а мыльный пузырь. У альянса нет ни военных возможностей, ни тем более психологической готовности к войне не то что с Россией, но даже с ополченцами Донбасса. Даже если ВС РФ, а также ДНР и ЛНР займут всю территорию Украины, военного вмешательства НАТО не произойдет, этот сценарий категорически исключен и спекулировать на его счет нет смысла.

Для ВС РФ добивание ВСУ и захват даже всей территории этой страны сейчас серьезной проблемы не представляет. Более того, как показывает описанное выше бегство «западенцев», даже никакой особой партизанской войны и не было бы. Но и этот сценарий категорически исключен по соображениям экономического характера. Совсем маленький и абсолютно политически лояльный Крым стал для российской экономики очень серьезной проблемой. ДНР и ЛНР, составляющие лишь примерно половину соответствующих областей, содержатся на грани физиологического выживания, а Москва всячески пытается заставить Киев содержать, как минимум, социальную сферу республик. И это при том, что в финансировании республик весьма велика доля донецких олигархов и «семьи» Януковича, а значительная часть гуманитарной помощи для Донбасса собирается населением и коммерческими структурами, а не государством. Если повесить на Россию всю 43-миллионную разоренную и озлобленную Украину, наша экономика рухнет мгновенно. Тем более что в этом случае западные санкции станут полными и изолирующими.

Соответственно возобновление войны, если оно произойдет, возможно лишь в прежнем варианте – наступление ВСУ с решительными целями полной ликвидации ДНР и ЛНР. При этом совершенно неясно, почему это наступление окажется успешнее предыдущих. Скорее всего, оно благополучно увязнет в обороне ополченцев, причем те, вполне вероятно, в итоге смогут даже увеличить контролируемую территорию, хотя вряд ли намного. А в том маловероятном случае, если ВСУ добьются значительных успехов, вновь случится «иловайский прецедент» августа 2014 года с теми же катастрофическими для украинской армии последствиями.

Теоретически подобные циклы могут повторяться несколько раз. Впрочем, в ходе вторых минских переговоров было открыто объявлено, что третьих переговоров не будет. То есть если война возобновится, она будет идти до победы одной из сторон.

Стратегия «сокрушения», то есть быстрого полного военного разгрома противника, для Киева недостижима практически, а для Донбасса – даже и теоретически. Поэтому для обеих сторон остается только стратегия «истощения», то есть ожидания социально-экономической катастрофы у противника, после которой продолжение войны станет для него невозможным. При этом в Донбассе «истощаться», по сути, нечему. Как было сказано выше, никто не собирается строить из него полноценное государство. А населению никто не мешает из него бежать в любом направлении – в Россию, на Украину, в Европу. Для продолжения войны (хотя бы чисто оборонительной, на удержание территории) люди найдутся. Вопрос в том, не «истощится» ли Россия? Ответить на него однозначно невозможно, тем не менее, скорее всего, ответ будет отрицательным. Действие на Россию западных санкций не нужно преуменьшать, но их не стоит и преувеличивать. К тому же пропагандистская машина Кремля работает весьма успешно, чему очень способствует отсутствие в стране реальной вменяемой оппозиции. На социальные нужды Донбасса денег тратится очень немного, а «военторг» по сути является вообще бесплатным, поскольку по нему идет советский металлолом, аналогичный тому, чем воюет Украина. Только у России его в разы больше. «Тысячи погибших в Донбассе русских солдат» существуют только в воображении украинской пропаганды, поэтому для Кремля нет и проблемы «рыдающих солдатских матерей» (имеются в виду реальные матери реальных солдат, а не одноименная организация).

Как это ни парадоксально, устойчивость находящейся под санкциями экономики России гораздо выше, чем у экономики Украины, которой все как бы помогают. О фундаментальной проблеме Украины, то есть об отсутствии элиты, ориентированной на национальные интересы, а не на собственное обогащение, уже было сказано. Сохраняющаяся сильнейшая коррупция, всевластие прежних олигархов (и это при том что главный лозунг Евромайдана был «Новые лица во власти и никаких олигархов») и

Ополченец

очередные военные поражения будут неизбежно подтачивать режим изнутри, подрывая доверие к нему как внутри Украины, так и на Западе.

Вообще можно усмотреть явные параллели между нынешней Украиной и Российской империей времен Первой мировой. В обоих случаях в начале войны был сильнейший всплеск патриотического энтузиазма, за которым последовали, после некоторых успехов, многочисленные поражения на фронте с потерей значительных территорий. В обоих случаях имела место вопиющая бездарность командования, сильнейшая коррупция, в том числе прямой бизнес на войне, развал жизни в тылу с катастрофическим падением уровня благосостояния.

Таким образом, захват ВСУ Донецка и/или Луганска либо возврат ополченцев в Славянск или Краматорск в ближайшее время возможны лишь теоретически, но крайне маловероятны на практике. Для значительных военных успехов сторон (по крайней мере – наступательных) предпосылок нет. Обе стороны будут по-прежнему рассчитывать на внутренний крах противника. У Донбасса шансов его дождаться несколько больше. Правда, даже если он и дождется, вряд ли ополченцы осилят поход хотя бы на Харьков и Запорожье, не говоря уже о Киеве. На сегодняшний день для них пределом возможного кажется выход на границы своих областей.

Впрочем, совершенно не исключен вариант, что война затянется на годы, а в этом случае строить прогнозы на ее возможный исход совершенно бессмысленно, ибо на него будет влиять множество внутренних и внешних факторов. Украина сама себя превратила из субъекта в объект мировой политики, в арену, на которой украинской кровью, украинским оружием и в основном на украинские деньги воюют между собой другие страны. От самой Украины здесь уже почти ничего не зависит, что стало закономерным итогом всего ее постсоветского развития.

Кроме того, затягивание войны на годы может оказаться выгодным и для киевского режима. На войну списывается дальнейшее ограбление олигархами населения: нынешние «экономические реформы» не столько продиктованы МВФ, сколько делаются в интересах всё тех же олигархов, при этом в мирное время столь вопиющее ограбление граждан Украины путем роста цен и тарифов было бы невозможно. Война позволяет подавлять инакомыслие (чего до этого в истории независимой Украины никогда не было), теперь любой несогласный с режимом немедленно объявляется «агентом Путина» и «пособником агрессора». Война позволяет олигарху, находящемуся в президентском кресле, нейтрализовывать своих конкурентов с помощью силовых структур (как это случилось с утратившим связь с реальностью Коломойским). Война дает возможность, несмотря на безбрежную коррупцию, получать деньги от Запада. И как было сказано выше, война сама по себе стала бизнесом. Почему бы ей не продолжаться вечно?

20 апреля 2015 года

Михаил Петрович Остроменский – политический философ, председатель регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Вече», председатель регионального отделения Всероссийской политический партии «Партия Дела»

Украинский эндшпиль

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! –
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Фёдор Тютчев «Два единства»

I

19 ноября 1937 года, при личной встрече лорда-председателя Совета Великобритании Эдуарда Вуда 1-го графа Галифакса с рейхсканцлером и фюрером Германии Адольфом Гитлером в Берхтесгадене, представитель Великобритании дал понять, что его империя не будет мешать действиям Германской империи в восточном направлении. Вернувшись домой, он заметил, что фюрер «искренний человек», у которого «нет желания идти на авантюры в ближайшее время», поскольку «он занят развитием своей страны, не оправившейся еще от революции». Позже в своей речи в парламенте Артур Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании, популярно объяснял, что Австрийская Республика, да и вообще все эти «малые слабые страны» (слова самого Чемберлена), не могут рассчитывать на помощь со стороны членов Лиги наций. Аншлюс Австрии, Мюнхенский пакт, оккупация

Чемберлен и Гитлер

Аншлюс Австрии, Мюнхенский пакт, оккупация Чехословакии – всё произошло вскоре, под благосклонным участливым вниманием Запада.

Чехословакии – всё произошло вскоре, под благосклонным участливым вниманием Запада. Воспрепятствование поставкам вооружения представителям законного правительства Испанской Республики, а затем признание Великобританией и Францией мятежного генерала Франческо Баамонде Франко при наличии еще воюющих республиканцев – это уже просто мелкий, но симптоматичный штришок. Так сказать, вишенка на торте... Кстати, только мне представляется здесь аналогия с признанием Западом февральского 2014 года вооруженного переворота на Украине или и вам тоже? Последовавшая от тех же западных государств серия отказов на предложения СССР о совместном противодействии Третьему рейху завершила картину их намерений в отношении Советского Союза и Германии. Результатом «титанических» трудов западной дипломатии стал «неожиданный» договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, показавший западным «партнерам», что их политика совершенно ясна и осознанна, что СССР играть роль дурачка и мальчика для битья не намерен, а предоставляет им самим покушать той «каши», какую они заварили. Это незамедлительно и случилось с Францией летом 1940 года в виде ее оккупации войсками вермахта, а с Великобританией осенью того же года – в виде бомбардировок её крупнейших городов. Ну, а договор тот, о ненападении, теперь принято презрительно и осуждающе именовать «пактом Молотова–Риббентропа» и возмущаться коварством «тирана» Иосифа Виссарионовича Сталина, который посмел начать самостоятельную политическую игру, не очень считаясь с интересами западных «партнеров», а ставя во главу угла собственные – советские – интересы.

Однако много воды утекло с той поры, и вроде, в другую историческую эпоху живем, но разве что-то поменялось в принципах западной дипломатии и политики?

Кризис, переживаемый в настоящее время Украиной и являющийся итогом ее недолгого независимого существования, по сути, есть заключительный этап кризиса России и даже более того – всего Русского мира. Отправной точкой этого пути на русскую Голгофу можно обозначить, пожалуй, правление Петра I, положившего начало процессу отчуждения элиты страны от тела народа. Презрение к народу и неверие в его возможности и таланты – а значит, и неверие в свои собственные возможности и неспособность к самостоятельному мышлению – постепенно стали чуть ли не единственными действительно необходимыми качествами

Франко и Гитлер

Воспрепятствование поставкам вооружения представителям законного правительства Испанской Республики, а затем признание Великобританией и Францией мятежного генерала Франко при наличии еще воюющих республиканцев – это уже просто мелкий, но симптоматичный штришок.

преуспеяния в руководстве государством. Силы русского народа долго держали и питали Россию на ее крестном пути, но ничто дольнее не вечно. Идя этой дорогой, со взлетами и падениями, мы подошли к последней черте, к точке бифуркации, при прохождении которой может быть и разыгран последний акт русской драмы. Итог оной, к счастью, пока еще не предопределен.

Ныне на Украине вновь решается судьба России. Как в седые времена, когда через промыслительный выбор православия именно Киев стал матерью городов русских и колыбелью народа русского. Да и сама Российская империя в значительной степени рождена как плод глубоких размышлений малороссийской элиты XVII века, искавшей место своего народа и искренне веровавшей в истинность православия. Именно выходцы из Малороссии открыли занятому внутренними делами царству его истинное предназначение и помазали Московию империей. Сегодня тысячелетний круг судьбы замыкается... В результате разрешения проблемы украинского гордиева узла Россия может быть или оправдана, как был оправдан многострадальный Иов, не потерявший веру в Бога, несмотря на все напасти, лишения и тяготы, ниспосланные на него, или, напротив, как бежавший в страхе и робости Иона, может быть поглощена левиафаном истории и кануть в Лету. И вот мы стоим пред агонизирующей Украиной и, быть может, обреченной Россией и почти не знаем, что делать. И в нашей ли власти судьба наша?

II

В полемике о политических маневрах правящей группы Российской Федерации в украинских событиях со стороны властей и их несгибаемых сторонников особенно часто и последовательно проводится мысль, которой пытаются аргументировать необходимость продолжающихся крайне острожных действий России. При этом описывают «кары небесные» на нашу голову от Запада в случае активного вмешательства на стороне ополчения ДНР и ЛНР или – этого еще не хватало! – ввода войск РФ на территорию Украины. Добавляется также «ложка меда», для подслащивания горечи от недоумения по поводу непоследовательности украинской политики РФ, разговорами о якобы вдумчивой и стойкой политике руководства нашей страны. Страны, чуть ли не един-

ственной из всех участников конфликта приверженной общим правилам международного «цивилизованного» поведения, принципам «территориальной целостности государства», «невмешательства во внутренние дела друг друга» и т.д. Правда, почему-то эти же наши лица молчат и/или считают нормальным, законным и «цивилизованным» действия вооруженных сил РФ по обеспечению возвращения Крыма под руку России. По сути же, все эти рассуждения есть попытка обоснования и оправдания проводимой правящей группой РФ политики максимального невмешательства в дела Украины – как в текущих событиях, так и в течение всего предшествовавшего периода после распада СССР.

Мы придерживаемся иной точки зрения, а именно – насущной необходимости последовательных, целенаправленных, активных действий со стороны России на всей территории Украины, а особенно в Новороссии и первую очередь в ДНР и ЛНР, не исключающих использования Вооруженных сил РФ для обеспечения интересов России, Русского мира в средне- и долгосрочной перспективах.

В украинских событиях начиная, пожалуй, с так называемой оранжевой революции 2004 года обнаруживаются только два субъекта – Россия в виде Российской Федерации, усиленно от данной роли отпихивающейся, и Запад в лице США, взявший по-настоящему быка за рога. Все остальные играют второстепенные роли и находятся на той или другой стороне конфликта, либо исходя из, как им кажется, собственных интересов, либо вынужденно, не имея сил отказать «уважаемому партнеру». Но в любом случае прочие «участники украинской регаты» достижение своих интересов связывают с влиянием и помощью со стороны России или США.

Для адекватного анализа и понимания рассматриваемой нами ситуации важно отметить, что в результате февральского 2014 года переворота на Украине, гражданской войны на Донбассе и перехода Крыма под юрисдикцию России на основании в том числе всенародного референдума послебеловежский международный и «внутрисоветский» консенсус в отношении постсоветского пространства в западной его части рухнул. Это, к слову, прекрасно понял, пожалуй, только «батька» Белоруссии Александр Григорьевич Лукашенко и начал искать для себя наилучший вариант, прощупывать необычные контакты и активно строить замысловатые политические союзы. Но Белоруссия в конфигурации РФ–Украина–Белоруссия всегда была и будет не самостоятельным игроком, а лишь довеском. У «батьки» и существовала-то некоторая свобода действий исключительно в силу пассивности политики РФ в отношении Украины. Как решится судьба Украины – такая судьба ждет и Белоруссию.

В украинском кризисе настоящей целью Запада является отнюдь не сама Украина, а в первую очередь именно Россия. Ведь Украина под руководством антирусского и антироссийского режима – это замечательнейший, почти идеальный плацдарм для окончательного решения русского вопроса. А состояться такой режим на Украине может только в случае активного вмешательства Запада, в первую очередь в лице США, и пассивности со стороны России – в лице ее правящей группы. Потому важнейший аргумент наших оппонентов и сторонников «расчетливой» умиротворяющей политики касательно Киева, сторонников политики неотолстовства, политики «непротивления злу силой» – их уверенность в том, что Запад в лице США якобы поставил себе целью втянуть Россию в украинский конфликт, а особливо жаждет-де силового прецедента – ввода войск РФ на территорию Украины, следовательно, надо во что бы то ни стало не дать себя в это втянуть, – несостоятелен. Такая позиция России представляется нам глубоко ошибочной. И ошибочность ее двоякая.

Во-первых, Россия де-факто уже использовала войска на территории Украины и аннексировала (с точки зрения Запада) часть ее территории – полуостров Крым. И тут не имеет значения, как мы рассуждаем об этом сами с собой. У Запада нет желания допустить хотя бы малейшего усиления России – значит, и не будет желания оставить в ее руках Крым, под каким предлогом мы это ни пытались бы осуществить. Потому никто на Западе ни разу не высказал хотя бы намека на то, что возможно когда-либо международное признание факта вхождения Крыма в РФ. Но и более того, известна максима: «Хвастайся ножнами, если можешь схватить меч». Хотя, судя по попыткам решения новороссийской проблемы путем переговоров с Киевом и по содержанию минских, нормандских и берлинских переговоров, правящая группа РФ этого пока не понимает. Зато прекрасно понимают опасность данного прецедента на Западе. Причем там рассматривают это действие как продолжение курса, означенного, намеренно или нет, Россией в войне «08.08.08». То есть якобы налицо последовательная и целенаправленная «агрессивная» политика РФ. Да вопрос собственно для нас даже не в самой территории. Ведь возврат обратно Крыма – это потеря Севастополя, а значит, практиче-

ски потеря нами Черноморского флота и бедственное ухудшения геостратегического положения и влияния РФ не только в Причерноморье, но и в Средиземноморье. Со всеми вытекающими отсюда далеко идущими последствиями. И сверх того, акт возвращения Крыма под юрисдикцию РФ, с точки зрения традиций международных отношений, есть утверждение ею реального действенного своего суверенитета. Утверждение гораздо более весомое, чем война с Грузией и признание Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств.

После падения СССР реальным суверенитетом из участников рассматриваемого конфликта обладал лишь Запад – точнее, только США. Именно они и только они решали судьбу мира. Только с их согласия могли меняться границы и избираться правительства. И тут вдруг Россия... Но по слову Публия Теренция Афра, *aliis si licet, tibi non licet* («даже если это позволено другим, это не позволено тебе», *лат.*). Потому для наших «заклятых друзей» нет ни одного аргумента о праве России на обладание территорией Крыма.

Сегодня вопрос о статусе Крыма слабо будируется и не находится в центре внимания по очевидной причине – первоочередные задачи Запада и киевского режима сводятся к подавлению самопровозглашенных республик, да и самой идеи Новороссии, а также к надежному утверждению олигархической республики на Украине. В случае решения этих проблем начнутся попытки возврата Крыма. Более того, такая задача и именно в таком ключе уже поставлена. Ведется подготовка и военная, и дипломатическая, и юридическая.

То есть по факту Запад считает, что Россия, присоединив Крым, уже и вынула меч из ножен, и использовала его. Тем удивительнее уверенность наших сторонников «благорастворения воздухов» на Украине в том, что если теперь Россия спрячет меч в ножны – сдаст идею Новороссии, – то предыдущее его применение как бы не в счет. Типа: «Я не я и рожа не моя». Это по меньшей мере наивно, и потому не совсем понятно, отчего наши «голуби» полагают, что Запад стерпит Крым и вдруг не стерпит Новороссию? Мы же считаем, что он не стерпит ни того ни другого, и предлагаем придерживаться другой известной политической максимы: «Вынув меч против сильного, отбрось ножны по возможности далее». Да и вообще: «Снявши голову, по волосам не плачут».

Во-вторых, важнейшая цель Запада на этапе сразу после февральского кризиса была именно та, чтобы предотвратить возможность активного – а тем более силового – вмешательства РФ в украинские дела. Все его действия были направлены единственно на то, чтобы не допустить этого вмешательства, как можно сильнее уменьшить присутствие – а значит, и влияние – нашего государства на Украине. Особенно в первые послепереворотные недели и месяцы. Тогда новая власть всеми сторонами конфликта осознавалась как нелегитимная и нелегальная, тогда она была неустойчива, тогда ею не была еще взята под контроль государственная машина, тогда чувствовалась неуверенность и даже робость в ее действиях и у нее не было реальных возможностей реализовать принимаемые решения. Украина как государственное образование тогда была готова развалиться буквально от дуновения... Начавшиеся референдумы в Крыму, в Луганске и Донецке готовы были подхватить уже и западные регионы. Активная и разнообразная помощь со стороны РФ ополченцам Юго-Востока не только позволила бы ранее, но все еще может позволить и сейчас отстоять завоеванную ими независимость от Киева, победить и даже распространить свое влияние на всю Новороссию. Однозначная позиция России помогла бы избежать многих людских потерь и разрушений. Сегодня очевидно, что нерешительность правящей группы РФ не только не способствовала уменьшению потерь среди мирного населения Юго-Востока, но и привела к настоящему уничтожению промышленного потенциала данного региона, к разрушению его инфраструктуры. Но что еще более важно, активное участие в украинских событиях РФ и сегодня с высокой вероятностью приведет к началу массовых выступлений и восстаний по всей территории Украины, падению февральского режима и установлению в ней пророссийской власти. Но такую задачу необходимо ставить специально и планомерно работать над ее реализацией.

США панически боятся помощи со стороны России ДНР и ЛНР, а тем более ввода ее войск еще и потому, что сегодня не в состоянии ничего противопоставить такому развитию событий, кроме громких деклараций. Даже на НАТО положиться не могут, поелику воевать с Россией Европа не готова по морально-психологическим и политическим причинам. Следовательно, на недопущение вмешательства России, на демпфирование ее влияния на Украине и направлено всё внимание и все операции со стороны США в данном регионе. И надо констатировать – пока им это прекрасно удается. Конечно, при энергичной «помощи» нашей правя-

Подписание пакта Молотова–Риббентропа

Результатом «титанических» трудов западной дипломатии стал «неожиданный» договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, показавший Западным «партнерам», что их политика совершенно ясна и осознанна, что СССР играть роль дурачка и мальчика для битья не намерен, а предоставляет им самим покушать той «каши», какую они заварили.

щей группы, серьезно и искренне изображающей из себя политических моралиста и девственницу. И это после «коварного захвата» Крыма «вежливыми людьми»!

Если бы Запад хотел заманить РФ на территорию Украины, то не предпринимал бы таких усилий по удержанию ее от оного, не действовал бы столь аккуратно в эскалации насилия на украинской гражданской войне, осторожно прощупывая и раздвигая границы «приемлемого». Зачем все эти требования к России удержать ополчение от сопротивления? Зачем бесконечные предупреждения о якобы наличии войск РФ на Украине? Зачем было постоянно публично связывать любые учения и перемещения войск на территории РФ с эскалацией конфликта на Украине? Зачем мантры об «имперских амбициях» России, звучащие уже и от официальных лиц Вашингтона? Зачем требования отвести российские войска от границы? Почему сначала упорно не направляли наблюдателей ОБСЕ на границу между Украиной и РФ для контроля за перемещением через нее людей и техники, а теперь их отзывают под благовидным предлогом опасности для жизни наблюдателей? Зачем был ныне всеми забытый «Боинг» и дружные вопли о вине России с первого часа инцидента? Зачем эта «официальный представитель Государственного департамента США Дженнифер Рене Псаки», наконец? Зачем... Сотни и тысячи этих «зачем» ведут нас неумолимо только к одному выводу: Запад делает всё что в его силах для удержания РФ от активности на Украине.

А что же мы?

Правящая группа РФ не смогла или не удосужилась создать на территории Украины сеть прорусских сильных организаций. Организаций, которые могли бы послужить агентами влияния России, проведения ее интересов и до кризиса, и во время него, и после. Организаций, ставших бы опорами России в случае развития событий в опасном или непредвиденном направлении. Этого не было сделано ни ранее, ни позже – уже на майданном этапе кризиса, – не делается и сейчас. Надо признать данный факт очень крупной, стратегической и политической ошибкой нашей правящей группы в целом и Министерства иностранных дел РФ в частности.

Далее. Россия подчеркнуто не вмешивалась в дела Украины, в том числе и позиция нашей правящей группы не позволила разогнать Евромайдан. В конце концов, она не настояла на этом, не обеспечила Виктору Януковичу надежный тыл и соответствующую поддерж-

ку. Она совершенно не использовала в давлении на февральских переворотчиков, являвшихся сперва даже для европейского истеблишмента нелегитимными, такой мощный козырь, как наличие законного украинского президента – пускай и в изгнании. Уже одно это говорит о том, что у правящей группы РФ не было никакого плана работы на Украине, не ставилось даже целей присутствия там! Печально, что этого нет и до сих пор.

РФ демонстративно не желала ни признавать, ни укреплять новые русские республики – ДНР и ЛНР. Она выступала против проведения там референдумов и не использовала результаты плебисцитов для легитимации этих новообразований. Как прежде, так и до сих пор эти псевдогосударства находятся в подвешенном, межеумочном состоянии. Российская правящая группа демонстрирует странное равнодушие к тому, что происходит на Украине и кто окажется там у власти. Она и на словах, и на деле дает понять, что готова к взаимодействию и переговорам с любым правительством Украины – как будто речь идет о каком-то далеком государстве Африки или Латинской Америки, а не непосредственном соседе с этнически однотипным населением, являющимся частью Русского мира. Она пребывает в уверенности, что договорится на приемлемых условиях с любым правительством – если не сама, то через посредничество ЕС или США, ведь оные, типа, заинтересованы в стабильных поставках газа из РФ? Заметьте, мы даже не спрашиваем, зачем впускать, зачем усиливать и зачем специально отдавать козыри враждебно настроенным силам в зоне своих стратегических жизненных интересов.

Такое поведение проистекает из уверенности нашей правящей группы в том, что отсутствует разница между ведением бизнеса, путь даже крупного, и международной политикой. Правящая группа воспринимает РФ как пусть и не совсем обычную, но всё же корпорацию, а потому и выстраивает ее внутриполитическую и внешнеполитическую линии как бизнес-политику.

Надо указать и еще на одну особенность такого поведения, на постулат: «Крым наш, а Новороссии мы не замечаем». То есть если предположить, что каким-то фантастическим образом закончится гражданская война на Донбассе, то ведь и тогда отторжение Крыма останется постоянным дипломатическим *casus belli* или раздражающим обстоятельством между РФ и Украиной. Наподобие проблемы Южных Курил в наших отношениях с Японией. Украинские националисты никогда не выпустят такую сказочную возможность давления на правительство Украины, такой способ поднятия своего рейтинга и авторитета, как постоянное обсуждение вопроса об «аннексированной территории». Каждый доморощенный или самозваный украинский Марк Порций Катон Старший будет провозглашать: «Кроме того я полагаю, что Крым должен быть возвращен Украине». Каждое очередное правительство Украины будет принимать постановления о возврате Крыма. На всех двусторонних и многосторонних переговорах с участием РФ будет подниматься данный вопрос. Проблема Крыма станет подпитывать националистические, антироссийские и антирусские настроения среди всего населения Украины, помогая формированию украинской нации на враждебных нам основаниях. Причем на не выдуманном полуискусственном галицийском фундаменте, а на основании, признаваемом и одобряемом международным сообществом.

Заинтересованные лица найдутся и за пределами Украины – «заклятых друзей» у России в достатке. Можно даже предположить образование некой международной организации – «пострадавших от России государств» – в составе, по крайней мере, Японии, Грузии, Украины и Молдавии... Этакая «ось борцов с русской агрессией». Сюда с радостью примкнут и поляки с Катынью, и прибалтийские лимитрофы с их «оккупацией Советским Союзом». Кажется, правящая группа РФ и не предполагает развития событий в таком направлении и бесхитростно твердит мантру о том, что «вопрос Крыма не обсуждается». Это им только так кажется, что он не обсуждается, это они только сами себя уговаривают. Но, увы, коли нами обсуждается с Японией вопрос Курил, значит может обсуждаться и вопрос Крыма, тем более что оснований для этого у Украины гораздо больше, чем у Японии. Отметим, что в январе 2015 года глава МИД Японии Фумио Кисида уже сопоставил оба вопроса как имеющие много общего. Далее. Начав общаться с Петром Порошенко как президентом Украины, наша правящая группа де-факто признала совершенно незаконные прошлогодние майские его выборы – а значит, и его самого как главу государства. А следовательно, и результаты переворота и сам февральский режим на Украине. А коли так, то причем здесь вообще февральские соглашения между майданной оппозицией и экс-президентом Януковичем, бесконечный лепет о которых российского МИДа уже не только смешон,

Юрий Кушевский. Спуск галеры «Принципиум» на воронежской верфи 3 апреля 1696 г. Фрагмент. (Петр I и корабельный мастер Осип Щека)

Отправной точкой этого пути на русскую Голгофу можно обозначить, пожалуй, правление Петра I, положившего начало процессу отчуждения элиты страны от тела народа. Презрение к народу и неверие в его возможности и таланты – а значит, и неверие в свои собственные возможности и неспособность к самостоятельному мышлению – постепенно стали чуть ли не единственными действительно необходимыми качествами преуспеяния в руководстве государством.

но и жалок? Правящая группа РФ последовательно и неуклонно проводила и проводит загадочную политику на реанимацию единой Украины при наличии отторгнутой от нее – самой же этой группой в свою пользу – территории в ситуации продолжающейся кровавой гражданской войны, ведущейся по этническому и цивилизационному признаку. К чему и к кому, например, обращены слова Сергея Лаврова на совместной пресс-конференции глав МИД России и Латвии в январе 2015 года о поддержке «усилий по восстановлению территориальной целостности Украины»? В смысле – восстановлению вместе с Крымом?!

Что мы получили в результате такой политики правящей группы РФ – сначала принципиального «невмешательства в дела соседнего дружественного государства», а затем «цивилизованного умиротворения» февральского режима на Украине?

1. Полное фиаско нашей внешней политики в отношении всей западной части территории бывшего СССР, то есть в отношении Украины, Белоруссии, Молдавии.
2. Падение президента Януковича, хотя бы как-то учитывавшего интересы России, русскоязычного населения Украины и нашей правящей группы.
3. Проведение незаконных выборов и воцарение на Украине антирусского и антироссийского агрессивного, полностью контролируемого США февральского режима.
4. Введение и расширение санкций против России со стороны стран Запада.
5. Полную парализацию – усилиями США – работы ООН.
6. Настоящее фиаско всей дипломатии России в плане прикрытия событий на Украине в интересах ее русскоязычных жителей.
7. Антироссийскую истерию на Украине и на Западе.
8. Гибель десятков тысяч русских на Украине.
9. Разрушение инфраструктуры пророссийских регионов Украины.
10. Усиление отчуждения Белоруссии от РФ.
11. Усиление влияния Польши на исконно русских территориях.

Печальный итог...

III

Перед продолжением размышлений о сложившейся на Украине ситуации и поиске возможного выхода из нее небесполезно ответить на один немаловажный вопрос: «Что ему Гекуба, что он Гекубе?» Иначе: «Зачем нам вообще эта Украина и что нам в ней?» Может, верна политика правящей группы, и в самом деле нечего делать РФ на Украине? Может, и вправду это два совершенно разных государства и два совершенно разных народа, и пусть украинский на-

Начав общаться с Петром Порошенко (на фото пожимает руку Владимиру Путину) как президентом Украины, наша правящая группа де-факто признала совершенно незаконные прошлогодние майские его выборы – а значит, и его самого как главу государства.

род сам решает собственные проблемы?

Не станем распространяться на тему – что есть украинский народ. Такого народа как носителя единой системы смыслов, по сути, не было и нет. Были и пока есть граждане условного государства – Украина. Присутствуют также представители субэтносов – малороссийского и великороссийского, – принадлежащих к суперэтносу – русским. Имеются активные пассионарные представители заканчивающего формироваться галицийского этноса. Украинского же народа как такового нет – как нет и такой формы его существования, как нация. Она не была сформирована, но попытки ее создания продолжаются и вполне могут быть успешными. Но для русских и для России это бедственный результат. Мы также не будем сейчас рассматривать вопрос, что подразумевается под словами «пусть украинский народ сам решает собственные проблемы» и как это можно сделать в настоящей ситуации на Украине. И как это согласуется с украинской политикой США и ЕС. Мы выскажемся только по конкретному вопросу: зачем необходимо присутствие РФ на Украине и до каких пределов это присутствие необходимо и возможно распространить с точки зрения наших исконных имперских интересов.

Для внятного ответа на этот вопрос предварительно надо определить, каковы же цели РФ и основных ее противников на пространстве Украины, о чем кратко уже говорилось выше.

Мы учитываем цели только двух акторов украинской политики – России и Запада. К последнему относим в первую очередь США, а также ЕС. Мы понимаем, что интересы США и ЕС несколько различаются, а часто и существенно. Мы понимаем, что на Украине есть собственные внутренние акторы: правящий режим Киева, галицийские националистические организации, олигархические кланы, великороссы Юга и Востока Украины, малороссы Запорожья, Полесья и Подолья, русины Закарпатья и др. Но интересы большей их части на данном этапе украинского противостояния в целом совпадают с интересами соответственно России или Запада. И аборигенные акторы не самостоятельно, а лишь принимая ту или иную сторону, намереваются достигнуть своих собственных целей.

Базируясь на этих предположениях, мы ограничимся конкретизацией только целей России и Запада. Заметим также, что цели, декларируемые или даже проводимые правящими группами России и Запада, могут не совпадать с действительными целями самих обоих этих субъектов. Мы же исходим из представления, что главная цель любого государства есть максимально длительное и успешное его существование как самостоятельного целого в территориальном и смысловом отношениях.

Стало быть, ближайшие цели России на Украине кратко можно сформулировать следующим образом: создать максимально благоприятные условия на территории нынешней Украины для последующего воссоединения российских земель, разделенных в результате развала СССР, в единое государство.

Ближайшие цели Запада на Украине такие: укрепление и легитимация прозападного антироссийского и антирусского националистического режима на всей территории государства с его последующим использованием для давления на РФ.

Позволительно ли нам, Российской Федерации, как одному из многих государств и

России как геополитическому образованию ставить такую цель? Несомненно. И даже необходимо! И на то есть причины.

Прежде всего активное присутствие России на Украине обусловлено значительным количеством там русскоговорящих граждан (до 80 процентов населения): великороссов и малороссов, на протяжении столетий живших в едином государстве и относящихся к русскому суперэтносу, имеющему ныне собственное государство – Российскую Федерацию. Жизненные интересы этих русскоговорящих украинских граждан уже с очевидностью собирается ущемлять февральский режим в Киеве. Поэтому защита здоровья, имущества и традиционного образа жизни русскоязычных граждан Украины является вполне веской причиной активных действий России на Украине. Такая причина существовала все 23 года «незалежности» этого государственного образования, хотя и не в столь радикальном виде. Однако правящая группа РФ ранее ничем, кроме вялых внешнеполитических заявлений, не поддерживала русскоязычных граждан этой страны. В результате попрание их интересов перестало быть латентным, приняло агрессивную форму.

Нужно также говорить и о моральном долге России как преемнице СССР и Российской империи не оставаться безучастной в отношении народа, населяющего Украину. Мы не можем не действовать там и не реагировать на происходящие там события. Отказ от русских Украины – это отказ от самих себя, что неприемлемо для России и грозит нам как целому и как нации метафизической катастрофой.

Защищенное и долгосрочное существование России как государства, как системы, обеспечивающей своим гражданам жизнь, безопасность и процветание, требует возвращения страны к ее исконной форме – империи. И Россия либо начнет силою обстоятельств и целенаправленных собственных усилий движение в этом направлении, либо рано или поздно будет развалена на кучу псевдогосударств и погибнет.

Но Россия не сможет возродиться в полной мере как самостоятельная цивилизационная целостность – империя – без Украины. Не то чтобы Россия пропадет без Украины, но то, что Россия без Украины слабая и недоделанная, – непреложная истина. Без Украины России не хватает сердца, а тело с душой, но без сердца всегда полно тоской. Интересы России и Украины как частей исконной территории империи требуют единства. Ведь именно с освоения Новороссии и началась по-настоящему имперская Россия. По сути, Украина – это случайно и временно оказавшаяся отделенной от России часть ее территории. Таковой ее воспринимали и воспринимают как граждане России и Украины, так и противники империи. Потому так истерически Запад и воспринимает возобновившееся движение по сбору земель империи, что чувствует в этом не просто «происки коварного Путина», а течение исторического естественного процесса выздоровления Хартленда, и ему становится страшно.

Сегодня, конечно, Украина может, отделившись, попытаться искать свой путь, но – как и 300, и 400, и 500 лет назад – она не в состоянии обеспечивать собственную целостность, собственную особую идентичность без опоры на Россию.

Украина (Малороссия) как метафизическая сущность сродни такой же сущности, как Россия, и, несомненно, она существует. Недаром как сами малороссы, так и их братья великороссы и белороссы чувствовали не только единство, но и особенность свою, несводимость друг к другу. Но тут необходимо отметить один очень важный момент, обычно полностью упускаемый что украинскими политиками, что российскими, а именно: как протекал процесс образования Украины-Малороссии и украинцев-малороссов?

Выросла же, сформировалась малороссийская целостность как таковая на двух основаниях и под воздействием трех сил. Основания эти суть православная вера и русский народ. Силы же, ковавшие малороссов, следующие.

Первая сила – это противостояние регулярному давлению Запада, а именно – польской шляхте, австрийским немецким баронам и Католической церкви. С этой стороны было последовательное, непрерывное, постоянное давление с целью поглотить и подчинить, переделать и вытравить. Борьба велась малороссами на выживание. У них было только два выхода: либо изменить своей сущности, своей вере, в том числе своему языку и культуре, превратиться в польских холопов, а потом просто в поляков, либо выстоять и стать достойными воли. Все войны с поляками и немцами велись малороссами за право сохранить собственное «я» – православное и русское – и велись по своей воле. Здесь земное и живое – русское православное – сражалось с регулярным и мертвым – немецким, польским, католическим. Здесь мечом земным велась война за дух, за свободу духовную.

Вторая сила – борьба с мусульманским югом. Крымское ханство было не только угро-

Активное присутствие России на Украине обусловлено значительным количеством там русскоговорящих граждан (до 80 процентов населения): великороссов и малороссов, на протяжении столетий живших в едином государстве и относящихся к русскому суперэтносу, имеющему ныне собственное государство – Российскую Федерацию.

зой, но и символом противостояния малороссов как православных христиан иному врагу – Османской империи и вообще исламу как силе, повергшей Второй Рим и посягающей на Третий Рим. Но поскольку долгое время крымские ханы и не помышляли, в отличие от католического Запада, о систематическом захвате земель вдали от крымских пределов, то здесь противостояние больше напоминало игру и давало возможность показать удаль. Да, игра смертельно опасная. Но набеговая экономика Крымского ханства вполне походила на соответствующие принципы организации Запорожской Сечи. Никто не требовал ни смены веры, ни подчинения своим законам, не навязывал постоянную духовную неволю. Всё зависело от тебя и от твоих товарищей. Это была игра на терминаторе, на ничейной территории. Здесь мечом земным велась война за телесную свободу.

По сути, малороссы в своей непрерывной борьбе представлялись себе передовым отрядом православного Христова воинства, сдерживавшего натиск впавшего в ересь Запада и хаос мусульманского Юга. В этой бесконечной борьбе им необходимы были опора и тыл – оплот веры и міра. То, за что можно быть всегда покойным в бурях и сечах, в победе и беде лихой жизни. В душах и умах простых казаков и всего малороссийского народа это место заняла третья сила – Московское царство. А с XVIII века – Российская империя. Эта сила всегда воспринималась как дружественная сила и покровитель, к которому в случае чего всегда можно обратиться. На такую силу всегда можно было положиться, отдохнуть в ней душой. Там находился и земной царь – представитель Царя Небесного. Там храмы белокаменные с золотыми куполами небес, там звон колоколов неземной... Наличие за спиной сильного и надежного товарища, единоверца, родной славянской русской души – России, – от которой точно не будет удара в спину, было важнейшим

фактором формирования малороссийского субэтнического сознания. Надо отметить, что элемент воли и бесшабашности, привычка к опасности и риску не пропали втуне с оседлостью малороссов, освоением Новороссии и успокоением крымчаков. Этот элемент, эти традиции вполне впитались и передались донским и кубанским казакам.

Окончательное вхождение в XVIII веке украинских земель в состав Российской империи серьезно уменьшило опасность физического уничтожения или порабощения населения. Все силы малороссийского народа направились на освоение новых земель нижнего Днепра и Новороссии.

И вот теперь, отринув Россию, Украина лишилась тыла, уверенности и смысла, который растает, развалится, протечет как песок сквозь пальцы самолюбивых и недалеких ее политиков. Строительство новой Украины в опоре на Запад породило только слабую и никчемную галицийскую самостийность, которая в течение 10–20 лет полностью будет поглощена Западом. Она окажется удостоенной им «чести» периферийной слабой окраины, интересной только противостоянием с Россией – эдакой Прибалтики с 40 миллионным нищим населением. Интересна такая Украина может быть и полякам с их планами возрождения Речи Посполитой. Потому галицийская самостийность, построенная и питаемая одной только ненавистью к схиднякам и москалям, является, по сути, самостийностью колонии. И предлагать провинциальную убогую националистическую идеологию галицийского толка в качестве основы государственной идеологии Украины – это не просто тупик, это создание мула, годного к тяжелой работе, но неспособного от природы к продолжению рода. Следовательно, Малороссии как идейной зачинательнице России невозможно существовать без и вне нее.

К тому же России, как и любому государству, требуются – и в этом ее право – по границам дружественные – а лучше союзные – государства. Очевидно, что настоящий режим в Киеве таким не является и не будет по определению. Установление на Украине антироссийского русофобского режима чревато для РФ как государства и народов, его населяющих, многими бедами и несчастьями, а по катастрофичности своих последствий вполне сравнимо с распадом СССР в конце XX века. Происходящая потеря нами Украины есть одновременно и первый гвоздь в настоящий гроб Русского мира.

Нам могут возразить, сославшись на современную политическую максиму – о нерушимости границ государства. Но ведь в пику этой максиме история даже Европы последних десятилетий демонстрирует огромное количество примеров перекройки границ. Поэтому границы государств как ранее не явились, так и ныне не являются какой-либо незыблемой и всеми признаваемой константой. Почему изменение границ СССР, Чехословакии, Югославии, Сербии возможно и приемлемо, а изменение границ России и Украины в интересах жителей, их населяющих, – невозможно и неприемлемо? Что? Там было самоопределение народов? Но и здесь присоединение к России территорий по желанию проживающих на них людей, территорий, ранее утерянных ею в результате распада СССР, есть такой же результат самоопределения народов. В чем разница? Что хорошо только тогда, когда государства дробятся?

Но мы имеем другой – важнейший для нас – исторический прецедент недавнего прошлого: объединение ФРГ и ГДР в одно государство немецкого народа – Германию. Это всеми признаваемый факт объединения разделенного народа. Но русский народ является чуть ли не крупнейшим в мире разделенным народом. И справедливость, причем не только историческая, требует, особенно при невозможности даже просто безопасного проживания русских под властью февральского режима, возвращения в Россию территорий, населенных русскими и русскоязычными. По крайней мере, тех, где проживающие там люди пожелают. Если же «мировое сообщество» вдруг захотело быть предельно честным и щепетильным, то давайте проведем всеукраинский референдум. И каждая область пусть определится, куда она желает – в Россию, в единую Украину или в собственное государство вне Украины и вне России. Это будет и справедливо, и демократично. У нас источник власти – народ? Народ. Вот пусть народ и скажет, что он хочет. И пусть за него его же судьбу не решают суетливые политики, пришедшие к власти через государственный переворот, совершенный на западные деньги и чуть ли не на штыках иностранных наемников.

Таким образом, нет никакой веской причины, кроме разве нежелания нашей правящей группы, для стояния России в стороне от событий на Украине. Тем более что другие мировые акторы – в частности, США и ЕС – крайне активно участвуют во внутренних процессах на Украине и, заметим, во вред интересам России. У США, к слову, причин для действий на Украине несопоставимо меньше, чем у России. Ну, а коли у нас нет при-

Сегодня, конечно, Украина может, отделившись, попытаться искать свой путь, но – как и 300, и 400, и 500 лет назад – она не в состоянии обеспечивать собственную целостность, собственную особую идентичность без опоры на Россию. Одной из сил, ковавших малороссов, была польская шляхта, австрийские немецкие бароны и Католическая церковь.

чин не участвовать в украинских делах, то надо посмотреть, как организовать присутствие России на Украине в видах наилучшего соблюдения интересов самой Украины как исторической данности и русских (малороссов и великороссов – как основных субэтносов и Украины, и России).

И вот тут не так важно, смогут ли ДНР и ЛНР выстоять в неравной схватке. Даже если они выдюжат и существенно расширят свои территории на всю Новороссию (Харьковскую, Днепропетровскую, Донецкую, Луганскую, Херсонскую, Николаевскую, Запорожскую и Одесскую области), то моментально встанет вопрос контроля ее со стороны России, организации управления, противодействия влиянию Запада, взаимодействия с останками Украины. Ни один из перечисленных вопросов не может быть по-настоящему решен без преобладающего участия России. Но после присоединения Новороссии или даже просто получения ею независимости сама Россия уже станет совершенно другой. Этого-то и опасается значительная часть правящей группы РФ. Это-то и удерживает ее в значительной мере от активности на Украине.

Для проведения внятной и действенной политики на Украине требуется отринуть концепцию неизменности мира после распада СССР, которой строго придерживается и на основе которой планирует свои действия правящая в РФ группа. Тем более что ни Запад, ни сама РФ давно не соблюдают правила игры, принятые по его распаду, следовательно, необходимо, воспользовавшись нестабильностью и неопределенностью, начать устанавливать свои – для нас наиболее приемлемые – правила на европейской части постсоветского пространства и в отношении ЕС. Сумели же с Крымом? Красиво. Даже с шиком! Как говорится, можем – когда хотим.

То есть нам нужна четко сформулированная, осмысленная, последовательная политика в отношении всего постсоветского пространства. Потому необходимо создать, уяснить и принять доктрину активного действия, а не истрачивать огромные ресурсы страны на проведение в жизнь изначаль-

Йозеф Брандт. Стычка казаков с татарами Крымского ханства. 1890 год

Вторая сила – мусульманский юг. Крымское ханство было не только угрозой, но и символом противостояния малороссов как православных христиан иному врагу – Османской империи и вообще исламу как силе, повергшей Второй Рим и посягающей на Третий Рим.

но порочной политики поддержания любыми средствами «мирового политического гомеостаза» и политики «принципиального невмешательства в дела других государств» с жаждой таки вписаться в западную элиту на приемлемых условиях. Политики, ныне очень схожей с поздним брежневизмом. Можно, конечно, опять отстраниться, пустить всё на самотек в надежде на «невидимую руку»... Но разумно ли повторять ошибки 23 лет отсутствия России на Украине?

Добавим, что будет Украина русской и пророссийской – очень быстро произойдет интеграция в это российско-украинское пространство и Белоруссии с последующим почти неминуемым поглощением Прибалтики. Белоруссия, как и Прибалтика, в отличие от Украины, не является регионом, имеющим самостоятельное геополитическое значение. Не будет Украина пророссийской – продолжатся процессы отчуждения и ухода Белоруссии от России и от русскости. Ухудшится и положение калининградского анклава.

Итак, у России как цивилизационной данности, русского народа как исторического субъекта, у РФ как политического субъекта, у правящей в России группы как фактического распорядителя богатств страны нет иного выхода, кроме перехода от увещеваний, плетения бессмысленной сегодня дипломатической канители к активным действиям на территории Украины. При этом единственный приемлемый для нас результат таких активных действий – это обеспечение надежного и долговременного контроля со стороны России над всей территорией Украины.

Мир стал другим. Уже. И либо мы изменимся в соответствии с новыми требованиями и вовремся в него, устанавливая нужные нам и отвечающие нашим интересам границы и правила, либо исчезнем, превратившись в питательную почву для исполнения чьих-то планов и желаний. Третьего, увы, не дано...

IV

Вся политика нашей правящей группы, направленная на умиротворение февральского режима на Украине и ублажение США, показное невмешательство во внутренние дела Украины (повторю – после отторжения части ее территории в пользу РФ!), не только не имеет никакой внутренней логики, но и не принесла за целый год следования ей никакого положительного результата. Совершено никакого! Напротив, положение на Украине и в мире, особен-

но на западных границах РФ, с точки зрения интересов России только значительно ухудшилось и продолжает меняться в том же направлении. Упорное следование этим путем притащит страну к удручающим результатам. Наиболее печальными из этих результатов могут быть следующие.

Во-первых, резкое ослабление авторитета правящей группы России внутри страны. Население будет недовольно потерей Новороссии и трагедией русских на Украине. Властям перестанут прощать огрехи и ошибки, начнут требовать отчета «по гамбургскому счету» за результаты последних 15 лет. Вспомнят всё. Не простят ничего. Получаем классическую предреволюционную ситуацию с отчуждением народа от власти, когда последняя не смогла исполнить чаяний народных по объединению и возрождению России, с трагическим положением на границах с Украиной – агрессивным соседом, с экономическим спадом и продолжающимся давлением со стороны Запада. Особенно быстро будет происходить деградация взаимоотношений властей и населения при отстранении от управления или потери влияния Владимира Путина – единственной на данный момент скрепы правящих верхов и управляемых низов.

Во-вторых, из-за нарастающих внешних и внутренних системных трудностей произойдет, уже происходит явный раскол и в правящей группе. Начнутся неурядицы в управлении из-за следующего за расколом ослабления «вертикали власти», которая станет работать всё хуже и хуже. А иной модели управления у правящей группы в запасе не имеется. Добавим сюда экономические проблемы в виде стагнации, продолжающихся атак на рубль, низких цен на нефть, ухудшения состояния бюджета, ухудшения положения населения, роста санкционных расходов и прочего. И главное – отсутствие у правящей группы внятного плана действий в складывающейся ситуации. Важнейшим фактором напряжения будут приближающиеся выборы в 2015 году в региональные и муниципальные органы власти, а в 2016 году – в Государственную Думу. На Россию в такой период проще давить. И это будут делать с большим энтузиазмом и напором.

Важнейший для нас исторический прецедент недавнего прошлого – объединение ФРГ и ГДР в одно государство немецкого народа – Германию. Это всеми признаваемый факт объединения разделенного народа. Но русский народ является чуть ли не крупнейшим в мире разделенным народом.

В-третьих, катастрофическое снижение международного авторитета и влияния РФ. Создание недогосударств в виде ДНР и ЛНР, не говоря уже об их разгроме, при наличии агрессивной антироссийской Украины будет воспринято всеми однозначно как стратегический проигрыш РФ, не смогшей защитить свои кровные интересы в самом сердце Большой России и не допустить истребления соотечественников. Мир поймет, что события 2008 года в Грузии были лишь эпизодом, случайной флуктуацией, а сегодня РФ не готова оружием отстаивать даже свои стратегические позиции в ближайшем окружении. Всем станет ясно, что правящая группа РФ приняла решение о дипломатическом способе реагирования на почти любые международные проблемы, причем на очень-очень наивном уровне. Крупные мировые акторы – как противники, так и союзники России – перестанут учитывать ее вероятную реакцию при планировании тех или иных геополитических акций. Полностью станет ясным подход РФ к постсоветскому пространству, он будет читаться как раскрытая книга. Произойдет переход России из субъекта международных отношений в их объект. Нас очень быстро начнут рвать и изнутри, и снаружи. И понятно, где и как это будет делаться.

В-четвертых, произойдет формирование не просто на гра-

ницах России, а в ее «мягком подбрюшье» агрессивного, антироссийски настроенного государства, желающего реванша за унижение аннексией Крыма. Государства, контролируемого США, нищего, с деградированной экономикой, имеющего значительное количество плохо управляемых вооруженных людей. Ничего хорошего нам это сулить не может. Украинская идентичность в итоге уже прочно утвердится на ненависти к России, как это произошло ранее в Прибалтике и Польше. В непосредственной близости от промышленных и управленческих центров России появятся базы НАТО, ракетные комплексы и, вполне вероятно, ядерное оружие. А чего стесняться? Ведь сдерживать «агрессивную», «варварскую» Россию как-то надо. На российско-украинской границе участятся провокации, при этом во всём громогласно будет обвиняться РФ. А западные СМИ станут поддерживать и распространять по миру именно такую версию. Российско-украинская граница уподобится внутрироссийской границе с Чечней в 1996–1999 годах. Надо будет куда-то канализировать растущее недовольство украинских граждан, отводя его в сторону от февральского режима. Лучшего кандидата, чем Россия, на роль крайнего в такой ситуации не найти.

В-пятых, очень вероятна потеря в результате военного конфликта прорусского и пророссийского государства – Приднестровской Молдавской Республики – и как следствие – ослабление влияния России на Молдавию и в целом на всю Южную Европу. Опять новые погибшие соотечественники и новые беженцы. Украинской правящей группе надо реабилитироваться и отыграться за Крым и Донбасс. Она может пойти даже на конфликт с Молдавией ради этого. «Маленькая победоносная война» всегда кажется волшебной палочкой слабым правительствам, особенно в тяжелой экономической и политической ситуации. А она на Украине именно такова. Заметим, что Молдавия и ПМР и так всегда были изгоями нашей политики и провалы нашей дипломатии наиболее там явственны. Упомянем только двух – президента Республики Молдова Владимира Воронина и башкана Гагаузии Ирину Влах.

В-шестых, усиление политического давления, экономических и иных санкций в отношении России со стороны Запада. Очень вероятны требования Украиной от России через международные суды и через ООН и прочие международные организации компенсации потерь от гражданской войны, «развязанной и поддерживаемой Россией», и от «оккупации» Крыма. Зазвучат с новой энергией требования от прибалтийских псевдогосударств «контрибуций за период советской оккупации». Представление в западных СМИ русских варварами, а России страной-изгоем будет лишь усиливаться. Симптоматична в этом отношении обструкция России на заседаниях ПАСЕ. Всё это окажется благоприятной почвой для давления на Россию. Не надо забывать, что цель сегодняшнего украинского кризиса есть окончательное решение русского вопроса. Чтобы он больше даже и не возникал. Никогда!

В-седьмых, как результат коллапса экономики Украины, разрыва экономических связей с Россией и начавшейся гражданской войны произойдет невозвратная потеря огромной части технологического, научного и промышленного потенциала Русского мира, сосредоточенного на территории Новороссии. Радоваться в этом случае возможности создания соответствующих импортозамещающих производств не стоит и даже глупо, ибо это не какие-то чужие американские или китайские производства, а наши производства, наши научные и технологические школы, созданные нашими отцами и дедами. Эту часть наследия СССР мы уже практически потеряли. Кто в ответе за это? Неужели Порошенко и Яценюк?

Подчеркну, вина за эти и другие печальные и неотвратимые последствия будет лежать не на Западе, он в своем интересе, а на нас, гражданах РФ и нашей правящей группе, – не сумевших ни понять, ни защитить свои интересы.

V

Необходимо также обсудить и развеять странную надежду, питаемую многими в РФ, в том числе и на самом верху, о превращении ДНР и ЛНР в некое подобие ПМР или полунезависимую от Киева территорию и о вероятном принятии этих новороссийских республик в таком виде Западом. Хотя бы в качестве паллиатива или как базы для переговоров.

Начнем с того, что ПМР образовалась в совершенно другую историческую эпоху и в иных обстоятельствах, чем рождающаяся Новороссия. Нагорно-Карабахская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия или печальной памяти Чеченская Республика – Ичкерия были непосредственным результатом распада СССР. В этом смысле их легитимность и законность не меньшие, чем у Молдавии, России, Грузии, Украины. Совсем другое дело Новороссия – даже малая, в лице ДНР и ЛНР. Она появилась вследствие процессов,

Мэр Львова и лидер партии «Самопомощь» Андрей Садовый

Нет единого политического лидера или единой интегрирующей политической силы не только всеукраинского, но и регионального масштаба. Условный украинский Запад и условный украинский Восток сегодня объединены каждый внутри себя одним лишь противостоянием друг другу.

протекавших внутри Украины, являвшейся уже самостоятельным общепризнанным в мире государством, членом ООН и обладавшей легитимностью на протяжении 23-х лет своего существования. Более того, у ДНР и ЛНР нет вообще какой-либо истории государственности, в отличие от, например, Абхазии. Кажется, в этом Новороссия несколько схожа с ПМР, но и только. Ведь ПМР тоже продукт кризиса огромной страны – СССР, а не собственно Молдавии.

Советский Союз перестал существовать – а значит, потеряли прежние законность и легитимность его внутренние части. Начавшиеся тогда процессы были столь масштабными, сложными, неожиданными и самостоятельными, что не было ни одной силы в мире, которая могла бы как-то их направлять. Ни мировое сообщество в лице ООН, ни НАТО, ни США – никто не то что управлял процессом или контролировал его, но был не в состоянии отследить и предвидеть направления трансформации СССР и всего мира. По сути, каждый регион Советского Союза решал сам свои проблемы как мог. Все начинали, так сказать, с почти равных позиций. Факт распада СССР не оспаривается ни внутри, ни снаружи. Сегодня бóльшая часть новых государств «от СССР» являются признанными и принятыми в ООН на равных правах с прочими и между собой. Таким образом, процесс этот формально завершен. И вопрос ПМР или НКР – вопрос именно этого процесса, поскольку они заявили свои претензии на независимость сразу по факту исчезновения СССР. В то время Новороссия не продемонстрировала никаких позывов к самостоятельности, была в целом удовлетворена переменой своего положения, став провинцией нового постсоветского государства – Украины. Следовательно, в любом своем качестве Новороссия является порождением уже второго этапа постсоветской истории – этапа самостоятельного существования постсоветских государств – и объективно не может брать ПМР себе в пример. Правда, и сегодняшние – февральские – власти на Украине не слишком законны и условно легитимны, однако это обстоятельство также не дает ни основания, ни надежды использовать прецедент Приднестровья в интересах Новороссии. Ведь Приднестровья, с точки зрения международного сообщества, как бы и нет. А на нет и суда нет. И рассуждать, значит, не о чем. Судьбу Новороссии надо решать в совершенно ином ключе. Тут скорее даже всё наоборот – Новороссия может способствовать выходу из международной изоляции ПМР и НКР.

Но возможно, что Малую Новороссию – как «украинское Приднестровье» – надо рассматривать не по историческим параллелям или по сути дела, а лишь формально? Тем самым хотя и замораживая конфликт, но уходя от его горячей стадии, что, похоже, сегодня в значительной степени и формирует украинскую политику правящей в РФ группы. Однако согласись Запад на Новороссию по примеру Приднестровья или самоуправляемой территории наподобие Косова до февраля 2008 года, то есть начни он вести с ней переговоры как пусть даже с потенциально, но независимой стороной, он тут же даст в руки всем остальным непризнанным, но фактически существующим государствам козырь прецедента. Если можно так получить признание независимости Малой Новороссии – пусть частичное, но широкое, хотя и сквозь зубы, но даже Западом, – то почему нельзя Абхазии, положим? Косово играет роль хорошего тарана почти во всех переговорах между Россией и Западом о статусе Абхазии и Южной Осетии. Дипломатия США там вынуждена изыскивать явно натянутые и надуманные аргументы, поскольку хорошо понимает слабость своей позиции. Так добавить этим русским еще и Новороссию?

Но и более того, за любыми переговорами о независимости ДНР и ЛНР неявно всегда маячит вопрос о легитимности присоединения к России Крыма. Ведь если согласиться на

самоуправляемость данных регионов, то тем самым необходимо будет признать, что всё произошедшее с Украиной после февральского переворота является новой историей нового государства. Таким образом, мы признаем, что Украины дофевральской, беловежской, постсоветской уже не существует, а есть новое государство – постфевральская Украина. И у этого нового государства может быть новая граница. Но тогда получается, что вообще всякая территория бывшей Украины вольна самоопределиться. Что и проделала Автономная Республика Крым. Такого поворота западная дипломатия допустить уж никак не может.

Далее. Основа легитимности Новороссии, исторически отправная точка для легитимации ДНР и ЛНР – референдумы об их независимости, проведенные весной 2014 года, если не считать самого Евромайдана, запустившего весь процесс февральского государственного переворота. Легитимность их, пусть частичная, в виде «украинского Приднестровья», даже если провести еще один специальный новый референдум под наблюдением ОБСЕ или ООН, становится тогда де-факто признанной мировым сообществом. Выходит, придется признать и легитимность произошедшего раньше референдума в Крыму. Потом опять же потянутся ПМР, Абхазия, Южная Осетия, НКР... Что с ними прикажете делать?

В то же время чтобы состоялись серьезные переговоры о такой «приднестровской» конфигурация, необходима военная победа ополчения над армией Украины и устоявшаяся граница противоборства. Нужен военный тупик. А победа эта вряд ли возможна без энергичной помощи со стороны России, то есть нашего вмешательства во внутренние дела Украины. Рассчитывать же на то, что такая конфигурация установится по результатам обычных переговоров, – все равно что напрочь забыть о расширении НАТО на восток, о судьбах Югославии, Ирака, Сирии, Ливии... То есть пребывать в иллюзии возможности решения с Западом острых вопросов посредством одного лишь доброго слова, «без кольта». Кажется, США и Запад в целом дали более чем достаточно оснований усвоить, что единственный аргумент, который сподвигает этих «ребят» на исполнение обязательств, вытекающих из подписанных ими же договоров и соглашений, это наличие у контрагентов мощной боеспособной армии, решительного и мужественного политического руководства, осознанных собственных целей.

Однако совершенно неясно, зачем вообще необходимы России эти республики в таком виде? Неужели у кого-то есть сомнения о целях всей этой заварушки? Есть иллюзии, что ее закоперщики на полпути остановятся и успокоятся?

Пытаясь поспешно сварганить в таком куцем виде Малую Новороссию-Приднестровье, мы же одновременно создаем и признаем Украину-Молдавию! То есть мы одновременно признаем итоги случившегося на Украине февральского государственного переворота, отдавая на откуп агрессивных антироссийских и антирусских сил остальную исторически принадлежащую Русскому миру территорию. Мы отказываемся от нее. Мы пытаемся торговаться с агрессором, который имеет четкую цель – Россию, которого интересует Украина исключительно в качестве плацдарма и тарана. Мы просто опять попадаемся на ту же уловку, которая уже стоила нам почти безобидной Украины. Неужели всех этих бесконечных и бессмысленных переговоров Виктора Федоровича Януковича с Евромайданом, завершившихся февральским переворотом, – мало? Сбитого «Боинга» – недостаточно? Сожжение в Одессе людей – неубедительно? Обстрелов городов системами залпового огня и тактическими ракетами – не хватает? При этом ведь наблюдается полное равнодушие американской, да и всей западной дипломатии даже просто к обсуждению гуманитарных вопросов Новороссии!

Согласившись на Малую Новороссию при отсутствии собственной стратегии в отношении остальной Украины, мы даем карт-бланш США на невозвратное преобразование Украины в сплошную Галицию с последующей раскачкой уже России. Нам что – необходим мощный проамериканский плацдарм с огромным населением у себя в «мягком подбрюшье»? Нам мало Прибалтики, Грузии и Польши? Мы задумали провести операцию «Лукашенко» по аналогии с «удачно» завершенной в феврале 2014 года операцией «Янукович»? Мы решили по-быстрому сдаться на милость врага?

Надежду на то, что экономические трудности, холодная зима или какие-то особые лишения приведут к социальному взрыву на Украине и революции, необходимо отбросить как напрасную и даже ложную. Революции не случаются как результат какого-то сугубого бедствия. Особое бедствие приводит только к бунту, каковой подавляется правительственными войсками с примерным наказанием возмутителей спокойствия и всех подвернувшихся под руку жителей окрестных поселений. У кого-нибудь есть сомнение в том, что Петр Алексеевич Порошенко или кто-то другой из се-

годняшней киевской верхушки, не дрогнув, потопит в крови выступление в любой части Украины простого гражданского населения? И кто-то надеется, что Запад будет возмущаться кровопролитием? Таких наивных сегодня, думаю, уже нет. А для карательных операций сил у Киева хватит почти при любом экономическом раскладе. Сегодня у него есть и тренированные карательные подразделения.

Революция – это всегда следствие несбывшихся надежд общества в отношении способности правящей группы исполнить особенные его, общества, чаяния. Не отчаяние из-за тяжелой и беспросветной жизни оказывается причиной революции, а отчаяние от упускаемых надежд на райское существование на земле, которое мнилось уже почти в руках. Такое отчаяние и уверенность в том, что с этим правительством рая не построишь, и порождают энергию, приводящую в движение революционные массы. Сама Украина со своим Евромайданом наглядно подтвердила эту гипотезу. Повторения революции на Украине не будет. Этот вопрос закрыт. Евроинтеграция документально зафиксирована и снята с повестки дня. О ней все забыли, кроме, может быть, нас и нашей дипломатии. Теперь «всем миром» воюют с Россией.

Упершись в желание соорудить Малую Новороссию, правящая группа РФ, не решая настоящие проблемы РФ на Украине, оставляет все возможные «плюшки и калачики» Киеву и его заграничным бенефициарам. Фигурально выражаясь, за потрепанную, хотя и гордую, «пешку» – ДНР и ЛНР – противнику отдаются стратегическая инициатива и пространство маневра. Не забываем – противнику, и так обладающему материальными и политическими ресурсами, превосходящими российские. Противнику, у которого, по сути, только два слабых места на Украине – длинное логистическое плечо и слабая точка опоры, – на укрепление которых и расходуется противником время «зимнего перемирия». Следовательно, Новороссия в усеченном виде «украинского Приднестровья» устраивает лишь ее идейных вдохновителей из правящей группы РФ и – как временное решение для перегруппировки, налаживания коммуникаций, сосредоточения сил, отвлечения и успокоения России – ее стратегических «заклятых друзей». Для России же такая конфигурация аналогична «стратегическому» размену Константинополя на Дрыщев с последующей потерей Москвы.

VI

Каким же должно быть поведение РФ в свете задачи долгосрочного контроля над территорией Украины? Рассмотрим лишь один из важнейших аспектов этого вопроса, без которого положительное решение оного невозможно: взаимодействие правящей группы и гражданского общества России с постфевральским украинским обществом в целом и правящей группой Украины в частности.

Прежде необходимо сделать еще несколько конкретизирующих замечаний относительно сегодняшнего состояния общества на Украине.

Во-первых, на Украине отсутствует политическая идея, политическая сила и даже политическая личность, которые, хотя бы с определенной натяжкой, поддерживали бы или которым могли бы доверять большинство представителей противоборствующих сторон. То есть в наличии острая фаза гражданского конфликта и отсутствие чего-либо общего внутреннего, способного объединить страну, консолидировать общество. Как следствие – налицо крайняя поляризация политического пространства социума. Основные внутренние социальные и политические акторы Украины не могут согласовать свои представления о будущем страны. У сторон нет желания идти на взаимные компромиссы или хотя бы даже на переговоры. Напрочь отсутствуют умеренные политики и умеренные силы, которых кто-либо поддерживал бы или, по крайней мере, слушал бы.

Во-вторых, нет единого политического лидера или единой интегрирующей политической силы не только всеукраинского, но и регионального масштаба. Условный украинский Запада и условный украинский Восток сегодня объединены каждый внутри себя одним лишь противостоянием друг другу. Внутренние конфликты и неурядицы сдерживаются и не проявляются только благодаря наличию общей цели: у одних это получение контроля над территорией всей Украины, у других – сохранение независимости. После же решения любым из этих акторов своей основной, злободневной задачи тут же выйдут на поверхность внутренние конфликты второго порядка. (Убийство известного командира ополчения «Бэтмена» – Александра Беднова – первый звонок со стороны ополчения, а «уход» Бени Коломойского – со стороны Киева.) То есть очевидна предельная разобщенность, неорганизованность, абсолютная стихийность народного движения Юга и Востока Украины. Но отсутствует какое-либо единство и в Киеве. Только внешняя сила удерживает видимость согласия правящего ныне на Украине режима. И только существенно превосхо-

дящие по всем параметрам ресурсы контролируемой Западом Украины позволяют киевскому режиму держать в напряжении и частичном подчинении Юго-Восток, являющийся политически более однородным, но почти совсем неорганизованным, не имеющим ни собственной политической идеи, ни «третьего лица» за спиной. РФ в этом плане непоследовательна и нерешительна и явно не хочет играть эту роль.

В-третьих, отсутствует политическая идея и Украины в целом. То есть нет того комплекса представлений и социальных паттернов, лежащих в основе государства, который мог бы служить основой для собирания этой территории в системную целостность, а граждан Украины – в единую нацию, после чего только и можно будет говорить об Украине как о государстве. Эту идею еще нужно создать. Или уже не нужно...

Но на чьих смыслах будет основана политическая идея-идеал государства Украина? На смыслах нарождающегося галицийского народа, из которых сегодня вырастает пропитанная русофобией идеология киевского режима? Как тогда быть с миллионами русских, являющихся гражданами Украины? По примеру Прибалтики объявить их негражданами? Быстро и эффективно украинизировать? Тогда возможно украинскому государству основаться на малороссийских смыслах? Но у малороссов как субэтноса никогда не было ранее и нет сегодня хотя какой-либо политической идеи, потребной для создания государства. Малороссам всегда крайне неуютно жилось под польскими магнатами или под скипетром Габсбургов и, напротив, вполне комфортно – в Московском царстве, Российской империи и СССР. Они активнейшим образом участвовали в формировании и становлении русской политической государственной идеи, которая для них является родной. Может, подвести под украинское государство в качестве его основы смыслы русского народа? Но зачем делать вторую РФ? Проще присоединить территории, населенные этническими русскими, к существующему государству русского народа – Российской Федерации – хотя бы потому, что вся эта территория исторически и тянулась, и входила в преобладавший круг влияния политической идеи Московского царства, Российской империи и СССР. Ведь население Новороссии, да и всей Украины в основной своей массе является русским и стремится в Россию, что показали референдумы в Крыму, в Донецкой и Луганской областях. Иначе говоря, в настоящий момент Украины как государства в пространстве смыслов де-факто не существует – а значит, не существует и украинской нации.

Главы Донецкой и Луганской Народных Республик Александр Захарченко и Игорь Плотницкий

Сторонники независимой от сегодняшнего киевского правительства Новороссии, представленные лидерами и рядовыми бойцами ополчения ДНР и ЛНР, в силу сложившихся обстоятельств и близости политических идей своего движения российским политическим идеям являются нашими вернейшими и надежнейшими соратниками.

Из изложенных выше замечаний следует, что единственным объединяющим и успокаивающим конфликт началом для населения Украины может стать только политическая идея-идеал России как естественное основание их существования, как традиционный фактор притяжения и элиты, и интеллигенции, и простого народа этой территории. Мы здесь не обсуждаем пока обязательного условия успеха в этом начинании – формирования собственной самостоятельной политической идеи-идеала современной России, базирующейся на политических идеях предшествующих государственных образований и их развивающей.

Нам необходима Украина как надежный форпост Русского мира. Поэтому для контроля над всей ее территорией как над естественной частью России требуется не простое родство народов. Надо, чтобы умы и сердца не только рядовых граждан, но и преобладающей части элиты были обращены к России. Поэтому

необходимо создать условия, чтобы абсолютное большинство сегодняшней идейной части украинской доминирующей общественной силы захотело союза с Россией и даже воссоединения обеих стран. Только в этом единстве кроется реальная возможность благополучного и долгосрочного развития народа Украины. А для этого нам нужны союзники на Украине.

Таких действующих и потенциальных групп союзников три. Во-первых, сторонники независимой от сегодняшнего киевского правительства Новороссии, представленные лидерами и рядовыми бойцами ополчения ДНР и ЛНР, которые в силу сложившихся обстоятельств и близости политических идей своего движения российским политическим идеям являются нашими вернейшими и надежнейшими соратниками. Сюда можно отнести теперь уже полуподпольные прорусские и пророссийские организации по всей территории Украины, а также при определенной работе с ними и коммунистов Украины.

Во-вторых, идейные украинские националисты – как малороссийские, так и галицийские. В-третьих, идейные русские граждане Украины, которые, будучи великороссами по сознанию и происхождению, искренне борются за Украину как самостоятельное и независимое государство.

Первым надо продолжать активнейшим образом оказывать помощь, расширяя и углубляя оную. Помощь не только материальными поставками, но и обучением, советниками, опытом, знаниями, отстаиванием их интересов на международном уровне и внутри Украины. Мы обязаны дать им уверенность во всегдашней нашей поддержке, что забота наша не лицемерна и сиюминутна, а искренна и постоянна, проистекает из осознания сродства нашего и направлена на достижение общих целей. Требуется организовать и поддерживать обширное партизанское движение на всей территории Украины, через которое можно наладить работу на низовом уровне, получить влияние на местную власть – занятую ежедневными проблемами рядовых жителей украинской земли. Наконец, выбить управление низовым уровнем из рук февральского режима.

Последние же два потенциальных стратегических союзника России – ключевые в доминирующей общественной силе сегодняшней Украины, души и мысли которых мы обязаны завоевать. Оба этих потенциальных союзника кардинально отличаются от остальных групп в украинской власти не только жаждой реальной деятельности по становлению Украины как самостоятельного государства, но и в целом конструктивной направленностью этой деятельности, в значительной степени идеальными, немеркантильными мотивами. Они хотят реализовать мечту не для себя лично, а для народа – мечту, разумеется, в их понимании. Они пассионарии, движимые идеалами. И это важнейшее их отличие от «политических бизнесменов» и «государственных пасторов». Кроме того, они составляют основу боевой части украинской армии, всего силового блока государства и, по сути, несут на себе всю тяжесть гражданской войны со стороны февральского режима. Необходимо изменить их отношение к России с очень враждебного сначала на вынужденно терпимое, затем последовательно на нейтральное, дружественное, союзническое, братское, общее. Иначе говоря, необходимо разработать программу возвращения в «отчий дом» «блудного малороссийского сына», «Ивана, не помнящего родства». С использованием, например, метода «окон» Джозефа Овертона. И нам это будет сделать по силам хотя бы благодаря имеющейся общей системе смыслов людей, проживающих в РФ и на Украине, как представителей одного народа и единой политической государственной идеи, воспитывавшей граждан империи в течение многих столетий.

Какова же идейная основа такого странного и крамольного предложения?

VII

Истинный националист ставит пред собой одну цель – достижение благополучия и процветания своего народа, обычно в противопоставлении с другими народами и – на сегодняшнем этапе развития глобального социума – в противостоянии глобальному нивелированию национальных и расовых различий. Добиться реализации этой цели можно двумя способами.

Первый. Созданием отдельного национального государства, в котором его народ, став нацией, займет доминирующее положение. Это очевидный, кажущийся самым легким и проторенный путь. Но в сегодняшнем мире сей путь – тупиковый, ведущий не к успеху, а напротив – к быстрой деградации народа, к попаданию его под влияние других – более сильных и лучше организованных – наций, вне- и наднациональных объединений. Примеров тому тьма: страны Прибалтики, бóльшая часть остатков Югославии, Молдавия, Грузия и т.д. Успех или неудача нового национального государства сегодня определяются не его способностью суверенно действовать, а возможностью вписаться в орбиту влияния более крупного субъекта. По сути, такая «нация» вынуждена про-

Кадр из фильма «Чувства» (1968 год) Литовской киностудии

сто понять и принять ту роль, какую ей «спустят сверху». Это неплохо получилось у Польши, Словакии, Словении, Чехии. Впрочем, и в этих случаях не может быть речи ни о каком самоопределении, ни о какой независимости и тем более ни о каком развитии. Причем даже наилучший вариант не гарантирует благополучия нации в более или менее отдаленной перспективе – ее интересами в первую очередь поступятся при малейших трудностях «метрополии». Но главное, что весь национализм такого нового псевдонезависимого государства обычно сводится исключительно к... фольклору.

Одновременно происходит постепенная деградация всех сторон жизни новообразованной нации, что наглядно видно на примере Восточной Европы. Особенно показательна здесь Прибалтика, лишившая сама себя промышленности, науки, высшего образования, театра, кинематографа и всего прочего, что она приобрела за годы «колониального рабства» в Российской империи и СССР, и представляющая в настоящее время интерес исключительно с геополитической точки зрения единственно как территория присутствия сил НАТО в непосредственной близости от России и ее политических центров – Москвы и Петербурга. Местное население Прибалтики, его ресурсы и навыки в данном случае абсолютно не интересуют Запад.

Прибалтика сама себя лишила промышленности, науки, высшего образования, театра, кинематографа и всего прочего, что она приобрела за годы «колониального рабства» в Российской империи и СССР, и представляет в настоящее время интерес исключительно с геополитической точки зрения единственно как территория присутствия сил НАТО в непосредственной близости от России и ее политических центров – Москвы и Петербурга.

Но и более того, даже успех на начальном этапе строительства мононационального государства сегодня не гарантирует процветания. Мы наблюдаем дробление ранее единых государств по национальному и региональному признакам. Попытка «ухода» Шотландии в 2014 году, регулярные референдумы об отделении Квебека от Канады или шумная, активная и небезуспешная деятельность итальянской Лиги Севера, «фронда» Каталонии в Испании – демонстративные примеры тому.

А с конца XX века дает о себе знать еще один фактор, размывающий национальное единство европейских государств, – массовая миграция инородного населения из бывших колоний в метрополии. Проблемы арабов во Франции, турок в Германии и мусульманского населения в Великобритании – показательны. Дело дошло до того, что федеральный канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что немецкий мультикультурный подход к включению мигрантов в германскую нацию – а значит, и в государство – «провалился, совершенно провалился». Поэтому очевидно, что классическое национальное государства точно не может являться целью здравого националиста.

Федеральный канцлер Германии Меркель (на фото) заявила, что немецкий мультикультурный подход к включению мигрантов в германскую нацию – а значит, и в государство – «провалился, совершенно провалился». Поэтому очевидно, что классическое национальное государства точно не может являться целью здравого националиста.

Второй способ более сложный и не такой явный – включение национального образования в орбиту наднациональной общности, что даст подобной национальной общности возможность не только сохраниться, но и продолжить развиваться. Здесь необходима не столько национальная независимость в своей теоретической чистоте, сколько появляющаяся в результате подобного вхождения возможность активного участия присоединившегося народа в большой политике (и не только политике) не как объекта оной, не как инструмента реализации чужих замыслов и чужих интересов, а как субъекта, как актора. Большие задачи, свойственные большому образованию, формируют широту и глубину мышления, дают такому народу перспективу развития и роста.

Но возможно ли такое вхождения без ущерба и даже с прибытком для народа? Да, это возможно. Ярчайший пример такого наднационального образования – это Российская империя – СССР – Россия. Но не таковы США или ЕС. Почему? Рассмотрим подробнее.

Характерной особенностью США как государства является возможность индивидуального, личного участия в любой деятельности на благо государства и американской нации – в том числе и на самых высоких должностях – представителей любого народа, любой расы и любого вероисповедания. Единственное требование здесь – отречение от интересов своего народа как нации, полное подчинение интересам нации американской, восприятие их как своих собственных. То есть неважно, кто вы – грек или араб, чернокожий или женщина, – важно только, чтобы лично вы как индивид стали гражданином США в полном смысле этого слова. Вы можете на уровне фольклора проявлять свою особую личную этническую идентичность. Вам в этом не будут чинить никаких препятствий. Точно так же вы можете быть гомосексуалистом или мормоном – тут совершенно нет никакой разницы. Вы легко будете интегрированы в американскую нацию и вполне сможете добиться больших успехов, став гражданином США. У вас, несмотря на ваши индивидуальные этнические особенности, будут все права свободного гражданина США. Но это только на уровне, как уже сказано, фольклора, а не на уровне национальной политической мысли, национальной политической идеи, национальной политической цели. Здесь нет ни плюрализма, ни свободы.

Заметим, что США в этом сходны с Византийской империей, в которой, несмотря на сильный греческий национализм, единственным условием для продвижения по карьерной лестнице было соблюдение требования православного вероисповедания, то есть византийского, если так можно выразиться, гражданства. Но если вы гражданин другого государства, а тем более если вы националист и желаете развития и процветания своей нации, то США вас будут лишь использовать. Можно сослаться на огромное количество примеров того, как поступали США со своими иностранными союзниками-националистами, если те, даже оставаясь преданными, переставали их интересовать или устраивать. Судьба президента Египта Хосни Мубарака – на сегодняшний день пока последний пример, но один из самых красноречивых. А ранее были и Южная Родезия, ныне несчастное государство Зимбабве, и ЮАР...

Для России же, в отличие от США, напротив характерна именно согласованная и взаимная интеграция интересов империи с интересами близ-

ких, союзных ей государств и тех народов, которые вошли в ее состав. Русские цари, российские императоры и генеральные секретари всегда очень серьезно подходили как к интересам народов и племен, проживающих внутри империи, так и к своим обязательствам за ее пределами. Интересы всех народов в составе нашей страны традиционно максимально согласовывались и учитывались, происходило их спаивание в единую нацию империи, но не посредством смешения или упразднения, как в США, или ассимиляции доминирующим этносом, как в Европе, а путем интеграции, не упраздняющей различия.

Иными словами, США – это «плавильный котел», в котором создается нация-сплав. Европа переваривает попавшие в нее ингредиенты, в результате чего появляется новый организм – единая государственная нация. Россия же – это синергетическая общность, имперская нация, спаянная из многих народов.

Не без причины именно в России по-настоящему наполнился смыслом термин «софийность», понимаемый как «единство истинное, не противополагающее себя множественности, не исключающее ее, но, в спокойном обладании присущим ему превосходством, господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам. Дурное единство есть пустота и небытие: истинное есть бытие единое, всё в себе заключающее. Это положительное и плодотворное единство, возвышаясь над всякой ограниченной и множественной действительностью, непрестанно пребывает тем, что оно есть, и содержит в себе, определяет и обнаруживает живые силы, единообразные причины и многообразные качества всего существующего. <...> Это свойство положительного единства (всеединства, или всеполноты) присуще всему, что есть или должно быть безусловным в своем роде. Таков в существе своем всемогущий Бог, таков в своей идее человеческий разум, имеющий возможность постигнуть всё, таковой должна быть, наконец, истинная Церковь, по существу своему вселенская, то есть обнимающая в своем живом единстве человечество и весь мир» (Владимир Соловьев «Россия и Вселенская церковь»). Именно таков идеал России, именно такова ее суть, как бы ни искажали ее обстоятельства жизни и наши отступления. Идеал софийности – совершенно иной, чем единство Европы, американской нации-сплава или перемешивания народов современной глобализацией. Ведь, продолжим цитировать Владимира Соловьева, «есть единство отрицательное, отъединенное и бесплодное, ограничивающееся исключением всякой множественности. Оно представляет простое отрицание, логически предполагающее то, что оно отрицает, и проявляющее себя как начало, произвольно установленное, числа неопределенного. Ибо ничто не препятствует разуму признать несколько простых и совершенно равных между собою единств и затем умножать их число до бесконечности. И если немцы по праву зовут такой процесс “дурной бесконечностью” <...> то простое единство, представляющее его основание, конечно, может быть обозначено как дурное единство». И далее повторимся: «Дурное единство есть пустота и небытие».

Конечно, при согласовании взаимных интересов каждому народу приходилось чем-то жертвовать, но возникающая системная общность – подданные Российской империи – давала влившимся в нее огромные возможности и стимулы для роста и развития всего этноса как целого, а не только отдельных его представителей, как в США. Присоединение к России и союз с ней не требовали отречения от этнической идентичности в самом широком смысле слова, в том числе и в ее политическом, идейном и смысловом аспектах. Распада и профанации этничности, как это происходит в Европе, не было. Скорее наоборот – даже самый малый народ очищался и начинал сиять необычайно в лучах славы империи.

В США наличествует единый политический интерес, существует одна политическая идея нации, причем чья бы то ни было этническая особенность (в отличие от стран Европы) здесь является несущественной, до тех пор пока она не начинает формулировать и проводить свой особенный политический интерес, свою особую политическую идею, отличную от государственной идеи США. Такое запрещено. В России же происходит объединение всех политических интересов, всех политических идей всех входящих в нее народов в единую политическую идею Российской империи. Важно, что происходит это без отказа от политической идеи и от системы смыслов любого входящего в нее народа. Подчеркнем: объединение не в политическую идею российской нации, каковой в обычном политологическом смысле нет (вспомним интересный термин-конструкт «единый многонациональный советский народ»), или русской нации (вопрос с которой тоже не совсем прост), а именно в политическую идею Российской империи. В этом и состоит коренное отличие Российской империи от империи США. И тем более от

Британской или Германской империй.

Тут же и основание нашего взаимного с США традиционного непонимания мотивов друг друга и нашего отчуждения (заметим, с европейскими странами у нас таких проблем непонимания нет). Собственной особливой этнической общности как таковой в США не имеется, а существуют только отдельные этнические общности представителей различных народов, объединенных одной государственной политической идеей американской нации. Посему истеблишмент США искренне не видит причины, почему нельзя по примеру американских граждан, среди которых есть представители чуть ли не всех народов земли, отбросить свою политическую идею и воспринять вместо нее единственно верную – присущую нации США. При этом вы можете, став стопроцентными гражданами Соединенных Штатов, одновременно продолжать иметь и исповедовать свою этническую индивидуальность, если это так уж необходимо. Аналогичным образом и мы в России не понимаем, зачем всюду требовать от всех быть настоящими гражданами США, когда можно спокойно стать подданными Российской империи и, объединив усилия и политические идеи всех наций, служить империи, в которой места и задач хватит на каждый народ и на каждую политическую идею. Отдельные русские, приезжая на жительство в США, легко и быстро восприняв политическую идею США как свою собственную и не чувствуя никаких препятствий для сохранения их русскости как этнической особенности, начинают воспринимать Россию как нечто несуразное, нелепое и даже обманное. Как общество, построенное на каком-то невозможном и, как следствие, лживом фундаменте. Но такие русские остаются русскими только по этнической принадлежности, они уже не подданные Российской империи, а граждане империи США. И напротив, гражданин США, приезжая в Россию, не в состоянии воспринять ее целиком, ибо он не может самостоятельно согласовать политическую идею США, в которой он вырос и воспитывался, с политической идеей Российской империи, поскольку в России такое согласование является не личным актом, как в США, а коллективным действом соответствующего народа как целого и оно обязательно требует, чтобы человек стал подданным империи. Иными словами, США принимают любого индивида, не считаясь с его этичностью, а Россия принимает любой народ целиком, не обращая внимания на индивидов. В США можно эмигрировать массово, хоть всем народом, но войти в американскую нацию можно только по отдельности – как индивид. В Россию напротив можно войти только всем народом целиком, по отдельности это сделать очень тяжело. Потому индивидуальная массовая иммиграция в Россию маловероятна, как и в США – вхождение народа целиком.

Здесь же находится и корень проблемы нашей современной либеральной общественности, воспринявшей американскую политическую идею как собственную и не находящей в ней препон для проявления индивидуальной, в том числе этнической, принадлежности. И, как следствие, не понимающей остальное население страны, которое не желает отказываться от своей имперской политической идеи. Наши либералы по сути своей превратились в американских граждан, при этом имея паспорта граждан Российский Федерации и оставаясь этническими русскими. Трансформация, для подданных Российской империи неприемлемая. Отсюда и желание либеральных деятелей изменить смыслы русских, презрение к народу, восприятие его как недоразвитых и неспособных самостоятельно действовать рабов, которые не хотят партикулярно менять свою национальность, а действуют скопом. Мизинные люди России для них «эмбрионы людей», которых надо еще превратить в «настоящих людей» (по слову Ильи Григорьевича Эренбурга).

Но дело в том, что «ватники» не собираются становиться американцами. И это дико раздражает и бесит российских либералов. Требовать же повторения метаморфоз, аналогичных их собственным, от остальных подданных Российской империи – значит понуждать всю нацию целиком отказаться от своей истории и своего будущего. Но что возможно и приемлемо для отдельного человека, то неприемлемо для целого народа. Такие действия для него просто самоубийственны.

Эти рассуждения относятся не только к великороссам, но и к представителям всех этносов, входивших в Российскую империю сколько-либо продолжительное время и сформировавшихся в ней как полноценные народы. А к малороссам и белороссам – в особенности. Муки, претерпеваемые несчастными народами, силою исторических обстоятельств отошедшими, оторванными от матери-империи, мы наблюдаем практически на всем постсоветском пространстве. На Украине они приняли форму национальной катастрофы и вылились в гражданскую войну.

Итак, вхождение в Россию или близкий союз с ней дают любому искреннему последо-

вательному идейному националисту уверенность в укреплении и развитии его народа, в гарантированном обеспечении его интересов, в надежной защите от посягательств более крупных и сильных соседей. И главное – в выходе всего этноса как целого на такой уровень решаемых им задач, о котором он и мечтать не может, учреждая особливую независимость. Примеров тому несть числа на протяжении всей истории России. Это та же Украина, Прибалтика, Финляндия, вся Средняя Азия, Белоруссия, Грузия, Армения. Это народы Кавказа, Севера и Дальнего Востока и многие, многие другие.

Если вы гражданин другого государства, а тем более если вы националист и желаете развития и процветания своей нации, то США вас будут лишь использовать. Можно сослаться на огромное количество примеров того, как поступали США со своими иностранными союзниками-националистами, если те, даже оставаясь преданными, переставали их интересовать или устраивать. Судьба президента Египта Мубарака (на фото во время суда) – на сегодняшний день пока последний пример, но один из самых красноречивых.

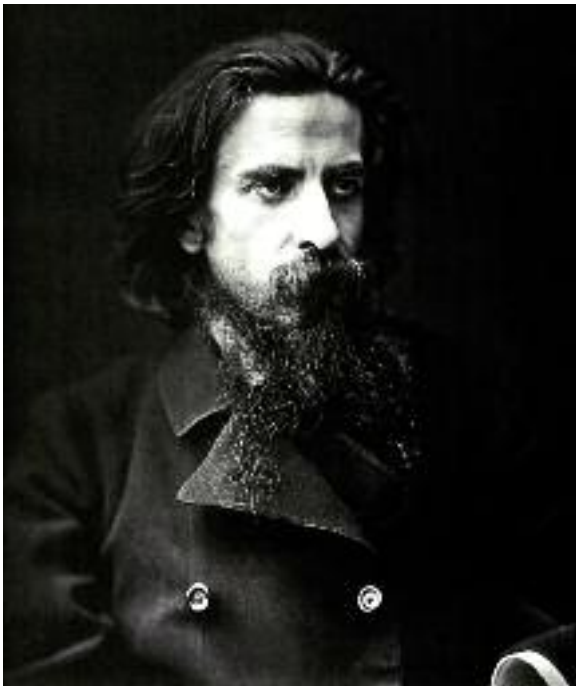
VIII

Из сказанного выше следует, что отсутствует в действительности настоящее, глубинное противоречие между русскими, Россией, с одной стороны, и украинскими националистами, Украиной – с другой. Это лишь кажущаяся разладица: что первый враг украинца – русский в лице москаля и/или схидняка, как и то, что первый враг русского – свидомый гражданин Украины или галицийский крайний националист. В действительности это первые союзники друг друга, поелику только в теснейшем единении и совместной работе они способны решать свои исконные и истинные цели. Порознь – фиаско. Для обоих. Поэтому на Украине нам требуется вести работу и переговоры не с «Порошенко и Ко», не с олигархами или остатками «Партии регионов», а с идейными действующими украинскими националистами и с русскими украинцами-великороссами, идейно выступающими за сильную Украину.

Нам надо как можно меньше обращать внимание на США и ЕС, максимально отстраняя их от решения украинского вопроса, понимая, что они не имеют на Украине никаких иных интересов, кроме как ухудшения положения России при полном пренебрежении интересами граждан Украины. США и ЕС для России и для Украины – враждебные силы, важнейшие сегодня наши противники. Вопрос Украины – это внутренний вопрос Русского мира, и сторонние советчики и акторы нам вредны, а значит – не нужны. В этом мы должны быть убеждены сами, а также прививать подобный взгляд всем гражданам Украины. Мы должны продемонстрировать им, что сильное, значимое, устойчивое, имеющее исторические перспективы украинское государство возможно только и исключительно в теснейшем союзе с Россией.

Мы должны всей нашей деятельностью являть всем идейным акторам Украины, что мы так же нуждаемся в них, в наличии союзного близкого нам государства, как и они нуждаются в сильной и мощной России – являющейся единственным действительно надежным, последовательным и искренним партнером в отстаивании их же национальных интересов. Мы должны показать им, что возникающее на территории Украины под мощным и дружественным влиянием России образование станет их родным государством и их будущее – как великороссов, так и малороссов и галичан – не будет ущербным.

Многие новые «самостоятельные» государства, в том числе осколки СССР, уже нахлебались собственной псевдонезависимости, ставшей для них ловушкой, инструментом их



Не без причины именно в России по-настоящему наполнился смыслом термин «софийность», понимаемый Владимиром Соловьевым (на фото 1890 года) как «единство истинное, не противополагающее себя множественности, не исключающее ее, но, в спокойном обладании присущим ему превосходством, господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам».

порабощения. И они ждут конкретных предложений от своего естественного исконного союзника, с которым связаны миллионами нитей смыслов, людей, контактов, совместной истории, – от России. Но мы должны быть сильными и осознавать, что представляем не только себя, но и целый сонм других союзных государств и стран, народов и наций. Нам необходимо взять на себя бремя ответственности лидера, бремя собирании империи, но для этого надо отринуть бухгалтерский меркантилизм и робость в международных делах, как и охранительство статус-кво в современном мире. Мир всё одно меняется. Мы не в силах удержать его. Потому надо самим меняться и менять окружение. В динамическом мире необходимо бежать, чтобы хотя бы даже просто оставаться на месте.

С чего же начать на Украине в работе с местной элитой и местным населением? Кроме осознания необходимости такой работы, решительности, мужества, последовательности и целеустремленности, думается, необходимо использовать упомянутый выше метод «окон» Джозефа Овертона. Несколько модифицировав его – применительно к тамошней ситуации. Основная цель здесь – возвращение традиционных ценностей и отношений между частями русского народа – малороссами и великороссами, – а также такое изменение оснований и целей галицийского национализма, которое естественным образом приведет его в лоно Российской империи.

В заключение рискнем предложить несколько важных замечаний по поводу политики России на Украине.

Во-первых, в российском информационном пространстве следует полностью исключить из употребления в отношении граждан Украины слова типа «бандеровец», «нацист», «фашист», «укроп», «майданутый», «каратели» и т.д., допуская только нейтральные и уважительные наименования. СМИ России должны быть максимально корректными и объективными. Они работают и внутри России, и на внешнюю аудиторию – в первую очередь зрителей стран бывшего СССР. Цель – донести до массовой аудитории Украины, что Россия не является недругом или даже обидчиком украинских граждан. Надо четко разводить действия государства и народа Украины, пусть даже иногда поступки рядовых граждан кажутся нам не всегда корректными и допустимыми. Необходимо стараться реже употреблять термин «украинец», ибо он вносит ненужную путаницу, когда украинцами называют и русских-великороссов, и украинцев-малороссов, и галичан, и граждан Украины в целом. Лучше использовать в таком случае словосочетание «граждане Украины». Никоим образом нельзя противопоставлять русских и украинцев, важно воспринимать их как части единого народа, каковыми они и являются по сути. Не радоваться массовой гибели солдат украинской армии – это те же русские. Это гибнем мы. Активнейшим образом вести пропаганду на территории Украины – оттеняя наше общее и тушуя различия между великороссами и малороссами. Говорить постоянно, искренне и глубоко о единстве наших целей, об общности судьбы и истории. Вести пропаганду – последовательную и долгосрочную – о единых смыслах граждан обеих наших стран. Во-вторых, широко использовать в международных переговорах разного уровня тот факт, что русский народ является крупнейшим разделенным народом, имеющим свое государство, и справедливость требует признавать за народами право не только на самоопределение, но и на объединение. Особенно когда речь идет о компактном проживании огромных масс населения, подвергаемого физическому уничтожению. Через это мы обосновываем свое право на особые интересы на Украине. В этом смысле мы единственные, кто имеет на это право.

В-третьих, требовать проведения всеукраинского референдума о самоопределении территорий и об определении будущего Украины. Ведь граждан-

ская война и категорическое нежелание жителей Крыма возвращаться на Украину говорит о неспособности правящей группы и всей элиты страны решить на Украине проблему децизионизма – принятия политического решения о действиях в условиях неопределенной легитимности. А коли так, то решение должно перейти на уровень «всенародного схода», на уровень общего собрания мизинных людей.

В-четвертых, активнейшим образом дискредитировать февральский режим в целом и отдельных персоналий в нем как в глазах украинской доминирующей общественной силы и рядовых граждан, так и в международном политическом сообществе, в деловых кругах и среди общественных организаций самого широкого толка.

В-пятых, необходимо успокоить средний и малый бизнес Украины, средний класс Украины в отношении их судьбы при сближении с Россией. Они должны понять и увидеть, что им лично и их бизнесу ничего не угрожает, что наоборот – разрыв с Россией и псевдоинтеграция в Европу противоречат их коренным интересам, убивают их самих и их дело. Получить здесь опору и союзников крайне важно еще и потому, что именно эти категории и социальные слои населения традиционно являются опорой национализма.

В-шестых, создавать и поддерживать общественные организации и СМИ на территории Украины, которые выступают за прекращение войны и за мирный диалог с РФ и Новороссией, которые критикуют путь евроинтеграции и не поддерживают олигархический февральский режим в Киеве. Широко использовать значительную часть молодежи, выехавшей в Россию с Украины, для идеологической пропаганды общих целей.

В-седьмых, наладить контакты с идейными командирами Нацгвардии и идейными лидерами украинских националистов. Представлять перспективы их как лидеров, как представителей народа в совместной союзнической деятельности с Россией и отсутствие таковых в случае интеграции в ЕС и разрыва с Россией. Вспомним также традиционную и крайне действенную имперскую политику России в отношении элит присоединившихся стран, регионов и народов, даже вошедших под скипетр российского императора с боем – как горцы Кавказа. И каковы, в отличие от России, судьба и место аналогичных национальных лидеров были ранее в Европе и есть ныне в ЕС? Проводить встречи, конференции, дискуссии и интернет-мосты, школы между общественными представителями РФ и Украины, между экспертами, политиками. Затем встречи с привлечением представителей Новороссии, в дальнейшем расширяя состав их участников. Цель этих встреч – возобновление диалога, успокоение страстей. Необходимо показать друг другу, что и в России, и на Украине одни и те же люди, что говорим мы на одном языке и вполне понимаем друг друга, что всё произошедшее было лишь взаимным временным помрачением. Это важнейшая часть работы с националистически мыслящей элитой.

В-восьмых, установление контакта с военными Украины, особенно с идейными. Им следует показывать нелегитимность существующего правительства, преступность и порочность его действий, корысть, недальновидность и беззаконность его планов, несовпадение интересов этих людей – правительства – с возможностью развития и становления Украины как сильного и авторитетного государства. Показать им заинтересованность, жгучую потребность в таких военных как Украины, так и России и нашего единого народа.

Надо понимать, что Украина и Россия едины в смысловом пространстве: одна вера, одна судьба, один закон, одна система ценностей, одна страна, одна религия, одни предки, одна история...

А пока дела наши таковы, что наши деды и прадеды с горечью и слезами смотрят на братоубийство, творимое русскими – и великороссами, и малороссами. Наши внуки и правнуки с презрением будут обходить наши могилы, поелику в них будут лежать не потомки тех, кто сражался под водительством великого Александра Суворова, бил Наполеона под Малоярославцем, стоял под Сталинградом, защищал и освобождал Одессу и Севастополь, форсировал Днепр, водружали флаг Победа над рейхстагом, но останки каинова семени, не смогшего найти в себе мужества, протянув руку брату и встав с ним спина к спине, сражаться с общим врагом. Пусть до смерти, но вместе, за счастливое будущее своих детей.

■

P. S. Хотелось бы выразить искренние благодарности: Олегу Георгиевичу Бахтиярову за мысль (показавшуюся мне сначала совершенно дикой) о том, что России еще с зарождения кризиса на Украине потребно было выстраивать конструктивные отношения с лидером «Правого сектора» Дмитрием Ярошем, и Алексею Витальевичу Мазуру, моему либеральному знакомому и оппоненту, за ернический пост о славянском братстве. Они и подвигли меня, не ведая сами о том, на более глубокие размышления о российской проблеме Украины и на написание данного текста.

Мне всегда было приятно вспоминать собственную жизнь, рассказывать о людях и событиях, о городах и странах, о пестроте моих занятий, профессий, о практичных и непрактичных поступках… Сейчас, когда пишу эти строки, я работаю главным редактором альманаха «Развитие и экономика». Считаю важным сказать, что никогда в жизни у меня не было ни мечты, ни цели стать главным редактором чего-либо, да и вообще – быть публицистом-журналистом. Но вот стал и тем и другим, и мне это занятие пока по душе.

Роль случая в жизни действительно велика. Вот примеры из моей биографии.

Сергей Николаевич Белкин

Случайные встречи

65 лет

С этим человеком – назову его здесь ВЗ («ВэЗэ») – я знаком несколько десятилетий. В конце семидесятых годов я оканчивал аспирантуру, а он в нее поступил. Мы оба тогда занимались теоретической физикой и жили в юго-западной республике СССР. Потом прошла целая жизнь, в течение которой мы очень редко и всегда случайно встречались. Так и в 2006 году, уже в Москве, мы встретились, обменялись дежурными вопросами… Я в этот период, кажется, еще работал директором инновационной компании «Биозащита». Или уже уволился – точно не помню. Во всяком случае, я ощущал себя свободным художником, не имеющим острых материальных проблем, размышляющим – чем бы теперь заняться. Только что вышла из печати моя книга «Что делать с деньгами», в подзаголовке обозначенная как пособие по персональному финансовому планированию. В ней я рассказы-

Родосский форум. 2013 год

вал о мире финансов, об истории и функциях денег, о банковской системе и многих других аспектах, включая философские, политические и психологические. К тому времени у меня вышло уже три книги художественной прозы, и я вошел во вкус свободного сочинительства. Хотелось и дальше писать, хотелось стать «настоящим писателем», научиться писать так, чтобы книги издавались, читались… В общем, я всё еще представлял себе мир писателей таким, каким он был или казался в советские времена: Союз писателей, Переделкино, всенародная слава, гонорары, ЦДЛ, поклонники и поклонницы… А мой старый знакомый ВЗ в это время занимался вещами, которые я не сразу смог воспринять всерьез. Мы прогуливались по моим любимым дорожкам Измайловского парка, и он, не вертя головой по сторонам, игнорируя окружающие нас красоты природы, говорил, глядя в землю, о вещах, которые были от меня бесконечно далеки. Сейчас я могу эту тему хоть как-то внятно обозначить: речь шла о политике, о социальном конструировании, о каких-то интеллектуальных упражнениях и даже проектах в этом направлении. Мне было интересно слушать, и я, как мог, реагировал на сказанное – мне не чужда была озабоченность происходящим в стране. Я с самого начала 90-х уже не принимал ни «ценностей» перестройки, ни насаждаемой в стране политико-экономической модели, но смотрел на это как «просто гражданин». Ну, максимум – как «писатель», готовый, вслед за великими, обличать свежие и злободневные «свинцовые мерзости». А мой приятель ВЗ говорил об этом как проектировщик действительности – и это было для меня внове. В какой-то момент я сыронизировал по поводу его рассуждений: «Ты рассуждаешь так, как будто не просто обращаешься непосредственно к президенту страны, к Путину, а еще и даешь ему указания – что надо делать». Я – иронизировал, а он ответил серьезно: «Ну да, именно так».

Проговорили мы долго, обменялись суждениями по многим вопросам, я подарил ему свои книги, и он сказал судьбоносные – для меня – слова: «Сергей, слезай с печи! Ты же всё понимаешь, многое умеешь». В общем, он меня вовлек в свой странный мир. Сперва я написал по его просьбе две статьи для еженедельника «Экономика и жизнь» – про инфляцию, про необходимость формирования «длинных денег», потом он познакомил меня с людьми, с которыми я шагаю по жизни все последние годы. С их подачи меня пригласили участвовать в Родосском форуме, я узнал о существовании «Диалога цивилизаций» и о многом другом, о чем я вообще не подозревал. Познакомился с замечательными людьми, создавшими привлекательный мир высоких целей, близких мне ценностей. Постепенно я оказался уже глубоко вовлечен в ранее мне неведомый процесс формирования общественно-политического дискурса, начал писать статьи для журнала «Политический класс», участвовать в телевизионных философских беседах «Что делать?» Виталия Третьякова, в работе конференций и Родосского форума. В какой-то момент стало ясно, что тот огромный интеллектуальный потенциал, который вращается вокруг – впоследствии мы назвали это «духовным кластером Якунина», – не то чтобы недостаточно отражен в СМИ… Тут есть проблема поглубже. Я к тому времени уже понимал, что «смыслы» и «ценности» нуждаются в том, чтобы ими управляли, чтобы им помогали рождаться, жить, взрослеть, формировать системные конструкции. Я

Родосский форум. 2014 год

также явственно ощутил глубину и силу порочного водоворота, поистине «Маракотову бездну» или «Низвержение в Мальстрём», в которые вовлечена страна, встроенная всем своим существом в ошибочную идеологическую и экономическую доктрину. Самодовольный «экономизм», хамовато и безапелляционно затыкающий рты всем, кто пытался взглянуть на происходящее хотя бы с точки зрения здравого смысла, виделся мне как одна из главных опасностей для судьбы государства, общества. Нужно было сформировать центр кристаллизации для иных точек зрения, дать возможность не только высказываться, но и превращать высказывания в долгоживущие и долго работающие тексты, доктрины.

В конце 2010 года в Пицунде мы с Михаилом Байдаковым организовали и провели конференцию «Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды». Материалы конференции легли в основу первого номера альманаха «Развитие и экономика», вышедшего в 2011 году. Теперь вот мы держим в руках 13-й номер.

А встреча с ВЗ была случайной.

■

Отмотаю пленку еще немного назад – в начало девяностых. И расскажу об еще одной случайной – и тоже судьбоносной – встрече.

В 1991 году я и моя семья еще жили в той самой «юго-западной республике», в Кишиневе. Молдавия доживала свои последние дни в составе СССР, уже вовсю бушевали уличные политические страсти. Перестройка была, что называется, «на марше»: разрушение СССР было близко к завершению, националисты и антисоветчики антирусского толка уже были выпестованы и – при прямом покровительстве и подстрекательстве из Москвы – вели свою подлую работу во всех столицах бывших союзных республик. Мне уже стало ясно – что в республике происходит и к чему идет, я не видел приемлемой перспективы для себя и своей семьи. Я понимал, что из Молдавии надо уезжать – если не готов осознать и ощутить себя румыном, неприязненно относящимся к русским, или не готов примириться с ролью второсортного гражданина, виноватого во всех действиях русских царей и советских руководителей. Но уехать было очень непросто – особенно если хотелось вернуться в Россию. Россия о русских не заботилась – ни тогда, ни прежде, ни сейчас. Так что если ты русский, можешь быть сколь угодно глубоко склонен к коллективизму, к соборности и сотрудничеству, только со стороны государства российского сии качества проявлены не будут.

О том, как я не мог найти работы в России, рассказывать не буду. Расскажу о том, как смог. Зимой и весной 1992 года я часто ездил в Москву. В то время я уже занимался бизнесом, взаимодействовал с московскими предпринимателями и пытался в этой среде найти какие-то возможности для переезда. Но никакие целенаправленные попытки результатов не да-

вали. Однажды – это было, наверное, в апреле или мае 1992 года – я гостил у брата в Москве. Мой брат – архитектор. И в выходной день он был приглашен на дачный участок к какому-то летчику, хотевшему построить или перестроить дачу. Поскольку я в этот день ничем не был занят, брат пригласил меня проехаться с ним – просто за компанию. А летчику мы планировали сказать, что я не просто так тут болтаюсь, а буду держать конец 30-метровой рулетки для обмера участка.

Летчик забрал нас в условном месте – возле Театра на Таганке. Подъехала новенькая автомашина «Вольво-940» цвета морской волны, мы сели и поехали. Летчик сам был за рулем, рядом с ним сидела его жена. Участок оказался довольно далеко, вблизи Тучкова, так что покатался я – провинциал – на малодоступной тогда иномарке вдоволь.

Произведя все обмеры, мы с братом были приглашены перекусить. Летчик и его жена оказались людьми приветливыми и щедрыми. Выяснилось, что летчик недавно заработал много денег, участвуя в поставках противогазов куда-то – то ли в Ирак, то ли в Кувейт. И вот прикупил дачу, которую собирается перестроить. Познакомившись со мной, он расспросил – чем я занимаюсь. Я, не вдаваясь в подробности, рассказал. К полной моей неожиданности он спросил: «А в Москву перебраться не планируешь?» Я честно ответил, что хотел бы, но пока неясно, как это сделать. Летчик ненадолго задумался, налил мне еще рюмочку, чокнулся – хотя сам не пил – и задал еще более неожиданный вопрос: «Что такое платежное поручение – знаешь?» Я, разумеется, знал, поскольку к тому времени успел побыть и директором кооператива, и директором Центра научно-технического творчества молодежи, и даже директором товарно-сырьевой биржи. Он задал вопрос посложнее: «А платежное требование?» Я и тут оказался на высоте. После этого последовало предложение. «В общем так, – сказал летчик. – Я тут решил авиакомпанию создавать. Пойдешь ко мне финансовым дирек-

Родосский форум. 2013 год

Зальцбург. 2011 год

тором?» Понимая, что всё это скорее праздные разговоры, нежели серьезная беседа, я все-таки ответил честно: «Всё это, конечно, интересно, но жить в Москве мне негде, прописки у меня нет, – тогда это было очень важно, – и денег для покупки какого-либо жилья в Москве и даже в ста километрах от Москвы у меня тоже нет. На дешевый дом где-то далеко в провинции я еще, быть может, и наскребу, а об остальном пока мечтать рано».

Летчик ответил, что прямо сейчас достать из кармана 50 тысяч долларов для покупки мне квартиры в Москве он не может, но зато уверен, что через полгода я сам эти деньги уже буду иметь. «Ты не знаешь, что такое авиационный бизнес. Тут вообще за пару недель можно состояние сколотить!»

Я действительно не знал, что такое авиационный бизнес. Я ничего не знал и об этом человеке. Но бывают в жизни минуты, когда решения принимаются не на основании знаний, анализа и всего прочего, а просто так, по интуиции, спонтанно. И я принял его предложение.

В общем, домой в Кишинев я вернулся с решением «все бросить», арендовать квартиру в Москве и рискнуть начать этот новый бизнес. По моим расчетам, имеющихся денег мне должно было хватить почти на год. К тому же я теперь знал, что «авиационный бизнес – это, брат, такая штука…» Однако никто не знал, что начавшийся 1992 год принесет с собой гиперинфляцию, что, переехав в Москву в июне, к октябрю я окажусь неспособным платить за жилье ежемесячно вдвое возраставшую арендную плату, что первую зарплату – 7 долларов – я получу только в ноябре…

Но в конце концов всё сложилось благополучно. И авиакомпанию создали, и деньги заработали, и квартиру купили.

А встреча-то с летчиком была совершенно случайной.

■

Из «Книги прощания» Юрия Олеши: «Одно из ощущений старения – это то ощущение, когда не чувствуешь в себе ростков будущего. Они всегда чувствовались; то один, то другой вырастал, начинал давать цвет, запах. Теперь их совсем нет. Во мне исчезло будущее!» Олеша написал это 26 января 1956 года, через полтора месяца ему исполнится всего-то 57 лет, а он ощущает себя стариком. Но зоркий глаз и наблюдательность его не покинули. Читая его мемуарные дневники, я многое примеряю к самому себе, в том числе и это наблюдение про «ростки будущего». И с радостью замечаю, что во мне – 65-летнем – этих «ростков» ничуть не меньше, чем в любой другой период моей жизни. Больше того: я всё еще всерьез время от времени размышляю – «кем быть?» Когда-то я написал шутливое стихотворение, в котором огласил неполный перечень своих «ипостасей»: «Кем был я в жизни? – Сыном, братом, студентом, аспирантом, кандидатом, ученым, инженером, вокалистом, отцом и мужем, финансистом, биржевиком, директором, соседом… Был даже, братцы, киноведом!» Список далеко не полный, а у меня еще «в запасе» множество нереализованных идей. Иногда, чтобы позабавить друзей, я говорю, что после 75 лет я планирую стать эстрадным певцом. А что? В молодости я действительно целый год учился вокалу, «во мне» был полный диапазон баритона. Остатки голоса пока еще есть, хоть и постаревшие. Но для определенного не слишком сложного ресторанного репертуара его еще хватит. Главное, однако, – не все шутки превращать в серьезные намерения…

Вернусь к теме случайностей. Несмотря на то, о чем я только что рассказал, признавая тем самым роль случайностей в жизни, я вовсе не склонен полагаться на счастливый случай. И никогда не был склонен. Все мои действия имели вполне целенаправленный характер, и лишь спустя время я мог вычленить в канве событий те, которые возникли случайно, но влияние оказали решающее. Вот и сейчас, заговорив сам с собой о будущем, о «ростках нового», я вовсе не полагаюсь на внезапную удачу. И главное: я научился процесс ценить больше, чем результат. Я счастлив всё время, а не только в отдельные моменты, которые можно считать достижением, реализацией, успехом. Но научился этому – быть счастливым – я не сразу. Об этом – еще одна история о роли случая. Пять лет тому назад – в 2010 году – вышла моя книга «Искусство жить, или Как быть счастливым, несмотря ни на что». Поскольку я не являюсь ни психологом, ни психиатром, ни «народным целителем», ни даже «коучем личностного роста», надо объяснить природу этого неожиданного замысла.

Я никогда не следовал каким-то системам, жизненным принципам или чему-то подобному, позаимствованному из книг или у авторитетов и возведенному в ранг «кодекса». Разумеется, всё то, что, как мне кажется, рождалось внутри меня как бы само собой, на самом деле имело своим истоком что-то увиденное, услышанное, воспринятое извне. Говоря о том, что я не следовал системам, я имею в виду лишь форму – типа вывешивания каких-то правил над пись-

менным столом или составления перечня личных недостатков, от которых хочется избавиться, как это делал, например, Лев Толстой. Я «просто жил», переживая все те эмоции, которые нас охватывают, – обиды, страхи, досады, разочарования, стыд и прочее, – не пытаясь ими как-то управлять. Эмоции приходили и уходили, оставляя зарубки на сердце, в памяти, определяя поведение, общение, жизненные цели и многое другое. В общем – почти всё. То, что эмоции нами управляют, а не мы ими, я осознал уже в очень взрослом состоянии. Бóльшую часть жизни я – как, смею вас уверить, и подавляющее большинство людей – прожил ведомый эмоциями, не вполне этот факт осознавая. Единственное, что я мог с ними время от времени делать, – это подавлять те, которые хотелось скрыть. Ну и пытаться стимулировать появление положительных эмоций, стремясь либо оказаться в подобающей обстановке, которая эти эмоции должна пробудить, либо прибегая к иным способам из разряда физиологических… Наблюдения за самим собой, за окружающими, чтение книг, размышления и то, что называется жизненным опытом, позволили мне нащупать иные возможности. До поры до времени мне хватало самонаблюдения, размышлений, потом на глаза стали попадаться (то есть я не сразу стал целенаправленно искать литературу и погружаться в тему) книжки по психологии. Оказалось, что эмоциями можно вполне эффективно управлять!

Мне захотелось этому не только научиться, но и научить других. А для этого надо написать книгу – учебное пособие. Но ведь я не психолог – в том смысле, что у меня нет соответствующего диплома. Осознание этого было фактором сдерживающим, но не непреодолимым. Преодолеть его мне помогли два рассуждения. Первое – я вполне могу браться за написание научно-популярной литературы, здесь я «в своем праве». Второе рассуждение мне в свое время «подсказал» Александр Сергеевич Давыдов – выдающийся советский физик, автор многих учебников и монографий: по квантовой механике, по физике твердого тела, по биофизике и другим областям естествознания. Однажды в обстановке, позволявшей задать ему вопрос наедине, я спросил: «Как вам удалось написать столько учебников по самым разным, не связанным друг с другом направлениям?» Он с удовольствием хмыкнул и сказал: «Я тебе отвечу… Дело в том, что я всегда был очень любопытным и хотел во всём разобраться. Так вот, чтобы разобраться в новой для меня области, я первым делом писал учебник. Пока пишешь для других, глядишь, и сам разберешься…» Моя смелость в написании книги «по психологии» объясняется в том числе и таким подходом.

А теперь – очередной «случай». Спусковым крючком послужила книга, однажды купленная в аэропорту Бангкока, *The 100 Simple Secrets of Happy People* («Сто простых секретов счастливых людей»), написанная неким Дэвидом Найвеном из США. Удобный карманный формат, мягкая обложка – то что надо для чтения на пляже. Чем дальше я ее читал, тем больше мне хотелось написать свою книгу примерно на ту же тему – слишком уж велико было мое недовольство: очень упрощенный и откровенно торгашеский подход у этого автора, все утверждения – и верные, и неверные – подаются в рекламном стиле, призванном втюхивать товар. Да и само представление о счастье никак не совпадало с моим: «американское счастье» и «русское счастье» – не одно и то же. Мне бы хотелось прочитать самому и дать почитать друзьям другую книгу, о «другом счастье»: одновременно и глубокую, научно точную, и легкую – по стилю, языку. И при этом обладающую всеми свойствами практического пособия, самоучителя.

Я взялся за работу над такой книгой сразу по возвращении с прекрасного острова Самуи. На ее написание ушло три года, мне пришлось основательно погрузиться в профессиональную литературу по психологии, проверять на практике многие рекомендации и технологии. Удивительно и радостно, что книгу взялось опубликовать издательство «Феникс», что книга быстро разошлась тиражом 2500 экземпляров. И даже то, что издательство меня подло обмануло, не заплатив ни копейки из положенного по договору гонорара, меня не огорчило. В том числе и потому, что я был безмерно счастлив, пока писал эту книгу. Я действительно очень много узнал и о мире эмоций, и об искусстве управления ими, я освоил многие приемы на практике и даже их усовершенствовал, мне стало легче жить – и это обретение со мною теперь навсегда. Надеюсь, что и прочитавшие мою книгу тоже обрели умение быть счастливыми, несмотря ни на что.

В завершение я вспоминаю 11-й тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Это относится и к психологии, к «проблеме счастья». Психологи – и моя книга «Искусство жить» в том же русле – объяснили мир эмоций, научились управлять ими и оставаться счастливыми в любых обстоятельствах. Это хорошо, но этого мало. Управлять своим эмоциональным миром – полезный навык, но, как ни крути, это не более чем технология ухода от действительности. Иногда бывает, что только это и остается делать. Но почему бы, когда возможно, не попытаться изменить мир?

Поэтому я, оставаясь «лично счастливым», пытаюсь влиять на несовершенство окружающей действительности, стремлюсь понять природу социальной дисгармонии, найти подходы к ее устранению. И самая главная радость, самая сильная надежда состоят в том, что я делаю это не в одиночестве, а в кругу единомышленников.

Спасибо им за это!

Сергей Белкин:

«Лидер – это не тот, у кого больше всех власти. Лидер – это тот, кто владеет умами и сердцами, видит будущее, описывает его и зовет за собой»

Интервью главного редактора альманаха и портала «Развитие и экономика» **Сергея Белкина** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Пользуясь правом главного редактора, предлагаю начать интервью не с вопроса, обращенного ко мне, а с неких вступительных слов. Итак, я родился 9 июля 1950 года в городе Ярославле, так что в июле 2015 года мне исполняется 65 лет. Почему я не считаю нескромным публиковать юбилейное интервью с самим собой в «своем» альманахе? Потому что надеюсь сделать его содержательно интересным, а не просто поводом для удовлетворения тщеславия. Тщеславие, конечно, тоже будет удовлетворено, да ему, признаться, много и не надо.

– Сергей Николаевич, но в таком случае перед вами непростая задача: через прожитое, через накопленный опыт, наконец, через биографию, чего в интервью должно быть в минимальном объеме – в конце концов, его размер ограничен какими-то разумными пределами, – показать и прошлое, и настоящее. Причем и прошлого – по минимуму. Главное – как это прошлое привело к настоящему. Но и совсем без какой-то элементарной биографической информации не получится. То есть придется всё время балансировать на грани минимально необходимого и не уходить в избыточное…

– Согласен. Моя биография, о которой уже можно – и в силу продолжительности, и в силу разнообразности сюжетов – говорить как о судьбе, получилась действительно интересной. Поскольку я уже довольно давно увлекся литературным творчеством, многие из жизненных сюжетов превращены в рассказы и мемуары, часть из них опубликована, что-то я продолжаю дополнять... Для многих настоящих писателей собственная жизнь становилась бесконечным источником вдохновения. Я писатель, наверное, еще «ненастоящий», но рассказывать о своей жизни люблю. Кое-что из этого мы публикуем в текущем номере под заголовком «Случайные встречи». Но интервью для нашего альманаха я не хотел бы посвящать рассказам о себе и своей семье. Для этого мы найдем другое место. Наш альманах общественно-политический, поэтому предлагаю говорить о стране, о политике, об обществе. А обо мне – в минимальной степени. Итак, о том, что меня сейчас волнует: сегодняшняя политика, отношение к прошлому, образ будущего... Вот с чего-то близкого к этим темам давайте и начнем.

Я одобряю и поддержку памяти о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, и сохранение музыки гимна СССР в качестве гимна России. Поддерживаю усилия по восстановлению и развитию ВПК, армии и флота.

– Сергей Николаевич, тогда давайте сразу быка за рога. Вопрос, который сегодня является, пожалуй, главным политическим маркером: вы «за Путина» или «против Путина»?

– Вот уж, действительно, вопрос в лоб, без обиняков. Путин не объект «фанатирования», как говорили во времена моей юности, он не футбольная команда и не оперный тенор, а политический руководитель государства. В тех вопросах, в которых Путин «за меня», – мы с ним солидарны, и я – «за Путина». В тех, где наши взгляды расходятся, я – против. Важен и еще один аспект, во многом – эмоциональный. Глядя на тех, кто активно «против Путина», я просто не могу быть «тоже против». Те, которые сейчас неустанно, используя СМИ, Интернет и даже частные разговоры, Путина ругают, поносят, говоря интернет-жаргоном – «троллят», требуют его ухода, устранения и т.д., – все эти люди мне настолько антипатичны, что я просто не могу выглядеть хоть как-то с ними солидарным. Я знаю эту полуинтеллигентскую шоблу очень хорошо и не просто слежу за ней многие десятилетия, а живу в ней – как живут в экологически загаженной среде. И если раньше я говорил и писал о расколе общества по идейным и этическим основаниям, то сейчас, не отрицая наличия раскола, я говорю о необходимости проведения санитарно-гигиенических социальных мероприятий. Из сообществ людей, чьи политические взгляды мне не близки, но с которыми я хотел бы продолжать дискутировать, внимательно относиться к их точкам зрения, стараясь понять фундаментальные основания мировоззрения, выделились некие агрессивные элементы, фракции. Их уже много, а производимые ими действия разрушительны для России, нужно вовремя принимать защитительные меры. А Путин стал тем индикатором, по отношению к которому их можно выявлять. Так что там, где вся эта шпана с лозунгами типа «ПТН ПНХ», – я «за Путина» и готов к активным действиям.

– Хорошо, а тогда можно уточнить: в чем вы с Путиным совпадаете, а в чем у вас с ним имеются противоречия?

– Можно, но необходимы уточнения, касающиеся смысла слов, которые я буду употреблять. Часто говорят: «Политика – это искусство возможного». Метафора хороша, только рабочей формулой она быть не может: неизвестно – что возможно, а что нет. Любого политика мы оцениваем, исходя из весьма приблизительных знаний о его реальных возможностях, часто даже о них не задумываемся. Другое, что следует осознавать: мы никогда не должны оценивать деятельность политиков по какой-нибудь абсолютной шкале, потому что ее не существует. В прыжках в длину или

высоту такая шкала есть, а в политике – нет. Мы чаще всего сравниваем политиков с их предшественниками или современниками из числа соперников-претендентов. Исходя из этого, Путин – не просто большая удача для страны, а он стал реальным фактором ее спасения от гибели, к которой ее приговорил и привел Ельцин со всей своей пестрой командой. Правда, он же – Ельцин – воткнул на краю пропасти колышек по имени Путин, за который оказалось возможным уцепиться, и это, конечно, одинокий, но белый шар на весах его судьбы. Так что по сравнению с политиком-предшественником Путин соотносится как добро со злом. Если же говорить о претендентах, то Путина и сравнивать не с кем. Я имею в виду не фантазии о несуществующих героях, а конкретный список претендентов на выборах 2012 года: Жириновский, Зюганов, Миронов, Прохоров. Трое из них доказали свою политическую ограниченность и слабость, присутствуя в политике на протяжении десятилетий, Прохоров же смог убедить всех в своей политической несостоятельности с первой попытки. Так что Путин – это не просто данность, а данность позитивная. Теперь о совпадениях и несовпадениях, но сперва еще одно уточнение. Говоря здесь о Путине, я имею в виду, что он несет ответственность за всю полноту внутренней и внешней политики, за все поставленные и непоставленные цели, за все решенные и нерешенные задачи. То есть я не стану отделять деятельность президента от деятельности правительства и прочих институтов государственной власти. Я одобряю и поддержку памяти о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, и сохранение музыки гимна СССР в качестве гимна России. Поддерживаю усилия по восстановлению и развитию ВПК, армии и флота. Поддерживаю попытки сохранения направленности на строительство социального государства. Поддерживаю внешнеполитические действия, направленные на отстаивание права России на суверенитет. Я обозначил некие важные частности и некие общие направления. Разумеется, можно произвести разбор конкретных действий Путина на протяжении всего периода его правления и составить более полный перечень конкретных дел, оцениваемых мною положительно. Но важнее, продуктивнее поговорить о том, что делается не так. Перечень того, что я не одобряю или против чего выступаю резко против, гораздо больше. Прежде всего я не одобряю размытости, аморфности идеологии Путина. Разумеется, идеология необязательно формулируется в виде учения и необязательно называется словом «идеология». Она может присутствовать в неявной форме, но влиять при этом непосредственно и сильно. Те, кто сейчас подстрекает часть народа к активным выступлениям «против Путина», действуют, исходя именно из ощущения неприемлемости для них его неназванной, несформулированной идеологии. Они ее воспринимают как «слишком патриотическую», «слишком государственническую», «слишком суверенную», они опасаются за собственное благополучие, определяемое их встроенностью в систему власти в России и обусловленными этим финансовыми потоками, а также в систему потребления на Западе. Но Путин всё еще парит над идеологической схваткой, не обостряет свою позицию, не облекает ее в конкретные формы. В этом есть тактическое преимущество, но есть и недостаток, который растет и может стать губительным. Противники Путина и без дополнительных формулировок являются противниками, а вот сторонникам, особенно массовым, бывают нужны ясные сигналы, ясные цели и критерии, четкое размежевание с противниками. Наиболее – даже не драматично, а нелепо – выглядит отсутствие идеологии у «главной партии» – «Единой России». Члены этой партии, пребывающие в Думе, являют собой невообразимую мешанину противоречивых взглядов, судеб, жизненных установок и конкретных дел. Партия, несомненно, политически мертва, и если в ближайший год ее не оживить, то к выборам приволокут политический труп. Но повторю: Путин отвечает не только за партию, создателем которой он был, а за весь политический ландшафт в стране.

– Так, вот вы сами и подвели разговор к следующему вопросу, который хотелось бы обсудить. Как вы оцениваете именно политический ландшафт в стране? За что на этом ландшафте цепляется взгляд? И опять-таки – какое отношение, какие эмоции вызывают у вас субъекты такого ландшафта, то есть то, за что взгляд все-таки уцепился?

– Для большей точности образа назову этот политический ландшафт политической нивой, лишенной плодородия. На ней давно уже ничего не произрастает. Политическую жизнь, ее содержание, ее проблематику, структурирование общества – всё это должны определять политические партии. Они должны быть источниками смыслов, целей, дискуссий. Но они просто отсутствуют в политической жизни общества. Из жизни общества они переместились в Думу и там спят. Свои цели и задачи они видят в одном: снова попасть в Думу – и снова заснуть

на годы, просыпаясь на смешные репризы Жириновского и филиппики Зюганова. А политическую жизнь в стране всё это время определяли и будут определять непонятно кто: журналисты, телевизор, Интернет и прочие СМИ. У них у всех, вероятно, есть свои кукловоды. Но такой уровень непрозрачности, непубличности превращает политическую жизнь в таинство, в магический черный ящик. На него невозможно воздействовать, он непредсказуем. Это, конечно, совершенно неприемлемо для развития страны, но очень хорошо для гадалок, политологов и мошенников.

– Похоже, политический ландшафт уже практически полностью совпадает с информационным пространством. Ведь сегодня все сколько-либо значимые политические субъекты обладают во многом медийной природой.

– Информационное пространство, определяемое СМИ, – важнейшая часть политики. Люди думают о том, о чем им «подсказали» СМИ. Например, вбрасывается через «Яндекс» строка: «Представитель Макаревича опроверг слухи о его смерти». До этой минуты и слухов-то никаких не было, но теперь вот этот бред будут перепечатывать все остальные. Но «певцы и певички» – это так, про морально-бытовое разложение. Хуже, что точно так же формируется и самое главное – смысловое – пространство. То, что и пространство смыслов отдано на откуп «рыночной стихии» – а СМИ это рынок, – не просто опасная, а смертельно опасная тенденция. Идеи, смыслы и идеологии формируются совсем не так.

– А как? Вообще что собой представляет кухня смыслотворчества?

– Социально-политические идеи порождаются мечтами, представлениями о должном,

Политическую жизнь, ее содержание, ее проблематику, структурирование общества – всё это должны определять политические партии. Они должны быть источниками смыслов, целей, дискуссий. Но они просто отсутствуют в политической жизни общества. Из жизни общества они переместились в Думу и там спят.

образами идеального общественного устройства. Мечты и образы в процессе своего зарождения и появления на свет всегда субъективны. Только когда их воспринимает достаточно большое сообщество людей, они становятся объективными факторами социальной жизни. Мечта о «правильном», «идеальном» обществе рождается у индивида как отклик на несовершенство его собственной жизни, как модель, позволяющая достигнуть в мечтах не достигаемого в реальной жизни. Общество предлагает человеку существующие, некогда существовавшие и еще не существующие в реальности образы и примеры надлежащих целей, правильного поведения. Человек определяет для себя – в качестве мечты или практической цели – некие состояния: себя в обществе и самого общества. При этом основным алгоритмом большинства является метод аналогий: стать таким – как некто, оказаться в таком обществе – как такое-то. То есть генезис становления идеологии таков. От мечты – к образу, выраженному в этических категориях. От образа – к идее, выраженной в социально-философских категориях. От идеи – к идеологии, выраженной в политических категориях. Всей этой деятельностью – по зарождению и вынашиванию смыслов, по превращению их в идеологии – должны заниматься политические партии, их интеллектуальные центры. Проблема даже не в том, что у наших партий отсутствует интеллектуальный процесс работы со смыслами. Само рождение партий имело и имеет противоестественный характер. Они рождаются неполноценными, у них отсутствует идеологический орган.

– Интересная аналогия. И как выглядит эта некая типовая схема появления на свет очередной партии? А как это должно быть в идеале?

– В последние два десятилетия политические партии в России возникают не в связи с при-

В предстоящем и, пожалуй, даже уже начавшемся электоральном цикле следует исходить из того, что распорядитель не откажется от своего фильтра и от своей формовочной машины. Пока неясно – можно ли надеяться на некоторое усиление разнообразия репертуара мультиплекса, на то, что удастся порадовать электорат новыми именами.

влекательностью той или иной идеи или идеологии, а в связи с наличием суммы ресурсов – финансового, информационного и административного. Сперва – ресурс, потом – нечто вроде идеологии, а на самом деле – просто электоральные слоганы. Разумеется, носители идеологий без собственного ресурса существуют и блуждают в политическом пространстве России. Но решение: обеспечить странствующего политика ресурсом или нет – всегда за держателем суммы ресурсов. Им может быть представитель финансово-политического клана или некий распорядитель (человек или институт), назначенный высшей политической властью страны. Финансово-политический клан – а это всегда экономически обусловленный клан – пытается осмыслить и воплотить в жизнь наиболее привлекательную для клана модель политического и экономического устройства, обеспечить наиболее выгодные взаимоотношения России с внешним миром, каковые в этом смысле рассматриваются прежде всего как бизнес-среда. Распорядитель «от государства» пытается выстроить сбалансированную политическую динамомашину, призванную обеспечить продление устойчивого властвования назначившей его власти. Он стремится выявить «общественно-политические настроения электората» и предоставить адекватный этим настроениям политический мультиплекс, корректируя «настроения» всеми имеющимися в его распоряжении средствами под запроектированную вместимость залов, она же – баланс парламентских фракций и внепарламентских группировок. Что касается олигархических кланов, то на практике им не удается самостоятельно успешно реализовать свои условно-политические цели. Более того: чаще всего они их не в состоянии осознать и сформулировать. Они всегда – во всяком случае, так было до сих пор – идут «на согласование» к распорядителю, а фактически производят только ресурсный взнос, который может быть впоследствии использован даже и не в их интересах, хотя они рассчитывают именно на это. Попытки создания «самостоятельных» политических партий осуществляются непрерывно, но ни одна из них не достигает сколько-нибудь устойчивого успеха: четырехзальный мультиплекс под названием «Государственная Дума» заполнен только сертифицированными участниками. Даже партии, выстроенные на значительной ресурсной базе какого-либо клана, не в состоянии не то что пройти в Государственную Думу, но хотя бы просто запомниться гражданам как нечто, мелькнувшее на политическом небосклоне. Из свежих впечатлений – «Гражданская платформа», из прежних – все причудливые метаморфозы со словом «правые», осуществлявшиеся «демократами с доперестроечным стажем».

– Приближается очередной большой электоральный цикл 2016–2018 годов. Собственно, мы в него уже входим, подтверждением чему – перенос дум-

ских выборов на три месяца раньше. Если говорить о первой фазе этого цикла – о думских выборах, – то стоит ли рассчитывать на какие-либо новшества или всё будет по-старому: в Думе окажутся всё те же самые знакомые нам партии, и мы снова будем наблюдать за примелькавшимися лицами? А какая вообще партийная конфигурация была бы для современной России оптимальной?

– В предстоящем и, пожалуй, как вы верно заметили, даже уже начавшемся электоральном цикле следует исходить из того, что распорядитель не откажется от своего фильтра и от своей формовочной машины. Пока неясно – можно ли надеяться на некоторое усиление разнообразия репертуара мультиплекса, на то, что удастся порадовать электорат новыми именами, «сиять заставить заново величественнейшее слово – партия». Однако сделать это не только можно, но и нужно, причем не только без всякой угрозы устойчивости власти, а, напротив, ради придания ей бодрости и свежести. Необходима реконструкция политического пространства России, результатом которой должно стать появление спектра новых партий, отражающих старые, классические идеологии, – партий «новых либералов», «новых социалистов», «новых коммунистов». При этом оживление политической матрицы должно производиться ради одной-единственной цели – для реализации стратегии подлинного развития России. Но такая стратегия должна существовать. И родиться она – естественным способом – может как раз в результате диалектического взаимодействия разных идеологий и разных партий. Так что задача эта, как говорят физики, самосогласованная: в начале процесса еще нет всех необходимых структурных элементов, но в ходе процесса они появляются. При этом важно не упускать из внимания и того, что мечта, становясь стратегической целью, должна принять во внимание все реалии внешней среды. В частности, весьма враждебное отношение к России и к любым целям ее развития со стороны самых сильных, самых влиятельных стран Запада. Успешная стратегия при этом не может полагаться только на силовую победу в результате вооруженного противостояния. Ее успех – в сложной модели поведения, включающей в том числе и неустанные стремления найти и на враждебном Западе договороспособные силы. Причем искать их надо во всех существенных идеологических пространствах, а не только среди «идейно близких» – как это делалось в эпоху поддержки коммунистического и рабочего движений или в недавний период «строительства либерализма в России». Сложная политическая матрица России должна сложным же образом взаимодействовать с весьма многоцветным и противоречивым миром. Наша матрица должна состоять и из «либералов», и из «социалистов», и из «коммунистов». Все влиятельные и все реально существующие в умах и сердцах граждан идеи и идеологии должны быть представлены в виде активных политических партий и трудиться на благо России. Последнее – очень важно: на благо России! Есть два подхода, два взгляда на то, какие нужны партии и идеологии. Один восходит к известному тезису «разделяй и властвуй». Цель здесь одна: власть! Но я вспомнил бы еще одно правило: «Не паши на быке и осле вместе». Так что если вам надо вспахать поле, обеспечить развитие России, а не просто удерживать власть, вам нужно стремиться к тому, чтобы разные силы конкурировали, спорили, соперничали – но лишь в одном: как наилучшим образом обеспечить развитие страны.

– Сергей Николаевич, но у нас ведь уже имеются и либералы, и фактически социал-демократы, и коммунисты. Вы считаете, что следует их апгрейдить или же создать новых – с чистого листа?

– Полагаю, что нужно полное, прежде всего содержательное обновление. Партии надо создавать заново. Взять, к примеру, так называемых либералов. Они являются самым зловонным гнилым зубом политического ландшафта России. Нет в стране чего-либо плохого, в чем они не были бы виноваты. То, что им удалось сконцентрировать всю мерзость российской политики, образовать и локализовать гнойный нарыв на политическом теле страны, – большая удача. Чтобы «отошел инфильтрат», в котором суетятся грамположительные «надеждины» и грамотрицательные «чубайсы», инфекционные агенты типа «гозман» и прочие представители политической микрофлоры, делать уже ничего не надо, следует просто не мешать им совершить последние шаги. Шаги будут действительно последними и очистительными, если обществу, вернее, его активной части – электорату, – будет предложена партия «новых либералов».

– А вот о том, что это за зверь такой – «новые либералы», – давайте поподробнее. Просто об этом сейчас говорят все кому не лень, и поэтому представить себе некий идеальный образ «нового либерала» нелегко.

– Большинство российских либерал-демократов выпуска 90-х категорию «свободы» осознавали как «не мешайте мне делать что я хочу». И о долгой, сложной и насыщенной драматизмом истории формирования идеологии ли-

берализма – великой, надо сказать, идеологии – вовсе не задумывались. «Свобода лучше, чем несвобода», – и всё, достаточно. Для одних отправной точкой, антитезой для формирования этого ощущения были «партократы» и прочие формы жизни господствовавшей коммунистической идеологии, для других же в «этом сладком слове свобода» виделся прежде всего путь к личному богатству. Сами по себе эти стремления банальны, ничего необычного и даже разрушительного в них не было бы – если бы только общество выработало и утвердило всеми осознанно принятые нормы и механизмы личного обогащения и «жизни-как-хочу». Ко дню сегодняшнему от проповедовавших «не мешайте мне жить» остались горстки хипстеров, а вот стремящиеся к личному богатству стали «нашим всем»: они сформировали удобное для них правовое поле, они создали и обеспечили контроль над всем информационным пространством, они учредили аморфное пространство морали и ценностей... В общем, мы живем в стране, созданной людьми, пожелавшими личного обогащения в начале 90-х, достигшими его, пройдя через немыслимую грязь и преступления, и создавшими политический строй, обеспечивающий их относительную безопасность и более или менее гарантированную устойчивость существования. И построенное ими государство заточено под определенную цель: обогащение властной элиты. Созданное государство – как насос, который может из пруда воду выкачивать и выливать вовне. Но не может пруд ничем заполнить. Причем такова не только конструкция модели, но и ее фактическое идеологическое содержание. Сложность еще и в том, что никакой угрозы сформировавшемуся сословию «богатых и властных» отсутствие адекватной их ценностям партии не несет. Их базис – вовсе не живая политическая жизнь, не идейная борьбы, а финансовые потоки, активы, административный ресурс и клановый баланс взаимных угроз, позволяющий всё это не терять, а приумножать.

– Но в таком случае нужен ли вообще современной России фиговый листок такого либерализма? Может, без него обойдемся? А если нужен, то кому и зачем?

– Да, нужен. И не фи́говый, равно как и не фиго́вый, а настоящий. Внешний мир неоднороден, и в нем сосуществуют разные центры силы. Не все, кто вскармливал «старых либералов», хотят иметь с ними дело на современном отрезке истории, да и иным зарубежным «центрам силы» нужны в России совершенно другие политические союзники: респектабельные, без пятен прошлого, сочетающие приверженность либеральным ценностям и интегрированию России в мировое сообщество с очевидными признаками российского патриотизма. С такими партнерами можно было бы иметь дело: они и в России смогут иметь электоральную поддержку, и с Западом найдут взаимопонимание. Финансово-политические группы, ориентированные на экспортную выручку, естественным образом должны стремиться к формированию в России партии «новых либералов»: именно такая ориентация позволит им наиболее эффективно вписываться в зарубежный политический и финансово-экономический контекст. Что надлежит сделать «новым либералам» для своего появления на свет и утверждения в качестве политической реалии? Им придется отречься от «старых либералов» как политических авантюристов, как безнравственных приватизаторов, как источника всех проблем современной России, как фальсификаторов идеологии либерализма – и так далее. Безжалостно и аргументированно следует разоблачить порочный и губительный не только для России, но и для всего мира путь, на который «старые либералы» загнали страну вопреки чаяниям народа и лучших представителей политической элиты и национально ориентированного бизнес-сообщества. Аутодафе уродцу «неолиберализма», исказившему подлинные идеалы высокого либерализма, естественной приверженности людей принципам свободы, равенства и института собственности, либерализма, составляющего основу современного здорового общества! Дальше. Необходимо отречься от какой-либо персонифицированной преемственности со «старыми либералами»: ни одного узнаваемого «либерального» лица, ни одной знакомой «либеральной» фамилии. «Новые либералы» должны быть новыми во всех имиджевых деталях. Следующий шаг – надо отмежеваться от фантомных болей ампутированных конечностей, удаленных органов и тревожных образов советского прошлого. Пусть «старые либералы» продолжают бороться с советским тоталитаризмом в своих «хельсинкских группах» и «мемориалах». «Новые либералы» должны прийти в этот мир, в новую Россию со стремлением к созиданию, а не ради сведения счетов с прошлым – что наиболее характерно для «старых либералов». «Новые либералы» – патриоты-прагматики, не позволяющие себе непродуманных лозунгов уличной банды типа «Путин, уходи!»: они сперва решат и предложат – кто именно вместо

Путина и почему. Россия для «новых либералов» – не источник наживы и не объект разграбления, для них Россия – самый мощный, самый комфортабельный, самый прекрасный собственный лайнер, на котором они будут двигаться вперед, к высоким целям и идеалам, дружелюбно взаимодействуя со всем миром, стремясь в ответ получать дружелюбные взгляды. Ну, в общем, как-то так...

– Хорошо, с либералами понятно, а нужны ли «новые коммунисты» и «новые социалисты»?

– Да, нужны и те и другие. Потому что и то и другое – великие идеологии. Думаю, основным базисом развития России должна стать партия социалистического типа. Если в этом плане посмотреть на перспективы, скажем, «Единой России» как численно самой большой... Да, грустные возникают мысли. С одной стороны, совершенно очевидно, что она должна стать социалистической партией по сути, по программным целям – даже необязательно по лексическим формам, в которые она облечет свою общественно-политическую визуализацию. Потому что это и только это – социалистическая идеология – обеспечит захватывающую, тотальную массовую поддержку партии без всяких манипуляций и подтасовок. С другой стороны, если вдруг лошадь начинает говорить с вами человеческим языком, это будет либо смешно, либо страшно. Ни тот ни другой эффект никак не подходит для крупнейшей парламентской партии, отыгравшей в театре уже все роли: от травести, до короля Лира. Трансформация же КПРФ в настоящих коммунистов, мне кажется, возможна. Но для этого нынешним надо для начала рискнуть провозгласить хотя бы стремление к построению коммунистического общества в России. Или как-то объяснить отказ от этой цели. Надо бы разобраться в сложной проблеме множественности государственных форм, идеологически восходящих к коммунистической идее. Роль ЛДПР – давно исчерпана, ее обновлять не нужно. Роль Жириновского – не исчерпана, и он может продолжать ее с успехом и пользой исполнять без пажей и дворни. «Справедливая Россия» – по идее, должна бы стать главным базисом социал-демократии, но она тратит силы не на идеологическую работу, а на сохранение поддерживающих ресурсов.

Мы живем в стране, созданной людьми, пожелавшими личного обогащения в начале 90-х, достигшими его, пройдя через немыслимую грязь и преступления, и создавшими политический строй, обеспечивающий их относительную безопасность и более или менее гарантированную устойчивость существования. И построенное ими государство заточено под определенную цель: обогащение властной элиты.

– Сергей Николаевич, я только было заострил внимание, когда вы заговорили о «Единой России», но вы быстро перешли к королю Лиру, а затем к коммунистам. Ведь совершенно ясно, что при всей значимости широкого и разного по содержательному диапазону политического спектра, отражающего и – самое главное – формирующе-

Аутодафе уродцу «неолиберализма», исказившему подлинные идеалы высокого либерализма, естественной приверженности людей принципам свободы, равенства и института собственности, либерализма, составляющего основу современного здорового общества!

го предпочтения и политическую субкультуру электората, ориентированного на разные его сегменты, всё это лишь фон – пусть необходимый, полезный, но тем не менее только фон – для того политического образования, которое мы в постсоветской России традиционно называем партией власти. Исключительная роль партии власти в Думе – это данность. Во всяком случае, на какую-то еще перспективу. Причем, не исключаю, что на перспективу весьма продолжительную. Поэтому не могу не задать вам вопроса, который напрашивается сам собой: какая партия власти нужна России, какой должна быть ее оптимальная для нынешних условий модель?

– Сперва я поразмышлял бы на тему: что такое партия власти, нужна ли она вообще. Ответ, исходящий из, так сказать, «чисто технологических факторов»: да, власти удобно иметь устойчивое большинство в Думе для прохождения нужных законов без лишних проволочек. То есть, если рассматривать Думу как орган, только вводящий законы в действие, реализующий ритуальную демократию, – такая партия нужна. Законы разрабатываются «где-то» – в экспертно-аналитических органах при правительстве и в иных местах, на этапах обсуждения они доводятся до некоего консенсусного состояния, а потом проходят через ритуал голосования в Думе. Имитация обсуждения там тоже имеет характер ритуала. Ритуальная демократия – вполне работоспособный инструмент, дающий, возможно, не больше ошибок, чем иные формы демократии, а КПД такого института весьма высок. Надо лишь признать ее именно такой и улучшать ее как ритуальную, а не как законотворческий орган. Тогда к составу Думы следует предъявлять иные требования, туда должны входить авторитетные люди, обладающие безупречной биографией и нравственными принципами. Нечто вроде совета старейшин. Однако существующая Дума замышлялась и конструировалась как многоглавое чудо-юдо с неопределенным числом опций. Она законы не только принимает, но и якобы разрабатывает. На самом деле разрабатывают их вовсе не те 450 человек, которые будут голосовать, а многочисленные привлеченные институты, эксперты, юристы, специалисты. Так и должно быть: законы должны рождаться исходя из знания реалий, а законодательные принципы – из идеологического и этического базисов. И здесь-то и должна проявиться связь между этими самыми базисами, ставшими причиной появления политических партий, и их думскими фракциями. Но если партии не обнаруживают, не манифестируют и даже не рождены из приверженности какой-то идеологии, то у них не может существовать и контрольного фильтра, тестирующего законы с точки зрения их этики и идеологии. Получается полный постмодернистский винегрет из этики, ставшей аномией, и квазиидеологий, которые лишены идентификационных свойств. Это идеальная среда для коррупции и лоббирования, легко принимающих форму «обсуждения в трех чтениях». Любой может апеллировать к любым принципам, оправдывать любые результаты и призывать к любым целям. А если учесть, что у Думы имеется и контрольная функ-

ция – депутатские запросы, например, – то возможности попытаться повлиять на что угодно, в том числе и бескорыстно, возрастают. Наконец, у Думы есть еще одна опция: отражать и выражать народные чаяния, быть клапаном выпуска перегретого пара народного гнева и народных восторгов, быть площадкой для церемонии награждения победителей в главном политическом шоу пятилетки под названием «выборы». Это, конечно, важнейший общественный процесс, позволяющий подменить выбор гражданами собственной судьбы и судьбы страны выборами симпатичных им персон и произносимых этими персонами лозунгов. В общем, существующая Дума как функционал в системе государственной власти не соответствует современным требованиям развития государства. Ее функции-опции и принципы формирования должны быть пересмотрены исходя не из примитивного стремления к подражанию заграница, каковое было и пока остается единственным двигателем нашего креативного сообщества, а исходя из попытки осознать и выстроить стратегию развития России, основанную на всестороннем учете ее особенностей и возможностей. А вот для того, чтобы такой поворот можно было совершить без восстаний и революций, следует попытаться создать новый инструмент со старым названием – «новая партия власти».

– Вот-вот, именно это я и имел в виду, что это такое – «новая партия власти»?

– Давайте поразмышляем, что можно ожидать в предстоящем электоральном цикле. Можно ожидать мышиную возню партий с якобы разными политическими платформами, пытающихся попасть в Думу, используя высочайший рейтинг Путина. Путина будут поддерживать со всех сторон: «слева», «справа», «сверху» и «снизу» – откуда угодно, но при этом станут пытаться хоть как-то прищучить соперников. Все захотят въехать в Думу на 89-процентном рейтинге президента. Особняком будут стоять «оппозиционеры», пытающиеся собрать голоса тех, кто «против Путина». Если на этом фланге появится человек, не вызывающий отвращения у своих же сторонников, успех – то есть преодоление необходимого барьера – возможен. Пока такой фигуры нет, а фамилия «Касьянов» звучит как аккорды шопеновской сонаты номер два, более известной как «Похоронный марш». Создание, формирование «новой партии власти» становится в сложившихся условиях важнейшей задачей не только для самой власти, но и для судьбы страны. Отличием «новой партии власти» должно быть наличие стратегической формулы цели, к которой должна двигаться страна. Если эта цель, вернее – образ цели, образ будущего, – будет отвечать ожиданиям большинства, партия станет идеальным сочетанием выразителя народных чаяний и задач управления. И сделать это можно. Исходных данных, отражающих настроения и ожидания, вполне достаточно, чтобы создать адекватный, вдохновляющий образ. Обеспечить непротиворечивое сочетание этого образа с прагматическими целями элиты – задача не более чем интеллектуальная. Решить ее можно. Нужно только опираться на людей, способных решать такие задачи. Они есть, а вот разговор о том, где их взять – выходит за рамки интервью...

– Сергей Николаевич, сегодня никакой мало-мальски серьезный разговор невозможен без темы Украины…

– Начать надо издалека. С вопроса о возникновении независимых государств из бывших союзных республик, который в массовом сознании превращен в пропагандистскую мешанину, не соответствующую никакой реальности. На самом деле все антироссийские режимы в союзных республиках созданы Москвой – ЦК КПСС и КГБ. Именно там формировались, выковыривались из всех щелей будущие националисты, которым была обеспечена поддержка всех видов. Преимущественно они комплектовались из первых секретарей ЦК КПСС союзных республик, из союзных нардепов. Именно эти кадры возглавили независимые государства, они же формировали базовый концепт политики своих стран: русофобия, слегка загримированная под антисоветизм. Потому что Москва хотела не только разрушить СССР, но и обеспечить превращение России в «нормальную» по тогдашней терминологии страну или конгломерат стран, чья элита сыта, богата, вписана в западное общество потребления, а народ переведен в состояние примитивных работников, ведомых простыми инстинктами. Так что когда говорят, что ситуация на Украине есть результат неверной политики России по отношению к Украине, что это провал внешнеполитического ведомства, то это верно лишь отчасти. Первое десятилетие после развала Союза все эти режимы – и украинский в том числе – поддерживались и курировались Москвой. Москва же обеспечивала всем новоявленным национальным лидерам не только свою поддержку, но и легитимацию на Западе. Запад активно подключился к переформатированию всего пространства разрушенного СССР, и первые годы это шло в согласии с российским пра-

вительством. И если бы все так и шло, если бы Россия превращалась в полноформатную сырьевую колонию без признаков возможного возрождения, ни Украину, ни остальные республики не надо было бы превращать в таранные военно-политические структуры, нацеленные на создание вокруг непокоренной России пояса ненависти и напряжения: Россия, как наркоман, сама себя разрушила бы. Но когда в России произошел перелом, когда стало заметно то, что называют «вставанием с колен», и вслед за риторикой стала меняться политика, Запад стал принимать меры по дальнейшему переформатированию пространства, по формированию агрессивных по отношению к России обществ и государств. Разумеется, ошибкой и виной российской власти является непростительная пассивность в отношениях, в частности, с Украиной. «Вставшая с колен» российская власть была обязана действовать на Украине максимально эффективно, стремясь сделать из нее друга и партнера, противопоставляя пропаганде – контрпропаганду. Россия могла это сделать, стартовые условия были благоприятными, народы до сих пор в массе своей ощущают друг друга как близкие, братские, а прошлое – общим. Но политическая, идеологическая парадигма, доминирующая в сознании нашей властной элиты, не допускает формирования дружеских отношений на базисе позитивного прошлого. Прошлое, советское прошлое должно быть выкрашено черным цветом. Эта болезнетворная политическая слабость разлита не только в головах элиты, но и в значительной части общественного сознания. Позитивный фундамент совместных успехов, общей радости побед и достижений вырван из общественного сознания народов СССР. А без него очень легко сформировать большие массы населения, параноидально зацикленные на ненависти к России. Что и было сделано. Буквально в последний с исторической точки зрения момент Россия успела частично выровнять военно-политический паритет, перешедший в смертельно опасный дисбаланс: Крым возвращен в Россию, конфигурация потенциального ТВД изменилась. Тем самым Рубикон был перейден. Мы и обобщенный «Запад» перешли в состояние «кто кого». Военно-политическая ситуация, на мгновение улучшившись после присоединения Крыма, снова резко усложнилась после событий в Луганске и Донецке. Если «операция Крым» была продумана, подготовлена и проведена высокопрофессионально, то всплеск активности в Луганской и Донецкой областях таким не был. Всё там произошедшее существенно осложнило и без того крайне неустойчивый баланс во взаимоотношениях России и Запада, который в действительности не целостная сущность, а разрываемая противоречиями многополярность. Но ситуация осложнена не только многополярностью Запада, но и обстоятельством, которое обозначают присказкой «у Кремля много башен». И у каждой «башни» свои цели и свое видение ситуации. А система принятия стратегически важных решений настолько непрозрачна, что обсуждать ее на рациональном уровне нет никакого смысла. События на Донбассе выглядят – или их хотят такими представить – то как «народный гнев против киевской хунты», то как провокация «неясно каких сил». России же приписывают положение, о котором шахматным языком говорят так: нет хорошей игры. Но политика намного сложнее шахмат: и игроков не два, а больше, и доска не двумерна, а четырехмерна... В этой – более сложной, но и более адекватной происходящему – модели у России есть «своя игра» и своя победительная стратегия. Вспоминая весну-лето прошлого года, когда шли прямые военные действия в разных узловых зонах Донецкой и Луганской областей, можно, конечно, высказывать сожаления по поводу нереализованных военно-силовых возможностей и обвинять в этом Кремль, его «башни» или причитать «путинвсёслил». Но это не более чем эмоции, потому что достаточной информации для полноценной аналитики, которая ответила бы на вопрос и о реальных материально-организационных возможностях, и о приводных ремнях ключевых процессов, равно как и о спектре целей – нет. Сегодня видимая часть ситуации изменилась. Вероятно, изменилась и непубличная расстановка сил и приоритетов. На этом этапе элементы «правильной игры» для России, по моему мнению, в следующем: никаких прямых действий силового характера, направленных на покорение Украины и освобождение территорий, производить не надо. Но и отдавать Донецкую и Луганскую республики хунте – тоже не надо. Нужна вязкая борьба удава, работа на удержание и постоянное поддавливание. Мудрость и терпение, медленное развитие каждого микроскопического преимущества, настойчивая нейтрализация всех собственных слабостей. Надо постепенно превращать «народный гнев неясно каких сил» в нечто, имеющее хотя бы самые общие признаки политических целей и задач, структурировать возникший хаос, на ходу конструируя и строя то, что должно стать похожим на народную

армию и государство, а ведущаяся ими борьба – на народно-освободительную. И при этом действовать, избегая собственного военного присутствия де-юре, которое могло бы быть оценено международными институтами как оккупация или аннексия. Глобальная ситуация «кто кого», главным сюжетом которой является стремление США Россию уничтожить всеми средствами, наиболее острым из которых сегодня является озлобленно-остервенелый украинский таран, будет только обостряться – до тех пор, пока кто-то из борющихся не рухнет: от собственной слабости, от внутренних противоречий или под действием внешних сил, каковые действуют даже на стороннего наблюдателя. И стратегическая цель России теперь не может быть сведена к контролю над каким-то количеством областей Украины. Придется снова формировать мощный защитный пояс из лояльных и максимально зависимых государств. Противники же – прежде всего это США – сами по себе от своих целей не откажутся и сами по себе не ослабнут. Следует действовать вместе с союзниками, в том числе и временными, используя их силу, учитывая их интересы и цели, стараясь во взаимодействии с сильным не потерять, а приобрести. Поэтому, говоря и думая об Украине, надо говорить и думать не только об Америке и Европе, но и о Китае и Азии. Надо поддерживать интересы Китая в нашем западном направлении, стараясь использовать его силу, но при этом не потеряться и самим. При всей важности этой военно-дипломатической деятельности главным для России я бы считал поиск ответа на вопрос: как Америка и Европа смогли принудить одних русских убивать других русских? Ответ лежит в осознании порочности доминирующей идеологии, которой живет Россия последние 25 лет. Пока она доминирует – Россия идет к гибели, в том числе и в форме взаимного истребления. Вот мой общий, быть может – метафоричный, взгляд на события вокруг Украины... Он не совпадает ни с мнением истероидно-либеральной «интеллигенции», захлебывающейся в конвульсиях «прости нас, Украина» и трижды в день объявляющей о личном решении «пора сваливать», ни с мнением патриотической интернет-кавалерии, требующей немедленных военных побед, предрекающих эсхатологические последствия для России, если сегодня же не будет взят Донбасс, а лучше – Киев.

– Похоже, Сергей Николаевич, все основные политические темы мы исчерпали. Давайте теперь перейдем к экономике.

– Самый популярный лозунг «патриотического крыла»: уберите экономический блок правительства! Далее следуют фамилии: Шувалов, Дворкович, Набиуллина, Улюкаев и так далее. Ни за одного из них я не заступлюсь и еще добавлю многих, но не считаю этот лозунг ни правильным, ни своевременным. Своевременный и правильный лозунг должен содержать целеуказания в области политики и экономики, должен опираться на технологические карты достижения поставленных целей. А вот когда «цели ясны», когда ресурсы просчитаны, что и как делать – известно, тогда можно подбирать исполнителей на все те должности, которые сейчас занимают названные деятели. Не они определяют экономическую политику, а президент страны. И в этой политике я с ним не согласен. По всей видимости, и он не согласится с моими предложениями, буди они ему высказаны. Я так предполагаю, потому что есть позиции авторитетных экономистов, которые мне близки и чьи голоса доносятся до президента. Я не буду в рамках интервью пытаться даже кратко излагать пункты необходимой стране экономической политики – мы в альманахе этим занимаемся из номера в номер

Александр Морозов. Сельская бесплатная школа. 1865 год

Сердцем России является образование, направленное на воспитание. Если образование не нацелено на воспитание человека и гражданина, жизнь из России уйдет, вытечет по капле.

и будем заниматься впредь. Отмечу лишь, что ни за рекомендациями «альтернативных экономистов», ни за нашими выступлениями пока не следует никаких изменений. Стало быть, либо Путин «с нами» не согласен, либо мы пребываем в иллюзии в отношении его возможности поступать так, как он думает и считает нужным. Так что экономика – вопрос острый, важный, но не он один является критически слабым местом.

– А что, на ваш взгляд, является такой зоной основного риска?

– Самым опасным, трагическим, труднее всего восстанавливаемым я считаю всё происходящее в области образования. И снова не стану трепать фамилии Фурсенко и Ливанова. Они реализуют ту политику, какую им приказано реализовывать. А политика эта – ошибочна. Причем не столько в той жуткой конкретике деградации всех ступеней образовательной системы, не столько в утрате критериев, кадров, институтов – хотя что же может быть ужаснее названного? Ужаснее, трагичнее названного является смена смысла, цели образовательного процесса как такового. Произошло это сразу, в первые дни разрушения государства, поскольку те, кто его уничтожал, очень точно знали и знают, где находится сердце у живой России. Сердцем России является образование, направленное на воспитание. Если образование не нацелено на воспитание человека и гражданина, жизнь из России уйдет, вытечет по капле. Не хочется перечислять сейчас все орудия пыток и казни образования, примененные в России за последние 25 лет: «болонская система», «ЕГЭ», «ювенальная юстиция», «реформы вузов», «критерии эффективности» и прочая, и прочая... Перефразирую Достоевского: всё дозволено, если образование не должно воспитать человека и гражданина – нравственного, культурного, знающего и умеющего. Образование и культура должны быть единым комплексом, сложным образом согласованным пространством, в котором человек растет, развивается, формируется как личность, способная к творчеству и к восприятию творчества, обладающая культурными потребностями.

– Сергей Николаевич, образование – это наша общая боль, и если в той области, которую мы обычно называем политикой или практической политикой, власть предпринимает правильные и продуманные действия, то в образовании всё не просто глухо, но становится лишь хуже и хуже. Ну, это отдельный разговор. А я еще хотел спросить вас вот о чем. Говоря о политике, вы четко и систематически изложили свое кредо, объяснили, в чем вы согласны с властью, а в чем – нет. Но политикой невозможно заниматься исключительно рационально. Очень многое начинаешь понимать гораздо точнее и тоньше, когда для анализа того, что происходит, включаешь, например, такое чувство, как вкус. Вкус в политике – это очень важный инструмент для восприятия – на каком-то иррациональном уровне – текущего момента. Поэтому хочу поинтересоваться у вас, насколько вы доверяете своему политическому вкусу? Кто вам нравится – а кто, напротив, откровенно не нравится? Как вы понимаете, я имею в виду как раз именно интуитивные симпатии и антипатии.

– Спасибо за тонкое, неочевидное наблюдение: наличие вкусового отношения к политике. Именно вкусового, а не «близок» или «неблизок» по своим взглядам. Причем это не то же самое, что харизматичность, например, или артистичность – качества, которые в политике, особенно публичной, ценятся высоко. Харизматик влияет на всех или почти на всех. Но при этом остается место и такому тонкому флюиду, как «а на мой вкус...» «Он мне нравится» – если выйти за пределы эротизмов всех направлений – означает близость к образу идеального и одновременно должного. То есть вот на этом месте идеальным был бы именно такой. «Такой» – это сложная сумма внешности, пластики, манеры речи, происхождения, этничности... Политтехнологи стараются учитывать, прогнозировать фактор симпатии-антипатии. Но чаще всего их приглашают «продвинуть» не наиболее приемлемое из многих лицо, а конкретного человека, который и является заказчиком. Тогда приходится его как-то «облагораживать», легендировать его личность, приукрашивать плакатную внешность... Но и у этих технологий есть свои пределы и ограничения. Электоральные технологии во многом строятся на театральных законах. Выборы – это грандиозное мистериальное шоу. Точное соответствие облика роли и образу имеет значение зачастую более важное, чем глубинные смыслы предлагаемой идеологии. Ведь все говорят примерно одно и то же, но одному – «верят», другому – нет. Один – «нравится», другой – почти что противен. И вот эта самая «противность» может обрушить в глазах простого избирателя любые распрекрасные идеологии. Обсуждать публично внешность человека – в большинстве случаев просто неприлично. Но есть исключения. Обсуждать соответствие или несоответствие внешности актера образу, исполняемой роли – вполне допустимо, принято и широко распространено. Восхищение выбором режиссера артиста Владимира Толоконникова на роль

Шарикова в «Собачьем сердце» уместно, хотя вряд ли это лицо доставляло его владельцу в жизни одну только радость. Обсуждение публичного политика с точки зрения его внешности не столь принято, но, я считаю, не только допустимо, но и оправданно. «Простой народ» и в частных разговорах, и в публичном пространстве социальных сетей делает это, не ощущая никаких ограничений. Известных политиков и государственных деятелей часто обозначают как «рожа», «харя», «мурло» и так далее. Вынося за рамки вопрос о вежливости и хамстве, отмечу, что политические аналитики и политтехнологи должны с холодным сердцем исследовать и принимать во внимание этот аспект. Но есть проблема и посложнее: если говорить о вкусах не по отношению к человеку, политику, а к политической системе, к идеологии. Здесь ведь тоже далеко не всё решается на уровне рацио. Тут очень много эмоционального. Нарочито упрощенно говоря, если ничего не знать об истории фашизма в XX и XXI веках, а прочитать изложение основных принципов, то на рациональном уровне может не возникнуть сильного отторжения. Так, некие замечания, уточнения – а в целом, «нормальная» программа. А вот практика применения, реализации неких принципов может дополнить их весьма негативным содержанием и вызвать соответствующие эмоции. Если я сейчас загляну «себе в сердце» (после омерзительного избирательного шабаша 1996 года «голосуй сердцем» стало трудно апеллировать к этому инструменту, но тем не менее...) и без гнева и пристрастия посмотрю на наших политических лидеров, то ни один из них не вызовет у меня чувства «нравится». Все больше или меньше «порченные».

Большой театр, Консерватория, Зал Чайковского, Театр Станиславского и Немировича-Данченко – вот основные площадки моих интересов. То есть мои пристрастия – музыка и музыкальный, оперный театр.

Лидер – это не тот, у кого больше всех власти. Лидер – это тот, кто владеет умами и сердцами, видит будущее, описывает его и зовет за собой. Такого у нас нет.

– Сергей Николаевич, так как интервью юбилейное, то позволю себе не только допустимый, но даже принятый в подобных случаях вопрос из разряда, так сказать, неполиткорректных. Вы кому-нибудь завидуете? Присуще ли вам сопоставлять собственные успехи с успехами других?

– Сейчас-то я, несомненно, свободен от зависти. Как и почему – постараюсь ответить, но сперва попытаюсь вспомнить свою молодость. Был ли я всегда лишен зависти? Наверное, нет, но что-то конкретное вспоминается с трудом. Ну, наверное, я мог завидовать юноше, которого мне предпочла симпатичная мне девушка. Но это, вообще говоря, не зависть, а ревность. Чувства близкие, но не одно и то же. Могу вспомнить немало случаев, когда кто-то добивался больших, чем я, успехов при объективно равных стартовых возможностях. Но каждый такой случай мне понятен в мельчайших деталях: где-то я не проявил нужных качеств, где-то сработали связи, которых у меня не было, где-то помог или помешал случай... И никакой зависти – когда всё понимаешь – не бывает. Как только понял природу и алгоритм возникновения чувства, эмоции – они уже не властны над тобой. Ты над ними властен. В этом состоит основа той методики управления миром эмоций, которую я излагаю в книге «Искусство жить». Надо научиться задавать самому себе правильные вопросы – вот и всё. Есть и другой аспект проблемы. Я в основном определился в пространстве ценностей, хотя по-прежнему воспринимаю этот процесс как динамичный. Я почти никогда не хочу чего-то, чего у меня нет. Если же подобное желание возникает, то оно либо становится конкретной целью, задачей, которую я спокойно ре-

Массовый восторг вызвало выступление француза Люки Дебарга (на фото), а присуждение ему «всего лишь» четвертой премии – всплеск недовольства. Меня Дебарг тоже потряс своим выступлением во втором туре – фа-минорная соната Метнера и «Скарбо» Равеля.

шаю, либо отвергается. Я уже очень многое попробовал, много видел и познал. Я не жажду карьеры в системе власти, не стремлюсь к богатству. Могу, однако, спокойно принять и то и другое. Или же отвергнуть и то и другое, хорошо зная, чем за это придется расплатиться в своей каждодневной жизни, в своем моральном выборе, в отношениях с друзьями. Я почти свободен от ненужной самоидентификации, которая так мучает очень многих. Я двигаюсь по направлению к состоянию отсутствия всякой идентификации: я – это я, «просто существо», я – это жизнь как таковая. Все ипостаси, все одежды, которые мы на себя надеваем: я – физик, я – писатель, я – начальник, я – патриот, я – либерал, я – москвич, я – турист и так далее, – это вещи реально существующие, и я не предлагаю ни себе, ни другим от них отказаться, сесть в позу лотоса под деревом бодхи и уйти в нирвану. Но я предлагаю самому себе и остальным не давать этим ипостасям заслонять от личности ее единственную подлинную сущность, каковая лишена всяческих идентификаций. Вплоть до отсутствия отделенности от всего остального мира.

– Вы живете очень интенсивной культурной жизнью: регулярно слушаете оперы, классическую музыку. Что это – дань моде, стремление соответствовать определенному имиджу или внутренняя потребность?

– Конечно, потребность. Причем потребность, которая с возрастом только усиливается. О, если бы мне кто-нибудь – скажем, министр культуры – выписал некий пропуск, позволяющий проходить в любой театр без билета... У меня был такой знакомый, старший товарищ, ныне уже покойный, который действительно ежедневно ходил в театры. Волшебного пропуска у него не было, билеты приходилось «доставать». Года примерно с 1946-го и до 2011-го – года своей смерти – он не пропустил ни одного спектакля, концерта. Был настоящим знатоком, эрудитом, особенно в области балета. Я бы, пожалуй, так – ходить каждый день – не смог: мне нужно «прийти в себя» после музыкальных впечатлений. Но ходил бы очень часто. Большой театр, Консерватория, Зал Чайковского, Театр Станиславского и Немировича-Данченко – вот основные площадки моих интересов. То есть мои пристрастия – музыка и музыкальный, оперный театр. Драматические театры вызывают у меня не интерес, а довольно сильное раздражение. Положение дел в драматических театрах я оцениваю как катастрофическую деградацию. Прежде всего – режиссуры. И проблема снова упирается в смыслы: зачем нужны театры, кино? Многие нынешние «деятели от культуры» считают, что кино и театры – такая же отрасль экономики, как любая другая, что и кино, и театры должны давать прибыль. А прибыль достигается массовостью, а массовость обеспечивается рекламой и, увы, пошлостью. Поэтому, например, некто «кот Матроскин» одной рукой отгребает из нашего с вами бюджета огромные деньги «на содержание», другой допускает на сцене матерщину, заявляя, что, мол, «не надо отворачиваться от реальной жизни». А ежедневный аншлаг выводит любой театр из зоны не то что критики, а просто здравой аналитики. Есть, конечно, и хорошие театры, и хорошие режиссеры. Например – театр-студия Петра Фоменко. Но главное для меня, конечно, музыка.

– Но вы тем не менее буквально профессиональный театрал. Мне доводилось читать ваши рецензии только что прослушанных постановок, и они впечатляли отточенностью суждений, профессионализмом. Во всяком случае, театральная и

музыкальная критика – это, несомненно, близкая вам сфера.
– Да, по мере накопления впечатлений и просто долгого зрительского опыта возникает потребность высказаться. Раздражителями обычно выступают те спектакли, которые не понравились. Например, связанные с экспериментами в области оперной режиссуры, так называемая режопера. Примитивная политизация любого – хоть и античного – сюжета стала непременным атрибутом: без прямого присутствия или явного намека на Сталина, Берию и ГУЛАГ нашим режиссерам обойтись бывает трудно. Непременно надо также раздеть догола как можно больше героинь и героев... И даже с этим можно было бы смириться, если бы всё было спето и сыграно на должном уровне. Но ведь и это – большая редкость.

– Какими последними впечатлениями от увиденного на сцене или услышанного с нее вы могли бы поделиться?
– Я всё еще пребываю под впечатлением от последнего конкурса Чайковского. Я его смотрел не отрываясь от начала и до конца благодаря трансляциям в Интернете. В основном я слушал пианистов. И там было и чем насладиться, и от чего поволноваться, и чем возмутиться... Как, впрочем, и всегда на конкурсе Чайковского. Массовый восторг вызвало выступление француза Люки Дебарга, а присуждение ему «всего лишь» четвертой премии – всплеск недовольства. Меня Дебарг тоже потряс своим выступлением во втором туре – фа-минорная соната Метнера и «Скарбо» Равеля. Было ощущение гениальности исполнения. И осталось навсегда. Но у конкурса свои критерии. Если бы первая премия присуждалась за самую выразительную интерпретацию, прозвучавшую в ходе конкурса, то, конечно, Дебарг претендовал бы на высшее место. Но для победы надо сыграть не один раз гениально, а все три тура хорошо... Так что я с решением жюри согласен. А победитель – Дмитрий Маслеев, – несомненно, выдающийся музыкант.

– А что побудило вас выпустить книгу – своего рода компендиум музыкальной классики с выборкой фрагментов произведений «на цифре»?
– Я всю жизнь собирал грампластинки, их у меня – старых виниловых и даже еще шеллачных – свыше тысячи, а потом пошли компакт-диски, в последнее время – цифровые записи, хранящиеся в компьютере. Слушать музыку для меня – постоянная потребность. Когда я был совсем маленьким, в квартире постоянно звучала радиоточка. Теперь почти постоянно звучит радио «Орфей». И я уверен, что именно программы, передававшиеся «по радио», стали для меня той почвой, на которой впоследствии всё и выросло. Потом появились магнитофоны, но они использовались мною вовсе не для классической музыки, а для рок-музыки, для «Битлз» и всех остальных гениев жанра образца 60-х... Мысль о том, чтобы сделать подборку популярных произведений инструментальной классики, пришла в голову естественным образом, поскольку то музыкальное собрание, которое имелось и имеется у меня дома, в сущности, и есть такая подборка, только очень большая. Надо было сократить ее до «самых-самых». Так и родилась книга «Узнаваемая классика», в которой собраны и сами произведения, и краткие их описания.

– Сергей Николаевич, спасибо вам за беседу – хотя и организационно несколько странную, поскольку это интервью является фактически обычным рабочим обменом мнениями внутри редакции, правда, по юбилейному поводу. И поэтому в моих заключительных словах – а классика жанра требует, чтобы они были сказаны именно берущим интервью, – я хотел бы вернуться к нашему предприятию – альманаху. Проект, безусловно, состоялся и занял свою нишу. И это, может быть, одно из самых значимых событий, которое прежде всего вы сами, а также мы все вместе – я имею в виду коллектив редакции – можем приурочить к вашей круглой дате. 13 номеров – это ценный опыт, благодаря которому ясно, куда и как двигаться дальше. Поэтому хочется пожелать вам и новых интересных номеров альманаха, и в то же время продолжения вашей неимоверной активности – интеллектуальной, писательской, политической, культурной – за пределами редакции, тем более что эта активность в конечном итоге помогает вам нащупывать актуальные и востребованные темы новых номеров, находить интересных и нетривиально мыслящих авторов, словом – продвигать проект «Развития и экономики».
– Снова, как и в самом начале нашего разговора, воспользуюсь правом главного редактора и все-таки оставлю последнее слово за собой – вопреки, как вы сказали, классике жанра. Конечно, спасибо вам за пожелания, но со своей стороны я должен сказать, что в том, что проект состоялся, заслуга не только моя, но и всего нашего коллектива и особенно издателя. А сегодняшний юбилейный повод – это всего лишь предлог подвести некоторые промежуточные итоги и наметить те рубежи, которые непременно надо взять. И в плане развития и продвижения альманаха, и вообще в дальнейшей жизни.

6 июля 2015 года

EDITORIAL COLUMN

Mikhail Baidakov, Sergey Belkin

Russia, concentrate! – 3

The publisher and the editor-in-chief of the literary miscellany analyze the current political situation. The possible scenarios of its development against the backdrop of sanctions and further deterioration of relations between Russia and the West due to Russia's position on the crisis in Ukraine are discussed. The authors consider the hardest challenges to the country that have already appeared or will arise in the near future. The changes in the domestic policy of Russia to be implemented in order to withstand the pressure from the outside are indicated. The state of the modern Russian elite is separately considered, it is said about how and in which direction this elite should change so that Russia could hold out against the backdrop of crisis.

DEVELOPMENT ENVIRONMENT

Vladimir Yakunin

Globalization and Capitalism – 6

The head of JSC "Russian Railways" and WPF "Dialogue of Civilizations", as well as Board of Trustees of the Holy and All-Praised Apostle Andrew the First Called Fund and the Centre of National Glory reflects on the origins, content and probable prospects for the process of globalization. The author shows that the modern globalization in the form in which it is imposed on the world by the USA is the most acute and severe form of the struggle of the American establishment for world domination. However, the article also deals with the objective preconditions of globalization, and an attempt to present in general terms the model of globalization that would meet the interests of all mankind.

Interview with Giulietto Chiesa

"The USA is ready to do anything, if only to maintain their global domination by all means" – 20

An Italian journalist and politician presents his own view on the immediate prospects for the development of the international situation and indicates a high degree of probability of setting off a major war, which is beneficial to the United States seeking to prevent the strengthening of their geopolitical competitors, among which Russia nowadays occupies the first place. Giulietto Chiesa explains how the conflict in Ukraine falls within these plans of the American leadership for weakening of the main competitors of the USA. The interview deals with the forms of social consolidation to counter such plans of the USA, which are the most effective according to the interviewee.

Sergey Belkin

Four Dreams – 48

The editor-in-chief of the literary miscellany describes the concept of the national dream as a semantic and cultural quintessence of ideology through the example of four civilization projects of this kind: the American, European, Chinese and Russian dreams are discussed. The origins and specific features of each of the four projects are analyzed, their prospects and resistance to challenges of the globalization unifying national characteristics. Particular attention is paid to the Russian dream, ups and downs of its development, especially against the background of the last century, a conclusion on its weaknesses, as well as those features that can become factors of national mobilization is made.

Georgi Derluguian

Sovereign Bureaucracy. Preliminary Results of Understanding of the Phenomenon 30 Years After the Beginning of Perestroika – 64

The author analyzes the processes of transformation experienced by the Russian bureaucratic elite during the long period of time – from the late Soviet era of the perestroika eve till present. Therewith a rich potential of best practices of the modern Western socio-humanistic thought is involved. The researcher makes a thorough inventory of this potential and demonstrates exactly what kind of concepts of Western researchers may become effective tools for understanding of that transit from the Soviet to the post-Soviet state experienced by the Russian bureaucracy, and what changes may happen to it in the near and distant future.

Vadim Trukhachev

Global Approach and Attention to the Details: Russia's Success in the World – 76

The article reviews Russia's foreign policy towards various mega-regions of the planet and clusters of different countries, as well as neighbouring states and the rest of the world, including very distant areas. The author concludes that due to its geographical position Russia is destined to be a world power. However, Russia needs to get rid of her usual erroneous position: to give priority to the world's leading powers and to ignore those who are not leaders of the development process. Therefore, Moscow has to work out its policy very carefully and consider the interests of minor states.

PHILOSOPHY OF DEVELOPMENT

Yuri Osipov

Russian Roulette – 86

The article is an attempt to find some kind of civilizational codes of the Russian history and culture, to demonstrate with specific references how these codes work and how they determine the transformations and changes that have happened to Russia throughout the course of its more-than-millennial history. The author shows how these codes identified by him may become the basis for the design of genuine, and not imitative development of Russia, how they should be used at critical moments of national life, one of which can be considered the current situation of a new cold war, which the West has declared against Russia.

Vladimir Maliavin

Sharing World, Sharing Word. About Some East-West Parallels – 100

The concepts of the author about the phenomenon of compatibility and the possibility of a different view of the dialogue space as a cultural phenomenon, resulting from critical rethinking of this phenomenon, are further developed in the article. The researcher compares the reflection of these problems in the Chinese and Occidental cultures and points to the logical error in understanding the phenomenon of compatibility made by the Western Modern, as a result of which the Western culture became nihilistic and destructive. The article gives examples of the monuments of the Chinese philosophical thought, in which a fundamentally different model of cultural dialogue is manifest.

Oleg Bakhtiyarov

Thoughts About the Civilization of Will – 108

The author considers the abnormal conditions of the national society as launch pads for its mobilization development in crisis situations. The article also deals with the conditions necessary for such thrusts, the main of which is different anthropology, a different type of human beings, capable of internal activity not due to incentives and regulations. According to the author, the new project of development of Russia will inevitably be associated with a targeted "production" of such new people. The above view is considered in the context of similar opinions, according to which the humanity will be able to overcome stagnation penetrating it only through the development of new qualities.

ANNIVERSARY

Aleksandr Belkin

On the Occasion of Bicentenary of the Birth of Pyotr Pavlovich Yershov – 116

In the traditional column of the literary miscellany, dedicated to anniversaries, the work of famous Russian poet, writer and playwright Pyotr Yershov is considered. The author pays particular attention to the most famous work of this writer – the fairy tale "The Little Humpbacked Horse". The author discusses the most vivid expressions of this work, included in the daily Russian language, as well as the imagery closely associated with these expressions, which has become an integral part of the Russian literature. The article concerns the importance of this work for the present time – especially in terms of its ability to bind the modern language with its classic examples of 19th century.

DEVELOPMENT MOBILIZATION

Evgueny Balatsky

Mobilization Economy in the Context of Sanctions – 118

The article offers a comprehensive program of transition of the economy in the mobilization regime of existence. The author underlines that this program is not a prerogative of any particular political party – it can be shared by very dissimilar political groups. This is partly due to the fact that such a regime is temporary and should last no longer than 3 years, after which it should be gently got out from. In terms of content the article shows that the transition to the mobilization economy involves the construction of special institutions, with which it is possible to monitor and manage the growth of certain productions.

Aleksandr Ajvazov

Could the Liberal Government Relieve Russia From the Crisis? – 136

The current crisis state of the Russian economy is regarded in the article through the prism of the economic theory, according to which there are four main ways out from this situation in the context of drop in income of the state budget. Firstly, the proportional sequester of the expenditure side of the state budget. Secondly, the issue of government bonds and raising funds from both domestic and global financial markets. Thirdly, an increase in taxes to replenish the budget revenues. Fourthly, the issue of money. Each of the measures is considered in terms of the liberal mainstream and statist Keynesianism.

Viktor Nemchinov

Mobilization: Anthropological Dimension – 144

The author analyzes the phenomenon of economic and socio-political mobilization in terms of the changes that occur in the process and the result of this phenomenon in the human person. The reverse problem is also discussed: what qualities the individual must have so that the mobilization practices implemented by the community of such individuals are stable and successful. The article concerns the experience of the Soviet mobilization, its strengths and weaknesses, as well as the reasons for the final failure of the Soviet mobilization experiment. It also assesses the mobilization experience of countries, which implemented a successful authoritarian modernization.

PAIN POINTS OF THE DEVELOPMENT

Aleksandr Khramchikhin

The War in Ukraine: Preliminary Results and Probable Prospects – 160

This article deals with the origins of the military conflict in the east of Ukraine, as well as with the setup of interests at the beginning and throughout the subsequent development of this conflict of both parties – the official Kiev regime and its opponents in the regions, which have become the hotspots of resistance to the new Ukrainian government in the spring of 2014. The author analyzes in detail the military component of the conflict, assesses the military technical equipment of the parties and the losses they suffered during the conflict. It is concluded in the article on the real scenarios of the further course of the war, on the possible change in the official position of Russia in connection with the next completion of the active phase of confrontation.

Mikhail Ostromensky

The Ukrainian Endgame – 172

The author analyzes the ideological and political background of the civil war in Ukraine and attempts to develop the foundation of the political line, which, in his opinion, Russia should adhere to in a situation of conflict in the neighboring country. According to the author, it is necessary to point out those, with whom it is possible to set up a meaningful dialogue with the subsequent generation of grounds for cooperation, among those who currently oppose to Novorossia. Such forces as proved in the article are the representatives of the Ukrainian nationalist movement, which at the moment are only situational allies of the pro-American regime in Kiev.

CONGRATULATION

Sergey Belkin

Occasional Encounters – 200

Two features of this section are dedicated to the sixty-fifth anniversary of the editor-in-chief of the literary miscellany. The first one is his memories about certain episodes of his life. For example, he narrates how he became a socio-political issue author or how he learned to live in Moscow after his moving from Moldova in the early 1990s. Sergey Belkin shows what principles are vital for him and how he has found them. He also answers the question of why he considers himself a happy man and in what circumstances this epicurean attitude has been developed.

Interview with Sergey Belkin

"The leader is not the most powerful person, he is a person who reigns over the hearts and minds of his people, sees the future, describes it and calls after him" – 206

The second feature is the interview of the editor-in-chief of the literary miscellany Sergey Belkin who recounts his vision of the current political situation in Russia, expresses his attitude to Vladimir Putin and thoughts about the prospects of the leading Russian political parties, as well as the desirable configuration of party system and electoral competition in present-day Russia. He also addresses other issues. In particular, he talks about the role of classical music and theater in his life and explains why he does not feel tired in spite of his busy life.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 222

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 224

Founders of the literary miscellany sum up the issue's materials and announce the main themes of the following issue.

В № 12 (февраль, 2015) альманаха «Развитие и экономика» на странице 155 вместо помещенного во врезе под фотографией текста следует читать: «Партизан как самозваный суверен в отличие от солдата всегда лично отвечает за результаты своих действий и перед товарищами, и перед противником. Партизан, таким образом, выпадает из-под действия международных договоренностей о правилах ведения войны».

Итоги и перспективы

Многоцветная палитра настоящего номера в какой-то мере отражает сложность, многофакторность процессов, происходящих в современной жизни страны. А эта жизнь многомерна. В ней есть и политический, и экономический, и культурный, и метафизический аспекты. Самый известный – в основном потому, что о нем больше всего и громче всего говорят, – экономический. Он же и самый простой для анализа и понимания. Ошибочность всего комплекса экономических целей, факторов и инструментов управления хозяйственными процессами – очевидна: просто по достигаемым результатам. Но скатывание к границе, за которой пропасть, – продолжается. Итогом этих заблуждений может стать или критически плачевное положение граждан, готовых пойти за уличными политическими говорунами, или критическое состояние элиты, которое позволит ей до начала народных волнений понять пагубность избранного пути к личному обогащению, ненадежность гарантий, обещанных западными покровителями. Если элита, осознав такое свое положение, найдет в себе достаточный интеллектуальный и нравственный ресурс, она сможет мобилизовать общество, изменить направление движения и отскочить от катастрофы, от черты, за которой начнутся необратимые деструктивные процессы, и, оседлав протуберанцы народных чаяний, предложить стране и самим себе новую парадигму жизнеустройства. Сложность не в том, что некий «лучший» проект не может победить «худший» в процессе их сопоставления, а в том, что нет процесса их сравнения и анализа: ни институтов, ни арбитров, ни критериев. Борьба не идет за «лучший» проект развития, борьба идет за выживание кланов. В проектном же мышлении кланов роль инстинктов выше, чем требуется для социально значимых решений.

Часто кажется, что воздействие на хитросплетенные внутренние процессы находится вне сферы влияния теоретических изысканий, идей и образов. Однако история преподносит нам на сей счет поучительные примеры обратного. Так, марксизм, зарождавшийся в голове своего создателя, сперва не выходил за рамки «независимой экспертизы», потом стал популярной доктриной, а в конце концов – перевернул весь мир. И лидеры мировой политики, под тяжкими ударами которых корежился мир конца XIX – начала XX века, в большинстве своем не считали фактором, достойным серьезного внимания, идейную систему, распространявшуюся по миру с помощью таких слов, как «классовая борьба», «прибавочная стоимость», «производительные силы и производственные отношения», «диктатура пролетариата»...

История, однако, став «историческим материализмом», похоже, и впрямь обрела субъектность: в глобальных процессах всё чаще и явственнее стало обнаруживать себя целеполагание. Советский Союз стал первым, но не единственным примером «проектного государства». Да и далеко не с первых лет своего существования его можно отнести к «проектным»: социализма еще не существовало, каким он будет – никто, включая большевистских лидеров, не знал. Были провозглашены некие общие принципы, а в каких конкретных формах их предстоит реализовать – известно не было. В этом смысле опыт строительства социализма в СССР – эксперимент. В нашей стране эксперимент завершился, в других странах он продолжается, воплощаясь в разные, во многом не похожие друг на друга формы: от «шведского социализма» – до социализма китайского или вьетнамского.

Полный отказ от собственного опыта с любой точки зрения не выглядит оправданным. Семидесятилетний период строительства социализма в СССР – не черная дыра истории и не коридор ужасов, а огромный, дорогостоящий экспериментальный материал: если рассматривать его со стороны, так сказать, теоретической. А со стороны практической – это та материальная база, которая и сегодня составляет основу жизни государства. Бездумное охаивание прошлого, характерное для нашей жизни на всех этажах общества, давно приносит один только вред. Надо научиться смотреть в прошлое добрым и рациональным взглядом и, не оглядываясь на чужие доктрины, не следуя в фарватере ложных ценностей к чужим целям, воспользоваться, наконец, собственным наследием, рачительно сохраняя всё ценное, пригодное, знакомое и родное. В следующем номере мы попытаемся поговорить об СССР – как об «опыте», как об «уроках», которые следует знать, а знанием – пользоваться во благо страны.

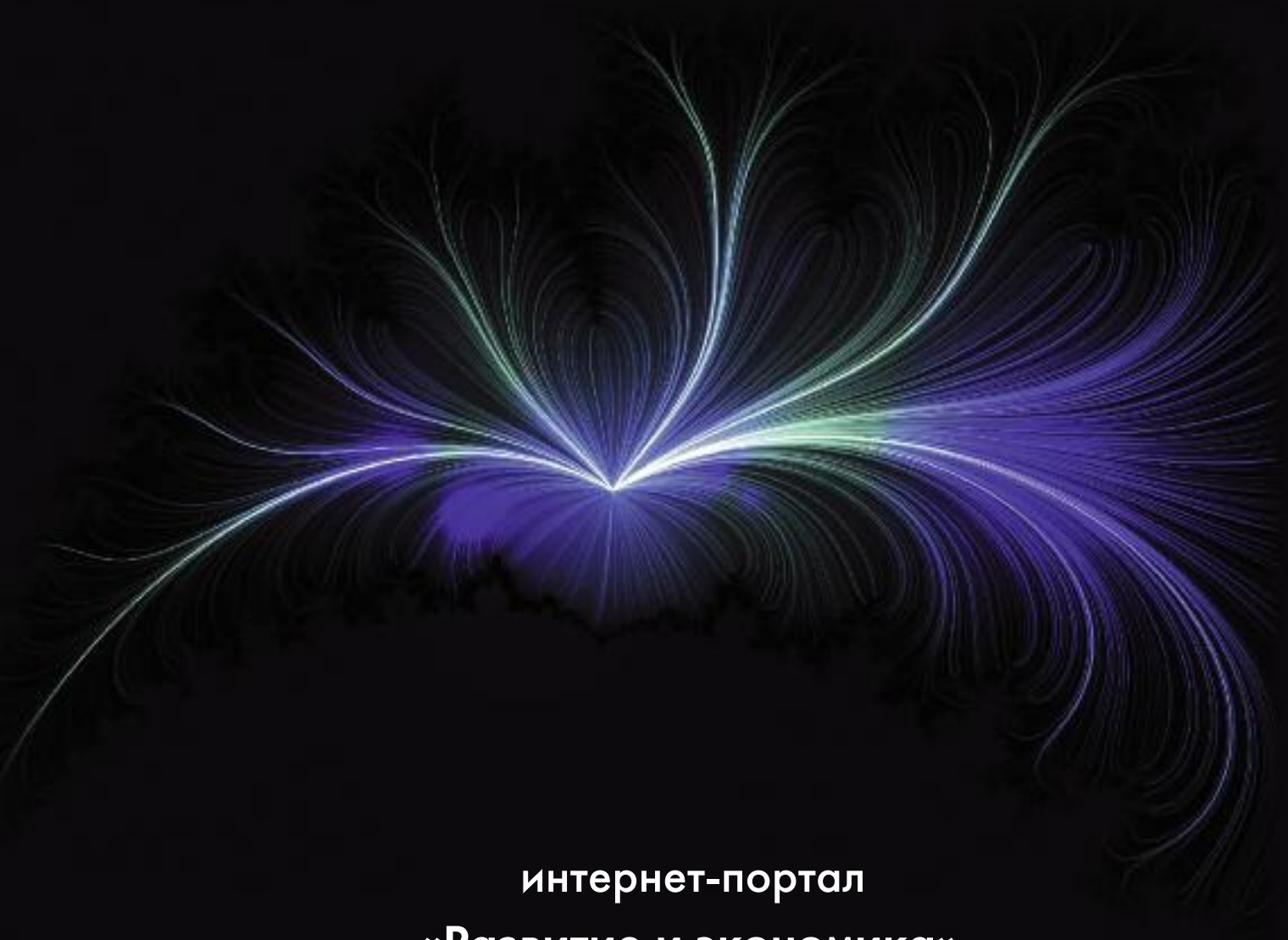
Учредители

миллениум банк зао

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru



интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.)